

З.Д.КАТКОВА
Ю.В.ЧУДОДЕЕВ

КИТАЙ-ЯПОНИЯ

ЛЮБОВЬ
или
НЕНАВИСТЬ?

З. Д. Каткова, Ю. В. Чудодеев

**КИТАЙ — ЯПОНИЯ:
ЛЮБОВЬ ИЛИ НЕНАВИСТЬ?**

**К проблеме эволюции
социально-психологических и политических
стереотипов взаимовосприятия
(VII в. н. э. — 30–40-е годы XX в.)**

ББК 88.5 (5Кит + 5Я)
К29

Рецензенты:

кандидат исторических наук *В. А. Корсун*,
кандидат философских наук *В. Ф. Феоктистов*

К29 Каткова З. Д., Чудодеев Ю. В.

Китай — Япония: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н. э. — 30–40-е годы XX в.). — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2001. — 376 с.

ISBN 5-89282-165-X

В монографии впервые в российском Китаеведении предпринята попытка наметить основные черты и проследить вехи в эволюции стереотипов китайско-японского взаимовосприятия, выявить те его компоненты, которые проявляются и в современном подходе китайцев и японцев друг к другу. Книга помогает глубже понять определенные тенденции межнациональных отношений в современных условиях и предназначена для сравнительно широкого круга читателей, интересующихся проблемами истории и социальной психологии.

ISBN 5-89282-165-X

ББК 88.5(5Кит.+5Я)

© З. Д. Каткова, Ю. В. Чудодеев, 2001
© Институт востоковедения РАН, 2001
© Крафт+, 2001

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Формирование и эволюция традиционных стереотипов китайско-японского взаимовосприятия в период средневековья	9
Глава 2. Кризис традиционного восприятия Японии. Революция Мэйдзи и отклик Китая	34
Глава 3. Вызов традиции: новый взгляд на Японию (конец XIX — начало XX вв.)	75
Японская модель развития в интерпретации китайских реформаторов	75
Особенности восприятия Японии различными кругами китайской общественности накануне Синьхайской революции	94
Япония глазами Сунь Ятсена (900-е годы XIX в.)	114
Глава 4. Японское давление и реакция Китая (10–20-е гг. XX в.)	143
«21 требование» 1915 г.	143
«Движение 4 мая» 1919 г.: взрыв антияпонского национализма	175
Япония в оценке Сунь Ятсена конца 10-х — начала 20-х гг.	189
Глава 5. От противостояния к войне	202
Япония в оценке лидеров Гоминьдана (Чан Кайши, Дай Цзитао, Чжан Цюнь). 1928–1937 гг.	202
Агрессия Японии и реакция Китая	237
Заключение	288
Примечания	296
Библиография	333
Указатель имен	361
Summary	368
Contents	371

ВВЕДЕНИЕ

Проблема отражения на различных уровнях общественного сознания взаимоотношений того или иного социума с окружающим миром за последнее время получила значительную актуальность. Складывающиеся на протяжении сравнительно длительного времени стереотипы восприятия («образы») других стран и народов, неся на себе определенную социальную нагрузку, в массовом сознании обладают значительной инерционностью и могут выступать в качестве достаточно устойчивого традиционного фактора. В настоящее время уже очевидна невозможность достоверного анализа состояния и перспектив межгосударственных отношений без учета сложного комплекса чувств и настроений во взаимоотношениях социумов, взаимопроникающих стереотипов и противоречивых представлений, складывающихся под влиянием исторических традиций, идеологической деятельности правящих кругов государств, классовых симпатий или антипатий представителей тех или иных слоев общества. Не преувеличивая степень обратного воздействия на политику такого рода стереотипов и представлений, заметим, что косвенно они влияют на формирование особого, специфического микроклимата во взаимоотношениях между отдельными народами. Примером такого рода являются китайско-японские отношения.

При анализе современных отношений между Китаем и Японией, компонентом которых являются вместе с тем и отраженные в общественном сознании стереотипы взаимовосприятия двух народов, интересно обратиться к прошлому и рассмотреть, какие представления друг о друге складывались у них в процессе длительного взаимодействия. Очевидно, что на формирование этих представлений оказывали влияние многие факторы, прежде всего характер общественных отношений в каждой из стран, характер отношений между странами, наконец, традиции.

Как известно, китайская культурно-историческая традиция в прошлом оказала огромное воздействие на японское общество. В свою очередь Японии принадлежит особое место в исторических судьбах Китая, прежде всего в новое и новейшее время. Географическая близость двух стран, их культурно-расовая общность, а наряду с этим значительное различие исторических путей их развития за последние сто лет (стремительное возвышение Японии на фоне отсталого, полуколониального Китая), наконец, особая агрессивность японского империализма, жертвой которого в первую очередь стал Китай, предопределили и особое место Японии в китайском общественном сознании.

В представленной работе авторы предприняли попытку наметить основные черты и проследить вехи в эволюции стереотипов китайско-японского взаимовосприятия, выявить те их компоненты, которые, трансформируясь, сохраняют определенную устойчивость вплоть до настоящего времени. На этапах новой и новейшей истории эта тема тесно связана с более общей и широкой проблемой отражения в китайском общественном сознании (с присущими ему функциями иммунитета и анестезии) процесса насильственного вовлечения традиционного Китая в современные международные отношения, его приобщения к современной цивилизации, что позволяет глубже раскрыть характер внешнеполитического «мышления» как феодально-консервативной элиты, так и представителей прогрессивных общественных сил. Попытка в систематизированном виде проследить эволюцию представлений в Китае о Японии и выявить роль перцепции образа Японии в контексте китайско-японских отношений представлялась авторам важной как с точки зрения конкретно-исторического исследования определенного этапа становления китайского национализма, так и в общетеоретическом плане, в рамках выявления механизма воздействия взаимного восприятия субъектов международных отношений (на примере отношений Китая и Японии) на выработку стереотипов их внутри- и внешнеполитической пропаганды и их дипломатическую практику. Нет особой нужды доказывать, что в практике современных китайско-японских отношений обеими сторонами активно используются сложившиеся в каждой нации социально-психологические подходы друг к другу. Имеется в виду, в частности, пропагандистская настройка общественного мнения на ту волну восприятия соседа, которая, находя соответствующий

отзвук в исторической памяти народа, в наибольшей степени отвечает интересам проводимого политического курса.

В связи с поставленной темой выскажем несколько общих замечаний. Представления о внешнем мире относятся к сфере идей и, отражая общественные отношения, в известной мере оторваны от них, обладают определенной автономией и своей спецификой развития и проявления. Каждый раз новое представление не уничтожает старого восприятия, а как бы накладывается на него, формируя на протяжении длительного времени достаточно сложный «образ» о внешнем «объекте» (в данном случае — Японии), складывающийся из ряда весьма разнохарактерных компонентов. Социально-психологические стереотипы, в частности, китайско-японского взаимовосприятия, в обоих социумах возникали и формировались прежде всего на элитарном уровне, лишь в дальнейшем становясь элементами массового сознания. Массовое сознание более консервативно, более инерционно, в нем гораздо дольше могут сохраняться элементы или черты стереотипа, которые уже начинают подвергаться трансформации на элитарном, идеологизированном уровне общественного сознания. Таким образом, определенный разрыв в характере восприятия и реагирования между низшим уровнем общественного сознания (массовым сознанием) и его высшим, элитарно-идеологизированным срезом, более гибко отражающим изменения в политике, представляется в достаточной степени закономерным явлением.

В эволюции китайско-японского взаимовосприятия можно наметить три крупные периода:

- 1) период «традиционного общества» в Китае и Японии (условно от установления межгосударственных контактов до второй половины XIX в.);
- 2) период «переходного общества» в Китае, одновременно становления и развития Японии как империалистической державы (вторая половина XIX — первая половина XX вв.). Здесь можно выделить два этапа: от японо-китайской войны 1894—1895 гг. до предъявления Китаю «21 требования» в 1915 г. и от «21 требования» до разгрома Японии во второй мировой войне;
- 3) период послевоенного развития Китая и Японии (точнее от образования КНР до настоящего времени). В свою очередь здесь также можно было бы наметить несколько эта-

пов: пятидесятые годы; конец пятидесятых — начало семидесятых годов; со второй половины семидесятых до сегодняшнего времени.

В представленной работе авторы попытались охватить первый и второй периоды в предложенной периодизации. Рассмотрение китайско-японского взаимовосприятия в рамках этого временного отрезка позволяет выделить как традиционный подход к Японии со стороны китайской феодальной элиты, так и новый взгляд на Японию, характерный для представителей прогрессивных общественных сил, а также изменения в японском подходе к Китаю. Противоречивый «образ» Японии, выявившийся на стыке XIX—XX веков, в значительной мере сохраняет свои основные параметры вплоть до сегодняшнего дня, что дает возможность наметить перспективы и естественные пределы китайско-японского диалога в их отражении китайским элитарным сознанием.

В российской историографии пока отсутствуют обобщающие исследования по проблемам китайско-японского взаимовосприятия. На Западе и в Японии в разное время было опубликовано несколько работ, авторы которых (Такэути Минору, Это Синкити, Ч. Джонсон, А. Уайтинг и др.) попытались выявить некоторые черты китайско-японских представлений и оценок друг друга на различных этапах. Большинство западных авторов, в частности, подчеркивает уникальный характер китайско-японских отношений. С этим мнением в определенной степени можно согласиться, имея в виду прежде всего географическую близость двух социумов, их расовую и культурную общность и т. п.

Сделав акцент на китайском «образе» Японии, авторы использовали работы российских, китайских, японских и западных ученых по различным аспектам китайско-японских отношений, а также по истории китайских общественно-политических движений и общественной мысли конца XIX — начала XX веков (работы С. Л. Тихвинского, А. Г. Крымова, Л. Н. Борох, Л. П. Делюсина, М. Дженсена, Г. Шифрина и др.). Недостаток собственно эмпирического материала для систематического социологического исследования подобного рода авторы стремились восполнить текстологическими выдержками из различного рода документов и широкого круга работ наиболее видных представителей общественно-политической мысли Китая конца XIX — на-

чала XX вв. (Хуан Цзунсяня, Кан Ювэя, Лян Цичао, Сунь Ятсена, Дай Цзитао, Чан Кайши и др.).

Второе издание книги авторы дополнили разделами о китайско-японском взаимовосприятии в 20—40-х годах XX в. Авторы приносят искреннюю благодарность Олегу Ефимовичу Непомнину за ценные замечания и рекомендации, сделанные при подготовке данного издания.

Авторы не претендуют на полноту и всесторонность освещения исследуемой проблемы. Их задача гораздо более скромная — наметить основные черты и проследить вехи в эволюции стереотипов китайско-японского взаимовосприятия, выявить те его компоненты, которые, по мнению авторов, проявляются и в современном подходе китайцев и японцев друг к другу.

Глава 1

ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ СТЕРЕОТИПОВ КИТАЙСКО-ЯПОНСКОГО ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В истории китайско-японских отношений период раннего средневековья в целом характеризуется преобладающим влиянием Китая, находившегося на более высоком уровне общественного развития к моменту начавшихся на рубеже нашей эры контактов между двумя народами. Это влияние со стороны более высокой (китайской) цивилизации ограничивалось преимущественно сферой культуры.

Наиболее ранний материал о японцах (их именовали *вожэнь*) встречается в древнекитайском памятнике «Шань хай цзин» («Каталоге гор и морей») и «Цянь Хань шу» («Истории Ранней династии Хань») (67, с. 108; 112, с. 1)¹. В последнем источнике, в частности, говорится, что «в море радостных волн живут *люди во*, которые объединены в более, чем 100 княжеств. Они ежегодно приезжают к нам и приносят нам дань» (60, с. 5).

В «Шицзи. Цинь Шихуан бэнь цзи» («Исторические записки. Основные записи о деяниях первого императора Цинь») рассказывается о некоем Сюй Фу, уроженце владения Ци, который видел в море три священных горы, где жили небожители (79, т. 2, с. 70)². В «Хоу Хань шу» («Истории Поздней династии Хань») содержатся сведения о послах из Японии к ханьскому двору (60, с. 1).

В хрониках говорится, что в период династии Хань тридцать государств установили отношения с Китаем, среди них «прави-

тель великих карликов», т. е. Японии (см. 276, с. 1, 198, 213). В 57 г. император Гуан У-ди (25—58 гг.) пожаловал царю «страны Идо» (старинное название одного из районов о. Кюсю) золотую печать с надписью: «Хань — царю страны Идо» (369, с. 12—13). Судя по всему, это было одно из первых знакомств японцев с китайским иероглифическим письмом. Позднее, в конце XVIII в. печать была найдена в одной из провинций о. Кюсю и в настоящее время хранится в музее в преф. Фукуока. К 107 г. относится специальное упоминание о правителе Ямато, будто бы принесшем китайскому императору в дар 160 рабов (60, с. 2).

В «Вэй чжи» («Описание царства Вэй», часть памятника «Сань го чжи» — «Описание трех царств», III в. н. э.) уже сообщаются подробные сведения о «стране Яматай», которую японские историки отождествляют с районом обитания древнего племени ямато. В хронике содержатся некоторые указания на государственный и социальный строй, существовавший тогда в Японии, о прибытии послов от царицы Ямато (60, с. 7—22; 112, т. 1, с. 1; 369, с. 13). Н. И. Конрад считает, что подобного рода сведения заставляют предполагать какие-то политические взаимоотношения Японии с царством Вэй: эти посольства возможно направлялись главами больших родов или местных родовых союзов с целью получить от Вэй поддержку в борьбе с соседями и в завоевательных походах (369, с. 36)³. Наконец, хроника «Сун шу» («История династии Сун») содержит упоминания о Японии V в. В ней перечисляются многочисленные походы, которые совершались царством Ямато, и говорится о покорении многих стран — процесс, по всей вероятности, завершивший создание общеплеменного союза на японских островах (60, с. 31—34).

В первые века новой эры (до создания централизованного государства) Япония отставала от Китая в хозяйственном, политическом и культурном отношениях⁴. Она позже Китая вступила в эпоху государственности и социального развития. Некоторые исследователи объясняют это островным положением Японии, отрицательно сказавшимся на ее развитии, замедлившим, в частности, процесс объединения общин и племен, т. е. переход к более высшим формам общественной организации. Ко времени распада родового строя и формирования японской государственности (III—VII вв. н. э.) в Китае, как известно, на протяжении многих веков уже существовала сильная государственная власть, покоившаяся на прочном фундаменте конфуцианско-легистских доктрин.

В китайской историографии вплоть до настоящего времени широко распространено мнение о доминирующем влиянии китайской культуры на материальную и духовную жизнь японского народа при переходе от варварства к цивилизации (см. 104; 112, т. 1; 276). Это мнение достаточно единодушно признается японскими и западными авторами. В частности, директор национального музея в Киото Дзэнрю Цукамото, выражая одно из мнений, существующее в японской историографии, считает, что вплоть до XVIII в. развитие Японии «в основном проходило за счет энергичного и непрерывного заимствования китайской цивилизации» (475, с. 190).

Судя по всему, именно из Китая через Корею японцы восприняли способы плавки меди и бронзы и выделки из этих металлов соответствующих изделий (китайцы и корейцы за несколько веков до конца японского неолита пользовались медными и бронзовыми изделиями). Из Китая в Японию пришла культура шелководства. Влияние Китая сказалось и на повышении уровня земледельческой культуры на Японских островах; под его непосредственным воздействием в Японии складывалась традиция почтительного отношения к земледелию.

Япония с самого начала оказалась частью ареала, в котором прежде всего распространялось сильное культурное влияние Китая, являвшегося одним из наиболее крупных очагов древней цивилизации. Благодаря китайскому влиянию японское общество имело возможность заимствовать и отдельные элементы культуры других стран и народов. Специфика преобладающего влияния Китая на том этапе состояла, однако, в том, что он не стремился насильственным путем навязать Японии свои стереотипы в соответствующих областях. Ханьские императоры, например, претендовали на принятие даров от «народа *во*» (японцев), усматривая в этом выражение зависимости от Китая, но не строили каких-нибудь планов военной экспансии на Японские острова. В тот период Япония не представляла большого интереса для китайских правителей, поддерживавших (вплоть до установления официальных государственных отношений в VII в.) лишь эпизодические связи с вождями японских племенных союзов. На нерегулярном характере этих контактов сказывалась и отдаленность Японии от материковой части Азии, и ее оторванность от мировых торговых путей и событий, разыгрывавшихся на континенте и решающим образом влиявших на судьбы китайской цивилизации.

Эти факторы сами по себе не тормозили процесса воздействия Китая на Японию, который развивался путем своеобразной культурно-политической диффузии, влиявшей как на социально-политическую эволюцию японского общества (особенно в период складывания централизованного государства), так и на становление собственной национальной культуры. Характерной особенностью этого процесса являлась его непрерывность, хотя непосредственные контакты двух социумов в те или иные моменты могли резко сокращаться и даже вовсе прерываться на столетия, особенно в периоды, когда Китай оказывался под властью чужеземных династий (например, в III—VI вв.). В том, что этот процесс воздействия Китая на Японию получил достаточно устойчивый и непрерывный характер, значительную роль сыграли ряд факторов.

Во-первых, в Японии еще до образования централизованного государства в процессе переселений (носящих как добровольный, так и принудительный характер) сформировался довольно многочисленный слой китайских колонистов-переселенцев из Кореи и непосредственно из Китая. Процесс переселения китайских родов в Японию получил интенсивное развитие в IV—V вв. (369, с. 40)⁵. (Значительную роль в этом процессе сыграла Корея, которая раньше познакомилась с китайской культурой и в тот период играла роль своеобразного проводника китайского культурного влияния на Японию) (369, с. 56)⁶. Представители этих групп, выступая прямыми носителями более высокой цивилизации, оказывали постоянное воздействие на социально-политический и культурный «климат» японского общества. Они принесли с собой не только более высокую культуру земледелия и ремесла, но и более передовую идеологию, слагавшуюся из элементов конфуцианства и буддизма. Многие из них входили в окружение японской родо-племенной аристократии, влияя на формирование у нее более передовых взглядов. Именно переселенцы, либо потомки переселенцев китайского происхождения, а также те слои японского общества, которые прямо или косвенно выступали проводниками более высокой китайской культуры, сыграли важную роль в ходе борьбы японских родов в V—VI вв., приведшей к окончательному распаду родового строя и становлению на Японских островах централизованного раннефеодального государства.

Влияние китайской культурно-исторической традиции на Японию и в дальнейшем поддерживалось через многочисленных

китайских эмигрантов, как правило, состоявших из представителей той или иной свергнутой в Китае династии, либо ее сторонников, а также через специально приглашенных японцами китайских философов, буддийских монахов, мастеров-художников, ремесленников, торговцев, врачей⁷. Эти люди, став первыми учителями японцев в освоении более высокой континентальной культуры, по выражению Н. И. Конрада, были не только выходцами из другого мира — китайского, но и «носителями его идей» (369, с. 56).

Во-вторых, заимствовав китайскую иероглифическую письменность, японцы оказались привязанными к китайскому литературному наследию, осваивая которое они и смогли в дальнейшем развивать свою собственную национальную культуру.

Первое знакомство японцев с китайскими иероглифами относится еще к I в. н. э. Н. И. Конрад, ссылаясь на традицию, идущую от японских хроник VIII в. «Кодзики» («Записи о делах древности») и «Нихонги» («Анналы Японии»), считает временем официального признания китайской письменности в Японии начало V в. По его мнению, ее широкое проникновение (иными словами, широкое знакомство японских правящих кругов с письменными памятниками китайской культуры) относится, по-видимому, к VI—VII вв., периоду оживленных связей с Кореей и Китаем (369, с. 11—12). «Заимствование [китайской] письменности, — подчеркивает В. Н. Горегляд, — было связано с историческими процессами, которые настолько переориентировали и ускорили развитие древнеяпонской культуры, что часто отождествляются с началом японской государственности, складыванием феодальных общественных отношений, вовлечением древней Японии в сферу великой дальневосточной цивилизации» (327, с. 223).

Наиболее важным результатом этого процесса на том этапе стало широкое проникновение в Японию (в VI—VII вв.) из Китая и Кореи идей конфуцианства и буддизма, которые сыграли важную роль в формировании духовной и материальной жизни японского общества. Из элементов конфуцианских и буддийских доктрин оформилась идеология складывающегося японского централизованного государства. «Изучение буддийского писания подразумевало полное владение китайским языком. Весь буддийский канон дошел до Японии в переводе на китайский», — отмечает Н. И. Конрад (369, с. 68).

Буддийские священные книги, написанные на китайском языке, были первыми книгами, появившимися в Японии.

Первые идеологи японской государственности обладали отличным знанием и конфуцианской литературы. В частности, принц Сётоку-тайси (574—622 гг.) был не только ревностным покровителем буддизма (при нем в 607 г. был построен первый буддийский монастырь — Хорюдзи, т. е. «Храм торжества закона»), но и знатоком конфуцианского канона. Его учителем был ученый того времени, китаец по происхождению, Кацука. Написанные Сётоку-тайси «Наставления из 17 статей» (604 г.) — своеобразный манифест нового социально-политического строя, идущего на смену родоплеменным распрям, — свидетельствовали о знакомстве автора с классическими книгами конфуцианства — «Шан шу», «Ши цзин», «Лун юй», а также с памятником позднейшей китайской художественной литературы — сборником «Вэнь сюань». «Наставления» Сётоку-тайси, в которых воплотилась вся буддийская и конфуцианская эрудиция автора, явилась программой управляемого чиновничеством централизованного государства, где все население превращалось в подданных единого монарха, власть которого была абсолютна, так как зиждилась на естественном мировом порядке.

«Государь — это небо, подданные — это земли, — говорилось в «Наставлениях» Сётоку-тайси. — Когда государь говорит, подданные слушают; когда наверху действуют, подданные склоняются... Основа всего управления народом заключается в законе (ли). Если у народа есть закон, государство само собой управляется... В государстве нет двух государей, у народа нет двух господ. Весь народ в государстве почитает своим господином государя» (80, с. 129—132). Так была выражена основная мысль Сётоку-тайси об абсолютном примате государства и носителя верховной власти. Источником этой идеи, безусловно, являлась политическая мысль древнего Китая (о «Наставлениях» Сётоку-тайси см.: 465, с. 335).

Сётоку-тайси

Оформившись как господствующая идеология японской аристократии, конфуцианство открыло широкую дорогу для распространения всей многообразной ки-

тайской культуры. Приспосабливаясь к условиям сосуществования с идеями буддизма и традиционных народных верований (синтоизм), подвергаясь трансформации на японской почве, конфуцианство в дальнейшем продолжало оказывать значительное влияние на многие стороны жизни японского общества, став основой целого ряда его политических и морально-этических традиций (например, принципа культа императора, системы японской семьи и т. д.).

Некоторые японские авторы считают, что конфуцианство в Японии достигло даже большего развития, чем в Китае, что только в Японии оно по-настоящему выявило свою суть и в сочетании с учениями «ямато-дамасии» («дух Ямато») и «бусидо» (самурайский кодекс чести) стало основой идеальной национальной культуры (см. 394, с. 47).

Требования конфуцианского *ли* (яп. *рэй*) послужили основой послушания, повиновения и преклонения перед авторитетом как на службе, так и в семье.

Период создания централизованного государства в Японии совпал с эпохой завершения объединительного процесса в Китае и установления там централизованной империи с крепкой верховной властью. Эпохи династий Суй и особенно Тан (конец VI—IX вв.) без преувеличения можно считать временем наибольшего культурно-политического воздействия Китая на японский социум за всю историю китайско-японских отношений. Ни до, ни после это воздействие не проявлялось столь концентрированно и результативно. Этот же период отмечен и интенсивными экономическими контактами между двумя странами.

Еще в 607 г. принц Сётоку-тайси сделал очень важный для укрепления позиций царствующего дома Ямато политический ход. Он вступил в прямые политические отношения с суйским двором, направив первое официальное посольство к императору Ян-ди. Послу Оно-но Имоко было вручено специальное послание японского принца, начинающееся словами: «Сын Неба (Тэнси) Страны восходящего солнца шлет письмо Сыну Неба Страны заходящего солнца. Будь здоров». Как свидетельствуют китайские хроники, Ян-ди будто бы был недоволен равным титулованием могущественного императора Китая и правителя «варварской» Японии. Тем не менее в следующем, 608 г. было снаряжено ответное посольство, которое с великими почестями было принято Сётоку-тайси. При возвращении суйского посла в Китай с ним снова был направлен японский представитель. Посла-

ние, которое он вез суйскому императору, на этот раз начиналось словами: «Небесный Государь (тэнно) Востока почтительно обращается к небесному Государю Запада». Характерно, что тем самым вновь было подчеркнуто равенство титулов правителей двух стран (541, с. 141).

В период правления династий Суй (589—618 гг.) из Японии в Китай было отправлено 4 посольства, имевшие целью установление прочных политических связей с суйским двором, а также получение различной информации, касавшейся организации чиновничьего аппарата, землепользования, налогообложения, образования (344, I, с. 84). Наряду с этим, Сётоку-тайси стремился развить и культурные связи с Китаем. В состав посольства, отправленного во главе с Имоко в 607 году, вошли восемь молодых людей, которые специально предназначались для обучения в Китае. Следует подчеркнуть, что среди них находились такие фигуры как Минамибути Сёан, Такамуко Гэнри и монах Мин, кстати, сами китайского происхождения, сыгравшие впоследствии крупную роль в общественно-политическом перевороте 645 г. (т. н. перевороте Тайка). К середине VII в. в Японии оказались многочисленные кадры бывавших в Китае людей, изучивших государственный строй и законодательство.

В 645 г. члены царского рода Ямато, поддержанные сторонниками из числа «сильных домов», устранили своих политических соперников. Это событие, именуемое в японской истории переворотом Тайка («Великие перемены») — по названию годов правления возведенного на престол правителя, — знаменовало создание централизованного государства и развитие феодальных отношений в Японии. Один из лидеров переворота, принц Накано Оэ, получивший китайское образование и близко связанный с лицами, посланными учиться в Китай, был горячим поклонником Китая и всего китайского.

Смуты, сопровождавшие падение суйского дома и воцарение новой династии Тан, на время прервали китайско-японские политические контакты, но уже в 630 г. в Китай отправилось новое посольство во главе с Инуками Митасуки. Оно послужило началом длинному ряду новых посольств к танскому двору (кэнто-си), не прекращавшихся вплоть до 896 г. В течение VII—IX вв. из Японии в Китай было отправлено 16 посольств, послы же танского двора посетили Японию 17 раз (317, с. 54; 533, с. 131). По оценке Ван Цзиу, общее число японцев, побывавших в Китае в эпоху Тан, составило 500—600 человек (104, с. 59)⁸. Кроме чле-

нов официальных посольств и миссий автор включает в их состав студентов, служителей культа, врачей, гадалек, моряков и т.п. Современные китайские авторы подчеркивают, что посланцам из Японии при танском дворе неизменно оказывался «теплый прием» (258, с. 137; 307, с. 56). Японцы, возвращавшиеся из Китая на родину, оказывались прямыми проводниками его культурной традиции. В их одежде, устройстве жилища, пище и т. д. зримо присутствовали элементы китайской культуры. Характерным примером может служить то, что одежда одного японского посла, явившегося на аудиенцию к императору после возвращения из Китая, весьма напоминала парадный костюм приближенных Сюань-цзуна (712—756) (104, с. 73—74).

Танский Китай стал своеобразной социально-политической и культурной моделью для японского правящего класса. Еще при Сётоку-тайси была предпринята первая попытка создания высшей правительственной бюрократии, положившая начало организации будущего императорского двора. В соответствии с установленной в 603 г. «системой 12 рангов» все высшие придворные должности разделялись на 12 рангов, каждому из которых был присвоен свой цвет одежды и особая форма головного убора. В 604 г. был впервые введен придворный церемониал, по которому все сановники должны были prostираться ниц перед государем и переползать порог того помещения, где он находился, на коленях, опираясь о пол руками (465, с. 337). Все мероприятия, связанные с созданием основ будущего государственного аппарата во главе с императором, который почитался «Небесным Государем» (тэнно), осуществлялись целиком по китайскому образцу, хотя первая официальная миссия отправилась в Китай из Японии лишь в 607 году.

Социально-политическая структура японского государства, утвердившаяся после переворота 645 г. (особенно в период Нарской монархии), в значительной степени копировала политический и экономический строй танской империи. Наиболее рельефно этот процесс проявился в законодательном регламентировании всех сторон государственной жизни и создании чиновничьей бюрократии, состоящей на казенном жаловании. В социально-экономической сфере это было связано с объявлением всей земли государственной собственностью, принадлежащей императору, и ее распределением среди населения в виде подушных наделов с обязательством уплаты части продукции государству в виде налога (112, т. 1, с. 71). Как отмечают западные исследовате-

ли, многие из законов, принятые после переворота 645 г., вероятнее всего, существовали только на бумаге, однако с этого момента японское государство стало медленно принимать образ танского Китая. Период 710—794 гг. (т. н. поздненарский, или Тэмпе, годы Небесного мира), по их мнению, можно рассматривать кульминационным в формировании китайской политической модели в Японии (465, с. 332)⁹.

Не менее сильным было и культурное влияние танского социума на Японию. Значительную роль в утверждении системы Нарской монархии сыграли проповедники как буддизма, так и конфуцианской идеологии, широко распространившейся среди японских аристократов. Как организация буддийская церковь принесла с собой идею организованного общества и государства, многовековой опыт по созданию и поддержанию строго организованной и централизованной иерархической системы¹⁰. Центром же распространения конфуцианства и вообще китайской культуры в VII в. становится специально созданная при императоре Тэмму (673—686 гг.) «императорская школа». Моделью первых японских школ была китайская учебная система, а основой учебников — книги китайской классики о конфуцианской морали (372, с. 14).

Конфуцианцы, приняв активное участие в создании чиновничьего аппарата, были первыми создателями японских династийных хроник, выполняли обязанности опытных советников и писцов (наиболее подготовленную их часть составляли китайцы и корейцы). Знание китайского языка и китайской литературы, а также овладение конфуцианским каноном в Нарский период (645—794 гг.) стало признаком благородного, аристократического воспитания.

В целом танский Китай оказал сильное и широкое политико-культурное воздействие на всю систему формирующейся японской государственности. Именно поэтому китайские историки не без основания подчеркивают, что в период средневековья Япония училась у Китая (276, с. 1, 2). Сообщая о том, что японские правители специально отправляли студентов для учебы в Китай, Ван Юньшэн и Ван Цзиу особо подчеркивают, что занятия проводились на высоком уровне (112, т. 1, с. 5, 6). Один из японских студентов по возвращении в Японию в 623 г. отзывался о пребывании в Китае: «Танский Китай — государство высокой нравственности, представителям наших стран необходимо постоянно посещать друг друга. Японские студенты в танском Китае по-

лучают хорошее образование и их обязательно нужно возвращать» (104, с. 60, 74).

Таким образом, переход японского общества от варварства к цивилизации оказался связанным с сильным внешним влиянием — китайским. В этом процессе заимствования более высоких образцов культуры и политической организации не было ничего удивительного или уникального. Китайская политическая система и ее идеологические принципы были хорошо приспособлены к функционированию в качестве централизованной деспотии и поэтому охотно воспринимались сопредельными странами. Влияние китайского социума на том этапе придало достаточно сильный импульс тем внутренним процессам, которые шли в японском обществе, подтолкнув его «модернизацию». На какое-то время (примерно VII—IX вв., особенно в период существования Нарской монархии) произошло сближение японской модели развития с китайской.

Отмечая сильнейшее влияние танской «модели» на Японию, Ван Цзиу перечисляет следующие направления, по которым это влияние распространялось: организация чиновничьего аппарата, землепользование и налогообложение, образование, уголовный кодекс, ханьская конфуцианская школа, система летоисчисления, историческая наука, каллиграфия, музыка, архитектура, ремесла и изящные искусства, буддийский канон, система этикета (104, с. 86—96).

В частности, в качестве примера влияния на Японию китайского архитектурного стиля можно назвать архитектурный ансамбль первой постоянной столицы Нара (основана в 710 г.), который копировал планировку китайской столицы Чанъань, — прямоугольник, ориентированный по сторонам света, с широкими прямыми улицами, пересекающимися под прямыми углами, и императорским дворцом в северной части. Этот ансамбль, как и его китайская модель, как бы «воплощал сложившиеся к тому времени представления об иерархической структуре мироздания» (315, с. 105; 452, с. 42). По тем же китайским канонам и установленным схемам была выстроена и следующая столица Хэйан-кё (Мир и покой) (современный Киото, основанный в 794 г.). Ансамбль новой столицы также создавался с участием китайских архитекторов и мастеров.

Дав своеобразный импульс культурному «пробуждению» Японии, танский Китай помимо этого сыграл и своеобразную посредническую роль в передаче Японии — в заморский по отно-

шению к китайской империи мир — многих культурных новшеств из других районов Азии (Византии, Ирана, Индии и др.). Как подчеркивает М. В. Воробьев, «Китай при династии Тан не только испытывал культурный расцвет, но и превратился в мощный центр распространения культуры как собственной, так и соседней, причем эта его посредническая роль, пожалуй, никогда в будущем не достигала такой интенсивности» (317, с. 51).

Воздействие танского Китая на Японию было настолько сильным, что даже после падения танской династии здесь в течение длительного времени сохранялось наименование Китая как «государства Тан», а китайцев как «людей Тан» (104, с. 85).

Влияние китайской культурной традиции на Японию продолжалось и в последующие века, но оно уже не было столь концентрированным, как в эпоху Тан, и, что особенно важно, оно уже более критически усваивалось на базе формирующейся японской традиции (104, с. 124—133, 163—164; 210, с. 1—10).

Начавшийся процесс взаимодействия двух социумов, получивший достаточно интенсивное развитие в VII—VIII вв., повлек за собой формирование первоначальных социально-психологических стереотипов взаимовосприятия. В создании этих стереотипов существенное значение имели такие факторы, как ведущая роль Китая в отношениях с Японией, более высокий уровень его развития, китаецентристская традиция китайской правящей элиты, активное заимствование Японией китайской культурной и социально-политической традиции.

Естественно, присутствие рядом с Японией могущественного и во много раз превосходящего ее в культурном отношении континентального соседа, в развитии миролюбивых связей с которым правители островного государства стремились обеспечить себе поддержку, сильнее всего влияло на формирование у японской правящей элиты первоначального «образа Китая». Не случайно видный японский ученый Такэути Минору отмечает, что до революции Мэйдзи Китай для Японии был источником культуры и цивилизации и рассматривался ею как страна с высокими моральными стандартами, заслуживающая уважение. Японцы, пишет он, «испытывали перед ней благоговейный трепет» (550, с. 25). Он также отмечает, что многие обычаи, заимствованные японцами из Китая, приобретая специфическое значение, окружены ореолом торжественности, стали церемониями, в основе которых лежат глубоко благородные принципы. В частности, он указывает на чайную церемонию, переда-

ощуюся из поколения в поколение и неотделимую от общего чувства благодарности Китаю за этот «драгоценный подарок» (550, с. 26). О «чувстве потрясения», которое испытали японцы от непосредственного знакомства с китайским культурным наследием и методами организации китайского общества, пишет и Дж. М. Катагава (494, с. 218). На это же обращает внимание Ж. П. Лехмэн: «Японские ученые, ездившие в Китай, — отмечает он, — испытывали благоговейный трепет перед культурным величием Танов. Было очевидно, что политическая система и идеология Китая могут служить в качестве жизнеспособной модели для Японии» (502, с. 14). Другой зарубежный автор, М. Дженсен, по этому поводу замечает, что Китай для Японии был «Грецией и Римом, Италией периода Ренессанса, Францией периода классицизма, то есть уникальным культурным колоссом, который не имел реального конкурента» (488, с. 131).

Японцы называли Китай «небесным государством», «Великой империей», проявляя к нему благоговейную почтительность и уважение, хотя с китайской стороны могли выражаться совершенно противоположные эмоции (87, с. 27). Иначе говоря, чувство уважения, почтительности, граничащей с «благоговейным трепетом» — таков был первоначальный стереотип социально-психологического восприятия Китая в Японии. Японские правящие круги, безусловно, учитывали и военно-политическую силу танского Китая, которой они не могли в то время противопоставить собственную мощь.

На формирование «образа Японии» в глазах китайской правящей элиты влияли иные стереотипы мышления. В китайском подходе к Японии с самого начала явственно проступала двойственная тенденция. Прежде всего отметим, что отношение к японскому социуму складывалось в значительной степени под влиянием китаецентристских концепций. В частности, в духе концепции «Китай — варвары» Япония относилась к «внешней области мира» (*вай цзюнь*), а японцы — к «варварам», которым принято было приписывать только отрицательные, «темные» начала (*инь*) — агрессивность, алчность, жесткость, низость, жадность и т. п.¹¹ Поэтому правители Китая стремились распространить на японцев и свое традиционное отношение к соседним народам как стоящим на низшем уровне в иерархической модели мира, на которых распространялась благодать китайского монарха и которые в свою очередь были обязаны платить дань Китаю, выполнять унижительные условия дипломатического це-

ремониала в случае приема их послов при дворе императора и т.п. По существу, на японцев распространялся тот же средневековый стереотип мышления, который в целом был характерен для восприятия тогдашней китайской правящей элитой «варварского» социума и в котором доминировало прежде всего чувство превосходства. Это довольно отчетливо проступает, например, в послании китайского императора Чжу Юаньчжана (1368—1398), адресованном правителю Японии Асикага Ёсинори в связи с участвовавшими в 60—70-х гг. XIV в. набегами японских пиратов на китайское побережье. В нем, в частности, говорилось: «Вы тупые восточные варвары! Живя далеко за морем..., вы надменны и вероломны. Вы позволяете вашим подданным творить зло. Разве это не обрушит неизбежно гнев Неба на ваши головы?» (465, с. 196—197).

Подобное отношение к Японии формировалось под воздействием не только традиционных представлений о Китае как источнике всего самого лучшего и совершенного в мире, как центре Вселенной, откуда распространяется «благодать» на все остальные страны и народы, но и в известной мере определялось ложным ощущением «долга» Японии перед Китаем за заимствованные атрибуты китайской цивилизации. Способность японцев выбирать элементы китайской культуры и модифицировать их в соответствии со своими собственными условиями, традициями и национальными особенностями рассматривалась только как доказательство их неудачи моделировать себя более совершенно по образцу Поднебесной. Пренебрежительное отношение, а в лучшем случае — величественное снисхождение к японцам, подкрепляемое представлением о собственной этнокультурной исключительности, нашло отражение и в китайских названиях жителей японских островов — «карликовый чёрт» (*сяо гуйцзы*), «маленький чёрт из-за восточного моря» (*дун ян сяо гуйцзы*) и других (чаще всего на уровне массового сознания)¹².

В глазах китайской правящей элиты японцы, подобно другим «варварам», были обязаны демонстрировать не только верность китайскому императору, но и свою иерархическую зависимость от него. Как подчеркивает Л. И. Думан, при китайском императорском дворе серьезное значение придавали содержанию и стилю грамот, вручаемых иностранными послами. Поэтому, когда в 607 г. от принца Сётоку-тайси пришла грамота, в которой тот позволил и себя именовать Сыном Неба, суйский император Ян-ди, выражая неудовольствие по этому поводу, заявил чи-

новнику, ведавшему связями с иностранцами: «Если в грамотах южных и восточных варваров не будут соблюдаться нормы приличия (*у ли*), то впредь не следует доводить их до (нашего) сведения». Считая себя единственным Сыном Неба, китайский император полагал, что японской стороной были нарушены «нормы приличия», предусматривающие зависимое положение правителя «варварской» Японии от властителя Поднебесной (334, с. 203).

Вместе с тем, судя по всему, японцы рассматривались как особые «варвары» и их постепенно не стали отождествлять с «темным началом» (*инь*), ассоциировавшимся с кочевыми племенами Западного края (*Си юй*), поскольку они (японцы) в конце концов восприняли китайскую культурную традицию и тем самым вписались в китайскую концепцию духовных ценностей. Согласно этой концепции «духовная внутренняя сила» (*дэ*) государя выходит за пределы Поднебесной и распространяется на область варваров; она преобразует их, превращая в объект «того же рода», что и китайский государь и «устроенная» Поднебесная, то есть Китай (370, с. 24).

Ю. А. Кроль отмечает, что согласно древнекитайским представлениям, Китай и «варвары» являются объектами «того же рода», которые будучи в состоянии «смуты» или «порядка», испытывают влечение друг к другу. Поэтому японцев не следовало подвергать «карательной войне» (что активно использовалось в отношении других соседних народов), а следовало «обрабатывать» их мирным путем — с помощью распространения принципов добродетельного правления (*ван дао*). Отсюда «общность» Китая и Японии, хотя и неравноценная (иерархическая), предполагающая верховенство Китая.

Стереотип превосходства по отношению к Японии, связанный с традицией возвеличивания Китая и его императоров, оказался достаточно устойчивым. Попытки правителей Китая, вопреки реальному положению вещей, навязать Японии китайский «сюзеренитет», хотя и чисто номинальный, но тем не менее достаточно подчеркнутый, после эпохи Тан предпринимались неоднократно¹³.

В последние годы правления Танской династии и наступивший затем период политической неустойчивости при Сунах официальные отношения между Китаем и Японией почти полностью прекратились. Во второй половине XIII в. монгольский хан Хубилай, осуществлявший завоевание Китая (первый импера-

тор династии Юань, правил в 1280—1295 гг. под девизом Ши-цзу), дважды (в 1274 и 1281 гг.) предпринимал неудачные попытки вторгнуться на Японские острова (112, т. 1, с. 18).

Минские правители, используя различные средства, неоднократно пытались подчеркнуть зависимость Японии от Китая. Отношения между двумя странами при Минах серьезно обострились в связи с начавшимися во второй половине XIV в. и продолжавшимися вплоть до конца XVI в. набегами так называемых японских пиратов (*вако*)¹⁴ на побережье Китая и Кореи.

Уже первый император минской династии Чжу Юаньчжан предпринял недвусмысленную попытку подчеркнуть зависимость Японии от Китая. Так, в своем послании 1370 г. японскому сёгуну Чжу Юаньчжан писал: «Небольшая страна варваров, недовольная своей судьбой, обдуманно нарушает волю Неба частыми набегами и создает беспорядки. Это вызывает ненависть людей и едва ли может быть терпимо Небом». Китайский император советовал японскому правителю «изменить свои помыслы» и повиноваться его приказам (561, с. 11).

В 1375 г. минский правитель отказался принять японского посла под предлогом нарушения им правил представления «дани» (112, т. 1, с. 19). Китайское послание 1376 г. уже носило характер угрозы. Обвиняя японцев в неповиновении Небу, Чжу Юаньчжан заявлял, что его кораблям потребуется всего лишь пять дней, чтобы с попутным ветром доплыть до Японии. Минский император призывал японцев изменить свое поведение и тем самым избежать катастрофических последствий китайского вторжения (561, с. 11).

В начале XV в. минский император Чэн-цзу (1402—1424 гг.) в послании сёгуну Ёсимицу, оформленном, как и все послания за рубеж в то время, в виде императорского указа особого типа, удостоил последнего титула «вана» (правителя) Японии, надеясь таким образом подчеркнуть зависимость от Китая. Обращаясь к сёгуну как к своему подданному, китайский император диктовал ему меры борьбы с японскими пиратами, грабящими в то время китайское побережье: «Вы должны, — указывал Чэн-цзу, — создать армию для борьбы с пиратами, издать закон, запрещающий пиратство, и осуществить его. Если Вы сможете положить конец жестокому мародерству пиратов, Ваша служба нашему трону будет не только высоко оценена и отмечена в наших летописях, но и почитаться потомством. Мы издаем настоящий указ с предписанием Вам выполнить наше приказание с благо-

говением, без промедления и эффективно. Это дело настоящим поручается Вам Вашим императором» (399, с. 53—54).

Для подчеркивания особого положения Китая по отношению к Японии могли использоваться и другие формы. Например, в 1433 г. император Сюань-цзун от своего имени назначил главу японской миссии, присланной в Китай, настоятелем самого большого храма в Японии — Дэнрюдзи (561, с. 61), (т. е. выполнил просьбу, которая, судя по всему, исходила от самого посла).

В послании 1436 г. императора Сюань-цзуна идея китайского «сюзеренитета» уже обосновывалась утверждением о «глобальном» доминировании Китая и ссылками на, якобы, традиционную данническую зависимость Японии от него. «С тех пор, как наша империя владеет миром, — подчеркивалось в послании, — нет государства по ту и другую сторону морей, которые бы нам не подчинялись. Вы, Япония, — наша восточная граница, и в течение поколений вы выполняли обязанности государства-данника» (561, с. 64).

Попытки путем пожалования от имени китайского монарха титулов либо грамот на управление какой-либо частью Японии в целях подчеркивания ее «вассалитета» предпринимались и в последующие годы¹⁵. Так, в 1411 г. император Чэн-цзу вторично направил послов в Японию с целью подчеркнуть «вассалитет» японского правителя, однако они не были даже приняты сёгуном и были изгнаны с японской территории. Аналогичный жест со стороны минских правителей был предпринят и в конце XVI в.: осенью 1597 г. специальный посол императора Шэнь-цзуна привез для вручения от имени китайского монарха сёгуну Тоётоми Хидэёси золотую печать, корону, мантию и жалованную грамоту о «введении во владение территорией». Эта акция со стороны Минов не только вызвала негативную реакцию японского правителя (китайский посол без всяких церемоний был выдворен из страны), но и стала дополнительным стимулом для осложнения японо-китайских отношений и, по мнению ряда исследователей, чуть ли не спровоцировала очередной поход японцев на корейский полуостров в 1597 г. (341, с. 332)¹⁶. Характерно, что отправку японскими правителями подарков ко двору китайского императора в Пекине трактовали как выражение даннической зависимости Японии от Китая, хотя подношения от китайских монархов получали и властители Японии.

Например, в императорской сокровищнице Сёсоин в г. Нара насчитывается несколько тысяч предметов материальной куль-

туры, большинство которых, по мнению М. В. Воробьева, были доставлены посольствами из Китая эпохи Тан в виде подарков японским императорам (они составили своеобразный «культурный комплекс» императорского дворца) (317, с. 51, 54). Упомянутый выше сёгун Ёсимицу был обладателем ценнейшей коллекции шедевров китайского искусства, которая также образовалась за счет подарков из Китая (314. с. 390).

На фоне достаточной устойчивости китайского стереотипа восприятия японского социума как «варварского» и отсталого японский стереотип видения и восприятия Китая после периода Тан оказался подвижным и изменчивым, что было связано со своеобразием путей развития Японии, трансформацией на японской почве заимствованных «эталонов» китайской государственности и идеологических систем и, наконец, с характером политических взаимоотношений двух стран. Характерно было то, что эволюция в японском восприятии Китая шла не в плоскости нарастания и усиления позитивных компонентов, а скорее наоборот, в плане их размывания и появления других, новых элементов, но уже негативного свойства¹⁷. Уже в период Хэйан (794—1185 гг.) ореол Китая как «культурного сюзерена» (за которым скрывались и политические амбиции китайских феодалов) начал постепенно заслоняться подозрительным и настороженным отношением к нему со стороны японских правителей, более того, ощущением собственной силы для открытого вызова притязаниям Китая на руководство Восточной Азией. Подобная трансформация была не только результатом давления со стороны Китая (оно имело место и его нельзя игнорировать, учитывая рефлексивно-негативную реакцию на него японской правящей элиты), но не в последнюю очередь подогревалась возрастающей амбициозностью японского правящего класса и соответственно ростом его агрессивных устремлений.

Своеобразие японского восприятия внешней (китайской) цивилизации состояло не просто в желании впитать основы иноземной культуры и следовать скопированным образцам, но прежде всего в стремлении трансформировать и развивать их в соответствии с национальными традициями и социально-политической спецификой.

«Япония встретила с Китаем в благодатную пору молодости, — пишет Т. П. Григорьева, — она отнеслась к нему, как любознательный юноша к умудренному опытным старцу. Не обремененная предрассудками, она с жадностью внимала китайской

мудрости, которая появляется лишь в преклонном возрасте, и то не всегда, но воспринимала эту мудрость на свой лад. Японцы брали из китайских учений прежде всего то, что было ближе их пониманию и их характеру и потому то, что они брали, неизбежно меняло свой облик. При этом связь с Китаем оказалась все же настолько прочной, что мы вправе говорить о том, что китайские учения стали частью японской культуры» (330, с. 5, 6).

На базе заимствованных китайских образцов Япония создала свою традиционную структуру.

Отечественные исследователи В. А. Пронников и И. Д. Ладанов отмечают: «Отношение японцев к континентальной культуре не исчерпывалось ни отталкиванием, ни слепым преклонением; достаточно часто оно приобретало характер соревнования, диалога, который со временем стал внутренним принципом японской культуры. Заимствованные элементы иноземной культуры творчески переплавлялись, приобретали новый характер и постепенно становились составной частью японской традиции. В результате заимствования всегда носили прагматический характер, да и, по существу, заимствованиями и не были — скорее речь может идти о своего рода трансформации применительно к социальным или иным потребностям Японии. Во всем этом процессе отчетливо просматривается устойчивый этноцентризм, явившийся питательной средой, одной из доминирующих черт японского национального характера — гордости за свою нацию» (393, с. 32-34, 36).

Хотя японская правящая элита никогда не создавала специального защитного барьера против сильного культурного влияния со стороны своего восточно-азиатского соседа, тем не менее уже на ранней стадии становления государства она пыталась ограничить деятельность китайского элемента на своей территории, в частности, сосредоточить руководство храмами и училищами в руках японского духовенства. Уже к концу эпохи Хэйан последнему удалось в значительной мере освободиться от китайских наставников. По мере вытеснения китайских и корейских проповедников (также выступавших проводниками китайского влияния) ускорялся процесс приспособления конфуцианства и буддизма к японским условиям.

Заимствуя элементы китайской культуры, Япония тем не менее стремилась к сохранению своей исконной культуры, идеологической основой которой являлся синтоизм. Благодаря этому заимствование осуществлялось не путем слепого копирования, а

за счет адаптации чужеземных ценностей к особым условиям страны и нуждам правящего класса. Скорее всего это не было просто следствием ослабления внешнего влияния со стороны Китая, хотя оно, несомненно, имело место, в частности, в связи с упадком монархии Тан, прекращением китайско-японских связей в период монгольского нашествия (при династии Юань) и обострением отношений между двумя странами во времена правления минских императоров. Судя по всему, слепое копирование «китайской модели» воспринималось в национальном сознании как потенциальная угроза национальным устоям и даже политическому суверенитету страны, поскольку такая угроза подкреплялась амбициозными устремлениями китайских правителей подчеркнуть свой сюзеренитет над Японией. Ассимиляция и трансформация иноземной (китайской) культуры являлись своего рода защитной реакцией японского социума, которая непрерывно совершенствовалась по мере роста его интеллектуальной зрелости и укрепления собственной традиционной структуры. В итоге любое заимствование даже на уровне мировоззренческих принципов, подвергаясь трансформации (как, например, учение об *инь-ян* в эпоху Токугава), превращалось лишь в дополнительный элемент уже новой структуры — японской, существенно отличающейся от своего первоначального (китайского) эталона. В своем толковании китайских учений японцы, по удачному выражению Т. П. Григорьевой, «переставили акценты сообразно своему пониманию вещей, сообразно национальному темпераменту и социальным потребностям» (329, с. 92).

Анализируя трансформацию на японской почве китайской мировоззренческой структуры, базирующейся на учении об *инь* и *ян*, Т. П. Григорьева приходит к выводу, что в Китае в его основе лежала идея двуединства вещей, неизбежной взаимобратимости противоположностей, понимания движения как круговращения; в Японии же, которая восприняла ту же идею, акцент изначально был поставлен на противостоянии пассивного (*инь*) и активного (*ян*) начал: верх есть верх, низ есть низ (*инь* — это *инь*, а *ян* — это *ян*) (329, с. 93, 100). Сообразно такому подходу японские идеологи средневековья пересмотрели многие конфуцианские принципы.

Значительной трансформации на японской почве подвергся и буддийский канон. Школа дзэн-буддизма, например (ее широ-

кое распространение относится к XIV—XV вв.), представляла собой отход от доктрины, заимствованной через Китай, став в конце концов подлинно японской разновидностью буддизма.

Поэтому даже утверждение конфуцианского канона в его чжусианской интерпретации в качестве официальной идеологии в период сёгуната Токугава (XVII — перв. пол. XIX вв.), создавая впечатление поворота к изначальным китайским «образцам», по сути дела способствовало укреплению собственно японской традиционной структуры. Что касается культуры Японии, то в период позднего средневековья она уже не являлась копией китайской культуры на японской почве, а была подлинно японской национальной культурой, уходящей своими корнями в культуру Китая и ряда других азиатских стран (например, Индии).

Трансформация затронула не только самые различные аспекты идеологии и материальной культуры¹⁸, включая заимствованную из Китая письменность, но и социально-политические институты, первоначально скопированные с китайской модели. Уже в период Хэйан они были приспособлены к особенностям формирования и развития японского феодализма (369, с. 16). Традиционный мировоззренческий подход японцев проявился и в этой области. Восприняв из Китая идею иерархического соподчинения, где она все же давала определенный простор социальной мобильности, японцы абсолютизировали сословное деление, четко установив дистанцию между «верхами» и «низами». Свое законченное выражение такая абсолютизация получила, в частности, в концепции монархической власти, не имеющей аналога в Китае (идеи о неприкосновенности личности императора, непрерывности династической линии и т. д.) (502, с. 379)¹⁹.

Таким образом, в отличие, например, от средневекового Вьетнама, где китайское влияние чаще всего навязывалось силой и где наряду с этим действовала и прямо противоположная тенденция отрицания, сопротивления, противодействия инородной (китайской) культуре (377, с. 130, 131), в Японии сложилась

Токугава Иэясу

иная специфика ее восприятия. Тем не менее процесс активной адаптации всего заимствованного из Китая, трансформации его культурного влияния на основе собственной национальной традиции в конечном итоге способствовали скорее не притягиванию, а, наоборот, отталкиванию японского социума от Китая. Уже в период средневековья своеобразие исторических путей развития двух стран привело к известной нивелировке первоначального стереотипа восприятия Китая японской правящей элитой как великого «культурного колосса», изменив ее подход к своему восточно-азиатскому соседу, в котором чувства прагматического отношения все более брали верх над восхищением. Разумеется, активное воздействие на характер восприятия Китая японцами оказывала политика.

Следует отметить, что влияние китайской культуры на японское общество с самого начала не было равнозначно политическому влиянию Китая на Японию и отнюдь не предопределило гармоничный характер их взаимоотношений, особенно в период после падения династии Сун. Вопреки амбициям китайского императорского двора Япония никогда не была вассалом Китая, непоколебимо сохраняя свой суверенитет. С самого начала обоюдных контактов обе стороны не имели никаких взаимных обязательств, поэтому наивно судить о какой-либо зависимости Японии на основании трафаретных сообщений китайских хроник о присылке японской стороной дани в Китай²⁰. Японские правители фактически никогда не признавали верховенства китайских императоров, более того, неоднократно стремились подчеркнуть свое равенство с ними. Дж. Фэрбэнк, в частности, обратил внимание на то, что в эпоху Тан, в период активного заимствования достижений китайской культуры и китайских политических институтов, японские императоры вообще уклонялись от посылки официальных посланий к танскому двору, так как обращаться «снизу вверх» они, судя по всему, не желали, а обращение «на равных» могло вызвать нежелательную реакцию со стороны Китая. В то же время японские послы, посещавшие Китай, под разными предлогами отказывались брать для передачи своим монархам эдикты танских императоров, в которых, как правило, содержалась идея верховенства над Японией (464, с. 190). В дальнейшем, по мере укрепления японского государства и роста национального самосознания высокомерный тон

китайских посланий все чаще вызывал негативную реакцию правителей Японии.

При Минах попытки китайских феодалов, не считаясь с возросшей силой японского государства, по-прежнему рассматривать Японию как своего «вассала» и при помощи разного рода дипломатических ухищрений или прямых угроз навязать ей верховную власть китайского императора, встретили решительный отпор. Японские правители начали обретать большую уверенность и смелость, граничащую с дерзостью, в диалоге с Китаем: в XIV—XVI вв. китайских послов, которые пытались вручить грамоты своих императоров, где по-прежнему проводилась идея китайского «сюзеренитета», чаще всего попросту выставляли за дверь, что было немыслимо ни в танский, ни в сунский периоды китайской истории. Уже тогда Китай впервые ощутил возросшую активность Японии на море. «Небо и земля огромны, они не могут принадлежать одному правителю» — заявлял в ответном послании императору Чжу Юаньчжану японский сёгун Асикага Ёсинори (533, с. 158). В этих словах содержалось не только желание реабилитировать действия японских корсаров. «Формула Ёсинори» откровенно отвергала концепцию китайского «сюзеренитета» и выражала серьезную заявку на соперничество с Китаем. Через два столетия, в конце XVI в. Япония бросила открытый вызов Китаю, предприняв крупные военные акции (правда, неудачные) в отношении Кореи, находившейся в сфере китайского влияния.

Как видно из вышеизложенного, различие путей исторического развития Китая и Японии, неоднозначный характер их отношений в период средневековья обусловили формирование сложного и противоречивого стереотипа восприятия обеими сторонами друг друга. В этом стереотипе «взаимовидения» тесно соседствовали компоненты как позитивного, так и негативного свойства. В процессе исторической эволюции в нем своеобразно преломились две противоречивые тенденции, действующие, условно говоря, в направлениях взаимного притягивания и вместе с тем отталкивания. С одной стороны, мощное влияние китайской цивилизации на Японию создало стереотип общности двух народов, который наряду с факторами их географической близости и принадлежности к одной расе имел достаточно прочную основу в обоих государствах благодаря формированию представ-

лений об особых отношениях и общей судьбе двух стран. Параллельно со стереотипом общности существовали и иные представления. Так, в восприятии китайской феодальной элиты эта общность была иерархической, при которой доминирующая, главенствующая роль принадлежала Китаю, что не только вызывало у японской стороны протест, но и настороженное отношение к Китаю. В складывающемся у японцев видении окружающего мира, в котором понятие «мы» (т. е. японцы) четко противостояло понятию «они» (все, кто не японцы) — своеобразная анти-теза концепции «Китай-варвары», — Китай принадлежал к той его части («они»), откуда могла исходить угроза. Такое видение объяснялось и особенностями формирования японского социума (островное положение, сравнительная малочисленность населения, специфика производства и т. п.), и вытекающей из них необходимостью сплочения в борьбе за существование, и складывающимся этноцентризмом. Активное развитие и совершенствование японцами образцов китайской культуры, переплавка их в духе собственной традиции на фоне тех процессов, которые параллельно шли в Китае (появление там «варварских» династий, застойные явления в развитии экономики и культуры) под влиянием этноцентристской психологии и националистических тенденций приводили к формированию устойчивых представлений, что Япония полнее и плодотворнее развила достижения китайской цивилизации, нежели сам Китай, и что только в Японии они получили свою законченную форму.

Одну из крайних позиций занимали представители школы «национальной науки» (вагакуся), проповедовавшие отрицательное отношение ко всему китайскому²¹. Возникновение этой школы относится к XVIII в. В дальнейшем она сыграла заметную роль в борьбе против токугавского режима. Ее видными идеологами были Камо-но Мабути (1697—1769) и Мотоори Норинага (1730—1801). В отличие от официальной (чжусианской) школы, ориентировавшейся на неоконфуцианство и выдвигавшей на первый план преклонение перед всем китайским, представители «национальной науки» идеализировали японскую древность, пропагандировали синтоизм с его культом императора. Камо-но Мабути, в частности, изучал древнейший период японской истории до проникновения китайской культуры, восстанавливал старый японский литературный язык в противовес китай-

скому литературному языку, на котором обычно писали токугавские ученые. Он враждебно относился ко всему китайскому, считал, что в Китае было слишком много династий, которые приходили к власти путем убийств и кровопролития, был противником распространения конфуцианства в Японии. В свою очередь Мотоори Норинага называл Китай страной беспорядка и насилия, а творцов конфуцианского канона — профессиональными обманщиками: того идеального общества, которое они изображали в своих трактатах, по его мнению, никогда не существовало (489, с. 82). В частности, он отрицал влияние китайцев на составителей древнего японского эпоса Кодзики. Его основная идея состояла в том, что ни Китай, а Япония — центр вселенной; происхождение японцев от богини Аматерасу ставит их выше других народов.

Не трудно понять, что такие представления были одним из источников зарождения чувства превосходства и высокомерия в отношении Китая (Япония — это *ян*, Китай — *инь*), получивших дополнительный импульс на последующих этапах взаимоотношений обеих сторон.

Глава 2

КРИЗИС ТРАДИЦИОННОГО ВОСПРИЯТИЯ ЯПОНИИ. РЕВОЛЮЦИЯ МЭЙДЗИ И ОТКЛИК КИТАЯ

Вторая половина XIX в. стала переломным рубежом в развитии китайско-японских отношений, положив начало их качественно новому этапу. Этот перелом был теснейшим образом связан с вторжением западного капитализма в Китай и Японию. Последствия этого фактора для обеих стран оказались кардинально различными. Уже в начале XX в. Китай стал полуколонией международного империализма, а Япония — империалистической страной, которая начала строить свои отношения с Китаем как объектом колониальной экспансии. Возник, таким образом, качественно новый тип взаимодействия двух стран, что соответственно повлекло глубокие изменения в социально-психологическом стереотипе их взаимовосприятия. Хронологические рамки нового этапа китайско-японских отношений (если не учитывать его «подготовительную» стадию — 70-е — начало 90-х гг. XIX в.) охватывают примерно полстолетия: от поражения Китая в японо-китайской войне 1894—1895 гг. до разгрома Японии во второй мировой войне.

К сожалению, в отечественной историографии специально не предпринимался сравнительный анализ общественного развития Китая и Японии накануне вторжения Запада с целью выявления причин кардинального различия путей их последующей эволюции. В связи с историографическим анализом некоторых буржуазных концепций (431; 536) ряд суждений по этому вопросу высказал Л. А. Березный (310, с. 53-77). Следует отметить, что проблема идентификации феодальных отношений в различ-

ных странах Востока не является окончательно решенной в науке. Отечественные историки признают, что «понятие «восточный феодализм» все еще является во многом дискуссионным по существу вопроса» (423, с. 30). В данном случае мы ограничимся только отдельными замечаниями, важными, с нашей точки зрения, для оценки взаимоотношений и взаимовосприятия двух стран на новом этапе.

До соприкосновения с западными державами Китай и Япония развивались в условиях абсолютного господства у них феодальных производственных отношений. Однако следует отметить, что за внешним сходством эволюции обеих стран накануне крутых перемен в их судьбах скрывались специфические внутренние и внешние различия, которые значительным образом повлияли на расхождение путей их формационного развития к концу XIX в. Некоторые исследователи ставят эту проблему достаточно категорично, считая, что уже в период средневековья Китай и Япония развивались разными путями, что уже на том этапе у них возникли разные модели экономического развития. В частности, Фэрбэнк, Рэйшауер и некоторые другие западные историки, трактуя феодализм как систему вассалитета, вообще отрицают феодальный характер китайского общества в период средневековья, утверждая, что Китай в отличие от Японии развивался по совершенно иному пути (536, с. 669-674). С другой стороны, они подчеркивают, что у японского феодального прошлого много общего с европейским. И в самом деле, многие факты свидетельствуют, что для японского феодализма были характерны некоторые черты (при всей их специфике), свойственные и европейскому средневековью, а именно — система вассальных отношений, примат закона и личностных начал практически во всех сферах жизни японского общества, достаточно четкая разграниченность между натуральным и товарно-денежным укладами и т. д.¹ При сёгунате эти черты японского феодализма получили системное развитие, фактически открывая дорогу капиталистической эволюции (344, с. 227-237).

Столкнувшись вплотную с угрозой проникновения капиталистических держав, феодальные режимы Китая и Японии (цинская монархия и правительство бакуфу) при всей специфике побудительных мотивов реагировали примерно одинаково — они прибегли к изоляции своих стран от внешнего мира². Изоляционистская внешняя политика китайских и японских феодальных правителей была своеобразной формой защиты государственно-

го суверенитета, однако ее главным внутренним содержанием являлось стремление оградить китайское и японское общество от влияния со стороны западных государств, развивающихся по пути капитализма, и консервировать феодальные порядки³. Крушение этой политики обнаружилось в 40—50-е гг. XIX в., когда западные державы с целью втягивания Китая и Японии в складывающийся мировой капиталистический рынок прибегли к их насильственному «открытию» и навязали обеим странам систему неравноправных договоров, ограничивающих их суверенные права и предоставивших западным державам односторонние торгово-финансовые и юридические льготы. Это создавало перспективу включения Китая и Японии в мировую капиталистическую систему на положении зависимых от передового Запада стран. Япония, однако, сумела завоевать независимое место в складывающейся системе мирового капитализма, использовав единственную в тех исторических условиях возможность — быстрый и эффективный переход (естественно, отразивший ее внутреннюю специфику) на тот же, что у Запада, уровень социально-экономического развития.

Уже с конца XVIII и в первой половине XIX вв. в Японии наблюдались серьезные социально-экономические перемены. Как подчеркивают отечественные историки, в указанный период феодальная система в Японии находилась в состоянии глубокого кризиса, в котором, насколько можно судить, появились черты формационного надлома (389а, с. 93—111)⁴: шел активный процесс развития товарно-денежных отношений, относительно быстрого роста производительных сил и становления капиталистического уклада. Характерно, что этот естественно-генетический процесс не был полностью изолирован от влияния Запада, которое на том этапе в целом оказывало стимулирующее воздействие на его ход. В случае с Японией внешнее воздействие Запада не вызвало, но резко ускорило формационный скачок, переход на рельсы капиталистической эволюции. Факторы достаточно мобильного саморазвития в этом направлении были изначально заложены в японской феодальной модели.

Кроме объективных условий, способствовавших быстрейшему вовлечению Японии в капиталистическую модернизацию, были и другие, не менее важные факторы. Среди них надо отметить относительно высокий уровень образованности и грамотности японского общества, отзывчивого к восприятию нового.

Формационный надлом Японии проявлялся не только в складывании экономических основ назревавшей революции. Его существенной чертой становилось бессилие надстройки (режима сёгунов Токугава) остановить этот процесс. Несмотря на ограничительные меры сёгуната торгово-ростовщический капитал стремительно набирал силу. Явная неудача, в частности, мероприятий бакуфу в начале 40-х гг. XIX в. (известных под наименованием реформ годов Тэмпо) с целью парализовать его чрезвычайно возросшее экономическое могущество, свидетельствовала о росте экономических позиций японской буржуазии и ослаблении позиций феодалов.

Важнейшим фактором становления капиталистической Японии являлось развитие и оформление (к концу эпохи Токугава) тех классовых сил — носителей новых социальных отношений, которые, будучи не связанными непосредственно со старыми привилегированными группами господствующего класса, оказались способны совершить социальный переворот в стране. Их интересы активно представляла и защищала прогрессивная по тем временам интеллигенция в основном самурайского происхождения («просвещенное самурайство») ^{4а}. Усиление внешней угрозы со стороны западных держав, капитулянтская политика сёгуната, с одной стороны, и расширение масштабов иностранной интервенции в соседнем Китае, с другой, сыграли роль мощного катализатора для пробуждения национального самосознания и консолидации всех сил страны, подтолкнув оппозицию к решительным действиям. Жесткие рамки токугавской феодальной структуры, ее неспособность к самогенерации в конце концов обусловили ее взрыв.

После революции Мэйдзи, при всей ее половинчатости и незавершенности, Япония пошла по пути ликвидации последствий изоляционистской политики, проведения буржуазных реформ и поощрения использования передового иностранного опыта в науке и производстве. Процесс замещения одной системы ценностей другой, проявившийся в интенсивном заимствовании чуждой культуры, привел к более динамичной эволюции (329, с. 111) ⁵. Радикальное «перерождение» надстройки японского общества, ее активное вмешательство в экономику и поощрение частно-собственнической инициативы дали мощный импульс капиталистическому развитию страны ⁶.

Таким образом, вторая половина XIX в. стала периодом (по своему уникальным в историческом развитии страны) исклю-

чительно быстрого перехода Японии на рельсы новой капиталистической формации. Сумев совершить такой переход в считанные десятилетия, Япония вошла в мировую капиталистическую систему не как объект, а как субъект международных отношений. В результате к концу XIX в. Япония превратилась в экономически развитое государство, освободившееся от неравноправных договоров с западными державами и ставшее на путь экспансионистской политики, жертвой которой стал Китай.

На эволюции Китая сказалась иная комбинация внутренних и внешних факторов, которые определили его отличный от Японии, более замедленный и консервативный, путь развития, привели к превращению страны в полуколонию.

В силу специфики своего формационного развития (азиатский способ производства) Китай к моменту столкновения с Западом оказался органически не способен к переходу на новый тип производственных отношений. «Там (в Китае. — *авт.*), — отмечают отечественные исследователи О. Е. Непомнин и В. Б. Меньшиков, — к началу нового времени и позже продолжала функционировать складывавшаяся многие века экономическая система, основанная на переплетении и срастании (синтезе) натурального и товарно-денежного начал при господствующем положении первого» (384, с. 25). Китайский арендно-бюрократический феодализм по существу не знал института частной собственности на землю. В свою очередь в условиях абсолютного приоритета земледелия над ремеслом и торговлей китайский город не стал форпостом мелкотоварного уклада. На стыке средневековья и нового времени Китай не знал ни городского права, ни свободного предпринимательства. Индивид не являлся субъектом права и землевладельцем, пишут О. Непомнин и В. Меньшиков. В Китае (в отличие и от средневековой Европы, и от средневековой Японии) существовала монопольная собственность «класса-государства» на землю, служившая экономической базой китайской деспотии. В этом состояла «суть китайской цивилизации. В отличие от западноевропейской, она была не личностной, а коллективной. Традиционный Китай строился на принципах всеобщей коллективности...» (384, с. 33, 35).

Хотя ростки новых капиталистических отношений, по мнению ряда исследователей, появились в Китае в XVI — первой половине XVII вв. (прежде всего в развитых приморских районах), однако они не дали импульса развитию внутренних капиталистических потенций. Сказывалось слабое развитие произво-

дительных сил. Китайская ремесленная техника застряла на стадии ручного труда и не смогла дать толчок развитию техники машинной (404, с. 221). Объективными причинами этого, в частности, являлись прежде всего резкое превосходство земледелия над ремеслом в плане производительности труда, гигантское давление избыточной рабочей силы человека на орудия труда и т.д. (382, с. 175). В результате еще до насильственного «открытия» западными державами Китай утратил преимущества поступательного развития капитализма как широкого социального процесса и был далек от начала его становления как экономической формации (хотя ростки нового спорадически пробивали себе дорогу и при Цинах) (404, с. 222).

В отечественной историографии неоднократно обращалось внимание на устойчивость традиционной структуры китайского феодализма. Огромную роль в консервации этой структуры, иными словами, феодальных производственных отношений играла надстройка. Бюрократическая система китайской деспотии всячески ограничивала и душила личностные начала, частную предпринимательскую инициативу в развитии экономических процессов, чему немало способствовала традиция неприятия конфуцианской системой предпринимательского начала. «Средневековый капитализм» в Китае был лишен поддержки государства, более того, он встречал враждебность надстройки и, в частности, поэтому не мог превратиться в самостоятельный уклад.

Уже в XVIII — первой половине XIX в. начало сказываться отставание Китая от Японии в экономическом отношении. Сказывалась и более жесткая (по сравнению с Японией) изоляционистская политика Цинов, способствовавшая консервации феодальных порядков. Китай столкнулся с Западом, находясь в состоянии длительного экономического и социального застоя. Капиталистический уклад так и не успел сформироваться в стране. В свою очередь это обусловило отсутствие тех социальных сил, которые смогли бы, ликвидировав старую надстройку, открыть дорогу новым производственным отношениям. Подавление движения тайпинов надолго обескровило силы народной оппозиции господству феодальной реакции, продлило существование прогнившего цинского режима и тем самым в известной мере затормозило социально-экономический прогресс Китая (340, с. 384, 385).

Новые формы экономической жизни оказались насильственно привнесенными в Китай извне, вызвав в конечном счете

формационный надлом традиционной феодальной структуры (383, с. 141—142). В отличие от Японии этот кризис возник в своей основе не естественно-генетическим путем, а под влиянием внешнего фактора — проникновения капиталистических держав в Китай, поставившего вопрос о судьбах феодальной системы и обусловившего ее кризис. Традиционная система, которая достаточно устойчиво и эффективно функционировала в течение долгого времени, оказалась совершенно не подготовленной к отражению давления со стороны передовых стран капиталистического Запада (во второй половине XIX в. к ним присоединилась Япония). В результате возникла реальная угроза потери Китаем политической и экономической независимости и насильственного включения страны в качестве отсталого, слабо развитого партнера в систему мирового капиталистического хозяйства.

Процесс осмысления нависшей над страной опасности, поисков выхода из кризиса, естественно, находил свое отражение в общественно-политических взглядах представителей интеллектуальных слоев китайского общества. Их волновали проблемы места Китая в общеисторическом мировом процессе, его «выживания» в столкновении и взаимодействии с агрессивными и динамично развивающимися капиталистическими государствами, проблемы модернизации страны и возрождения ее былой мощи. Наиболее дальновидные представители правящих кругов империи (Ли Хунчжан, Чжан Чжидун, Го Сунтао и др.) высказывались за политику заимствования отдельных достижений иностранцев (107; 180). Под их давлением цинское правительство с целью «самоусиления» приступило к реализации политики «усвоения заморских дел» («ян у юньдун», 1862—1894 гг.), в рамках которой осуществлялись частичные преобразования в сфере административного аппарата, финансов, просвещения, армии и флота, транспорта и связи. Эта политика, реализуемая под эгидой феодального государства и ставшая своеобразным «ответом» традиционного китайского деспотизма (Цинов) на вторжение Запада, формой его приспособления к новым условиям насильственного вовлечения Китая в мировую капиталистическую систему, была направлена не на ломку сложившейся традиционной структуры, а лишь на ее частичное преобразование и приспособление к новым условиям существования (подробнее см.: 384, с. 55—58). Реализация этой политики практически совпала с подготовкой революции Мэйдзи и последующими буржуазными преобразованиями в Японии.

В основе политики «самоусиления» лежало стремление консервативных сил спасти феодальную систему, прежде всего упорчив ее опору — армию путем организации машинного производства европейского оружия на казенных и казенно-частных предприятиях (см., в частности, 202). В данном случае целью феодального деспотизма отнюдь не являлось развитие капитализма, которого он боялся и в котором видел угрозу феодальным устоям. «Для теоретиков и практиков «самоусиления» основой всего оставались традиционные устои, примат китайского, моральное и иное превосходство конфуцианского начала над всем «варварским». Идейной базой синтеза «самоусиления» было не принятие «варварского» начала (капитализма), а боязнь его» (384, с. 56). В ходе проведения этой политики осуществлялся бдительный контроль над частным предпринимательством со стороны феодальной бюрократии, целый комплекс мероприятий которой был нацелен на использование капиталов буржуазии и присвоение ее прибыли. В то же время феодально-государственный тип организации производства на предприятиях, контролируемых правительством, не мог обеспечить их эффективность.

Результаты этой политики, как известно, имели для Китая катастрофические последствия (199, с. 19—36; 231, с. 21—30). Действуя на путях «самоусиления», феодальная деспотия Цинов еще могла в известной мере повысить свою способность к подавлению народных движений, но перед лицом давления извне она оказалась бессильна. Субъективно Цины были против укрепления экономических и политических позиций иностранных держав в Китае. Объективно же они сдавали им одну позицию за другой. Усиление внешнего давления вызывало рост воинственно-консервативных настроений и вместе с тем выявляло бессилие Цинов перед натиском извне.

Таким образом, характер и последствия социально-экономических и политических процессов, параллельно протекавших в Китае и Японии в 70 — 90-х гг. XIX в., были существенно различными. В одном случае, надстройка, трансформирующаяся в условиях революционного давления снизу, внедряя систему протекционизма, стимулировала капиталистическую эволюцию страны и укрепляла на этих путях ее внешнеполитические позиции. В другом — сохраняющаяся консервативная надстройка стремилась прежде всего к укреплению феодального порядка, в конечном счете уступая давлению извне. Поражение Китая в японо-китайской войне 1894—1895 гг., открывшее путь к империалистическим

тическому закабалению Китая и превращению его в полуколонию, явилось закономерным финалом политики «самоусиления» Цинов. Характерно, что ее окончательный крах обнаружился именно в столкновении с Японией, продемонстрировавшей победой над Китаем преимущества своей буржуазной эволюции.

Не одинаковой была и международная обстановка, сложившаяся для Китая и Японии во второй половине XIX в. Китай с его огромным природным потенциалом и большим населением оказался гораздо более привлекательным объектом для колониального грабежа, чем соседняя Япония. Нажим на Китай стал осуществляться раньше, а главное он с самого начала оказался более интенсивным. Колониальная экспансия держав в Китае потребовала от них больших усилий. Это обстоятельство в значительной мере уменьшило их давление на Японию. Целый комплекс факторов, отвлекавших внимание держав (война 1856—60 гг. с Цинами, участие в подавлении тайпинского движения, события на Ближнем и Среднем Востоке и т. д.), а также соперничество между ними способствовало тому, что внутренние прогрессивные процессы в стране в решающий период подготовки «мэйдзийского обновления» в общем смогли развиваться без активного внешнего вмешательства⁷. Последствия этого не замедлили сказаться: в то время как Китай становился все более зависимым от западных стран, Япония набирала все более высокие темпы самостоятельного экономического развития.

Противоречия между крупными державами в борьбе за освоение Китая в последующие десятилетия помогли Японии отстаивать свою самостоятельность. Значительную поддержку ей, как известно, в тот период оказала Англия, которая стала рассматривать Японию как потенциального союзника в соперничестве с царской Россией. Более того, пойдя в конечном счете на отмену неравноправных договоров (инициатива в этом принадлежала той же Англии), державы были готовы продемонстрировать независимый статус Японии, свое отношение к ней как к равному партнеру и даже поощрить развитие японской колониальной экспансии в Корею и Китае.

* * *

Кардинальные различия в социально-экономической эволюции Китая и Японии во второй половине XIX в. не замедлили сказаться и на характере отношений двух стран и, соответственно, на их восприятии друг друга.

Следует отметить, что период изоляции Китая от внешнего мира (XVIII — первая половина XIX вв.), когда японцы слабо представляли себе характер китайского общества, сыграл определенную роль в искусственном поддержании в Японии старых представлений о Китае как сильной и высокочивилизованной державе. Первые японцы, посетившие Китай после краха политики изоляционизма (что совпало с периодом гражданской войны тайпинов и интервенцией западных держав), неожиданно для себя увидели совершенно иную картину, нежели та, которую они традиционно рисовали себе, — картину слабого и униженного Китая. «На земле мудрецов, которыми они восхищались, — пишет японский исследователь Это Синкити, — они встретились с мерзостью, отвратительным запахом, плывущими по реке трупами и гражданской войной. В Шанхае английские и французские солдаты вели себя высокомерно и делали все, что хотели. При виде всего этого японское восхищение Китаем сменилось разочарованием» (463, с. 51). На фоне динамичного прогресса Японии первоначальное чувство разочарования после нового «открытия» Китая довольно быстро сменилось высокомерным презрением.

Это Синкити как раз подчеркивает сравнительно быструю трансформацию эмоциональной реакции японцев в отношении Китая, происшедшую на протяжении 60—70-х годов XIX в. Из его анализа дневников японского газетного издателя Кисида Гинко можно, например, представить следующую схему эволюции восприятия Китая, которая произошла в сознании этого японского интеллектуала: восхищение — разочарование — презрение — высокомерие и надменность⁸.

Параллельно с внутренними сдвигами в японском обществе шел сложный процесс постепенного преодоления архаики конфуцианской идеологии. Следуя по пути восприятия западной культуры (причем, диверсификация «ориентиров заимствования» резко ускорила этот процесс), Япония постепенно освобождалась из-под монопольного влияния китайской культуры. «Япония перестала уважать Китай, который отвергал современную цивилизацию, — отмечает японский исследователь Такэути Минору. — Изменилось даже отношение к китайским конфуцианским трудам; до реставрации Мэйдзи их было принято изучать, в дальнейшем подобную склонность к изучению старинных текстов стали считать одной из причин социальных бед Китая» (550, с. 25—26)⁹.

Уже к середине XIX в., особенно после революции Мэйдзи, Китай окончательно утратил в глазах Японии роль учителя. В стереотипах ее отношения к соседу стали появляться, становясь все более доминирующими, новые черты — снисходительное высокомерие, даже презрение к народу, который погряз в старых формах общественного бытия, закоснел в своем консерватизме, в результате оказался неспособен воспринять плоды современной западной цивилизации и допустил в отношении себя цепь унижений со стороны западных держав. В своих мемуарах Муцу Мунэмицу (1844—1897), министр иностранных дел Японии в период японо-китайской войны 1894—1895 гг., четко сформулировал такого рода подход к Китаю со стороны японских правящих кругов: «Мы столкнулись с удивительным зрелищем, которое являли две страны, разделенные лишь узкой полосой воды: одна демонстрировала результаты восприятия западной цивилизации, другая оставалась защитником устаревшей практики в Восточной Азии. В свое время японцы имели обыкновение относиться к Китаю с великим почтением. Они называли его «Небесной империей» и «Великой империей»... Теперь же мы презирали Китай как фанатичный и невежественный колосс консерватизма» (87, с. 27).

Этот новый стереотип восприятия Китая стал следствием внутренних перемен в японском обществе и усиления позиций Японии во взаимоотношениях с Китаем. Так, после «реставрации Мэйдзи» в поведении японцев стали наблюдаться разительные изменения в подходе к представителям китайской общины в Японии. Оседлые китайцы — торговцы, ремесленники, разнорабочие, в основном выходцы из приморских провинций Китая (Гуандуна, Фуцзяни, Чжэцзяна), — большей частью проживали в договорных портах Нагасаки, Иокогама, Кобе, Осака, Хакодаде. В 70—90-х гг. в Японии появились китайские дипломаты, командированные на учебу студенты, политические эмигранты. По свидетельству Сунь Ятсена, в начале XX в. в Японии насчитывалось около 10 тыс. китайцев (77, с. 231). Вместо дружеского и уважительного отношения в поведении японцев появились элементы высокомерия и даже презрения. Изменился тон японской печати — газеты писали о представителях китайской общины уже в саркастических и пренебрежительных тонах. В обиходе появились презрительные клички для китайцев (например, «мистер косичка» и т. п.). В 1877 г., сообщая о прибытии первых китайских дипломатов в Японию, иокогамские газеты отметили

сквернословие и презрительные выражения в толпе, которая сопровождала китайских представителей. Резко изменился подход к китайцам и со стороны полицейских властей. Например, полиция Нагасаки часто останавливала китайцев на улицах города и в высокомерной и оскорбительной манере проверяла их свидетельства о регистрации (по японо-китайскому договору 1871 г. китайцы в Японии обладали правами экстерриториальности) (448, с. 63—64).

Китай теперь воспринимался как «невежественный колосс консерватизма», демонстрирующий синдром «отказа от современной цивилизации» и т. п. М. Такэути приводит свидетельства японцев, побывавших в Китае после революции Мэйдзи и считавших, что его «беды» проистекают «из-за пагубной привычки к изучению старинных текстов и курению опиума» (550, с. 26).

Следует отметить, что негативное видение Китая питалось не только идеей о его традиционном консерватизме, неспособностью к переменам и восприятию всего нового. Поскольку культурная традиция, пришедшая в Японию из Китая, прочно связывала обе страны, в Японии начали распространяться представления (их пропагандистами в первую очередь являлись последователи школы «национальных наук»), что «отсталые, трусливые и презренные китайцы недостойны быть наследниками прежней великой традиции» (448, с. 58). На их основе формировалось убеждение, что носителями этой «великой традиции» отныне могла быть только Япония. Характеризуя впоследствии эти настроения, один из китайских студенческих журналов, издававшихся в Японии в начале XX в. («Юсюэ и бянь» — «Материалы, переведенные (нашими) студентами за рубежом»), писал (в 1902 г.): «Японцы часто говорят: учение Конфуция не годится для Китая, но вполне подходит для Японии. В Китае извратили его суть, и только Япония смогла осуществить его истинный смысл. Китайцы пользуются цитатами из Конфуция лишь для написания сочинений (на государственных экзаменах, — *авт.*), а японцы используют его идеи, чтобы управлять государством» (64, с. 249).

В новом стереотипе восприятия Китая отсутствовали какие-либо компоненты сочувствия к его судьбе или солидарности, желания оказать реальную помощь соседу в борьбе с западными колонизаторами. Наоборот, укрепление внешнеполитических позиций Японии, ее агрессивные устремления в отношении Китая, особенно победа в войне 1894—1895 гг., давали лишь

дополнительный стимул для распространения и культивации высокомерно презрительного отношения к Китаю в различных слоях японского общества. Шовинистические настроения в Японии, возникшие еще в ходе борьбы за отмену неравноправных договоров в конце 80-х годов, чрезвычайно разросшиеся во время и после войны 1894—1895 гг.¹⁰, получили дополнительный стимул во время победоносной для Японии войны 1904—1905 гг. с царской Россией. Доктрина паназиатизма, которую в тот период начали культивировать японские правящие круги, преследовала цель использовать Китай для укрепления внешнеполитических позиций Японии и являлась идеологическим прикрытием ее агрессивных планов в отношении Китая. Новый стереотип отношения к Китаю рассматривался правящими кругами Японии как составная часть воспитания народа в духе превосходства японской нации. Соответствующие постулаты с помощью пропагандистских средств настойчиво внедрялись в массовое сознание. Наиболее важный политический фактор, влиявший на устойчивость этого стереотипа в течение последующих десятилетий, состоял в том, что Япония стала строить свои отношения с Китаем как с объектом колониальной экспансии.

Для китайской правящей элиты (особенно для ее наиболее консервативной части) процесс приспособления к новым условиям их традиционного восприятия окружающего мира, в котором Япония по-прежнему фигурировала в качестве «варвара-вассала», оказался мучительным и трудным. Собственно, имело место не внезапное и одноразовое разрушение старого стереотипа, а его мучительная и болезненная трансформация, когда одни компоненты видения уступали место другим. Решающее воздействие на эту трансформацию оказывал внешний фактор — усиливающееся давление на Китай со стороны Японии, что придавало процессу переосмысления китайскими консерваторами роли и места «варварской» Японии особенно болезненный характер. Важным рубежом этого переосмысления явилось поражение Китая в войне 1894—1895 гг. Япония, которая недавно заслуживала лишь презрительно высокомерного отношения, в лучшем случае величественного снисхождения (на грани полного игнорирования), внезапно стала объектом озлобления и раздражения в глазах феодально-консервативной элиты.

Для значительной части китайской конфуцианской бюрократии Япония накануне и даже после «реставрации Мэйдзи» по-прежнему оставалась глухой «провинцией». Китайцам, отме-

чает западный исследователь Самуэль Чжу, японцы казались странными, забавными, может быть умными, но они никогда не принимались всерьез (448, с. 80). Правящие круги Китая, несмотря на появившуюся информацию о переменах в Японии, имели самое смутное представление (а чаще и вовсе его не имели) о том, что происходило в этой стране. Точнее было бы сказать, что «реформы Мэйдзи» квалифицировались консерваторами как отказ от следования традиционным канонам (типичным в этих кругах было называть японцев «восточными варварами, забывшими заветы предков»), как выражение собственного японцам стремления подражать «модным (вчера — китайским, сегодня — европейским, — *авт.*) течениям и образцам», что вызывало лишь снисходительно-высокомерные насмешки со стороны конфуцианских интеллектуалов. В 1874 г. по заданию двора цинский чиновник Чэнь Циюань написал специальную «Записку о современных событиях в Японии» («Жибэнь цзиньши цзи»). В ней он оценивал свержение сёгуната как «преступную акцию», в результате которой законные правители страны лишились власти; как следствие «европеизации». «В государстве все смешалось, — писал Чэнь, — в головах у людей — хаос» (цит. по 281, с. 63). Характеризуя эти настроения, Муцу Мунэмицу позднее отмечал в своих воспоминаниях: «Китайцы насмехались над нами как над варварами, которые безрассудно и дерзко устремились вперед и прилагали сумасшедшие усилия, чтобы имитировать атрибуты западной цивилизации» (87, с. 28).

Правящие круги Китая в целом не поняли значения крупных социально-экономических и политических преобразований в Японии после 1868 г. и возможных последствий для Китая происходивших там процессов. Поэтому проблема использования в Китае японского опыта модернизации полностью ими игнорировалась.

Несмотря на негативные и часто враждебные чувства к «варварам» — японцам (на более ранней стадии их формированию способствовали набеги японских пиратов и походы Тоётоми Хидэёси в Корею в XVI в.), Япония и после «реставрации Мэйдзи» не воспринималась большинством цинских сановников как серьезная угроза Китаю. Они просто не принимали ее в расчет. Да, Япония — это беспокойный «варвар», но отнюдь не заслуживающий такого же внимания, как ведущие западные державы — Англия, Франция, Германия, Россия. Как заметил С. Чжу, по сравнению с ними Японии «отводилась странная роль — она

была известна и вместе с тем игнорировалась» (448, с. 78). В 1970-х гг., когда Китай начал направлять своих первых дипломатических представителей за границу, престижным считалось получить назначение в Лондон, Берлин, Париж или Санкт-Петербург. Токио в этом списке стоял на последнем месте, и направление туда воспринималось как серьезное понижение по службе. Чиновники Цзунли ямэня (нового внешнеполитического ведомства Цинов) могли рассматривать Японию на одном уровне с такими «вассальными» территориями, как Корея, Аннам, о-ва Рюкю¹¹. В 70-х гг. во время конфликта из-за островов Рюкю цинских сановников больше волновал вопрос не об утрате Китаем «вассальных» прав, а то, что на эту территорию претендовала «какая-то там» Япония.

В начале 60-х гг. Китай высокомерно отклонил предложение токугавского режима об установлении официальных дипломатических отношений¹². (В этот период правительство Иэмоти, четырнадцатого сёгуна из дома Токугава (1858—1866), испытывало сильное давление со стороны внутренней оппозиции и капиталистических стран Запада¹³ и стремилось найти внешнюю опору в лице Китая.) Однако, спустя всего несколько лет, в 1871 г. уже Япония отклонила предложение Китая о союзе против вторжения западных держав.

На общем фоне величественной самоуспокоенности и презрительно высокомерного отношения к «карликовым чертям за Восточным морем» в 70 — 80-х гг. начал проявляться и несколько иной подход к Японии.

Важными факторами, резко стимулировавшими процесс осмысления китайской интеллектуальной элитой необходимости серьезных сдвигов в традиционной структуре, явились опыт буржуазных преобразований в Японии — «реформы Мэйдзи», которые осуществлялись параллельно с курсом на «усвоение заморских дел», а также характер китайско-японских отношений в 70—90-х годах XIX в. Особая эффективность и вместе с тем неоднозначность воздействия «японского фактора» на различные круги Китая объяснялись тем, что Япония, небольшая азиатская страна, традиционно третировавшаяся китайцами, в результате реформ быстро двинулась по пути капиталистических преобразований, заставила считаться с собой западный мир, более того неожиданно стала серьезной агрессивной силой, наряду с западными державами угрожающей целостности империи.

Эмоциональное воздействие на китайскую интеллектуальную среду быстрого прогресса Японии на путях европеизации и нового опыта китайско-японских отношений в 70-х — первой половине 90-х годов оказалось, по нашему мнению, намного сильнее опыта взаимоотношений Китая с западными державами.

Одним из первых китайцев, который воочию познакомился с переменами в Японии, был чиновник чжэцзянской таможни Ли Гуй. В 1876 г. по поручению цинского двора он был направлен в Америку на торжества по случаю столетия провозглашения независимости США и оказался проездом в Японии, где посетил Нагасаки, Кобе, Осаку, Иокогаму и ряд других городов. Новая обстановка в стране произвела на Ли Гуя сильное впечатление. В своем дневнике «Новые заметки о кругосветном путешествии» («Хуан ю дицю синь лу») он подчеркивал, что «реформы Мэйдзи» явились переломным моментом в истории Японии, исходным рубежом ее превращения из слабой страны в сильное государство. «За прошедшие годы, — писал Ли Гуй, — (японцы) научились ценить западные учения, приложили усилия к тому, чтобы и использовать западные методы, и это принесло свои плоды. Проявив решительность, они смогли укрепить основы государства. Теперь они с вызовом взирают из-за восточного моря» (цит. по 100, с. 76).

В 70—80-х гг. в связи с началом официальных китайско-японских дипломатических отношений и появлением первых постоянных дипломатических представителей Китая в Токио у цинских сановников несколько расширились возможности для получения непосредственной информации о положении в Японии¹⁴. В Китае постепенно накапливался фактический материал о проводимых там буржуазных преобразованиях. Все большее число китайцев посещало Японию: и китайские дипломаты, направленные в Японию с первой дипломатической миссией в 1877 г. (Хэ Жучжан, Чжан Сыгуй, Хуан Цзунсянь)¹⁵, и представители местной администрации, стремившейся позаимствовать кое-что из японского опыта в интересах политики «усвоения заморских дел» (Фу Юньлун, Хуан Циндэн, Ли Сяопу), и просто шэньши, путешествовавшие за свой счет. В дневниках и записках того периода, дающих достаточно объективную картину сдвигов в Японии, нашел отражение процесс постепенного осмысления китайской интеллигенцией процесса буржуазных преобразований на японской почве, самой проблемы модернизации в преломлении к Китаю.

Так, к 1877—1878 гг. относится появление «Кратких записок о миссии на Восток» («Ши дун шу люэ») и «Бессистемных набросков о миссии на Восток» («Ши дун цзаюн»), принадлежащих перу первого китайского посла в Японии Хэ Жучжана. Тогда же секретарь китайской миссии в Токио Чжан Сыгуй в традиционной поэтической форме написал «Записки о миссии на Восток» («Ши дун ши лу»). В конце 70-х — начале 90-х годов появились две работы о Японии Хуан Цзунсяня, который в 1877—1881 гг. находился на дипломатической работе в Токио. В 1880 г. был опубликован дневник китайского сановника Ван Чжичуна, посетившего Японию в 1879 г. и описавшего свои впечатления. В 1880 г. побывавший в Японии чиновник Ли Сяопу составил «Записки о путешествии в Японию» («Жибэнь цзи ю»). В 1887 г. появились записки Чэнь Цзялина «Об увиденном и услышанном на Востоке» («Дун ча вэнь цзянь лу»), в которых содержались данные по географии, истории и политике Японии. Тогда же был опубликован отчет о пребывании в Японии сановников Ван Юньи (предварительно отчет в виде доклада был направлен Ли Хунчжану вместе с отдельными изделиями японской военной промышленности) и Яо Вэньдуна. К концу 80-х — началу 90-х годов относятся такие свидетельства, как «Иллюстрированный дневник с комментариями о поездке в Японию» («Юлу Жибэнь ту цзин юй цзи») Фу Юньлуна и «Дневник о путешествии на Восток» («Дун ю жици») Хуан Циндэна. В 1879—1880 гг. в Японии побывал видный китайский журналист и пропагандист политических и экономических реформ Ван Тао, составивший «Записки о путешествии в Японию» («Фусан ю цзи»)¹⁶. Помимо информации о японских преобразованиях в этих работах содержалось определенное беспокойство по поводу характера развития китайско-японских отношений и глубокое возмущение агрессивными поползновениями Японии.

В первых китайских оценках «реформ Мэйдзи» присутствовала очень сильная консервативная струя. Не отрицая разительных сдвигов на путях заимствования «западных методов», представители консервативной тенденции в среде китайской интеллектуальной элиты считали, что японцы заплатили за это слишком высокую цену, отказавшись от национальных традиций, потеряв тем самым «лицо» и подорвав стабильность традиционной системы. Так, Хэ Жучжан (до назначения послом в Токио он занимал должность придворного истолкователя конфуцианских канонов в академии Ханьлинь), признавая сдвиги, происшед-

шие в Японии, в то же время считал, что реформы встретят сильное противодействие и выражал сомнение в их конечном успехе. По мнению Ли Сяопу, копирование «западных методов» привело к тому, что «государство день ото дня беднеет, народ задыхается от налогов, приходит в возбуждение от жесткого обращения и тоскует по временам правления сёгунов из дома Токугава» (15, с. 172).

Многие цинские чиновники с сарказмом и возмущением писали о японских реформах. Автор появившихся в начале 80-х годов «Заметок о Японии» («Жибэнь цзацзи»), отрицая какое-либо положительное значение «реформ Мэйдзи», издевался над стремлением японцев копировать «западные методы». По его мнению, завидуя силе и богатству западных государств, «они стали менять стиль парадной одежды, ввели новое летоисчисление, короче, скоро не останется ничего, что бы японцы не скопировали, вплоть до пищи, ножей и ложек» (цит. по 100, с. 77). Один из консервативно настроенных сановников после посещения Японии в стихотворной форме также издевался над стремлением японцев учиться у Запада — «Государственные установления день ото дня беспорядочно меняются, о каком авторитете властей в этом случае можно говорить?» Он считал, что японские реформы сродни забавам ребенка — «вечером решили одно, а утром все изменили». С позиций морального осуждения критиковал «реформы Мэйдзи» другой конфуцианский начетчик — И Шуньдин. В своем «Антияпонском манифесте» («Тао Жибэнь сивэнь») он писал, что японцы «не по праву назвали новую эру «просвещенным правлением», на самом деле (у них) процветают порок и низкие страсти. То, что опрометчиво считают обновлением, полностью выявило свою грязь и порочность» (цит. по: 100, с. 83).

Типично консервативную тенденцию в оценках «реформ Мэйдзи» представлял труд цинского чиновника Гу Хоукуня «Исследование новой политики Японии» («Жибэнь синь чжэн као»). Автор, делопроизводитель Министерства наказаний, в 1887—1888 гг. был направлен цинским правительством в Японию для изучения происходивших там преобразований. В своем труде Гу Хоукунь отмечал, что ряд мероприятий, которые были осуществлены в Японии, могли бы быть полезны и для Китая. Однако в целом его выводы содержали критику и осуждение «реформ Мэйдзи». О них он писал с сарказмом и издевками, считая, что японцы нарушили заветы предков. В ходе реформ, отмечал Гу,

«государство залезло в долги и казна оскудела. Китайские классики преданы забвению, в то время, как заморская литература высоко ценится. Всем старым пренебрегают, в то время, как все новое процветает. Все считают, что не отбросив старую политику, никогда не сделать государство богатым, а армию сильной. Правильно ли это?» Гу Хоукунь выражал опасения, что если Китай встанет на путь аналогичных реформ, это подорвет традиционное существование китайской феодальной бюрократии (цит. по 100, с. 79).

Среди сторонников политики «усвоения заморских дел» выявился и иной, более умеренный подход к «реформам Мэйдзи». Для представителей этого направления пример Японии явился аргументом для обоснования целесообразности применения определенных достижений Запада в китайских условиях. Вместе с тем они крайне отрицательно относились к тем изменениям, которые, по их мнению, могли подорвать устои традиционной структуры. Последнее обстоятельство сближало их с откровенными консерваторами, враждебно реагировавшими на японские преобразования. Так, сотрудник китайского посольства в Японии Чэнь Цзялин отмечал положительные и отрицательные моменты японских реформ. К положительным он относил создание современных школ, развитие горнорудного производства, инфраструктуры (строительство железных дорог, водных путей, мостов), земледелия и торговли, появление банков. Другой китайский дипломат, китайский консул в Кобе Чжэн Сяосюй главным достижением японских реформ также считал развитие торговли и промышленности, современной культуры и просвещения. К их отрицательным сторонам Чэнь и Чжэн относили, в частности, следующие моменты: пренебрежение к старой конфуцианской школе, изменения в архитектурном стиле, в системе наказаний и штрафов (например, запрещение битья бамбуковыми палками), увеличение налогов и пошлин, появление бумажных денег, изменения в соответствии с западными стандартами в одежде, питании, манере танцев (когда партнеры соприкасаются друг с другом). Хуан Циндэн в своем «Дневнике о путешествии на Восток» обращал особое внимание на те стороны японских перемен, которые, по его мнению, дестабилизировали общественный порядок: в уголовном кодексе предусмотрены слишком мягкие наказания, «потому низы ничего не боятся»; появилось большое число партий и организаций, в результате «коварные люди могут подстрекать своих сторонников

на незаконные действия»; открытие парламента делает положение правительства весьма шатким; японцы чрезмерно увлеклись раздуванием численности армии, поэтому «у солдат нет высоких целей» (50, с. 361; 100, с. 78—79).

Накануне японо-китайской войны 1894—1895 гг. новый подход к «реформам Мэйдзи» продемонстрировали ранние реформаторы — представители радикального крыла китайской общественной мысли того времени. Пример Японии в использовании достижений Запада стал для них ярким аргументом в пропаганде необходимости преобразований в Китае. Представителей раннереформаторской мысли (Ван Тао, Чжэн Гуаньина) прежде всего поражал феномен быстрого преобразования маленького островного государства, та метаморфоза, которая произошла с японским обществом в результате восприятия «западных методов». Контраст с Китаем был разительный, и это будоражило сознание китайской интеллектуальной элиты, особенно ее радикально настроенной части. Важно отметить, что в отличие от сторонников политики «самоусиления» в японских реформах ранние реформаторы увидели не отдельные частные сдвиги, а признаки широкого обновления традиционной структуры. В своем программном сочинении «Дополнения к запискам из парка Таоюань» («Таоюань вэньлу вай пянь») Ван Тао, в частности, писал: «Япония, маленькое государство в Восточном море, задавшись высокими целями, неожиданно достигла расцвета. Немедленно отбросив все косное и рутинное, японцы стали следовать западным образцам, используя их как пример для подражания... Прошло всего несколько лет, и теперь они могут сами производить корабли, огнестрельное оружие, создали современную армию, разрабатывают недра» (цит. по 100, с. 82). В свою очередь Чжэн Гуаньин, отмечая разительные перемены в японском обществе, подчеркивал важную роль государства в регулировании новых процессов. «Япония — всего лишь небольшое островное государство в Восточном море и ее земля производит не так уж много продукции, — писал он в трактате «Неприкрашенные речи об эпохе расцвета» («Шэнши вэйянь»). — Но за последние годы она стала подражать Западу и воспрянула духом... Все товары, поступающие из-за рубежа, подвергаются тщательному контролю со стороны местных властей; поощряется создание акционерных компаний, возникают разного рода управления по развитию производства; в случае потерь принимаются меры и компенсируются убытки. Все установления направ-

лены на то, чтобы дать свободу предпринимательству. Поэтому (японцы) смогли сразу разобрать и уладить все запущенные дела» (цит. по 100, с. 82). По мнению Хуан Циндэна, который посетил Японию в 1893 г., «реформы Мэйдзи» привели к «быстрому обновлению и высвободили энергию государства». Критикуя подход консерваторов к японским преобразованиям, Хуан с восхищением отзывался о лидерах «мэйдзийского обновления», называя их «выдающимися личностями, которые стремятся преобразовать страну» (51, с. 337).

Важным свидетельством переосмысления отношения китайцев к Японии являются работы видного китайского просветителя, поэта, дипломата, представителя раннереформаторской мысли, а в дальнейшем активного участника движения за реформы 1898 г. Хуан Цзунсяня (1848—1905).

Хуан Цзунсянь попал в Японию в составе первого посольства Хэ Жучжана (1877 г.) почти через десять лет после начала «мэйдзийского обновления» и пробыл там до 1882 г., имея возможность непосредственно наблюдать результаты «реформ Мэйдзи». За это время он завязал дружеские связи со многими представителями японской общественности, глубоко изучил историю Японии и современную обстановку в стране. Результатом этого явились две крупные работы Хуан Цзунсяня — «Японская мозаика в стихах» («Жибэнь цза ши ши») и «Трактат о Японии» («Жибэнь гочжи») ¹⁷. «Трактат о Японии», по существу, можно считать первым капитальным историко-географическим описанием Японии, составленным китайским автором. В нем содержится большой материал по японской истории, географии, о связях Японии с сопредельными странами, ее административной системе; образовании, торговле, нравах и обычаях. Но самая важная часть этой книги представляет описание крупных сдвигов, происшедших в Японии после 1868 г. Оценки, которые высказал Хуан Цзунсянь в своих работах о Японии, оказали большое влияние на китайскую прогрессивную мысль как реформаторского, так и революционного направлений. В последующих высказываниях Кан Ювэя, Лян Цичао, Сунь Ятсена о Японии можно наблюдать прямую переключку с позицией Хуан Цзунсяня.

В подходах Хуан Цзунсяня к Японии проявилась определенная противоречивость его мировоззрения: с одной стороны, ученого-конфуцианца, сохранявшего представление об изначальном превосходстве китайцев над другими народами, в том числе и над японцами, с другой, — стремившегося по-новому осмыс-

лить положение Китая в современном мире и сделать важные выводы из опыта японских преобразований. Как справедливо замечает Н. Камачи, Хуан всегда придерживался, по крайней мере, одного из главных конфуцианских постулатов: высшей целью человеческого общежития является достижение гармонии. Еще перед отъездом в Японию он протестовал против ксенофобии консервативно настроенных конфуцианских интеллектуалов, критикуя их ненависть к иностранцам и иностранной культуре. Хуан отвергал их китаеццентризм как проявление близорукой самонадеянности. Он заявлял, что современный мир, мир Востока и Запада, — это одна семья. В то время Хуан Цзунсянь с оптимизмом, вытекавшим из его веры в превосходство китайской цивилизации, допускал, что в конце концов Восток и Запад естественным путем построят единое гармоничное мировое сообщество. Такого рода оптимизм о взаимодействии Китая с внешним миром выражали и другие ранние реформаторы, в частности, Ван Тао и Чжэн Гуаньин. Они верили, что конфуцианский путь развития восторжествует повсюду в мире в результате открытых связей между Китаем и Западом. Н. Камачи называет это проявлением «конфуцианского космополитизма» (493, с. 258).

Основу хуановского восприятия Японии составляло твердое убеждение, что китайцы и японцы имеют одни и те же корни с точки зрения их расовой и культурной общности, причем, по его мнению, японские корни уходят в китайскую почву. Подчеркивая тесные связи между двумя народами, Хуан часто использовал выражение «одна культура, одна раса» («тун вэнь, тун чжун»), имевшее хождение и в Японии. Однако интерпретация Хуана имела свои особенности: он считал, что японцы, по крайней мере правящая в Японии династия, произошли от китайских предков¹⁸. Хуан Цзунсянь рассматривал Японию как ареал китайской культуры. По его мнению, даже такая специфическая

Хуан Цзунсянь

часть японской культуры, как синтоизм, ведет свое начало из Китая (он, в частности, подчеркивал сходство между синто и даосизмом). В известной мере точка зрения Хуана являлась анти-тезой доктрине японских ученых из школы Мито, которые отстаивали идею об уникальности Японии как божественной страны (подробнее об этой школе см. 344, т. 1, с. 595—598). Хуан Цзунсянь особенно подчеркивал значение китайского культурного влияния для развития Японии. По его убеждению, без китайской письменности и конфуцианских классических книг Япония осталась бы маленьким островным государством с примитивной культурой. Как человек, получивший классическое конфуцианское образование, Хуан сетовал, что в ходе проведения «реформ Мэйдзи» в Японии выявилось пренебрежение к ученым-конфуцианцам и изучению конфуцианских классиков (493, с. 55—61).

Однако главное в трудах Хуан Цзунсяня о Японии — это анализ того нового, что он увидел в «мэйдзийском обновлении». «Хуан Цзунсянь был первым китайцем, — справедливо замечает Н. Камачи, — который предпринял большие усилия, чтобы понять огромные изменения, которые произошли в Японии после ее неожиданной встречи с Западом» (493, с. XV). Добавим — он был одним из первых, кто выступил с рекомендацией о распространении на Китай японского опыта модернизации в период Мэйдзи. Задача Хуана заключалась в том, чтобы познакомить правящие круги Китая с опытом преобразований в Японии, продемонстрировать эффективность этого процесса и убедить их перенести «японский опыт» на китайскую почву. «Япония, — писал Хуан, — проводя реформы, отвергла старое во имя нового, не было сохранено ни одного старого декрета, новые законы отражают современные тенденции развития общества, активно внедряются западные методы управления» (цит. по 280, с. 542).

В своих работах Хуан Цзунсянь, предприняв своеобразную попытку выяснить причину эффективности японских реформ, отмечал особую способность японцев к адаптации к другой культуре. Как в период Тан японцы активно заимствовали атрибуты китайской культуры, так, столкнувшись с европейскими странами и США, они смогли многое позаимствовать у западного мира. Хуан выдвинул тезис о том, что Япония, «лишенная собственного учения» (культуры), более мобильна в своем историческом выборе, менее связана культурно-исторической тради-

цией. Что же касается Китая, то, по мнению Хуана, его восприимчивость к новому ограничена приверженностью к «старым привычкам» (цит. по 280, с. 542—545).

Хуан Цзунсянь считал, что «реформы Мэйдзи» способствовали японской национальной консолидации. «Господство Токугава закончилось в первый год правления Мэйдзи, — писал он в своих стихах о Японии. — Восстановление власти монарха означает возврат к добрым старым традициям. [Япония стоит у порога] великого возрождения» (49, с. 586). Хуан восхищался «скоростью прогресса Японии, не имеющей аналогов в мире ни в прошлом, ни теперь» (100, с. 81; 234, с. 195). Он подчеркивал важную роль централизованных усилий верховной власти как руководителя преобразовательного процесса для успешного старта японских реформ. Хуан Цзунсянь указывал, что японское правительство играло активную роль во внедрении новой технологии в сельском хозяйстве и промышленности, развитии транспорта и средств связи, учреждении новой финансовой системы, развитии всеобщего просвещения, создании современных вооруженных сил. Ссылаясь на пример Японии, он считал, что приоритетным шагом успешных реформ должно стать создание сильного центрального правительства (234, с. 254—263; 493, с. 260).

Японцы, по мнению Хуан Цзунсяня, сумели создать эффективную и хорошо организованную бюрократию, искусно соединив старую чиновничью систему, которую они заимствовали из Китая, с современной западной системой. Вначале он достаточно сдержанно и даже негативно отнесся к идеям народоправия, которые получили хождение в Японии в конце 70 — начале 80-х гг. Как традиционалист, отстаивавший незыблемость конфуцианских норм социального порядка, Хуан Цзунсянь писал: «Можно вносить изменения в конструкцию парохода или телеграфа, изменять железные дороги, преобразовывать все то, что приносит пользу сельскому хозяйству, финансам, коммерции, кустарным промыслам. Но нельзя менять отношения между правителем и подданными, между отцом и сыном, мужем и женой. Нельзя изменять то, что связано с этическими нормами» (цит. по 493, с. 82). Позже под влиянием знакомства с трудами Руссо и Монтескье в японском переводе он изменил свой подход к этой проблеме. В частности, в письме к Лян Цичао в 1902 г. Хуан писал о том, как он пришел к мысли, что путь к эре тайпин (великого спокойствия) лежит через демократию (миньчжу). Соответствующие дополнения были внесены Хуаном и в текст «Трактата о

Японии», изданного в Шанхае в 1898 г. В новой редакции Хуан интерпретировал движение за народоправие как результат взаимодействия неумолимого (предопределенного свыше) хода истории и активности людей. Тенденции современной эпохи (необходимость национального единства в условиях жестокой борьбы наций за существование) требовали, по его мнению, установления системы, в которой бы гармонически сочетались суверенные права монарха и народа. Он превозносил героические усилия японских лидеров, которые привели нацию к «мэйдзийскому конституционализму». В этой связи важным представляется указание Хуан Цзунсяня об изменении характера власти в Японии в период движения за реформы. Он правильно отметил, что острие политической борьбы было направлено на свержение системы сёгуната, а последовавшее затем быстрое прогрессивное развитие страны объяснял созданием парламента, в котором были собраны «самые мудрые мужи нации». Возвышение Японии, считал Хуан Цзунсянь, началось свержением дома Токугава и получило свое законченное выражение с учреждением парламента. Хуан активно подчеркивал в своих работах значение просвещения и роль японской интеллигенции, получившей образование в западных странах, в приобщении страны к прогрессивной культуре.

Хотя, безусловно, нельзя игнорировать подобную реакцию отдельных китайских интеллектуалов на процесс модернизации Японии, но и не следует преувеличивать степень ее воздействия на общественно-политическую атмосферу, в которой по-прежнему доминировали традиционные представления о роли и месте Китая в современном мире.

Следует отметить, что Хуан Цзунсянь отнюдь не стремился идеализировать ситуацию, складывающуюся в Японии в процессе реформ: Он обращал внимание на финансовые трудности нового режима, тяжесть налогового бремени, дефицит японской внешней торговли и т. п. Однако в отличие от оценок, например, Гу Хоукуня, для которого как типичного конфуцианца тяжелые налоги были признаком плохого правительства, Хуан Цзунсянь оправдывал тяжесть налогового бремени необходимостью финансирования важных правительственных проектов. Он, в частности, приветствовал усилия японского правительства, которое способствовало развитию хлопчатобумажной и сахарной индустрии и внедрению технологических новшеств в производстве шелка и чая с целью повышения эффективности экспорта.

Хуан Цзунсянь большое внимание уделял введению в Японии современного образования, а также созданию нового уголовного законодательства. Он, в частности, отмечал, что на всех уровнях обучения превалировали практические дисциплины. Хуан детально рассматривал реформу школьной системы 1872 г., которая декларировала принцип «ни одного человека без образования, ни одной деревни без школы». Ссылаясь на пример Германии, Хуан считал, что реализация такого принципа явится источником возвышения сильной нации.

Хуан Цзунсянь подчеркивал огромную роль японских лидеров, проявивших инициативу в проведении реформ, «двух—трех великих героев, которые возглавили движение и заложили фундамент для обновления нации» (цит. по 493, с. 87). Он надеялся, что аналогичные герои появятся и в Китае.

Китайский просветитель испытывал симпатии к Японии, которую он рассматривал как младшего брата Китая. Отталкиваясь от идеи культурно-расовой общности двух стран, он делал вывод о необходимости их тесного сотрудничества в деле «возвышения Азии». «Китай и Япония, — писал Хуан, — должны объединиться подобно сцепке двух зубчатых колес, подобно двум охотникам в одной команде — один хватает оленя за рога, другой вяжет ноги». Вместе с тем он осознавал, что воспринимая «западные методы» (си фа), Япония превращалась в опасного соседа Китая. Оценивая агрессивные акции Японии в Корее и на о-вах Рюкю, Хуан как патриот был возмущен тем, что японцы забыли об их культурном долге Китаю и проявили к Китаю неуважение. По его мнению, это было следствием их безрассудной увлеченности западной культурой и западными нормами поведения, когда сильный подавляет слабого. «В Азии Китай и Япония должны объединить свои силы и выступать едино, — докладывал он в Пекин. — Однако японцы третируют нас, добиваясь, чтобы когда-нибудь мы уступили их давлению» (цит. по 493, с. 123). Хуан Цзунсянь предупреждал, что Япония становится все более алчной и воинственной по отношению к Китаю.

Отдельные представители маньчжуро-китайской правящей элиты (некоторые видные сановники при цинском дворе и лидеры региональных феодально-помещичьих клик, придерживающиеся доктрины «усвоения заморских дел») также в известной мере выражали ощущение опасности, которую могла бы представлять для Китая Япония, вставшая на путь динамичных преобразований своей старой социально-экономической и полити-

ческой структуры и начавшая активно покушаться на «вассальные» права Китая в отношении ряда соседних стран и территорий. К этой группе можно отнести таких активных сторонников и проводников политики «самоусиления», как великий князь Гун (сводный брат покойного императора Сяньфэна), член Военного совета маньчжур Вэнь Сян, руководитель анхуйской группировки Ли Хунчжан, из деятелей меньшего масштаба — Го Сунтао¹⁹, Лю Минчжуань, Дин Жичан, Гуй Вэньцань и др. Все они подчеркивали необходимость несколько изменить политику в отношении Японии и даже кое-что позаимствовать из опыта ее взаимодействия с Западом. Правда, сторонников политики «усвоения заморских дел» в японском опыте преобразований привлекал достаточно узкий круг чисто технических вопросов (например, закупка машин и военных кораблей, производство оружия, строительство железных дорог, изучение западной технологии и т. п.), а также стремление японских властей ограничить деятельность иностранцев.

Подход к Японии лидеров «самоусиления» сводился к трем моментам: Япония в будущем может стать серьезной угрозой для Китая²⁰; у Японии можно кое-что позаимствовать; Японию стоит попытаться привлечь на свою сторону в качестве подчиненной силы для совместного противодействия западным державам. Конечно, оценка Японии как опасного для Китая фактора в значительной степени отталкивалась от традиционно враждебного и настороженного отношения к ней, широко распространенного в правящих кругах цинской империи. И все же в этом подходе было определенное движение вперед: как считали сторонники «самоусиления» в новых условиях, на путях модернизации Япония могла набрать силу для реализации своих поползновений в более крупных масштабах и стать серьезной угрозой для Китая. Что касается заимствования «японского опыта», то судя по всему, оно мыслилось в очень ограниченных сферах. Цинские сановники вовсе не имели ввиду введения парламентской системы (пусть даже куцей) или поощрение частного капитала и стимулирование деятельности буржуазии. Наибольший интерес в этом подходе представляет намерение использовать Японию в качестве союзника. В сущности, эту идею питала все та же доктрина «и и чжи и» (использовать одних варваров в борьбе с другими варварами), которая явно не оправдала себя в столкновении с Западом. Когда в 70—80-х гг. идея «использования Японии» (в значительной мере имевшая антирусскую на-

правленность) явно провалилась, последовал поворот к политике привлечения и опоры на царскую Россию для противодействия Японии и т. п. Как в одном, так и другом случае последствия были те же — расширение масштабов уступок внешнему давлению.

В новом подходе к Японии организаторов движения за «усвоение заморских дел» в зародыше было сформулировано то, что в дальнейшем получило развитие у лидеров антицинской оппозиции (как у реформаторов, так и у революционеров), конечно, в новых условиях и в новом контексте.

Особенно настороженное внимание к Японии, ее отношениям с державами и первым шагам по пути модернизации проявлял Ли Хунчжан. Характерно, что еще в начале 60-х гг. он мотивировал необходимость перехода к политике заимствования «заморских дел» будущей угрозой Китаю со стороны Японии. Ли Хунчжан считал, что если Китай не поставит себе на службу достижения Запада, то не только державы, но и Япония сумеет извлечь для себя выгоду из слабости Китая. Он отмечал способность Японии обойтись без иностранной администрации в морских таможнях²¹, ограничить активность иностранных миссионеров, в особенности проводимую японским правительством политику крупных капиталовложений с целью создания военных и военно-морских arsenалов (314, с. 400—401).

Нетрудно заметить, что при таком подходе игнорировались важнейшие компоненты японской модернизации — введение парламентской системы, поощрение частного предпринимательства, развитие просвещения и т. д.²² и явно доминировал внешнеполитический аспект (подробнее см. 268, с. 47—51).

Китайские историки отмечают неоднозначное восприятие Японии со стороны Ли Хунчжана. С одной стороны, он испытывал к ней восхищение и уважение, а, с другой — настороженность и страх (163,

Ли Хунчжан

с. 118). Он открыто восхвалял Японию как модель для Китая, с которой следует соперничать в укреплении военной мощи государства (169, с. 220). Но это отнюдь не означало, что Ли Хунчжан полностью доверял японцам. По мере расширения контактов с японцами он пришел к выводу, что их вежливый и утиливый внешний вид скрывал расчетливую и хитрую натуру.

По мнению китайского исследователя Лю Сюэчжао, Ли был первым среди цинских чиновников высокого ранга, который по-настоящему открыл глаза на Японию и заговорил о японской военной угрозе. (В период «движения самоусиления» Ли выступал большим сторонником теории «защиты от японцев» («фан жи») (см. 412, с. 180).)

Ли Хунчжан, несомненно, был наиболее осведомлен о положении в Японии. Его доклады после 1868 г. отражали определенное беспокойство в связи с проводимыми в Японии реформами, особенно усилиями японского правительства в деле модернизации армии и флота. Он считал, что сдвиги, происходящие в Японии, могут вызвать рост ее агрессивных устремлений, что «через 10 лет Япония станет ощутимо богаче и сильнее, и это в конце концов может иметь катастрофические последствия для Китая, хотя в настоящее время вроде бы и нет повода для беспокойства» (цит. по: 507, с. 151; см. также 202, с. 61)²³.

Ли Хунчжан считал необходимым изменить отношение к Японии и по возможности привлечь ее на сторону Китая. В начале 70-х гг. он обращал внимание чиновников Цзунли ямэня на целесообразность установления дружественных отношений с Японией и использования их в интересах империи для предотвращения возможности сближения Японии с западными державами (488, с. 17). «Япония расположена близко от нас и в течение долгого времени была источником бедствий для Китая, — писал Ли Хунчжан в одном из своих докладов. — Я слышал, что с тех пор, как японцы подписали договор с западными государствами, они стали покупать машины и военные корабли, узнали, как делать оружие и строить железные дороги, направили людей в западные страны для изучения различных технических вопросов. Цель Японии — усилить себя в поисках самозащиты. Но японцы находятся близко от Китая и далеко от Запада. Если мы сможем поймать их в свои сети, они могут быть полезны для нас. В случае, если мы откажемся от этого, они обязательно станут нашими врагами» (цит. по 507, с. 151).

В 1871 г. китайское правительство по настоянию Ли Хунчжана заключило с Японией договор о дружбе и торговле²⁴. Характерно, что во время переговоров выявилось стремление японских представителей во главе с М. Датэ навязать Китаю проект неравноправного договора, который бы представил ей такие же права и привилегии, какими уже пользовались в Китае западные державы. Правда, на том этапе Япония пришлось уступить, и в основу договора лег проект, подготовленный Ли Хунчжаном (112, т. 1, с. 41—44; 104, с. 196). Япония не получила торговых преимуществ наравне с западными державами (договор не предоставлял ей права наибольшего благоприятствования). Потребовав от Китая для японских граждан права экстерриториальности, японское правительство было вынуждено согласиться предоставить такие же права и китайским гражданам в Японии. В договоре специально оговаривалось запрещение японцам, приезжавшим в Китай, носить при себе оружие, что заведомо влекло за собой острую реакцию в Японии в связи с самурайской традицией ношения двух мечей. Преодолевая японские возражения, Ли Хунчжан добился включения в договор пункта о ненападении друг на друга и гарантии взаимопомощи в случае конфликта любой из договорных сторон с третьей стороной (169, с. 216—220; 506, с. 148).

Хотя договор 1871 г. внешне выглядел как успех китайской дипломатии, однако главный план Ли — навязать Японии «особые отношения» и использовать ее для укрепления внешнеполитического положения Китая не удалось реализовать. Во время переговоров Япония отклонила предложение китайского правительства заключить союз для совместной борьбы против вторжения западных держав (112, т. 1, с. 49—52)²⁵.

Тем не менее первые китайско-японские переговоры (1871 г.), отмечает китайский историк Цюй Жаофань, показали позитивные моменты во внешнеполитической деятельности цинского сановника, поскольку он «отстаивал государственные и национальные интересы, от начала до конца придерживался твердой патриотической платформы» и на какое-то время затормозил японскую агрессию (см. 412, с. 166).

70—80-е годы XIX в. характеризовались нарастанием внешнеполитического давления на Китай со стороны Японии, которая наряду с ведущими европейскими державами активно включилась в колониальный захват пограничных с Китаем государств, контроль над которыми был установлен цинской империей в

предшествующие столетия. Первыми объектами ее колониальных поползновений становятся о-ва Люцю (Рюкю), Корея и Тайвань.

В первой половине 70-х гг. не располагая на том этапе еще достаточной военной мощью по сравнению с западными державами и отсрочив на время войну с Кореей во избежание открытого столкновения с Китаем, японское правительство не остановилось, однако, перед захватом о-вов Рюкю. В 1872 г. Япония, не считаясь с протестами Китая, объявила архипелаг Рюкю своим владением (в 1879 г. эти острова были объявлены японской префектурой; статус княжества был отменен)²⁶. Этот акт был явным нарушением китайско-японского договора 1871 г., предусматривающего взаимное уважение целостности территориальных владений.

Для того, чтобы закрепиться на Рюкю и добиться фактического отказа Китая от «вассальных» прав на архипелаг, Япония в качестве следующего шага предприняла попытку захватить у Китая о-в Тайвань, который, естественно, представлял для него большее значение. Параллельно она прибегла и к дипломатическим маневрам, стремясь поддержать у китайского правительства иллюзии об «особых отношениях» между двумя странами. В частности, Япония пошла на ратификацию китайско-японского договора 1871 г. (хотя в своем окончательном варианте он явно не соответствовал ее первоначальным намерениям) и даже направила в 1873 г. в Китай специальную миссию во главе с министром иностранных дел Т. Соэдзима. Поводом для его поездки явились обмен ратификационными грамотами и участие в торжествах по случаю совершеннолетия императора Тунчжи и официального вступления его в управление страной. Фактически японское правительство стремилось оказать давление на Китай, воспользовавшись в качестве предлога инцидентом, происшедшим еще в 1871 г. у побережья Тайваня с экипажем парусного судна с Рюкю²⁷.

Ли Хунчан был противником конфронтации с Японией из-за о-вов Рюкю. В ходе разногласий, возникших по этому вопросу между двумя ведущими группировками Китая (хунаньской и аньхуйской), Ли выступал как последователь Цзэн Гофая, который проводил линию на временный отказ от территорий, расположенных за пределами собственно Китая. (Япония, особенно в дальнейшем, активно использовала в своих целях противоречия внутри китайского правящего лагеря по вопросам внеш-

ней политики, в частности, развития китайско-японских отношений). «От того, что острова Рюкю являются данником Китая, — подчеркивал Ли Хунчжан, — мы не имеем особых выгод. Если собирать дань со всех удельных княжеств только ради поддержания своего престижа, то это потребует уйму времени, а практически — ничего не даст» (цит. по 414, с. 328).

Несмотря на явную неудачу с организацией китайско-японского союза против Запада, Ли Хунчжан и его сторонники стремились закрепить линию на «особые» отношения с Японией, считая, что исключительное внимание к ней со стороны Китая, подчеркнутое выделение среди других капиталистических держав поможет нейтрализовать ее агрессивные поползновения²⁸. Г. Создзима был удостоен невиданной чести — прибыв вместе с другими дипломатическими представителями во дворец по случаю вступления Тунчжи в права императора, он был принят первым и единственный удостоился личной аудиенции у императора (дипломаты других стран были приняты все одновременно в порядке, соответствующем сроку их пребывания в Пекине, после окончания приема японского представителя). Наряду с договором 1871 г., прием Т. Создзима цинским монархом рассматривались в Китае как события «исторического значения», которые должны были символизировать признание «сюзереном» независимости своего бывшего «вассала»²⁹.

Япония не преминула воспользоваться выгодным моментом. Уклончивость Ли Хунчжана, стремившегося в сложной для Китая обстановке избежать обострения отношений с Японией, была интерпретирована в Токио как отказ Китая от прав на о-ва Рюкю и одновременно как признание за Японией права на свободу действий в отношении Тайваня. Отправка Японией на Тайвань в мае 1874 г. карательной военной экспедиции (она была укомплектована из наиболее воинственно настроенных самураев из южных княжеств) поставила Японию и Китай на грань большой войны, к которой Япония еще явно не была готова. Кроме того она опасалась международных осложнений. Хотя в результате переговоров при посредничестве английского посланника Китаю удалось договориться о выводе экспедиционного корпуса с Тайваня, на основании подписанного японо-китайского соглашения он признал «законными» действия японской стороны и согласился выплатить унизительную компенсацию в сумме 500 тыс. лянов за «причиненный ущерб». Правда, от договор-

ного оформления своего отказа от о-вов Рюкю китайское правительство уклонилось (466, с. 166).

Последующие два десятилетия (1875—1894 гг.) характеризовались резким обострением китайско-японского конфликта в Корее, усилением там позиций Японии и фактической утратой Китаем своего влияния в этой стране. В 1876 г. Япония, опередив западные державы, навязала Корее неравноправный договор, в котором было подчеркнуто непризнание ею зависимости Кореи от Китая³⁰. Характерно, что цинское правительство не заявило Японии официального протеста по этому поводу.

Канхваский договор, а также официальное присоединение о-вов Рюкю к Японии в качестве отдельной префектуры, объявленное в 1879 г., больно ударило по престижу Китая, вызвав недовольство столичных шэньши. Это был первый случай фактической утраты Китаем своих «вассальных» прав в сопредельных с ним районах (захват Францией Аннама и Англией — Бирмы произошел позднее, в 80-х гг.). Концепция китайского «сюзеренитета» основывалась прежде всего на отнесении Кореи, Аннама, Бирмы и о-вов Рюкю к сфере влияния Китая. Потеря Рюкю была весьма чувствительным ударом по этим представлениям. Однако сановники, связанные с политикой «самоусиления», не считали возможным защищать острова от японцев. Для того, чтобы как-то нейтрализовать критику внешней политики цинского правительства со стороны столичных конфуцианских интеллектуалов, Ли Хунчжан настоял, чтобы корейское правительство сбалансировало японское влияние, заключив с западными державами (США, Англией и другими) договоры, аналогичные соглашениям в Канхва³¹.

Ли Хунчжан считал, что «чуть-чуть» потеснившись в Корее, Китай в конечном счете сможет склонить Японию к совместному союзу против держав, в частности, против России (в этот период серьезно обострились русско-китайские отношения по илийскому вопросу). Однако даже после подписания в 1885 г. тяньцзиньского соглашения с Японией (так называемой конвенции Ли Хунчжан — Ито Хиробуми) и признания за Японией таких же прав на вооруженное вмешательство во внутренние дела Кореи, какими обладало оно само, цинское правительство продолжало подчеркивать свое влияние в Корее, стремясь определенными шагами закрепить ее зависимость от Китая. Особенно твердую позицию в проведении этого курса, занимал наместник цинского двора в Сеуле генерал Юань Шикай, ставленник Ли Хунчжана,

который (как после 1871 г. и его патрон) снискал острую неприязнь правящих кругов Японии (112, т. 1, с. 265—278).

Конфликт в Корее, притязания Японии на монопольное хозяйничание в этой стране стремительно продвигал оба государства к войне, к которой Япония оказалась подготовлена лучше как с точки зрения внутреннего развития, так и внешних условий.

Таким образом, 70—80-е гг. XIX в. характеризовались достаточно резким изменением характера китайско-японских отношений: инициатива все больше переходила к Японии (с середины 70-х гг., особенно после аннексии о-вов Рюкю, она уже владела ею целиком). Китай постепенно сдавал одну позицию за другой. Его лидеры рассчитывали на создание союза двух азиатских государств в качестве противодействия давлению со стороны капиталистических стран Запада, сохраняя иллюзию, что Китай уступает Японии, исходя из собственных интересов. Хотя Япония все больше воспринималась как источник серьезной опасности для Китая (особенно сторонниками политики «самоусиления»), резкого перелома в настроениях правящих кругов пока не произошло. Правящая элита не могла даже вообразить, что японские «карлики» смогут победить такого «колосса», как Китай в открытом военном столкновении.

При всей узости кругозора и традиционно-консервативном образе мыслей первых китайских дипломатов в Токио, большинство из которых являлись типичными представителями феодально-конфуцианской бюрократии и по-прежнему относились к Японии с высокомерной снисходительностью, а также неречивости высказанных ими суждений и предложений, их отчеты цинскому двору все же отражали растущую обеспокоенность усилением Японии. Например, Хэ Жучжан, первый китайский посол в Токио, настоятельно рекомендовал правительству занять твердую позицию в отношении Японии. Ли Шучан в пространной записке, адресованной им императору в 1890 г., настоятельно убеждал цинский двор воздержаться от вооруженного конфликта с Японией до тех пор, пока Китай не окажется к нему подготовленным. Наоборот, Ван Фэнцзао, китайский посол в Токио перед войной 1894—1895 гг., вообще исключал возможность внешнеполитической активности Японии из-за ее занятости внутренними проблемами (448, с. 84, 85).

Перелом наступил после 1894—95 гг.: старая система восприятия Японии оказалась в значительной степени подорванной.

* * *

Выиграв войну 1894—95 гг. и одержав впервые в своей истории крупную победу, Япония доказала, что она серьезно превосходит Китай в военном отношении, несмотря на огромную разницу в численности населения, размерах территории и природных ресурсах двух стран. Японо-китайская война явилась наглядным проявлением преимуществ капиталистической эволюции Японии над продолжающим господствовать в Китае феодальным способом производства. Поражение Китая выявило (впервые в истории китайско-японских отношений) преобладающее влияние Японии, которое та удерживала вплоть до ее разгрома во второй мировой войне. В новом типе взаимодействия двух стран Япония выступила как агрессивная империалистическая держава, стремящаяся превратить Китай в объект монопольной колониальной эксплуатации.

Различные круги китайского общества при всей неоднозначности реагирования чрезвычайно болезненно пережили поражение в войне 1894—95 гг. В дальнейшем Сунь Ятсен назвал этот период «эпохой унижения Китая перед японцами» (312, с. 114). Удар, который нанесли японцы, воспринимался гораздо острее и болезненнее, чем предшествующие поражения Китая в войнах с европейскими державами. По мнению Ч. Джонсона, «среди унижений, которым подвергались китайцы, ни одно так не уязвило их гордости, как поражение Небесной империи, которое нанесли ей «карлики» в 1895 г.» (490, с. 714). Это было поражение от азиатской страны, которую китайские императоры веками традиционно рассматривали в качестве «варвара», страны, воспринявшей китайскую культуру и всего несколько десятилетий назад вместе с Китаем испытывавшей унижение от неравноправного положения. Победителями в данном случае оказались не сильные «заморские дьяволы», обладавшие преимуществом перед Китаем в виде современного вооружения и передовой технологии, а знакомые «карликовые пираты», «пигмеи», которых высокомерно третировали.

После японо-китайской войны Ли Хунчжан называл японцев «самыми ненавистными из всех иностранцев». «В моем сердце, — писал он в своих мемуарах, — ненависть к нации, которая заставила нас вступить в войну из-за Кореи, в течение двух тысяч лет принадлежавшей Китаю» (86, с. 49, 150).

В представлении наиболее консервативных кругов китайской элиты — достаточно широкого слоя чиновников и шэньши,

воспитанных на идеях ксенофобии и феодального национализма, — победа Японии над Китаем казалась вообще невероятной. В принципе они не исключали возможность военного столкновения с Японией, но в отдаленном будущем, причем, по инициативе Китая, который имел бы моральное право «наказать» Японию, начав против нее «карательную войну». Самоуверенность консерваторов влекла за собой недооценку военного потенциала Японии и ее готовности к решительным и активным боевым действиям. Имея возможность непосредственно следить через своих дипломатов за процессом становления милитаристской Японии, цинские сановники по-прежнему оценивали ее военные приготовления сквозь призму традиционной амбициозности: японская армия считалась малочисленной, корабли — старыми, военные мероприятия — носящие оборонительный характер³². Даже после начала военных действий и первых поражений Китая на море и на суше эти настроения продолжали превалировать у консерваторов.

Например, после вероломного потопления японцами английского транспорта «Гао Шэн», перевозившего китайских солдат, сановник И Шуньдин (входил в окружение наместника Лян-цзяна Лю Куны) писал в одном из докладов: «Япония — это всего лишь мышь, хотя стремится выдать себя за тигра. Все, что она имеет, заимствовано из других стран. Японские корабли сделаны из дерева, военные отряды укомплектованы гражданскими людьми. Достижения Японии незначительны, национальная мощь невелика, народ раздроблен. Япония не сможет выстоять даже против одной из двух наших провинций» (цит. по 448, с. 81).

Непрерывная цепь поражений китайских армии и флота на театре военных действий, наконец, подписание унижительных и кабальных статей Симоносекского договора (апрель 1895 г.) буквально повергли консерваторов в шоковое состояние, вызвав их растерянность и озлобление. Победа Японии означала крах политики «самоусиления», которую проводило цинское правительство. Однако у большинства представителей консервативной элиты это не привело к реалистическому переосмыслению «образа» Японии. Единственно, что следует учесть — о Японии теперь писали и говорили с озлоблением и ненавистью как о ничтожном, но развращенном и дерзком «варваре», который посмел посягнуть на Небесную империю и поэтому заслуживает сурового наказания. В докладе того же И Шуньдина, составленном в

ноябре 1894 г. (к этому времени театр военных действий переместился на Ляодунский полуостров, где китайская армия терпела поражение под Далянем и Люшунью), в частности, подчеркивалась мысль о морально-этической неполноценности жителей Японских островов: «Островные варвары (японцы) всегда отличались загадочным темпераментом и мелочным характером. Их сердца подобны сердцам шакалов и волков, они выделяют яд подобно пчелам и скорпионам... Не имея ничего святого за душой, они осмеливаются называть своего императора сыном неба в стране восходящего солнца. Прошло 48 тысяч лет, прежде чем они установили контакты с Китаем. Теперь под покровом незаконно принятого их императором девиза Мэйдзи («Просвещенное правление») они все больше предаются праздности и распушенности. За ширмой реформ творится невероятный разврат» (цит. по 448, с. 74).

Многие представители китайской консервативной бюрократии, занимавшие официальные посты при дворе и провинциях (например, цензор Гао Юйцзэн, сановники Вэнь Тинши, Вэн Тунхэ, Чжи Жуй, Юй Ляньюань и др.), остро реагирующие на поражение Китая, были настроены весьма воинственно. Они резко критиковали политику цинского правительства (особенно после отъезда китайских представителей в Японию для ведения мирных переговоров), выступали за продолжение войны и даже требовали организовать контрудар по самой Японии³³. К весне 1895 г. воинственность консерваторов не имела уже никакого материального подкрепления — китайские армия и флот были разгромлены³⁴. Весьма характерно в связи с этим появление нового ракурса в подходе к Японии со стороны цинской верхушки — тезиса о моральном банкротстве Японии и моральном превосходстве над ней Китая, который получил распространение в придворных кругах после подписания Симоносекского мира. В частности, в ряде императорских указов и докладах трону проводилась мысль о том, что Япония, растворив заимствованную у Китая конфуцианскую традицию в «варварской» бунжуазной культуре, нанесла Китаю предательский удар; тем самым она нарушила естественный порядок вещей, мир и гармонию в Азии (Китай, окруженный «вассалами», среди которых важное место отводилось Корее, мыслился как стержень этой «гармоничной структуры»), а потому ее действия не могли иметь морального оправдания.

Для стоящей у власти группировки маньчжуро-китайских феодалов во главе с вдовствующей императрицей Цыси поражение Китая и провал политики «самоусиления» явились лишним доказательством необходимости продолжения изоляционистского курса и укрепления консервативно-конфуцианской традиции. Позор Симоносекского мира, усиление империалистического натиска на Китай в связи с начавшейся борьбой держав за его раздел лишь углубляли чувства ненависти ко всему иностранному, резкую враждебность к политике держав со стороны консерваторов, вылившихся в поддержку цинским правительством движения ихэтуаней, во время которого имели место и антияпонские выступления³⁵.

Одержав сравнительно легкую победу в войне 1894—95 гг., Япония тем не менее еще не обладала достаточной силой, чтобы добиться такого же влияния в Китае, как ведущие западные державы. Плоды ее победы в результате их вмешательства оказались серьезно урезаны. Ослаблением Китая в первую очередь воспользовались более мощные европейские державы, обладавшие там уже подготовленными позициями для нового натиска на его суверенитет. Япония еще не имела реальных возможностей, чтобы наряду с царской Россией, Англией, Германией, Францией активно подключиться к борьбе за сферы влияния в Китае и предпочитала придерживаться выдвинутой США доктрины «открытых дверей и равных возможностей».

Естественно, что основное раздражение и враждебность консерваторов вызывала политика ведущих европейских держав. Лозунг ихэтуаней, который находил отклик, а на определенном этапе и поддержку в правящих кругах, своим острием был направлен против капиталистического Запада, так как его вмешательство во внутренние дела Китая по сравнению с японским на том этапе было гораздо более активным и чувствительным. Вместе с тем Япония, победив, доказала свою силу, что в сочетании с ее своеобразием как азиатской страны стимулировало новый всплеск иллюзий у некоторых представителей китайских правящих кругов о возможности использовать своего соседа против западных держав на базе организации своего рода «расового союза» двух стран.

Еще в период японо-китайской войны эта идея находила отклик в некоторых докладах императору; в них доказывалось, что «Китай и Япония не могут быть врагами, их сплочение является

гарантией того, что желтая раса никогда не будет покорена белой расой Европы» (цит. по 533, с. 159). Более развернуто эту идею выдвигал Ли Хунчжан на симоносекских переговорах с японским премьер-министром Ито и министром иностранных дел М. Муцу в марте 1895 г., когда он безуспешно пытался изменить подход японских лидеров к Китаю как объекту экспансии или по меньшей мере смягчить японские притязания в проекте мирного договора³⁶. Развивая перед Ито аргументацию в пользу китайско-японского союза на основе расовой солидарности, Ли Хунчжан обращал его внимание на два момента: 1. Япония доказала своим развитием (в частности, успешным использованием европейских методов при организации своей армии и флота), что «желтая раса не должна уступать дорогу белым расам»; 2. уроки, извлеченные Китаем из поражения в войне с Японией, окажут в будущем стимулирующее воздействие на его развитие. Он подкреплял свою аргументацию ссылками на территориальную близость Китая и Японии, общность их культуры, третирование со стороны сильных наций Европы и главное — на взаимодополняемость двух стран (сочетание китайских природных ресурсов и военной силы Японии, по его мнению, могло бы служить гарантией противодействия Китая и Японии Западу) (87, с. 168)³⁷.

Ли Хунчжан считал, что «настало время, когда желтые расы должны объединиться против белых рас, и война не должна препятствовать организации союза между двумя империями» (цит. по 507, с. 224).

Характерно, что после подписания Симоносекского договора, который он готов был рассматривать как «личное оскорбление» и даже как «национальный позор», Ли Хунчжан уже весьма пессимистически оценивал перспективы китайско-японского союза, считая, что Япония не удовлетворится результатами войны и в перспективе станет добиваться новых приобретений в Китае (505, с. 420, 421). После Симоносекского мира новый подход Ли Хунчжана определялся планами «связаться с Западом, чтобы сковать Восток», т.е. Японию. По мнению некоторых современных китайских историков, после захвата Японией Тайваня Ли Хунчжан как патриот занял активную внешнеполитическую позицию, направленную на защиту территориальной целостности Китая (см. 506, с. 265).

Безусловно, после японо-китайской войны в представлении большей части маньчжуро-китайской знати Япония выглядела

как коварный и опасный противник, чьи территориальные поползновения на континенте, особенно в Маньчжурии, создавали угрозу жизненно важным центрам страны и в борьбе с которым для Китая было важно заручиться поддержкой могущественных держав. Тем не менее попытки китайских правящих кругов использовать восточное своеобразие Японии и противопоставить ее вместе с Китаем Западу наблюдались и в дальнейшем, несмотря на то, что правящие круги Японии реально проводили в отношении Китая прямо противоположную политику. В частности, это проявилось в период восстания ихэтуаней, когда Цины искали возможность урегулировать конфликт с державами. В ноте, адресованной Японии в июле 1900 г. (одновременно ноты были направлены правительствам Англии и России), акцент делался не только на расовой общности двух народов и противопоставлении Западу, но специально подчеркивалась зависимость Японии от «судьбы» Китая во взаимоотношениях с западными державами: «На Востоке лишь наши два государства поддерживают друг друга. Они (европейцы — *авт.*) превозносят западные земли и пристальным взглядом тигра взирают на Китай. Но если Китай не устоит, то, пожалуй, и Вашему государству трудно будет сохранить самостоятельность. Поскольку у нас общее горе и радость, мы должны временно отбросить мелкие обиды и общими усилиями поддерживать положение» (цит. по 345, с. 298, 299).

Как известно, наиболее агрессивно настроенные круги японского правящего класса как в 1895, так и в 1900 г. остались равнодушны к идее расового союза против Запада, хотя она была созвучна концепции паназиатской расовой солидарности народов Дальнего Востока, с которой начали выступать в то время японские правящие круги. Стремясь усилить свои позиции в Северо-Восточном Китае и потеснить Россию, Япония сыграла активную роль в империалистической агрессии против Китая (интервенция 8 держав) и подавлении восстания ихэтуаней³⁸. Подписав совместно с представителями западных держав так называемый Заключительный протокол 1901 г., Япония в качестве империалистической страны закрепила свое участие в полукOLONиальном закабалении Китая.

В этой связи хотелось бы высказать одно соображение. В течение длительного времени для китайских представлений о Японии был характерен ее искаженный «образ». Эти искажения могли

определяться, конечно, различными причинами и обстоятельствами. Например, восприятие Японии китайской правительственной элитой как «вассала» Китая шло от традиционных китаеццентристских взглядов, но, естественно, не подкреплялось реальным политическим влиянием Китая на Японию. Причем разрушение одного контрастирующего с действительностью стереотипа порождало другой, но тоже в значительной степени подверженный иллюзорным искажениям, например, связанный с надеждой определенных китайских политических кругов, что Япония в тех конкретных условиях может помочь Китаю выйти из рамок отсталости и завоевать подлинную независимость. В этих представлениях агрессивная природа японского милитаризма явно уходила на задний план, на первом оказывалась идея расовой общности. Искаженные, идеализированные представления о Японии, оторванные от реалий ее конкретной политики, от существа процессов, которые ее определяли, в дальнейшем оказались характерны и для различных направлений антиправительственной оппозиции.

Глава 3

ВЫЗОВ ТРАДИЦИИ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ЯПОНИЮ (конец XIX — начало XX вв.)

Японская модель развития в интерпретации китайских реформаторов

Японо-китайская война явилась поворотным моментом в истории Китая. Она стала своего рода катализатором, который дал мощный импульс политической активности передовых представителей китайского общества, осознавших необходимость коренных преобразований в стране. Поражение Китая в войне с Японией, к которой в верхах относились с высокомерным пренебрежением, поколебало уверенность отдельных представителей интеллектуальной элиты в эффективности старой традиционной системы. Оно не просто порождало тревогу за дальнейшую судьбу страны, но воспринималось как симптом гибели Срединной империи. Позднее, обобщая эти настроения, видный деятель реформаторской оппозиции Лян Цичао констатировал, что Китай после поражения в войне 1894—95 гг. «проснулся от четырехтысячелетнего сна» (цит. по 488, с. 131).

Лян Цичао подметил, как представляется, чисто психологическую связь между поражением Китая именно от Японии и тем всплеском политической активности, который последовал затем как на реформаторском, так и на революционном фронтах. Никакое поражение от Запада, будь оно даже больших масштабов, не нашло бы в китайском сознании столь болезненный и бурный отзвук.

Проигранная война, позор Симоносекского мира, разочарование в политике правительства привели к сдвигу в политичес-

ком самосознании китайского общества, прежде всего его интеллектуальных слоев, способствовали оформлению новых политических течений. Уже тогда современники обратили внимание на непосредственную связь между японо-китайской войной и последующими событиями в Китае. Янь Фу в статье «О разделении Китая на партии» писал: «После японо-китайской войны в стране произошли большие изменения, стали говорить о реформах, печатать их проекты, подавать меморандумы трону...» Он подметил не только то, что в Китае заговорили о консерватизме и реформизме, но и что общество резко разделилось на сочувствующих делу преобразований и их противников. «Сторонников консерватизма очень много, — писал Янь Фу, — сторонников нового слишком мало, и у них нет самостоятельной политической партии» (цит. по: 312, с. 114).

Война 1894—95 гг. стала толчком, который заставил по-новому взглянуть не только на перспективы развития Китая, но и на Японию, которая нанесла ему столь чувствительный удар. Японо-китайская война стала своего рода переломным рубежом в формировании нового подхода к Японии. Наряду с чувствами озлобления и досады — реакцией, которая в основном отражала настроения наиболее консервативных кругов правящей элиты, — в социально-психологическом восприятии Японии впервые выявились компоненты иного рода: уважение, зависть и восхищение ее динамичным прогрессом, желание учиться и перенять ее опыт.

Конечно, и в данном случае речь может идти о восприятии Японии лишь на элитарном уровне политического самосознания, точнее на уровне самосознания сравнительно узкого круга представителей образованных слоев общества. Национальное самосознание еще не пробудилось в той мере, чтобы можно было говорить о реакции широких народных масс на события японо-китайской войны, тем более об осознании ими ее последствий. Круг людей, осознавших катастрофическое положение страны, оставался слишком узким (312, с. 116; см. также: 428, с. 102; 531, с. 62).

В «Записках о лондонских злоключениях» (1897 г.) Сунь Ятсен писал, что «поддержание невежества народных масс составляет постоянную заботу китайского управления. Вот почему во время последнего японского вторжения китайская масса ничего не знала о нем, за исключением тех местностей, где, собственно, велась война. На небольшом расстоянии от театра кам-

паний внутри страны население не только не знало о войне, но даже никогда не слышало о народе, именуемом японцами; если же куда и проникали шепотом слухи, то они обыкновенно принимали форму разговоров о «бунте» иноземного человека» (72а, с. 68—69).

Носителями новых настроений, которые достаточно резко контрастировали с традиционными представлениями верхов, в первую очередь оказались круги, оппозиционные цинскому режиму — как либерально-реформаторского (Кан Ювэй, Лян Цичао), так и революционного (Сунь Ятсен) направлений. Пропаганда в Китае «японской модели» социально-экономического и политического развития стала одной из форм идеологической и политической борьбы антицинской оппозиции против правящего режима.

Естественно, что в центре внимания политических сил, искавших в послевоенный период выход из кризиса, не могло не сказаться простое сравнение судеб Китая и Японии. Остро вставал вопрос: объясняется ли успех Японии в войне с Китаем только более эффективным использованием современного оружия или также реформами ее политических и экономических институтов? Для многих представителей интеллектуальных кругов, по своему пытавшихся разгадать «тайну» Японии, она внезапно явилась образцом прогресса, быстрой и динамичной модернизации социально-экономической и политической систем, своего рода феноменом превращения из отсталой и зависимой азиатской страны в сильное и процветающее государство. Снисходительное высокомерие Китая по отношению к Японии, замечает М. Дженсен, сменилось завистливым восхищением (488, с. 131)¹. Испытав боль, горечь и унижение в 1895 г., китайские интеллектуалы оказались пропагандистами нового подхода к Японии, надеясь, с одной стороны, перенять ее опыт в усвоении достижений западной цивилизации, а с другой, найти у Японии как азиатской страны сочувствие и поддержку в проведении модернизации своей страны. В этом плане иллюзорные представления как оппозиции, так и отдельных представителей правящего лагеря (вспомним хотя бы «планы» Ли Хунчжана, что Япония поможет Китаю отстоять свою линию развития, что союз двух государств на базе их расовой и культурной общности станет бастионом против Запада) оказались удивительно схожими, хотя за ними и стояли различные цели. Политика Японии еще не ставилась в один ряд с политикой западных держав. Япония воспри-

нималась не как инородное «тело», а в первую очередь как «своя», близкая по духу и традициям азиатская страна, чей конфликт с Китаем может и должен быть улажен².

Япония активно использовала противоречия как внутри китайского господствующего класса, так и между правящими кругами и оппозицией, чтобы создать политическую опору в Китае для реализации своих планов. Ее доминирующее влияние, выявившееся к концу XIX в. во взаимоотношениях с Китаем, резко контрастировало с китайским влиянием, которое на рубеже древности и средневековья содействовало становлению японской государственности и культуры. Это было влияние внешней силы, ставящей в основу «диалога» с Китаем политику экспансионизма и агрессии.

Участники послевоенного движения за реформы явились первыми, кто достаточно широко и развернуто поставил проблему японского опыта модернизации в преломлении к Китаю. Выводы и рекомендации лидера реформаторского движения Кан Ювэя о проведении социально-экономических реформ в Китае преимущественно базировались на изучении буржуазных преобразований в Японии³. Характерно, что реформаторы, занимая чрезвычайно воинственную по отношению к Японии позицию в период японо-китайской войны (они были активными сторонниками так называемой партии войны, возглавляемой императором Гуансюем)⁴, резко осуждая ее агрессивные планы в отношении Китая, выступая против унижительных условий Симоносекского договора, именно в самом факте победы маленькой Японии над огромным Китаем усматривали важнейший аргумент в пользу проведения реформ.

Как утверждал впоследствии сам Кан Ювэй, он обратил внимание на японские реформы еще в 70-х годах XIX в. Тогда, по его словам, он начал читать японские книги, стал настаивать на их более широком переводе на китайский язык, понял эффективность японских преобразований и почувствовал уважение к Японии (8, с. 4)⁵.

В первых работах Кан Ювэй, написанных до 1895 г., ссылки на «японский пример» делались для доказательства необходимости осуществления в Китае программы реформ с целью усиления могущества государства. По мнению Кан Ювэй и его сторонников, проведение реформ настолько усилило Японию, что она посмела «строить агрессивные планы в отношении Китая», «отобрать наши острова Люцю» и даже «напасть на такое вели-

кое государство, как Китай». В случае осуществления преобразований Китай, по мнению реформаторов, смог бы не только разгромить Японию, возратить отторгнутые ею острова Люцю, взять под свое покровительство страны Южных морей, но стать самой сильной державой в мире. «Япония представляет собой группу маленьких гористых островов, — писал Кан Ювэй в своей записке в 1888 г. — В настоящее время император и группа сановников начали проводить реформы и менять политику. В итоге за последние 10 с лишним лет удалось полностью упорядочить все запущенные дела в стране. На юге японцы захватили наши о-ва Люцю, на севере начали теснить племена айнов. Хотя все великие государства Европы смотрят на это искоса, но не осмеливаются вмешиваться... Китай огромен по сравнению с Японией, население страны велико, мы производим много товаров... Так неужели Китай настолько слаб, что не сможет воспрянуть?» (11, с. 129).

Эти идеи развивались Кан Ювэем в его первой памятной записке, адресованной вдовствующей императрице Цыси и императору Гуансюю (1888 г.) (11, с. 124, 129), а затем наиболее полно в знаменитом коллективном меморандуме 1200 обладателей ученой степени цзюйжэнь (1895 г.) и третьем меморандуме на имя императора, где выражался резкий протест против подписания Симоносекского мира и осуждался маньчжурский двор за отказ от борьбы с Японией. В коллективном меморандуме Китай сравнивался с Османской империей, которая своевременно не провела реформы и в результате подверглась разделу иностранными державами.

В дальнейшем, с возникновением организованного движения за реформы, в меморандумах и специальных трудах Кан Ювэя, написанных уже после окончания японо-китайской войны, более конкретно и развернуто стала пропагандироваться идея о необходимости использования японского опыта преобразований и реализации его в Китае⁶.

Наиболее четко эта идея прозвучала в пятом (декабрь 1897 г.) и шестом (январь 1898 г.) меморандумах Кан Ювэя. Так, в пятом меморандуме Кан Ювэй писал, что Япония и Россия, как и Китай, в прошлом были слабыми государствами, но после осуществления реформ стали сильными и этим отличаются от Китая. Ситуация в Японии, подчеркивал он, имеет много общего с ситуацией в Китае. У обоих государств сходные политические традиции, поэтому Китаю следует использовать японский опыт (13, с. 195).

В шестом меморандуме Кан Ювэй отводил большое место красочному и идеализированному описанию преобразований в Японии, проведенных в период Мэйдзи. Он, например, заявлял, что успехом своих реформ Япония в первую очередь обязана якобы тому, что император и сановники принесли коллективную присягу служить делу реформ, было учреждено специальное бюро для ознакомления с мнением народа и привлечения талантливых людей к государственному управлению, создан законодательный комитет для разработки новых законов и введения конституционного режима. Этими тремя мероприятиями, по мнению Кан Ювэя, объясняется то, что Япония достигла «своего нынешнего положения сильной державы». Поэтому для скорейшего и эффективного осуществления преобразований в Китае Кан Ювэй предлагал по примеру Японии срочно созвать всех сановников в Храме Неба, в Храме Предков и у дворцовых ворот Цяньцинмэнь и специальным императорским манифестом объявить им основную политическую линию государства. Здесь же император принесет присягу в том, что отныне все старое отменяется и правительство в единении с народом будет проводить преобразования и т. д. (подробнее см.: 12, с. 197—202; 409, с. 155—156).

Более подробно опыт японских реформ рассматривался в фундаментальной работе Кан Ювэя «Исследование реформ в Японии в период Мэйдзи»⁷. В ней Кан Ювэй на основе почти дословного изложения некоторых японских книг о реформах Мэйдзи тщательно проанализировал причины, методы осуществления и последствия реформ, проводимых японским правительством, показал их эффективность, положительные и отрицательные стороны. Сведения относительно тех или иных преобразований, осуществленных в Японии, он снабдил подробным комментарием, в котором обращал особое внимание на возможность реализации аналогичных реформ в Китае и предлагал конкретные практические мероприятия по претворению их в жизнь. По словам Кан Ювэя, он писал эту работу не как историю реформ Мэйдзи, а как практическое руководство для императора, с помощью которого реформаторы рассчитывали практически реализовать свои планы (172, с. 45).

В предисловии к работе «Исследование реформ в Японии в период Мэйдзи» Кан Ювэй подчеркивал: «Вся территория Японии меньше одной нашей провинции Сычуань, а ее население составляет лишь 1/10 населения Китая. И однако в результате

своевременно проведенных политических реформ маленькая Япония оказалась в состоянии разгромить и уничтожить армию огромного Китая. Она захватила наши провинции в Маньчжурии и Тайвань, теперь Китай должен выплатить ей 200 млн. лян серебра контрибуции... В настоящее время пути сообщения опоясывают весь мир, и между великими державами идет ожесточенная борьба. В Европе и Америке ежедневно появляются новые политические теории, новые законы, новые научные открытия и новые машины. Европейцы строят пароходы и железные дороги, желая подчинить себе весь мир. Другие государства при

Кан Ювэй

столкновении с ними неминуемо погибнут, если не будут применять современные машины и не научатся ими пользоваться... Хотя Япония маленькая страна, но она переняла все новое и в короткий срок достигла могущества» (8, с. 3).

Приведенный отрывок как нельзя лучше характеризует подход Кан Ювэя и его сторонников к выдвинутой ими проблеме «выживания» Китая при столкновении с западным миром, который насильственным путем ломал китайскую традиционную структуру и ставил под угрозу само существование китайской государственности. Япония, по мнению Кана, «выжила» только на путях приспособления к современной западной цивилизации, освоив как «новую технику», так и «новые политические теории, новые законы, новые учения», в результате чего она превратилась в могущественную державу, более сильную, чем Китай. (Этот момент представляется важным в сопоставлении с концепцией «усвоения заморских дел» цинской бюрократии.) Единственный выход для Китая — пойти по пути Японии, которая имела, как неоднократно подчеркивал Кан Ювэй, много

общего с Китаем, используя в первую очередь ее опыт трансформации старой политико-экономической системы.

По мнению Кан Ювэя и его сторонников, именно пример Японии должен был стать мощным аргументом для давления на правящие круги в пользу проведения реформ. Тот факт, что огромный Китай потерпел поражение от маленькой Японии, по мысли Кан Ювэя, наглядно показывал необходимость глубокого и всестороннего изучения ее опыта европеизации. Китаю, подчеркивал Кан, не мешает иметь в качестве наставника сильного врага (98, с. 170). «Позор, если Китай не станет такой же сильной страной, как Япония», — писал он (цит. по: 104, с. 222).

Кан Ювэй считал, что Китай может быстрее и эффективнее осуществить коренные преобразования общественно-политической и экономической структуры по сравнению не только с западными странами, но и с Японией. Путь преобразования старой системы, который европейские страны прошли за 300 лет, Япония — за 30, займет у Китая меньше времени. По его мнению, в Китае в течение трех лет можно реализовать все основные мероприятия, в следующие пять лет привести в порядок и второстепенные дела, а через десять лет Китай смог бы обеспечить себе гегемонию среди остальных держав мира (8, с. 5). Перед Китаем, по утверждению Кан Ювэя, не стоят те препятствия, которые мешали японским реформаторам. Он указывал на систему сёгуната, противодействовавшего преобразованиям, всемогущество феодальных кланов, имевших собственные вооруженные силы и не признававших власти императора, языковые трудности при переводе западной литературы с европейских языков на японский (8, с. 3, 4). Однако Япония, отмечал Кан, «в течение 20 лет смогла осуществить политические преобразования, всесторонне заимствовала европейскую и американскую литературу, выковала нацию, создала армию в 100 тыс. солдат, построила десятки кораблей и победила нашу великую державу...» (8, с. 3). Обстановка в Китае, указывал Кан Ювэй, благоприятствует проведению реформ, ибо вся власть сосредоточена в руках императора, и стоит ему лишь вступить на путь преобразований, как «весь китайский народ успокоится и объединит свои усилия для достижения общей цели» (8, с. 3). Освоение иностранной политической и научной литературы предполагалось путем ее сравнительно легкого перевода с японского языка⁸.

Кроме того, подчеркивал Кан Ювэй, в Китае будет легче провести реформы, так как уже имеется японский опыт. Кан

образно сравнивал Японию с передовым отрядом экспедиции, прокладывающим путь по опасным местам, или с Шэнь-нуном, пробующим незнакомые лекарства (8, с. 4)⁹. «Заимствование опыта у Японии, — писал он, — подобно тому, как строят дом: европейские страны и Америка разрабатывают проект, Япония строит, а мы живем в нем» (8, с. 4).

В своей работе Кан Ювэй настаивал на разработке по образцу Японии общей программы реформ и строгого соблюдения очередности в их выполнении. «К сожалению, — писал он, — в прошлом люди, которые говорили о делах в Японии, не смогли разобратся в них» (цит. по: 98, с. 170).

Все мероприятия, реализованные в Японии, отмечал Кан Ювэй, эффективны. Это относится и к системе управления, и к финансам, и к организации армии и флота, и к сельскому хозяйству, и к промышленности, и к торговле.

Политическая программа Кан Ювэя, как можно увидеть из анализа его работы, проведенного китайскими историками, заключалась в осуществлении по примеру Японии реформ сверху до низу и создании режима конституционной монархии¹⁰. Он считал, что Япония (как и западные государства) достигла богатства и могущества благодаря «усовершенствованию политической системы», которое выразилось в разделении «трех прав» (законодательной, исполнительной и судебной власти).

В области политических реформ большое внимание Кан Ювэй уделял вопросам созыва парламента и провозглашения конституции. Учреждение парламента, избираемого народом, Кан Ювэй полагал главным звеном в процессе политических преобразований и критерием, показывающим конечный результат: будут ли реформы успешны или потерпят поражение (99, с. 75). Хотя Кан Ювэй неоднократно подчеркивал, какое большое значение имеет созыв парламента для политических преобразований в стране, Китай, по его мнению, еще не готов к этому. В Японии, отмечал он, от начала «реформ Мэйдзи» до учреждения парламента прошло 20 лет. В Японии в этот период возник ряд промежуточных совещательных органов. Кан Ювэй предлагал императору последовать примеру Японии (98, с. 176)¹¹.

Высокую оценку со стороны Кан Ювэя получила проведенная в Японии реорганизация системы управления, которую он назвал «поворотным моментом в реформах Мэйдзи» (99, с. 172).

Особо выделял Кан Ювэй подготовку кадров, организованную в Японии по образцу западных стран. В сущности, он ставил

вопрос о создании совершенно нового правительственного аппарата в центре и на местах, состоящего из чиновников, вооруженных современными знаниями.

Важное место в работе Кан Ювэя занимал анализ экономической политики правительства Мэйдзи, которая стимулировала развитие капиталистических отношений. Он пропагандировал японский опыт по развитию промышленности (строительство железных дорог, создание банков, выдача патентов на изобретения и др.). Кан Ювэй предлагал, как и в Японии, издать указы о поощрении торговли и суровом предупреждении чиновникам, притесняющим купцов и берущих с них незаконные поборы (подробнее см.: 98, с. 171—173).

В идеализированном виде представляя себе процессы, происходившие в Японии, реформаторы особое внимание уделяли «духу японской нации», ее «воинственному патриотизму», энергии отдельных выдающихся деятелей, наконец, «мудрости» японского императора, выразившейся в «привлечении способных людей». Кан Ювэй считал, что Япония стала сильным государством в результате инициативы, проявленной представителями интеллектуальных кругов страны, и призывал брать с них пример. «Менее, чем за 20 лет, — писал он, — Япония стала сильным и богатым государством, соперницей великих держав в Европе и Америке, разве это не является результатом поднятия духа японского народа, результатом его энергичных действий?» (цит. по: 98, с. 170).

В свою очередь Лян Цичао считал, что возвышению Японии способствовала группа «просвещенных, передовых мыслителей, смело действующих в духе времени» (250, с. 206). К таковым он относил преданных императору «мужей» подобно Сакамото Рёма¹² и Накаяма Тадамити, их духу и энергии, которые, по его мнению, преобладали в конце эпохи Токугава и вдохновляли японский народ (442, с. 89)¹³. Благодаря им Япония покончила с изоляционистской политикой феодального государства и открыла дорогу в новый мир (250, с. 206). Он сожалел о недостатке в Китае людей, готовых пожертвовать собой ради патриотических целей.

Высокую оценку преобразованиям в Японии давали в те годы многие участники реформаторского лагеря. В вышедшем в 1897 г. под редакцией Лян Цичао сборнике «О политике Запада» («Си чжэн цуншу») содержался обширный материал о «реформах Мэйдзи» (133, с. 66).

По мнению Ляна, именно реформы позволили Японии, стоящей перед угрозой потери независимости в период сёгуната, менее чем за 30 лет превратиться в процветающее государство (250, с. 203). Эту мысль он внушал своим студентам в Школе современных знаний (Ши у сюэтан), открытой по инициативе реформаторов в Чанша осенью 1897 г. (493, с. 215). В октябре 1898 г., тотчас по приезде в Японию после поражения движения за реформы, Лян Цичао направил японскому премьер-министру Окума длинное письмо, в котором он сравнивал «100 дней реформ» в Китае с японскими преобразованиями в период революции Мэйдзи (488, с. 137).

В свою очередь лидер хунаньских реформаторов Тан Цайчан, в то время преподаватель этой же школы, писал в своей работе «Об энтузиазме» («Лунь жэли»): «После начала преобразований в Японии прошло каких-то 30 лет, но в стране создались условия для развития талантов, проявления смелости и решительности. Обстановка стабилизировалась, и Япония стала заметной силой среди государств пяти континентов» (42, с. 97). Вслед за Лян Цичао Тан считал, что Япония достигла успехов на пути преобразований благодаря энтузиазму двух-трех героев, осмелившихся на решительные действия. По своему темпераменту, утверждал Тан, японские сторонники императора Мэйдзи походят на хунаньцев.

Направляя императору Гуансюю послания, в которых предлагалось провести экономические преобразования (развитие сельского хозяйства, промышленности, торговли, создание банковской системы, выпуск бумажных денег и т. д.), реформаторы непосредственно опирались на японский опыт. Конкретные предложения по тому или иному вопросу также чаще всего содержали описание японского опыта и рекомендации по его реализации в Китае. Так, в обращении к императору крупный цзянсуский предприниматель Чжан Цзянь со ссылками на Японию просил оставлять часть средств в провинциях для развития сельского хозяйства, промышленности и торговли, дать соответствующие указания местным чиновникам, а в плане конкретного решения этого вопроса проводить консультации с японским консулом в Шанхае (57, с. 310). В 1896 г. Чжан Цзянь написал работу «Купеческие гильдии» («Шанхуэй и»), в которой предлагал по примеру Японии оказать помощь купцам в целях развития торговли (230, с. 41). Размышляя о судьбах Китая после окончания войны, Чжан Цзянь высказал предположение, что слабость Ки-

тая объясняется тем, что он проводил только военные реформы, тогда как Япония осуществила экономические преобразования (292, с. 21)¹⁴.

Призывая создать в Китае торговые палаты и принимать меры по ограничению вторжения иностранного капитала в страну, другой известный деятель реформаторского лагеря Май Мэнхуа подчеркивал, что Китаю следует позаимствовать японский опыт формирования торгового законодательства, учреждения торговых компаний и специальных торговых школ (29, с. 119). Другой участник движения за реформы Ван Каньянь также считал необходимым учитывать опыт Японии; при экспорте шелка и чая, в частности, создавать специальные контрольные пункты для проверки качества экспортируемых товаров с целью повышения их конкурентоспособности. Он призывал по примеру Японии учреждать страховые общества, которые могли бы обеспечить защиту национальной промышленности (1, с. 140—141).

Видный китайский промышленник, директор императорской железной дороги, связанный с движением за реформы, Шэнь Сюаньхуай призывал использовать японский опыт в банковском деле. В докладной записке на имя императора в апреле 1898 г. он писал: «Европейские государства, Америка, а также Япония, все без исключения, придают большое значение созданию банковской системы» и предлагал идти этим же путем (62, с. 446—447).

Япония была примером для реформаторов и в проведении реформ в военной области. Они подчеркивали необходимость изучения японских методов организации военной структуры, настаивали на упразднении разложившихся «знамённых» войск, формировании современной армии и флота, полиции и отрядов самообороны.

В апреле 1898 г. Кан Ювэй выступил с предложением издать императорский указ о прекращении использования в войсках устаревших способов обучения, учреждении военных школ (сначала в Пекине и Тяньцзине, а потом и в других провинциях), в которые приглашать в качестве преподавателей талантливых людей. Кроме того, Кан Ювэй настаивал на отправке китайцев на учебу в военные школы Японии и Германии (10, с. 211—214).

В июле 1898 г. императору была передана докладная записка Юань Чаня, который предлагал, подобно Японии, уделять как можно больше внимания обучению войск, организации отрядов самообороны и т. д. (63, с. 452).

Преобразования в области просвещения и культуры в той или иной степени базировались на «японском примере». Так, реформаторы настаивали на изучении опыта Японии по учреждению школ. Ху Ифэнь, один из участников реформаторского движения, начальник столичного округа Шуньтянь, писал, что после преобразований в Японии прошло только 30 лет, а «страна уже богатая, народ сильный, по западному образцу создана широкая сеть школ». Главная задача Китая в настоящий момент, подчеркивал Ху Ифэнь, следовать примеру Японии и увеличивать число талантов для укрепления основ государства (46, с. 289). Член Верховного императорского совета Ляо Шоухэн подчеркивал, что после того, как Китай испытал так много унижений, он не может бездействовать: его главная задача заключается в том, чтобы открывать учебные заведения для учащихся, в которых следует ввести «физическое закалывание и военное обучение» (28). На необходимость использования японского опыта в области просвещения было указано в записке Цзунли ямыня по поводу открытия высшего учебного заведения в столице (133, с. 68). Цензор Сун Болу рекомендовал изучать опыт Японии по созданию информационных агентств (31, с. 349—351).

На основе работ, меморандумов, представленных императору участниками движения, можно сделать вывод, что японский опыт оказал большое влияние на программу реформ в Китае. Как отмечает один из современных исследователей, китайские реформаторы взяли за образец японскую конституционную монархию (99, с. 75)¹⁵.

Естественно, реформаторов привлекал и опыт буржуазного развития непосредственно самих западных стран¹⁶. Кан Ювэй считал, что критическое осмысление японского опыта необходимо для того, чтобы в кратчайший срок осуществить в Китае «все лучшее, что имеется в новом законодательстве Европы, Америки и Японии». Известно, что наряду с японской «моделью» конституционно-монархической формы правления реформаторы обращали внимание и на ее английский и немецкий образцы. Их привлекала Германия — своим опытом организации военного дела, Россия, которая, как они считали, «имеет режим управления, сходный с китайским: там власть государя стоит на высоте и управление строгое» (цит. по 409, с. 159). Кан Ювэй, в частности, рекомендовал императору брать пример с Петра I, который решительно порвал со старыми традициями (409, с. 161).

Поскольку предложения реформаторов объективно ставили вопрос о серьезных сдвигах в китайской традиционной структуре и приобщении Китая к современным реформам политического управления и хозяйствования, иными словами, о приобщении его к западной модели эволюции (конечно, с учетом китайской специфики), реформаторы могли бы прямо обратиться к опыту западных стран (и, как мы видим, обращались). Однако в центре их внимания все же стояла Япония¹⁷.

Многое в японском опыте отвечало политическим идеалам реформаторов (в частности, — относительная «бескровность» революции Мэйдзи, осуществление реформ сверху¹⁸, сохранение многочисленных феодальных пережитков, особая роль императора в событиях «мэйдзийского обновления» и т. п.). Естественно, речь шла не о слепом копировании. Характерно, что целый ряд конкретных мероприятий, которые Кан Ювэй предлагал осуществить в Китае по образцу Японии, лишь отдаленно напоминали их японский аналог (в качестве примера прямой аналогии можно было бы привести предложение Кана о введении специальных почетных званий для старых консервативных сановников, как это было сделано в свое время в Японии для некогда всесильных феодалов, чтобы нейтрализовать их оппозицию реформам). Япония привлекала реформаторов как образец для соответствующих преобразований в силу ее специфики как восточноазиатской страны, причем немаловажную роль здесь играла ее расовая и культурная общность с Китаем. Реформаторы использовали японский пример и для эмоционального воздействия на китайские правящие круги, в частности, на императора Гуансюя. Им в принципе импонировала японская модель эволюции для приобщения к современной цивилизации. Они видели в Японии пример успешной ассимиляции и трансформации западной культуры на азиатской почве, что, по их мнению, являлось условием «выживания» государства в современном мире. Заслуживала подражания, как считали реформаторы, именно инициатива, проявленная Японией в критический момент столкновения с Западом. Отсюда имевшая хождение в некоторых реформаторских кругах идея чуть ли не о мессианской роли Японии, через которую «судьба» подает свой «знак» и Китаю.

Эту идею выдвинул Лян Цичао в своей работе «Китай будет сильным», опубликованной в 1897 г. в журнале реформаторов

«Ши у бао» («Современные задачи»). По его мнению, на земле есть «судьба», которая выпала на долю Японии: «ей следует пересечь Желтое море и Бохайский залив и обновить Китай. Проводником судьбы на севере будет Корея, на юге — Тайвань. Сейчас «судьба» уже приближается... и через десять лет Китай по силе и изобилию будет первым государством в мире» (цит. по: 414, с. 456). Судя по всему, под «судьбой» Лян Цичао имеет в виду не Японию как таковую (известны его высказывания, в которых он, как и Кан Ювэй, осуждал ее экспансионистскую политику в Китае), а сам процесс общественного обновления, пример которого первой подала Япония. «Судьба» грядет и то, что произошло в Японии, неизбежно должно наступить в Китае, — вот, на наш взгляд, смысл его идеи. Для Лян Цичао это был, таким образом, своеобразно оформленный призыв к «верхам» проявить разумную инициативу в деле проведения реформ, в результате которых Китай станет «первым государством в мире». В противном случае «судьба» будет проявляться путем насильственного вовлечения тех или иных территорий в процесс «обновления», как это произошло с Кореей и Тайванем, а в дальнейшем может произойти и с Китаем.

Таким образом, национализм реформаторов (если рассматривать его с точки зрения выхода на Японию) в отличие от традиционно-феодального национализма консервативной элиты оказывался своеобразным сплавом прямо противоположных эмоций, соединяя одновременно как возмущение агрессивными действиями Японии по отношению к Китаю, так и восхищение ее стремительной эволюцией на путях современной модернизации. Причем, если в первом случае их эмоции в общем сливались с традиционно-националистической реакцией на национальное унижение, то второй аспект их «видения» Японии явно выпадал из общей струи, не находя адекватного отзвука в традиционных стереотипах.

Проблема внешнеполитической ориентации реформаторов (в данном случае — рассматривали они Японию лишь как пример социально-политического динамизма восточноазиатской страны или одновременно и как потенциального внешнего союзника), равно как и вопрос о японском влиянии на них, не прост и не однозначен. Представляется, что мнение китайского историка Фань Вэньланя, считавшего, «что «во внешней политике они (реформаторы, — *авт.*) уповали на Японию», не отражает всех

нюансов их далеко неоднозначного подхода к этой проблеме¹⁹. Следует подчеркнуть, что реформаторы стремились осуществить программу глубоких преобразований для спасения страны с помощью определенных группировок правящего лагеря во главе с императором, осознавших пагубность прежнего курса, т. е. с расчетом прежде всего на инициативу господствующего класса Китая. Внешний фактор, безусловно, имел для них важное и существенное значение (прежде всего с точки зрения обеспечения благожелательного отношения держав к реформам, предотвращения их возможного вмешательства), но все же несколько иное, чем для революционеров, которые действовали нелегально и строили планы ликвидации цинской монархии в расчете на поддержку извне. Характерно, что сам Кан Ювэй весьма настороженно относился к иностранному вмешательству, в том числе со стороны Японии, в движение за реформы²⁰. (Весьма показательно, что представители левых группировок реформаторов, например, Тань Сытун, Тан Цайчан, находившиеся на «стыке» реформаторского и революционного направлений антицинской оппозиции и в дальнейшем выступавшие [Тан Цайчан] за насильственное свержение клики Цыси, проявляли гораздо больший интерес к практическим контактам с представителями японских правящих кругов). Отдельные проявления явно прояпонских настроений наблюдались среди реформаторов, но считать их преобладающей тенденцией было бы преувеличением.

Национализм реформаторов носил ярко выраженный антииностраный характер. Меморандумы Кан Ювэя периода японо-китайской войны показывают его понимание агрессивных устремлений японского капитализма в отношении Китая, ощущение серьезной внешнеполитической угрозы Китаю со стороны Японии. И хотя на смену воинственным антияпонским настроениям Кан Ювэя 1895 года пришло стремление глубже разобраться в «тайнах» японской модернизации и использовать японский опыт для осуществления преобразований в Китае, это ощущение продолжало сохраняться и в дальнейшем, особенно в связи с новыми проявлениями японского экспансионизма после поражения движения за реформы²¹.

Конечно, реформаторы в известной мере идеализировали политику японских правящих кругов. Среди них имели хождение идеи политического союза с Японией, причем расовые предрасудки реформаторов, в частности принцип «сохранения расы»,

выдвинутый Кан Ювзем и Лян Цицао, играли весьма существенную роль. Через Японию реформаторы рассчитывали повлиять на политику Англии (судя по всему, они были неплохо осведомлены о развитии англо-японских связей в тот период), чтобы вызвать ее благожелательное отношение к реформам в Китае. Вместе с тем меморандумы Кан Ювэя не оставляют сомнения, что лидером японо-китайского союза он видел Китай, который в результате осуществления программы преобразований стал бы сильнейшей державой мира, возвысившись не только над Японией, но и над всеми остальными государствами²².

Более доверчивое отношение к Японии, особенно со стороны левого крыла реформаторов, по сравнению с их настороженным отношением к западным державам и явно враждебным к России вызвало стремление части японских правящих кругов активно использовать реформаторскую оппозицию в Китае для давления на Цинов и облегчения японской экспансии на материке. После войны 1894—1895 гг. японские правящие круги впервые стали пытаться оказывать соответствующее воздействие на политическую и идеологическую ситуацию в Китае, стремясь, в частности, поддерживать тот положительный «образ» Японии, который, как они считали, вырисовывался в пропаганде реформаторов. Ведущие деятели японской политики (Ито Хиробуми, Окума Сигэнобу, Ямагата Аритомо) прекрасно учитывали специфику переживаемой Японией стадии социально-политического развития, которая позволяла им прикрывать свои корыстные расчеты демагогическими лозунгами о «расовой общности». В конце XIX в. Япония еще не занимала ведущего положения среди крупнейших западных держав, которые повели борьбу за раздел Китая на сферы влияния. Это давало ей определенные преимущества, чтобы воздействовать на те круги китайского общества, которые, опасаясь иностранной интервенции, были заинтересованы во внешней поддержке для проведения в жизнь программы преобразований.

В самой Японии в этот период были сильны антииностранные — антиевропейские и антиамериканские — настроения и начали активизироваться (при поддержке сверху) шовинистические элементы, развернувшие пропаганду идеи «Великой Азии», где главенствующая роль должна была принадлежать молодому японскому империализму.

Идеи паназиатизма выросли в определенных кругах японского общества на почве противодействия тенденциям разрушения японских традиционных ценностей. Насаждение западных интеллектуальных и культурных стандартов задевало национальную гордость японцев и воспринималось как угроза независимости страны. Противовесом западному влиянию стала идеология государственности (кокка сюги), культивирование убеждений об исключительности Японии, призванной сыграть ведущую роль в судьбах Азии. Японские ультранационалисты при поддержке правящих кругов призывали к экспансии в страны Азии, чтобы помочь слабым соседям выстоять против западного нажима (332, с. 141)²³.

К 1898 г. относится провозглашение «доктрины Окума» (в июне — октябре 1898 г. Окума возглавил японский кабинет министров), согласно которой Япония должна заплатить свой «исторический долг» Китаю путем оказания помощи в сдерживании экспансии западных держав и содействия в проведении реформ (488, с. 136)²⁴. Активную деятельность по пропаганде этой доктрины развернуло «Общество возрождения Азии» (основано в Японии еще в 1880 г.), которое ставило своей главной целью «помочь желтой расе сохранить Восточную Азию, не дать Германии, России и прочим государствам растащить ее» (414, с. 466)²⁵. Были предприняты попытки создать филиал этого общества непосредственно в тех районах Китая, где к этому времени японцы активизировали свою торгово-промышленную деятельность. В Шанхае и в пров. Фуцзянь начали издаваться японские газеты, в ряде портовых городов Китая стали возникать различные японо-китайские общества дружбы (например, в начале 1898 г. такое общество было создано в Шанхае). Японская пропаганда, специально адресованная китайцам, усиленно рекламировала успехи экономического развития Японии, объясняя их твердой позицией своего правительства в отношении западных держав. Японцы призывали Китай забыть о войне 1894—1895 гг. и всемерно налаживать торгово-экономические связи.

Значительный интерес к происходящим в Китае событиям проявляли и японские военные круги. В феврале 1898 г. японский генеральный штаб направил в Ханькоу трех представителей во главе с Камио специально для встречи с лидерами реформаторов Тань Сытуном, Тан Цайчаном, а также наместником провинций Хубэй и Хунань Чжан Чжидуном, который в этот пери-

од сочувствовал реформаторам. Выдвигая перед ними идею японо-китайского союза, японские представители предлагали конкретную помощь в создании китайской армии нового образца. По свидетельству Тань Сытуна, японцы подчеркивали, что «Китай и Япония — это губы и зубы, которые поддерживают друг друга. Если Китай не сможет существовать, не сможет существовать и Япония. Спасая Китай, Япония спасет себя» (цит. по: 302, с. 19). Хотя планы японо-китайского союза с привлечением Англии не получили и не могли получить конкретной реализации, сочувственный отклик, который они вызвали в кругах левых реформаторов, не вызывает сомнения²⁶.

Ито Хиробуми

В период «ста дней» реформ японские правящие круги, в особенности стоявшая у власти партия Окума, неослабно следили за событиями в Китае, занимавшем центральное место в планах Японии. Ярким показателем этого являлся приезд в Китай в сентябре 1898 г. под видом путешественника бывшего японского премьер-министра Ито Хиробуми. Активный деятель революции Мэйдзи, трижды возглавлявший кабинет министров Японии на протяжении 1885—1898 гг. (в том числе в период японо-китайской войны), Ито был достаточно известен в кругах реформаторов. При их содействии он был даже лично принят (в нарушение всех традиционных церемоний) императором Гуансюем, с которым обменялся мнениями относительно «очередности реформ» и установления тесных отношений между Японией и Китаем для укрепления безопасности Восточной Азии (104, с. 23—24; 302, с. 222—223).

Естественно, японские политики меньше всего были заинтересованы в глубоких преобразованиях в Китае и, поддерживая на определенном этапе оппозиционные режиму Цыси силы, преследовали свои расчеты: оказать давление на консерваторов, держащих в своих руках реальную власть. По этим же соображениям после переворота, организованного консервативными силами, они содействовали бегству из Китая некоторых видных реформаторов (Лян Цичао, Ван Чжао, Кан Ювэя), получивших политическое убежище в Японии (126, с. 99—105)²⁷.

Особенности восприятия Японии различными кругами китайской общественности накануне Синьхайской революции

Проблема, связанная с выяснением роли Японии в интеллектуально-политической жизни Китая в предсиньхайский период, поставлена в буржуазной западной историографии, однако, как нам представляется, несколько односторонне и в усеченном виде. В. Франке, в частности, отмечает два важных фактора, которые, с его точки зрения, оказали влияние на последующее развитие событий: первый — осторожное, точно рассчитанное и успешное вмешательство Японии в интеллектуальную жизнь Китая, и второй — реакция Китая на давление иностранных держав. Намечая «психологическую связь» между этими факторами, Франке затем иллюстрирует свой вывод на примере реформаторов. «Мы имели неоднократную возможность видеть, — пишет он, — как реформаторское движение, которое выросло сначала из ненависти ко всему иностранному, постепенно, и, вероятно, вначале неосознанно перешло под японское влияние, так как оно заимствовало значительную часть своих аргументов и ведущих идей из Японии и многие его представители нашли там свое убежище» (468, с. 48). Г. Шифрин, как бы продолжая мысль В. Франке, ставит проблему в более общей форме и категоричнее: «После поражения движения за реформы, — замечает он, — японцы пытались направить курс истории Китая в соответствии с собственными целями» (540, с. 157).

Бесспорно, В. Франке подметил очень важный и характерный нюанс японской политики. Как уже отмечалось выше, Япония в тот момент пыталась использовать свою относительную «слабость» по сравнению с ведущими западными державами, которые разворачивали широкомасштабную экспансию в Китае, вызывая в первую очередь ненависть консерваторов, протест и возмущение оппозиционных сил. Мы далеки от мысли отрицать японское влияние, в частности, на реформаторов, тем более отрицать стремление японского господствующего класса использовать все средства, включая прямую агрессию, чтобы вообще подчинить своему влиянию Китай, что, собственно, и имело место на протяжении последующих десятилетий. Однако считать, что реформаторское движение «вначале неосознанно (мыслится, что в дальнейшем — вполне сознательно?) перешло под япон-

ское влияние» — значит явно игнорировать тот националистический стимул, который пронизывал всю деятельность реформаторов, равно как и революционеров, и выносить за скобки те цели и задачи, которыми они руководствовались. И реформаторы, и революционеры прежде всего были китайскими националистами и оставались ими, даже ища поддержки у Японии и вдохновляясь примером ее современного динамичного развития. В постановке проблемы у Г. Шифрина и В. Франке Китай вообще перестает быть субъектом и рассматривается скорее как объект японского влияния и японского экспансионизма²⁸.

Пятнадцатилетний период между японо-китайской войной и Синьхайской революцией (1895—1911 гг.) — один из интереснейших и по-своему уникальный в истории китайско-японских отношений, прежде всего с точки зрения роли Японии в политической и идеологической жизни пробуждающегося Китая. После 1895 г. японцы стремились держать руку на пульсе интеллектуально-политической жизни китайского общества, не только пытаясь чутко улавливать симптомы предстоящих перемен, но и стремясь по возможности активно воздействовать на них.

Именно в отмеченный период чрезвычайно ярко проявилась двойственная роль Японии по отношению к Китаю. С одной стороны, Япония выступала как агрессор, открыв новый этап во взаимоотношениях двух стран с войны против Китая и начав затем подготовку политических и идеологических «плацдармов» для реализации своих далеко идущих экспансионистских целей. Но, с другой стороны, Япония в этот период явилась своеобразной школой приобщения передовой китайской интеллигенции к современным идеологическим концепциям. Япония стала своего рода проводником, связующим звеном, через которое осуществлялось подключение китайской духовной жизни к общемировым процессам идейного развития. Объективно это ускорило процесс формирования национального самосознания, способствовало развитию и усилению националистических устремлений, имевших антиимпериалистическую направленность. Именно в этот период через Японию передовая китайская интеллигенция познакомилась с достаточно широкой палитрой западных концепций и теорий, в том числе с социалистическими идеями (см. 371, с. 102; 402, с. 25, 166–167). В предсиньхайский период на японской почве, опираясь на определенную поддержку и поощрение со стороны части японского господствующего класса, набирал силу тот революционный авангард во главе с

Сунь Ятсеном, который возглавил борьбу за свержение цинской монархии в Китае. Через «японскую школу» прошло большинство ведущих политических деятелей Китая последующих десятилетий, от лидеров Гоминьдана (Чан Кайши, Ван Цзинвэя, Дай Цзитао, Ху Ханьминя, Ляо Чжункая и др.) до первых китайских марксистов (Чэнь Дусю, Ли Дачжао и др.), ведущих деятелей культуры (Лу Синя) и т. д.

Специфика момента состояла в сочетании, в совпадении по времени двух совершенно разнохарактерных тенденций, но тем не менее оказавшихся в тесной связи: экспансионистских устремлений японских правящих кругов в отношении Китая, достаточно четко обозначившихся на данном историческом рубеже, и «пробуждения Китая», тяги передовых китайцев к современным знаниям ради обновления Китая, что в значительной мере реализовывалось через Японию.

Нам хотелось бы обратить внимание еще на один важный момент в китайском восприятии Японии на том этапе. Мы имеем в виду идеализацию японского «образа» (в данном случае мы говорим о политике Японии) передовой китайской общественностью, причем в определенной степени это проявлялось и в реакции китайских правящих кругов. Казалось бы, реальная политика Японии меньше всего давала повода для ее идеализированного восприятия. В период восстания ихэтуаней японские войска вторглись на территорию Китая, причем японские правящие круги выражали даже готовность самостоятельно, без поддержки западных держав расправиться с антиимпериалистическим движением в Китае. В результате русско-японской войны, разгромив царскую Россию в морских сражениях и на полях Маньчжурии, Япония приобрела и начала интенсивно осваивать южнотоманьчжурский плацдарм, подготавливаясь к новым агрессивным акциям против Китая. Хотя отдельные представители передовой китайской интеллигенции, прежде всего из среды реформаторов (например, Лян Цичао), давали достаточно реалистические оценки японской политике, не они определяли общий настрой восприятия Японии китайской интеллектуальной элитой. Различные круги китайской прогрессивной общественности продолжали надеяться, что Китай добьется национального и социального освобождения с помощью Японии. На данном этапе выявился чрезвычайно широкий спектр японской притягательности для Китая: Япония как пример современного динамичного развития азиатской страны; Япония как возможный союзник

в борьбе против вторжения Запада; Япония как помощница в деле свержения цинского режима; наконец, Япония как посредник в подключении Китая к общемировым процессам идейного развития.

Феномен своеобразной психологической «аберрации» в китайском восприятии Японии, ее повышенная притягательность для Китая, определенная устойчивость идеализированных представлений о ней в кругах передовой китайской общественности объяснялись, на наш взгляд, прежде всего тем, что Япония традиционно занимала особое место в китайском восприятии внешнего мира. Это обстоятельство (иными словами, традиционное представление о ней как особом «варваре») проявилось и в новом подходе после японо-китайской войны. Расовая и культурно-историческая близость двух стран как бы снимала тот психологический барьер, который «отделял» Китай от Запада, обуславливая подход к нему как нечто чужеродному, не вписывающемуся в традиционную структуру восприятий. В отношении Японии словно не действовала реакция «отторжения». Западные державы как главный враг и главный источник опасности для Китая, а Япония как чуть ли не защитница Китая от западного экспансионизма — такая доминанта в целом была характерна для китайского восприятия внешней обстановки на том этапе. В ракурсе такого подхода вполне логичным было, например, восприятие японского участия в подавлении восстания ихэтуаней не как проявления агрессивных намерений японских правящих кругов, а как стремления японцев оказать помощь Китаю в отражении агрессии западных держав. Спекуляция Японии на идее расовой общности против Запада психологически легко входила в китайское традиционное сознание.

Конечно, в данном случае надо иметь в виду целый ряд факторов, которые стимулировали и даже в известной мере определяли такой подход: более низкую степень японского вторжения в Китай по сравнению с западными державами, антиихэтуаньский настрой оппозиции, влияние японской пропаганды, наконец, антирусские настроения (царская Россия в это время оккупировала Маньчжурию), которые в тот момент были сильны в Китае. Последнее обстоятельство в немалой степени способствовало тому, что агрессивные действия Японии в период русско-японской войны и захват ею южноманьчжурского плацдарма в Китае интерпретировались как проявление особой «освободительной» миссии Японии в Азии.

В сознании китайской интеллектуальной элиты Япония являлась как бы конкретным воплощением связи между традицией и современным миром. Именно поэтому японский пример и сама Япония привлекали не только представителей региональных феодально-помещичьих группировок (Чжан Чжидун), мечтающих о модернизации Китая при сохранении основ традиционной структуры (своего рода втором издании политики «самоусиления»), не только реформаторов, отталкивающихся от традиции, но и китайских революционеров (Сунь Ятсена), также не порывающих с ней.

Японские правящие круги путем искусно рассчитанных маневров и игры на националистических чувствах китайского народа активно стремились поддержать положительный «образ» Японии в глазах китайской общественности, добиться положительного отношения с ее стороны к японской политике. Японские усилия в этом направлении развивались как по политическим, так и по идеологическим каналам. В частности, руководители Японии в этот момент открыто покровительствовали и поддерживали политическую оппозицию в Китае, стремясь использовать ее антиправительственный потенциал для ослабления китайской государственной структуры и облегчения японской экспансии. Конечно, у представителей различных политических кругов японского правящего класса не было однозначного подхода к этой проблеме. В предсинхайский период тактика в китайском вопросе сменяющих друг друга японских кабинетов (Ито, Окума, Ямагата, в дальнейшем Кацура и Сайондзи) отличалась определенными нюансами. Для Ито, например, была характерна определенная сдержанность в подходе к китайской политической оппозиции. Военная клика Ямагата выступала как активная сторонница немедленных внешнеполитических захватов. Пожалуй, наибольший интерес к антиправительственным силам в Китае проявляла так называемая прогрессивная партия Окума. Как известно, вначале японцы оказывали поддержку реформаторам, импонировавшим им, по выражению М. Дженсена, своей респектабельностью и консерватизмом по сравнению с «изменчивым республиканизмом» Сунь Ятсена (487, с. 74). Затем, после поражения движения за реформы, для более чувствительного давления на правительство Цыси, они стали делать ставку на более радикально настроенные круги²⁹, предоставлять убежище и оказывать содействие представителям антиманьчжурских движений, разрешать создавать в Японии различные анти-

правительственные организации и издательства. В целях расширения своего влияния на интеллектуально-политическую жизнь Китая японское правительство поощряло приток в страну китайской студенческой молодежи. Преследуя свои цели, Япония объективно играла роль своеобразного «плацдарма», на котором осуществлялось политико-идеологическое оформление авангарда антицинской оппозиции. Японская пропаганда, образовавшиеся тесные контакты и сотрудничество разного рода японских политических и общественных деятелей с представителями китайских оппозиционных сил (и Лян Цичао, и Сунь Ятсен имели достаточно высокий уровень связей в Японии — Окума Сигэнобу, Инукаи Ки и др. были видными фигурами японской правящей элиты) оказывали на последних определенное воздействие. (При этом, как известно, нюансировка японской политики в определенные моменты допускала ослабление поддержки китайских оппозиционных сил и непосредственное заигрывание и даже поддержку правительства Цыси).

Международная ситуация, сложившаяся вокруг Китая, в частности, специфика англо-русского противоборства в Китае, позволяли Японии оправдывать свои действия особой «освободительной» миссией в Азии, стремлением уничтожить сферу влияния России и поддержать политику «открытых дверей». Такая политическая линия, соответственно раздуваемая в японской пропаганде, встречала сочувственный отклик не только со стороны некоторых представителей передовой общественности Китая, но и определенных кругов феодально-региональной оппозиции (по отношению к правительству Цыси) внутри правящего лагеря.

Основной доктриной, которая обеспечивала на определенном историческом этапе «стыковку» китайского и японского национализма и которая до поры до времени как бы нейтрализовала антияпонскую направленность китайского национализма, являлась идея паназиатизма. Зародившись на японской почве, она получила значительный резонанс в китайском националистическом сознании. На фоне формирования этой идеи и происходил тот своеобразный психологический сдвиг в китайском восприятии Японии, существенным компонентом которого становилась иллюзорная вера в положительную роль буржуазной Японии в судьбах Китая.

Предсинхайское десятилетие отмечено резким увеличением притока китайской учащейся молодежи в Японию. Первые китайские студенты появились на японских островах еще в 70-х гг.:

в связи с проводимой политикой «самоусиления» цинские власти рассчитывали получить через Японию кое-какие сведения о западной технологии и науке. После японо-китайской войны, наглядно продемонстрировавшей преимущества японской системы подготовки кадров, правительство несколько расширило отправку способных молодых людей на учебу в Японию (в частности, в 1900 г. численность китайских студентов в Японии приблизилась к их численности в США — около 200 человек). Но уже с начала 900-х гг. начался массовый (по сравнению с предыдущими годами) отъезд китайских студентов на учебу в Японию. Так, в 1902 г. их численность там достигала 500 человек, в 1904 г. — более 1 тыс., а к 1905—1906 гг. возросла до 8—10 тыс. (448, с. 41)³⁰. По числу китайских студентов, выехавших на учебу за границу, Япония в этот период резко обогнала все ведущие западные державы (например, в 1905 г. в США училось всего 130 китайцев). Как отмечает А. Г. Крымов, в основном это были выходцы из мелкобуржуазных семей и лишь незначительная часть — отпрыски феодальных родов и высшего чиновничества (371, с. 58).

Быстрый рост численности китайских студентов в Японии в начале 900 гг. в значительной мере стимулировался так называемой новой политикой цинских правящих кругов, решившихся в обстановке резкого обострения политического кризиса в стране на проведение некоторых верхушечных реформ и нуждавшихся в современных, европейски образованных кадрах. В 1901—1902 гг. были изданы указы об обучении молодежи за границей (в том числе специальный указ о посылке за границу молодых маньчжуров), об изменении программ уездных и провинциальных экзаменов на ученые звания, введении западных наук в систему образования и т. п. В частности, в октябре 1902 г. правительство приказало провинциальным властям отправить для продолжения учебы за границей за казенный счет наиболее способных молодых людей, проявивших себя на экзаменах или в ходе учебы во вновь созданных новых школах. В соответствии с этим указом наибольшее количество учащихся было отправлено в Японию. Для поощрения выезда учащихся двор объявил, что окончившие учебные заведения Японии за свой счет по возвращении на родину также могут рассчитывать на получение чиновничьих должностей³¹. Отмена в 1905 г. экзаменов по традиционной системе делала учебу за границей одним из важных путей приобретения чиновничьих должностей, что в свою очередь стимулировало приток в Японию китайской учащейся молодежи.

То обстоятельство, что наибольшее количество китайской молодежи, выехавшей на учебу за границу, оказалось сосредоточено в Японии, объясняется рядом причин. Япония в эти годы рассматривалась в Китае как своего рода центр для приобщения к современным знаниям. Важную роль при этом играли как географические факторы (территориальная близость двух стран и связанная с этим сравнительная дешевизна командирования в Японию на учебу китайской молодежи), так и традиционно-психологические: расовая и культурная близость Китая и Японии. В данном случае сказывался и определенный поворот в настроениях части китайских правящих кругов в сторону положительного восприятия японского опыта модернизации социально-политической структуры. В новый исторический период, наступивший после событий 1900—1901 гг., некоторые лидеры региональных феодально-компрадорских группировок, которые активно воздействовали на правительство в вопросах проведения «новой политики» и, в частности, в значительной степени регулировали отправку китайской молодежи на учебу за границу, начали активно пропагандировать подход к Японии, который по существу был типичен для реформаторов в конце XIX в.

Наиболее характерна в данном отношении фигура влиятельного члена правительственного Комитета по делам правления (основного органа проведения «новой политики»), наместника Лянху (пров. Хубэй и Хунань) Чжан Чжидуна (подробнее о нем см. 106, с. 49—57), упорнее других наместников проталкивавшего на заграничную учебу своих кандидатов. Для Чжан Чжидуна, ревностного сторонника конфуцианской традиции, в свое время близкого к кругам реформаторов, Япония казалась «безопасной моделью» для проведения ограниченных реформ в Китае (прежде всего в экономической, военной и образовательной областях). Опыт Японии, отфильтровавшей и отбросившей, по мнению Чжана, наиболее «вредные» элементы западной культуры, воспринимался им как наиболее удачный и достойный подражания с тем, чтобы избежать конфликта между китайской конфуцианской традицией и прямым влиянием «еретических» политических теорий Запада.

Еще в своем трактате «Призыв к учебе» («Цюань сюэпянь»), написанном летом 1898 г., Чжан Чжидун выступил ревностным пропагандистом японского опыта и использования его для осуществления верхушечных реформ в Китае. Япония, утверждал Чжан Чжидун, указывает путь Китаю. Поскольку в обеих странах суще-

ствуют схожие условия и традиции, Чжан рекомендовал использовать японские реформы в качестве образца при проведении преобразований в Китае. Причину быстрого прогресса Японии он видел в том, что многие японские лидеры (в частности, Ито, Ямагата, Муцу) получили образование в западных странах (подробнее см. 59, с. 89-91).

«Они, — писал Чжан Чжидун, — переживали, что Япония оказалась под гнетом западных стран. Поэтому разъехались по разным странам: в Германию, Францию, Англию. Кто изучал политику, кто — экономику, кто — военное дело. Потом все вернулись на родину. Разве Китай не может поступить так же?» (59, с. 90). В этой же работе Чжан Чжидун призывал по примеру Японии переводить как можно больше западной литературы (59, с. 107).

Настаивая перед правительством на отправке китайских студентов в Японию, Чжан Чжидун подчеркивал ее преимущества в этом плане перед западными державами. Он отмечал, в частности, географическую, расовую, культурно-историческую близость Японии к Китаю, общность письменности, возможность более тщательного контроля за поведением студентов и т. д. (143, с. 282—284).

При посредничестве японского консула в Шанхае Чжан Чжидуну удалось пригласить группу японских военных в качестве преподавателей в созданную им школу по подготовке офицерских кадров и направить в Японию большую группу студентов из пров. Хубэй, многие из которых были посланы специально для изучения опыта организации японской армии (104; 488, с. 150; 489; 529).

В начале 900-х гг. интенсивный процесс приобщения китайской интеллигенции к современным идеологическим воззрениям в значительной степени осуществлялся через японскую литературу, с которой китайская студенческая молодежь и представители политической эмиграции получили возможность широко познакомиться в эти годы. За десятилетие, непосредственно предшествующее Синьхайской революции, особенно в 1902—1907 гг., резко возросло число книг, переведенных с японского языка на китайский, прежде всего по таким отраслям знаний, как политика, экономика, философия, юриспруденция, социология и т. п.³² Характерно, что большинство книг, переведенных в этот период на китайский язык, были написаны японскими авторами, а не являлись переводами с других (западных)

языков. По подсчетам Ф. Хуана в 1895—1905 гг. переводы оригинальной японской литературы составили 60% общего числа книг, переведенных за эти годы на китайский язык. Как свидетельствовал Лян Цичао, Токио в этот период стал «центром распространения новых идей. Появилась масса журналов, где регулярно публиковались переводы с японского. Каждый раз, когда появлялась новая книга, за нее сразу брались несколько переводчиков. Влияние новых идей было подобно распространению огня» (цит. по: 482, с. 43).

Конечно, следует учитывать тот факт, что представители передовой китайской интеллигенции знакомились с современными идеологическими концепциями в значительной степени в интерпретации японских авторов. Но вместе с тем, трудно согласиться с категорическим утверждением американского исследователя Х. Чжана, что «в течение двух десятилетий после 1895 г. Япония была главным источником вдохновения для новых китайских идей». И далее: «Китайские политические эмигранты в Японии, которые в 1895—1919 гг. возглавляли процесс интеллектуальной трансформации Китая, были преемниками и проводниками японского влияния» (442, с. 142).

В первом случае автор явно преувеличивает влияние японской общественной мысли на китайскую интеллигенцию. «Новые китайские идеи» являлись своеобразным сплавом традиционных воззрений и современных идеологических концепций, среди которых японская общественная мысль, вероятно, также присутствовала, но отнюдь не являлась «главным источником вдохновения». Другое дело, что уникально специфическая роль Японии на данном этапе взаимодействия двух стран состояла в том, что объективно она играла роль своеобразного посредника между передовой китайской интеллигенцией и западной культурой, своеобразного «подключателя» духовной жизни Китая к общемировым процессам идейного развития. С другой стороны, Х. Чжан явно игнорирует националистическую природу китайской политической эмиграции в Японии, представители которой учились в японских школах, использовали японские деньги, строили различные политические расчеты с участием Японии, искренне верили в ее положительную роль в судьбе Китая, но при этом в первую очередь оставались китайскими патриотами, мечтавшими о возрождении Китая, независимо от того, что многие из них идеальным вариантом китайского самоусиления считали модернизацию по японскому образцу.

В этом плане заслуживает внимания подход к Японии одного из видных деятелей либерально-реформаторской оппозиции Лян Цичао, который после поражения реформаторов в 1898 г. оказался в эмиграции в Японии и пробыл там почти безвыездно до 1912 г.³³ В период японской эмиграции у Лян Цичао чрезвычайно расширились возможности для широкого знакомства с современной идеологией, причем не только с трудами западных авторов, но и японских. В частности, в этот период он знакомится с работами японских социологов Фурукава Юкити, Рото Хироюки, Токутоми Сохё (Итиро) и др. Фактически став лидером китайских либеральных конституционалистов в начале XX в., Лян Цичао изучал книги по проблемам конституционного устройства таких японских авторов, как Микобэ Тацукити, Онодзука Рихейдзи, Хацуми Яцука, оказавших на него определенное влияние в этом вопросе (262, с. 37—39). Некоторые западные и японские авторы, специально исследовавшие вопрос о влиянии на Лян Цичао трудов японских авторов и японской интеллектуальной среды, в которой он вращался, считают, что многие из его статей на морально-политические темы навеяны характером популярных в то время в Японии «политических новелл»; они же отмечают сходство его литературного стиля с публицистическим стилем крупнейшего японского писателя того времени Токутоми Рока (1868—1927). По мнению Чжан Хао, Япония являлась для Лян Цичао своего рода социальной лабораторией, в которой он непосредственно мог наблюдать взаимодействие традиционно-консервативного начала и влияния Запада (442, с. 142—144)³⁴.

Естественно, новый круг связей как в японских политических кругах, так и в кругах японской интеллигенции, сама японская действительность, ставшая не просто объектом интеллектуального интереса Лян Цичао, а непосредственно окружающей его реальностью, стимулировали его новые идейные поиски. Сам Лян Цичао отмечал влияние на него новой обстановки. Вскоре после прибытия в Японию он, в частности, писал: «С момента прибытия в Токио... я прожил там 440 дней. За это время я познакомился с несколькими японскими друзьями, которые стали близки мне, как собственные братья. Помимо этого я приобрел десятки других знакомств. После приезда в Японию я широко собирал японские книги и читал их... В результате многие мои взгляды изменились, мои мысли и выражения стали настолько отличаться от прежних, что даже казались мне мыслями и слова-

ми другого человека. Я ежедневно читал японские газеты, оказываясь вовлеченным в японские политические дела настолько, что они начинали казаться мне делами моей собственной страны. Многие из новых привычек так глубоко укоренились во мне, что даже при желании я не мог бы от них избавиться» (цит. по: 482, с. 46).

Но при всем этом весь спектр общественно-политических воззрений Лян Цичао накануне Синьхайской революции — от пропаганды идей «разрушения» и «революции» до их полного отрицания и стремления со-

Лян Цичао

хранить просвещенно-монархическую систему в качестве цементирующей основы общественного единства, — показывает, насколько органично его мысль была связана с политическими судьбами Китая того времени, насколько активно он пытался (естественно, в рамках своего мировоззрения) найти пути спасения Китая. Характерно, что, знакомясь с современными воззрениями в процессе своих идейных поисков, Лян Цичао все больше склонялся к выбору таких путей модернизации Китая, в рамках которых сохранялась бы традиционная политико-идеологическая основа общества как гарант его государственной целостности и социальной стабильности.

В этом плане Япония была для Лян Цичао примером бескровной трансформации, сохранявшей устои традиционной структуры. Пропагандируя накануне революции 1911 г. идею просвещенной монархии, Лян Цичао апеллировал к японскому опыту. По его мнению, после 1868 г. в Японии возникла система просвещенной монархии, благодаря чему японский народ мирно эволюционировал в современное гражданское общество с высоким уровнем образования (566, с. 106). Резко противопоставляя модернизацию Японии французскому (разрушительному) варианту прогресса, он писал: «Существуют два пути достижения прогресса: бескровный (в Японии) и кровавый (во Франции). Если Китай встанет на путь бескровного разрушения, я буду благодарить небо; мне остается лишь скорбеть, если для нас неизбежным окажется кровавое разрушение» (25, с. 154; подробнее см.: 311, с. 43—63).

Лян Цичао считал, что Япония может служить образцом для изучения передовых теорий Запада. В своих работах «Общепринятый взгляд на реформы», «Учение об обновлении народа» и других он подчеркивал, что только усвоив западные теории, Япония сумела превратиться в современное государство и призывал китайцев следовать ее примеру (см. 250, с. 208).

Прежде всего, Лян Цичао настаивал на изучении способности японской нации «подобно бурлящему потоку устремиться к новому, отбрасывая на пути всё дурное». Он полагал, что успехи современной Японии несомненно можно объяснить ее традицией заимствовать иностранную культуру, ее стремлением к подражанию. В статье «Об общей тенденции изменения научной мысли в Китае» Лян Цичао отмечал, что Япония никогда не имела своей цивилизации, а «заимствовала китайскую и западную». Однако, развивая научную мысль других государств, японцы приводили ее в соответствие с нуждами своего государства. На основе этого он призывал китайцев «переваривать все заимствованное и превращать в свое» (см. 250, с. 208).

В качестве важного фактора, обеспечивавшего прогресс Японии, Лян называл воинственный дух японской нации, подчеркивая при этом особую роль в проведении реформ Мэйдзи «патриотически настроенных воинов».

Особое значение он придавал умению японцев «разжигать гнев во имя совершения героических поступков». Он считал, что только благодаря продолжительной военной подготовке в японском обществе, Япония смогла одержать победу в китайско-японской и русско-японской войнах (см. 250, с. 211).

Для Лян Цичао, чьи взгляды в предсинхайское десятилетие претерпели сложную эволюцию, были характерны противоречивые суждения о политике официальной Японии. Наряду с признанием значительного влияния, которое оказывало на него японское окружение, Лян Цичао уже в первый год своей вынужденной эмиграции дал достаточно трезвую оценку политике японских правящих кругов в отношении Китая. Еще в 1899 г. он пришел к выводу, что в Японии отсутствуют реальные политические силы, которые могли бы поддержать китайскую партию реформ. По его мнению, политика Японии была направлена либо на раздел Китая, либо на поддержание цинского правительства (22, с. 67—71). Конечно, такая точка зрения отражала разочарование реформаторов позицией японских властей, переориентацией последних на укрепление официальных связей с прави-

тельством Цыси, с одной стороны, и кратковременную поддержку китайских революционеров, с другой. Но в целом это мнение Лян Цичао отразило и его достаточно критический настрой в отношении политики официального Токио, в известной мере понимание экспансионистских планов японских правящих кругов, их тактики и планов в отношении Китая (характерно, что Лян говорит о стремлении Японии к разделу Китая в то время, когда японское правительство официально провозглашало себя сторонником политики «открытых дверей» и поддержания государственной целостности Китая).

Наряду с этим, в написанных им в это время «Записках о реформах периода усюй» (1898 г.), в которых он, в частности, анализировал отношения Китая с иностранными государствами, Лян Цичао отмечал, что Япония не стремится к разделу Китая, что спасти Китай от раздела (мыслилось — западными державами) могут только реформы, и китайская общественность рассчитывает на помощь Японии в их проведении. По мнению китайского историка Ху Шэна, такого рода формулировки в «Записках» Ляна были специально адресованы японским властям и выражали его благодарность за предоставленное ему и его товарищам политическое убежище (227, с. 81). Добавим от себя, — не только и не столько благодарность, сколько надежду на помощь Японии в деле возвращения к кормилу власти фактически низложенного императора Цзай Тяня. (Лян как бы выдавал официальной Японии своеобразный «аванс».) Естественно, на Лян Цичао теперь уже влиял и его статус политэмигранта, а, следовательно, зависимость от японских властей³⁵, и определенная идеализация японских «прогрессистов» во главе с Окума Сигэнобу и Инукаи Ки, с которыми у него по приезду в Токио установились самые тесные контакты.

В октябре 1898 г., тотчас по приезду в Японию Лян Цичао отправил Окума длинное письмо, в котором он сравнивал «100 дней» реформ в Китае с японскими в период революции Мэйдзи (488, с. 7). И по прошествии целого ряда лет, накануне завершения своего пребывания в Японии, в 1910 г. Лян Цичао продолжал писать о своем восхищении Окума (482, с. 53). По мнению Хуана «главным в паназиатизме таких деятелей, как Окума, Инукаи было романтическое видение Восточной Азии, объединенной на основе расовой и культурной общности и свободной от посягательств Запада» (482, с. 46). Деятельность Окума и его сторонников в целом отражала экспансионистские устрем-

ления японских правящих кругов (напомним, что именно его правительство в 1915 г. предъявило Китаю известные «21 требование»). Вместе с тем стоит подчеркнуть, что политика Окума, заигрывающего с китайской оппозицией и не выступающего до поры в качестве сторонника немедленных военных захватов, была более гибкой по сравнению с линией явных экспансионистов (типа Ямагата). Окрашенная в либеральные тона, она имела свои нюансы, которые и внушали иллюзии и надежды лидерам китайской политической эмиграции.

Отношение Лян Цичао к политике правящих кругов Японии не было однозначным, оно менялось под влиянием политических реалий. В начале 900-х гг. он, судя по всему, уже более реалистически подходил к оценке целей и методов японской политики в отношении Китая. Представляется, что в контексте разоблачения «новых методов» империалистического закабаления страны, в частности, доктрины «открытых дверей», Лян Цичао имел в виду и политику Японии. Реализация доктрины «открытых дверей» вела, по его мнению, к усилению экономической экспансии держав, к постепенному расширению системы иностранных концессий и селтльментов, в конечном итоге к окончательному закабалению страны. Лян Цичао считал, что для Китая принцип «сохранения целостности» таит в себе даже большую опасность, чем раздел: политика империалистического раздела могла бы вызвать отчаянное сопротивление народа, в конечном итоге способствовать подъему его национального самосознания и возрождению его государственной независимости, в то время как политика «сохранения целостности» усыпляет бдительность, притупляет развитие национального самосознания, ослабляет волю народа в борьбе за независимость.

«Нужно понять, — писал Лян Цичао в статье «О новых методах уничтожения государства» (1902 г.), — что политика раздела хотя и ставит нас на грань гибели, однако в ней может быть заключен наш «жизненный выход»; политика защиты целостности Китая фактически означает лишь верную гибель для страны» (23, с. 47). (Япония расширяла масштабы своей экспансии в Китае, прикрывая свою политику именно защитой его целостности.)

В своих последующих статьях в либеральной прессе Лян Цичао связывал события русско-японской войны с дальнейшим ухудшением внешнеполитического положения Китая, с дальнейшей потерей им своего суверенитета. Он указывал на уси-

ние позиций Японии в Маньчжурии, резко критиковал цинское правительство за отказ от защиты суверенных прав Китая и т. д. (19, с. 11—19).

Как и многие китайские общественные деятели того времени, Лян Цичао отдал дань увлечению японскими теориями панназиатизма, которые вписывались в его концепцию «национализма» и социал-дарвинистские воззрения о национальной и расовой борьбе. Эти идеи, имевшие хождение в среде реформаторов в период «100 дней» реформ, подогревались в реформаторской печати и в последующие годы. Вслед за Кан Ювэем Лян Цичао считал, что преобразованный с помощью реформ Китай будет играть достойную, по сути дела руководящую роль в панназиатском союзе народов желтой расы, станет заслоном на пути проникновения государств белой расы в Азию.

«Если весь наш народ воспрянет, — писал Лян Цичао в 1902 г., — создаст новое правительство, упорядочит дела внутреннего управления, увеличит свои силы, то белые люди никогда не посмеют даже помышлять о захвате азиатского материка» (23, с. 45).

В первые годы своей эмиграции Лян Цичао выступал ревностным сторонником расовой солидарности Китая и Японии. В этом плане на Лян Цичао активно воздействовали близкие к нему японские деятели — Хираяма Сю, Ямада Рёхэй (один из лидеров крайне шовинистских и экспансионистских кругов) и другие (482, с. 46)³⁶. В объединении двух стран он видел гарантию сохранения независимости желтой расы от экспансионистских посягательств со стороны западных держав. «Китай и Япония — братские страны, — писал Лян Цичао в 1899 г. — Если мы ликвидируем границы между нашими государствами и окажем друг другу поддержку, то сможем сохранить независимость желтой расы и остановить распространение силы европейских государств. В будущем Китай и Япония станут одной страной. Тот факт, что основу наших языков составляет общее (китайское) иероглифическое письмо, будет иметь большое значение (для дела объединения). Уже сейчас японские патриоты должны сделать своей главной целью изучение китайского языка, а патриоты Китая — японского» (цит. по: 482, с. 48). Одной из задач издаваемого им в Иокогаме в 1898—1901 гг. журнала «Цин и бао» («Чистые суждения») Лян считал пропаганду установления дружеских отношений между Китаем и Японией.

Характерно, что идеи панназиатской расовой солидарности Китая и Японии в дальнейшем не получили развития в програм-

мных выступлениях Лян Цичао. Японская модель паназиатизма, в которой доминирующая роль все более явно отводилась Японии, наталкивалась на его патриотический настрой и, естественно, не могла встретить адекватной поддержки³⁷.

Сразу же после окончания японо-китайской войны в Японии начала нарастать волна шовинистической пропаганды (победа Японии над царской Россией еще больше подхлестнула ее), существенным компонентом которой было распространение презрительного и высокомерного отношения к китайцам.

В то время в японской печати «о китайцах отзывались с презрением, хуже, чем о скотах», — сообщает биограф Линь Гуй, одного из лидеров восстания Армии независимости (в течение нескольких месяцев 1899 г. Линь Гуй находился в Японии и учился в организованной Лян Цичао высшей школе «Датун» в Токио; остро переживая дискриминацию китайцев в Японии, он вскоре вернулся в Китай и активно включился в революционную деятельность) (385, с. 111, 112).

Китайских студентов, которые протестовали против специальных правил японских властей, ущемлявших их политическую активность, в японской прессе называли «бунтовщиками» и «неполноценными» (549, с. 19). В японских военных школах преподаватели могли позволить себе сравнение китайского народа с «400 млн. микробов в куске грязи» (469, с. 12, 13). Японское наименование Китая словом «Сина» (китайская транскрипция Чжина) постепенно приобрело презрительный оттенок, особенно на обиходном уровне (469, с. 12, 13)³⁸.

Атмосферу презрительного отношения представителей японских верхов к китайцам в те годы достаточно ярко характеризует инцидент, происшедший в Осака в 1903 г. в связи с организацией там международной выставки. Японские власти организовали специальный павильон, рекламирующий новую японскую колонию — о-в Тайвань, что уже само по себе больно било по патриотическим чувствам китайцев. Но особенно бурный всплеск возмущения патриотически настроенных китайских студентов в Японии вызвало намерение японской администрации выставить в павильоне «Человеческие расы» в качестве живых экспонатов представителей китайской нации как «людей из зависимых стран» (там же демонстрировались туземцы о-вов Рюкю, жители колоний западноевропейских государств — индийцы, индонезийцы и т. п.) (более подробно см.: 386, с. 7—9). Лян, в частности, с негодованием писал, что японцы научились у Запада порочить

Китай, называя его «дикой страной», а китайский народ «глупым и невежественным» (250, с. 215).

Подобный подход, который постепенно начал выходить на уровень японского массового сознания, неизбежно вызывал возмущение всех китайских патриотов. Хотя процесс размывания в сознании многих китайских националистов идеализированных представлений о паназиатской расовой общности Китая и Японии, их объединения на расовой основе для совместной борьбы против экспансии «белого империализма» западных держав растянулся не на одно десятилетие, на уровне отдельных представителей прогрессивной китайской интеллигенции (Лян Цичао, по-видимому, можно отнести к их числу) уже созревало ощущение бесперспективности для Китая решать свои проблемы, уповая только на расовую общность с Японией и рассчитывая на ее широкую поддержку.

Идеологической платформой Лян Цичао в этот период становится лозунг «защиты государства», обосновывая который он стремился доказать необходимость укрепления общегосударственного единства на традиционных основах, что, по его мнению, стало бы гарантией проведения широких преобразований, усиления страны и противодействия любой внешней угрозе.

Тем не менее Япония оставалась для большинства китайских либералов своего рода эталоном успешной социально-политической и экономической эволюции, примером успешного включения традиционного общества в современную структуру политических и экономических отношений. Прообраз будущего Китая они видели в современной Японии. Следуя по пути Японии, Китай, по их убеждению, очень быстро мог бы стать сильной и передовой державой. В ходе разворачивания конституционного движения накануне революции 1911 г. они часто прибегали к пропагандистскому приему контрастного сопоставления развития двух стран.

Непосредственно накануне Синьхайской революции пример Японии являлся одним из главных аргументов в пропаганде либеральных конституционалистов в пользу необходимости проведения преобразований и перехода к конституционной монархии. Считая, что сила и могущество стран Запада зиждется на конституционной основе, на гражданских и законодательных правах народа, они указывали на Японию как азиатскую страну, которой реализация западных конституционных рецептов обеспечила могущество и процветание. Лян Цичао, например, так

трактовал различия в судьбах двух стран: «Современный мир является эпохой перехода от самодержавного строя к конституционному режиму. В наши дни волна перехода от абсолютизма к конституционному строю достигли Востока. Япония первая проявила инициативу в восприятии нового течения и восприняла духом, став могущественной страной. Китай же все еще находится во мраке, хиреет, трудности все усиливаются, и положение ныне обострилось до крайних пределов. Люди мыслящие понимают, что государству осталось существовать считанные минуты» (21, с. 4, 5).

Лидеры либеральной оппозиции советовали ориентироваться на японский опыт введения конституции; они утверждали, что Япония является классическим примером разумной инициативы монарха в проведении конституционных преобразований.

Сильнейшее влияние на Китай оказали события и исход русско-японской войны. Победа азиатского государства, недавно вставшего на путь буржуазных реформ, над могущественной, традиционно считавшейся в Китае непобедимой западной державой, вызвала в стране подъем как оппозиционных, так и националистических настроений. Характерной особенностью этой националистической волны являлось то, что она, словно игнорируя реальные факты усиления позиций Японии в Китае, в данном случае способствовала утверждению на какой-то момент положительного облика Японии в сознании части китайской общественности, укрепляла иллюзии о Японии как форпосте против проникновения Запада в Восточную Азию, о возможности совместного противодействия экспансии западных держав. Факт победы Японии лишь усиливал оппозицию режиму, который не мог защитить суверенитет страны и поэтому все больше лишался морального кредита со стороны передовой общественности. Представители всех оппозиционных цинскому режиму направлений широко пропагандировали победу Японии, представляя ее как успех политики проведения социально-экономических и политических преобразований, как результат широкого внедрения в ее традиционную структуру элементов западной цивилизации³⁹. Конечно, характер и масштабы этих преобразований в самом Китае понимались различными кругами антицинской оппозиции по-разному: либерально-реформаторское направление выступало под знаменем конституционализма, но за сохранение монархии как традиционной скрепы китайского общества; революционно-демократическое — за ликвидацию тра-

диционной политической структуры (цинская монархия) и реализацию программы «трех народных принципов» Сунь Ятсена.

Пропаганда японской модели развития находила положительный отклик в среде формирующейся китайской торгово-промышленной буржуазии. Ее представители (например, Чжан Цзянь и др.) в этот период чаще всего аргументировали свои требования к «верхам» встать на путь конституционных преобразований ссылками на японский опыт экономической и политической модернизации, доказывали таким образом эффективность реформ в случае их осуществления в Китае. Развивая идею самосовершенствования и обогащения государства на основе развития частнокапиталистического предпринимательства и идеализируя экономический опыт Японии, Чжан Цзянь, в частности, видел в нем блестящий пример сотрудничества государства и частного предпринимательства, когда «государство оказывает помощь купцам, а купцы оказывают помощь казне... наместники и губернаторы вместе с шэньши и народом разрабатывают планы развития сельского хозяйства, промышленности и торговли, в результате укрепляется уверенность и экономика успешно развивается» (57). Политический строй Японии (конституционная монархия), ее опыт буржуазных реформ являлись для Чжан Цзяня и его социальной группы образцом в разрешении социальных и политических противоречий китайского общества. В 1903 г. Чжан Цзянь специально совершил поездку в Японию, где подробно ознакомился с организацией промышленности, техническим оснащением предприятий, денежным обращением, политическим строем, торговлей, просвещением и пр. В своем «Дневнике путешествия на Восток в год гуймао» («Гуймао Дун ю жицзи») он давал восторженную характеристику японской экономики, политики и культуры, всемерно подчеркивая мысль, что Китай должен следовать по пути Японии. «Японцы хорошо понимают, — писал Чжан Цзянь, — что в мировом соревновании держав не продвинуться вперед — значит отстать... Чрезвычайно важен японский опыт управления экономикой... Самое главное состоит в том, что японцы умеют вбирать опыт Запада. Это надо распространить на Китай, тогда мы сможем возродить нашу страну» (56, с. 7а). «В этой войне (русско-японской войне 1904—1905 гг. — *авт.*), — подчеркивал он в послании чилийскому наместнику Юань Шикаю, — успех будет на стороне той нации, которая обладает преимуществом в виде конституции. В Японии Ито и другие создали конституцию и блестяще решили великую за-

дачу — уважение к императору и одновременно защиту интересов народа. В этом кроется причина всех успехов Японии» (цит. по: 149, с. 98)⁴⁰.

Тезис — «победа Японии и поражение России — это победа конституционализма в борьбе с абсолютизмом», выразивший квинтэссенцию взглядов либеральной оппозиции на исход русско-японской войны, вскоре стал одним из ведущих мотивов либеральной пропаганды, ратующей за введение конституции в Китае.

Япония глазами Сунь Ятсена (900-е годы XX в.)

Динамичная модернизация Японии, которая за 30 лет после «реформ Мэйдзи» смогла совершить рывок и превратиться в сильное государство, вызывала восхищение и уважение лидеров радикальной антицинской оппозиции и прежде всего Сунь Ятсена.

С самого начала становления Сунь Ятсена как политического деятеля Япония занимала важное место в его представлениях о путях усиления Китая, достижения им подлинной независимости, а также в его анализе международной ситуации, сложившейся вокруг Китая. Отношение Сунь Ятсена к Японии было сложным, противоречивым, оно прошло длительную эволюцию, которая сопровождалась не чередованием, а, скорее, сложным переплетением иллюзий, разочарований, трезвых оценок и новых надежд и иллюзий, связанных с Японией.

В подходе Сунь Ятсена к Японии можно выделить два момента, которые в значительной мере и определяли сложность и неоднозначность его отношения к дальневосточному соседу Китая на всем протяжении его политической биографии. С одной стороны, особые исторические условия взаимодействия двух азиатских государств, связанных расовой общностью в сочетании с общностью культуры, письменности, привычек и обычаев, в известной мере общностью исторических судеб (давление западных держав) и т. п., иными словами те факторы, которые были определяющими в подходе к Японии со стороны китайских националистов всех направлений как к особой стране, связанной с Китаем. У китайских революционеров, как и у реформаторов,

вызывала уважение и восхищение динамичная модернизация Японии, которая за 30 лет после революции Мэйдзи смогла совершить рывок, потребовавший у западных стран более продолжительного времени, и превратилась в сильное государство, заставившее считаться с собой державы Запада⁴¹. Этот фактор, постоянно и достаточно сильно воздействовавший на представления Сунь Ятсена о Японии, в сочетании с политикой некоторых японских правящих кругов, направленной на использование в своих целях оппозиционных сил внутри Китая, и их идеологическим воздействием на китайских националистов, стимулировал и постоянно генерировал иллюзии у Сунь Ятсена и части его сторонников в отношении Японии. С другой стороны, Япония к концу XIX — началу XX вв. превратилась в сильное империалистическое государство, чья агрессивно-милитаристская политика оказалась направлена прежде всего против Китая, — фактор, который, безусловно, должен был бы воздействовать на Сунь Ятсена и его единомышленников в плане разрушения иллюзорного подхода к Японии, о котором говорилось выше. Однако Сунь Ятсен отчетливо видел и оценивал реальное соотношение сил: по одну сторону — слабый Китай, по другую — сильный Запад, к которому начала подсоединяться агрессивная Япония. Решение «китайской проблемы» он видел на том этапе в устранении главного, по его мнению, препятствия на пути пробуждения и усиления Китая — цинской монархии. Для осуществления этой задачи Сунь Ятсен понимал необходимость внешней поддержки, рассчитывая найти ее, в частности, и у Японии и надеясь путем различного рода комбинаций в отношениях с японскими правящими кругами, апеллируя к японскому общественному мнению развернуть японскую политику в благожелательном для реализации его планов направлении.

При всей зигзагообразности отношений Сунь Ятсена с представителями японских политических и деловых кругов в его подходе к Японии в целом отчетливо прослеживается определенная константа, а именно — взгляд на Японию как образец динамичной модернизации, пример вхождения в современный мир, мир жесткий и драматичный, в качестве сильной державы и наряду с этим как на источник помощи, опору в борьбе за превращение Китая в сильное и независимое государство.

Следует отметить, что развернутое отношение к Японии в трудах Сунь Ятсена появляется в работах лишь конца 10-х — начала 20-х гг., когда он ретроспективно давал свою оценку «ре-

формам Мэйдзи», свое понимание процесса превращения Японии в сильную державу и значения этого факта для судеб Китая и всей Азии. В его более ранних работах, особенно предсинхайского периода, Япония присутствует фрагментарно, что затрудняет создание целостной и детализированной картины его взглядов на Японию и политику ее правящих кругов. Иное дело — практические контакты Сунь Ятсена с японцами, весьма детально прослеженные в литературе (см.: 293; 385; 408; 487).

Все исследователи достаточно единодушно отмечают то огромное революционизирующее влияние, которое оказала на Сунь Ятсена и его окружение японо-китайская война. Сунь реагировал на нее как истинный патриот. Для него проигранная война 1894—1895 гг. становилась предвестником раздела Китая иностранными державами и окончательной гибели страны. «После недавнего позора, покрывшего нашу страну, и разгрома, постигшего армию, враг отторг вассальные владения и угрожает рубежам отечества, — говорилось в Декларации «Союза возрождения Китая» («Синьчжунхуэя»). — Некогда величественному Китайскому государству нет достойного места среди соседних держав... Ныне сильные соседи окружают страну; они смотрят на нее глазами тигра, нацелились, словно ястреб, на добычу, с вожделением зарятся на наши рудные богатства, на обилие производимых у нас продуктов. И если до сих пор они, подобно червям, объедали нашу землю, как акулы глотали кусок за куском, то теперь готовы разрезать Китай, как тыкву, разделить на доли, как бобы. Всякий, в чьей груди бьется честное сердце, не может сдержат крик боли...» (72, с. 63).

Примерно аналогичные мысли излагались в другом программном документе «Союза возрождения» — в Обращении к единомышленникам с призывом основать «Агрономическое общество». «Не прошло еще года войны, — говорилось там, — а чуть не погибла вся армия. Потеряв армию, готовы оплачивать контрибуцию; терпя позор и стыд, уступаем свои земли, выпрашивая мир, утратили свой авторитет. Весть об этом распространилась по разным странам и повсюду вызывает смех. Хотя и желаем умалчивать обо всем этом, скрыть позор невозможно» (цит. по: 312, с. 115).

Вполне очевидно, что эта реакция на позор войны аналогична реакции со стороны реформаторов. Как и у реформаторов, подход Сунь Ятсена к сложившейся ситуации определялся не только и не столько протестом против агрессивных действий

западных держав и Японии (он видел в их экспансионизме проявление «законов торговли», естественной борьбы нации за существование, когда сильный пожирает слабого), сколько крайним возмущением правительством, которое допустило этот позор. В представлении Сунь Ятсена и его сторонников единственным выходом из кризисной для Китая ситуации являлось быстрое усиление страны, ускоренный вывод ее на уровень сильнейших держав в мире и на этом уровне «диалог» с Западом. (Мысли авторов Декларации «Синьчжунхуэя» о будущем Китая — «с нашим 400-миллионным огромным населением, с нашей необъятной землей в десятки тысяч ли Китай несомненно мог бы расправить крылья и гордо стоять, не зная себе равных в мире» (72, с. 63), — почти дословно совпадали с взглядами реформаторов о перспективах развития страны, преобразованной с помощью реформ. Что касается темпов, то у реформаторов они были несравненно выше: у Сунь Ятсена — менее чем за 20 лет догнать Европу («Представление Ли Хунчжану»), реформаторы полагали «обойти» Запад за 3—5 лет). Однако в вопросе выбор методов решения этой проблемы Сунь Ятсен и его сторонники после 1895 г. отошли от реформаторской концепции, встав на путь революционного радикализма, не только выдвинув призыв к свержению цинской монархии, но и практически начав борьбу за решение этой задачи. В программе китайских радикалов ликвидация правления Цинов становилась главной, решающей предпосылкой усиления страны и укрепления ее международных позиций.

Внимание Сунь Ятсена привлекла проблема быстрого «возрождения Японии» (вопрос темпов, как показала Л. Н. Борох, имел для него первостепенное значение) (см. 313). Уже в своих ранних работах Сунь Ятсен выражал восхищение прогрессом и модернизацией Японии (516, с. 85). Так, в написанном еще под непосредственным влиянием реформаторских концепций «Представлении Ли Хунчжану» (1894 г.) Сунь Ятсен вслед за реформаторами впервые прямо сослался на Японию как образец будущих преобразований в Китае. Развертывая перед Ли Хунчжаном свою программу «четырёх условий», в которых он видел первопричину богатства и могущества западных держав, основу динамизма и процветания западной цивилизации, он писал: «Китай — страна, население которой огромно, а природные богатства неисчерпаемы, — следуя Западу и применяя новые методы, несомненно достигнет Европы и обгонит ее менее, чем за двадцать

лет. Взгляните на Японию. Она стала торговать с Западом позже нас, позднее нас стала учиться у Запада, совсем недавно осуществила новую реформу. Но уже сегодня успехи ее внушительны, и это потому, что знаменем своим она сделала программу четырех условий, сумела поднять народ на ее претворение и ни один человек не мешал этому. Подлинным бедствием для Поднебесной является не то, что мы неспособны действовать, а то, что у нас нет деятельных людей» (75, с. 57)⁴².

Эти идеи, по мнению многих исследователей, близки идеям реформаторов (тем более, что Сунь Ятсен давал свое послание на просмотр известным теоретикам реформ — Чжэн Гуаньину и Ван Тао). Япония являлась для него своего рода феноменом динамичного прогресса на путях заимствования западного опыта и становления в качестве сильной и процветающей державы. «Япония является хорошим примером, — писал Сунь Ятсен. — В последнее время японцы всецело отдавались изучению культуры европейских государств и Америки, прошло несколько десятков лет — и Япония превратилась в одно из сильнейших государств» (цит. по: 183, с. 107). Успех Японии, по его мнению, должен был внушить китайцам уверенность и вдохновить их на проведение таких же преобразований у себя в стране.

Сунь Ятсен был уверен, что у Китая есть все условия для осуществления по примеру Японии коренных преобразований, которые выдвинули бы его в число передовых стран. Так, в августе 1905 г. в речи, обращенной к китайским студентам, обучавшимся в Японии, он, касаясь перспектив развития Китая, утверждал, что если Китай использует достижения Запада (его политические институты и новейшую технику), ему потребуется не более 20 лет, чтобы обогнать Японию и стать самой могущественной азиатской державой. Теперь он объяснял это тем, что Китай с его древней цивилизацией в сравнении с Японией времен Мэйдзи располагает значительно большим числом «людей действия», способных выступать в качестве движущей силы в осуществлении преобразований (313, с. 56).

Как видим, Сунь Ятсен в отличие от реформаторов не призывал к копированию японских образцов. Это можно объяснить тем, что политический строй Японии — конституционная монархия — менее всего соответствовал его республиканским идеалам. По мере того, как вызревала его революционная программа социально-экономических и политических преобразований («три принципа»), по мере ее углубления и детализации буду-

ший Китай все меньше рассматривался как простая копия, слепок не только с японской, но и с западной модели. В дальнейшем, выдвигая свою программу преодоления «несовершенств» западного общества, Сунь Ятсен тем самым постепенно отходил от модернизаторских концепций «возрождения Китая» по западному или японскому образцам. Тем не менее, Япония, покончившая с неравноправными договорами и бросившая вызов Западу, продолжала оставаться для него ярким примером динамизма азиатской страны, к тому же связанной с Китаем культурно-расовой общностью и воспрянувшей на путях приобщения к современной цивилизации.

Точку зрения Сунь Ятсена разделяли и многие его сторонники. В статье «Читая историю Японии» Чжан Тайянь писал: «30—40 лет назад Небу было угодно поставить Японию на грань процветания и упадка. Сострадав тому, что желтая раса недостаточно самостоятельна, оно оставило крохотную территорию, чтобы сохранить ее род. И когда ее упадок дошел до крайности, появился мудрый князь, наследник престола, следуя велению Неба, осуществил реформы (гэчжэн), [в результате чего] появилось идеальное государство. Великолепно!» (цит. по: 347, с. 34, 35).

В письме Ли Хунчжану в феврале 1898 г. Чжан пытался внушить китайскому сановнику мысль об использовании японского опыта преобразований. При этом он ссылаясь на «реформы Мэйдзи» в Японии и убеждал его использовать в китайской промышленности «людей Востока» (читай, японцев), так как это обеспечит в 5 раз большую эффективность производства, чем в случае использования «людей Запада» (подр. см.: 347, с. 36). Высокую оценку преобразованиям в Японии давал в те годы и Ляо Чжункай (27, с. 192—196). Другой видный деятель революционного лагеря — Сун Цзяожэнь считал, что источником национальной силы японцев являются их высокий патриотический дух и сплоченность и призывал по примеру Японии заняться воспитанием в китайском народе воинственного патриотизма для сопротивления давлению извне (535, с. 66—67).

С такого рода видением Японии тесно соприкасался подход к ней как возможному союзнику, помощнику в деле свержения маньчжурского господства и обретения Китаем подлинной независимости. Решение этой проблемы нашло отражение в практической деятельности китайских революционеров, в частности, Сунь Ятсена, строившего свои расчеты в значительной степени на политической и финансовой поддержке со стороны Японии.

Эта проблема является частью более широкой — отношения китайских революционеров вообще к иностранным державам и их агрессивной политике в отношении Китая. Исследователи единодушны в том, что лидеры радикальной оппозиции как истинные патриоты выступали активными борцами за избавление Китая от иностранного гнета, против его раздела державами. Они, как и реформаторы, видели агрессивную природу держав, используемые ими новые методы закабаления Китая. Для них было характерно убеждение, что решение задачи обновления Китая невозможно без поддержки и помощи извне, а противоречия между державами и интересы отдельных иностранных государств делают такую помощь вполне реальной.

Для китайских революционеров, концентрирующих усилия на насильственной ликвидации цинского господства, проблема привлечения и использования внешней поддержки стояла намного острее по сравнению с либералами, сделавшими ставку на изменение внутренней структуры путем диалога с режимом. Обращая свой национализм прежде всего «во внутрь», против Цинов, и прямо не выдвигая лозунга открытой борьбы против иностранных агрессоров, революционные демократы делали это из-за опасения, что иностранная интервенция могла бы сорвать их замыслы, а также из-за страха перед стихийным, «нецивилизованным» бунтом масс (см. 328).

Конечно, тактика «использования иностранцев» в интересах революции, дающая возможность «избегнуть их вторжения» (Чжан Тайянь) (тактика, в которой своеобразно преломилась старая традиция), прямо вытекала из понимания китайскими радикалами слабости Китая как объективной реальности, которая лишала его возможности выйти победителем в случае открытого столкновения с державами, а также объяснялась их классовой природой, делавшей естественным нежелание апеллировать к инициативе широких слоев народа. Вместе с тем, идя на уступки державам, они рассчитывали (имея перед глазами пример Японии) на такие темпы прогресса после свержения цинской монархии, которые выдвинули бы Китай на одно из первых мест в мире и окончательно решили проблему ликвидации его неравноправного положения⁴³.

В планах китайских революционеров, у которых антииностранные настроения сочетались с надеждами получить иностранную помощь (не только финансовую, внешнеполитическую, но и военную), Япония с самого начала заняла важное место. Китай-

ские историки обратили внимание на ряд объективных причин, побудивших Сунь Ятсена и его сторонников искать в Японии союзника. Помимо отношения к Японии как передовой азиатской стране, ставшей для Китая примером прогрессивного развития, важную роль, по их мнению, в данном случае играли: политика японских правящих кругов в отношении антицинской оппозиции; географическая близость двух стран, делающая удобными связи революционных лидеров с их сторонниками внутри страны⁴⁴; культурно-расовая общность Китая и Японии; наконец, симпатии передовой японской общественности целям и задачам китайской революции (60, с. 148, 149).

Хотя первые попытки установить связи с японскими правительственными кругами предпринимались, судя по всему, еще в 1895 г., т. е. во время подготовки первого неудачного выступления «Синьчжунхуэя» (после его поражения Сунь уехал в Японию), более тесные контакты относятся к 1898—1900 гг. В этот период Сунь Ятсен начал подготовку нового восстания против маньчжурской монархии. Его второй приезд в Японию летом 1897 г. был связан с большими надеждами на получение здесь помощи (385, с. 83; 565, с. 149, 151). Ему удалось установить контакты с японскими политическими деятелями самых различных направлений, включая членов Прогрессивной партии иностранных дел Окума (наиболее тесно с Сунь Ятсеном был связан ближайший советник Окума — Инукаи Ки)⁴⁵. Этим контактам в немалой степени способствовало возникшее на том этапе совпадение точек зрения китайских революционеров и японских политиков на почве общей враждебности цинскому правительству.

Вспоминая историю возникновения связей революционеров с японскими деятелями, Сунь Ятсен впоследствии писал: «Когда я прибыл в Японию, лидер японской партии кокуминто Инукаи Цуёси направил в Иокогаму Миядзаки Торадзо и Хираяма Сю, чтобы встретить меня и сопровождать до Токио, где я должен был увидеться с ним. С первой же встречи мы почувствовали, будто давно знаем друг друга. Мы говорили об всем на свете и остались довольны беседой.

В то время кокуминто впервые пришла к власти, и Окума был назначен министром иностранных дел. Инукаи, бывший ближайшим советником Окума, имел на него влияние. Впоследствии Инукаи представил меня Окума, Оиси и Одзаки. Так началось мое общение с представителями японских правитель-

ственных кругов. Затем я познакомился с Созэзима Танэоми⁴⁶ и с такими политическими деятелями, не занимавшими официальных постов в правительстве, как Тояма, Хироака, Акияма, Накано, Судзуки. Позднее мне удалось познакомиться с Ясукава, Инуцука и Кухара (последние являлись представителями финансово-промышленных кругов, — *авт.*). Все они, особенно Кухара и Инуцука, оказывали большую помощь китайской революции. Много сделали для нее братья Ямада, братья Миядзак, Кикиути, Каяно, доктор Созэзима и доктор Тэрао» (77, с. 230, 231).

Сунь Ятсен перечисляет здесь около 20 имен и фамилий японских деятелей, в той или иной степени связанных в тот период с ним и его сторонниками и придерживающихся самых различных взглядов в отношении китайской революции⁴⁷. Наряду с официальными политическими деятелями, такими как Окума Сигэнобу, Инукаи Ки, Оиси, Одзак (представлявшими либеральное направление японской политики), а также представителями финансово-промышленных кругов (Инуцука Синтаро, Кухара Фусаносукэ), большой интерес к Сунь Ятсену проявили лидеры крайне шовинистических и экспансионистских кругов. Помимо упомянутого Сунем Тояма Мицуру здесь можно назвать Суэнага Сэцу, Утида Рёхэй и других приверженцев идеи паназиатизма в ее японской интерпретации, тесно связанных с шовинистическим «Обществом черного океана» («Гэнъёся») и жаждущих проявить себя в Китае⁴⁸.

Среди японцев, помогавших в тот период китайским революционерам, несколько особняком стоит группа представителей японских демократических сил, унаследовавших идеи эпохи незавершенной буржуазной революции Мэйдзи. Среди них следует назвать в первую очередь последователей известного японского радикального деятеля 80-х гг. Ои Кентаро — братьев Миядзак (Ядзо и Торадзо) и Ямада Ёсимаса⁴⁹. Выступая с позиции активного «подталкивания» революционно-демократических процессов в соседних с Японией азиатских государствах, они считали, что Япония как страна, недавно освободившаяся от системы неравноправных договоров, должна бескорыстно помочь Китаю избавиться от засилья западных держав. Это были одиночки, безусловно, искренне преданные идее революционной солидарности (хотя и тесно связанные с японскими экспансионистскими кругами) и внесшие немалый вклад в китайское революционное движение. Однако в начавшейся большой игре

японских политиков и китайских революционеров инициатива принадлежала не им.

Стремление подорвать единый фронт держав в Китае, использовать империалистические противоречия (в частности, русско-японские), чтобы облегчить ликвидацию маньчжурского господства, становится одним из важнейших направлений внешнеполитических усилий Сунь Ятсена накануне Синьхайской. Конечно, внешней политике Сунь Ятсена оказались свойственны и иллюзии, связанные с особым подходом к Японии, и преувеличение межимпериалистических противоречий, и непонимание характера колониальной политики держав в борьбе за передел мира, в которую уже активно включалась Япония, готовность на соглашения с ними и т. п.

В трудах Сунь Ятсена накануне Синьхайской революции в отличие от его оппонентов-реформаторов отсутствуют прямые призывы к организации паназиатской солидарности на базе китайско-японского расового союза против «белого империализма» западных держав. М. Дженсен явно необоснованно трактует позицию Сунь Ятсена, утверждая, что тот в конце XIX в. совершенно сознательно пошел на использование японцев как менее опасных врагов Китая в борьбе против главного противника в лице империалистических держав Европы и США (487, с. 6, 33, 68, 70, 242). Замахнувшись на революционное свержение Циннов, Сунь Ятсен стремился не обострять отношений с державами и не противопоставлять им расовую солидарность Китая и Японии, он, наоборот, старался привлечь их симпатии, отказываясь от выдвижения требования ликвидации неравноправных договоров и каких-либо открытых антиимпериалистических выступлений. Сунь Ятсен прекрасно понимал, что в этом случае идея «желтой опасности», о которой он писал в статье «О сохранении целостности и разделе Китая» (1903 г.), характеризующая настроения определенных кругов на Западе, и которая использовалась там как аргумент в пользу раздела Китая колониальными державами, могла бы получить дополнительный стимул, настроив западное общественное мнение против задач его партии (39, с. 597).

Однако, несомненно и то, что в этот период начала выкристаллизовываться суневская интерпретация паназиатизма, нашедшая более законченное и концептуальное выражение в последующие годы. Эта идея вызывала пока его скрытые симпатии, была близка ему как националисту, мучительно переживающему им-

периалистическое закабаление страны, в первую очередь западными державами. По многим намекам чувствуется, что проблемы упадка и возрождения Азии, защиты желтой расы от гибели начали волновать Сунь Ятсена, вызывать его понимание и сочувствие. В частности, в 1902 г. в предисловии к книге Мидзаки «Тридцатитрехлетний сон» (тогда же она была переведена на китайский язык) Сунь Ятсен обратил особое внимание на паназиатские увлечения своего японского сподвижника, стараясь максимально использовать их для китайского революционного движения (386, с. 105)⁵⁰. Выражение — «Китай и Япония являются государствами одной расы и единой культуры» (тун чжун, тун вэнь), ставшее в эти годы достаточно устойчивым фразеологическим стереотипом в лексиконе китайских публицистов различных направлений, затрагивающих проблемы китайско-японских отношений, начинает все чаще встречаться в его трудах.

Советские и китайские исследователи отмечают определенное влияние на Сунь Ятсена и его сторонников идей паназиатизма, пропагандируемых японскими шовинистическими кругами (371, с. 57; 408, с. 64). (Напомним, что представители этих кругов не порывали связей с Сунь Ятсеном и после 1900 г., оказывая ему определенную материальную помощь.) Правильнее было бы, на наш взгляд, ставить проблему несколько в иной плоскости — определенного смыкания, соприкосновения, совпадения в определенных точках, с одной стороны, японского шовинизма с его идеей совместного с Китаем расового «наступления» на позиции западных держав с целью вытеснения их из Азии, в частности, из Китая, а самой Японии занять их место; с другой — китайского национализма: при поддержке Японии избавить Китай и другие азиатские государства от колониального засилья западных держав и возродить их на путях преобразований. (Такая трактовка в значительной степени совпадала с интерпретацией паназиатизма японскими демократами — друзьями Сунь Ятсена.) У Сунь Ятсена и его сторонников достаточно четко прослеживается мысль о том, что между Японией и Китаем должны наладиться совершенно иные, особые отношения по сравнению с политикой великих держав Запада, что Япония, связанная с Китаем культурно-расовой общностью, должна по-иному вести себя в отношениях с Китаем: помочь ему предотвратить раздел страны, сбросить маньчжурское господство и стать сильной и процветающей страной.

Для взглядов Сунь Ятсена в эти годы характерна упомянутая выше статья «Сохранение целостности или раздел Китая», опубликованная им в 1903 г. в китайском студенческом журнале «Цзян-су», издававшемся в Японии. Г. Шифрин, на наш взгляд, несколько односторонне трактует точку зрения Сунь Ятсена, считая, что в этой статье китайский революционер пытался склонить общественное мнение Японии к защите территориальной целостности Китая от посягательств «держав белой расы» (539, с. 309). Безусловно, статья в значительной мере была адресована японскому общественному мнению и, естественно, Сунь уделял в ней особое внимание выяснению различных японских подходов к решению этой проблемы. Для него совершенно очевидно, что инициаторами раздела являются западные державы, и Сунь четко формулирует мотивировку его западных сторонников — «во имя спасения (западной) цивилизации от «желтой опасности» необходимо разделить Китай и превратить его в колонию великих держав». При этом он отдает себе отчет в опасности со стороны Японии, где также существуют сторонники раздела, которые не верят в способность Китая к самоусилению, рассматривают его раздел как неизбежность («державы уже разделили Китай на сферы влияния, в этом смысле раздел уже состоялся») и поэтому считают свое участие в нем наименьшим злом («не лучше ли договориться с Россией и урвать свою долю») (39, с. 597, 598)⁵¹.

Естественно, Сунь Ятсену ближе точка зрения сторонников сохранения целостности Китая. «Люди на Востоке считают, — писал он, — что Китай для Японии — как скулы и дёсны, губы и зубы (для человека); оба государства принадлежат к одной расе и имеют одну культуру. Если произойдет раздел Китая, связанный с вторжением великих держав, то рядом с Японией появятся опасные соседи и в будущем державы начнут навязывать нам свою политику... Положение Японии в Восточной Азии аналогично положению Англии в Западной Европе, в обеих странах на сравнительно небольшой территории сконцентрировано большое население, основой жизнедеятельности которого является торговля и промышленность...⁵² Вслед за разделом Китая наступит очередь Японии. Поддерживая целостность Китая, Япония тем самым защищает себя» (39, с. 598).

Сунь Ятсен излагал мысли о взаимосвязи и взаимозависимости Китая и Японии, которые явно составляли его собственное мнение: подчеркивал культурно-расовую общность двух стран,

общность их исторических судеб и стратегического положения, зависимость друг от друга и т. п. Но при этом Сунь искусно вуалировал свою позицию, подавая ее, якобы, как мнение «восточных людей» (дун жэнь) (т. е. фактически как мнение тех же японцев), тем самым делая свою аргументацию менее навязчивой, а потому более действенной и активной для восприятия именно в той аудитории, которой она была предназначена.

Вряд ли было бы справедливым считать, что китайские революционеры игнорировали агрессивную политику японских правящих кругов. Материалы революционной прессы тех лет свидетельствуют, что они не закрывали глаза и отчетливо видели агрессивные поползновения Японии в отношении Китая. И Сунь Ятсен, и многие другие представители революционного лагеря демонстрировали прекрасное понимание экспансионистской сущности доктрины «открытых дверей», которой придерживалась Япония.

Как явствует из приведенной выше статьи Сунь Ятсена, ее автор предполагал наличие в Японии определенных кругов, готовых участвовать вместе с западными державами в разделе Китая и откровенно стремящихся к «отторжению Кореи, захвату (китайских провинций) Фуцзянь и Чжэцзян». Об «интригах Японии» (дословно — «Японии, действующей из-за ширмы») писал Чжан Тайянь (55, с. 760). Осознание того, что Япония может «вести Китай к гибели» демонстрировал Чэнь Тяньхуа, который в своем известном «Завещании» (1905 г.) напоминал о судьбе Кореи, захваченной японскими колонизаторами. Ху Ханьминь в статье «Шесть великих принципов «Миньбао»» (1906 г.) прямо ставил вопрос о существовании в Японии политических сил, стремящихся к захвату и аннексии Китая (47, с. 381). Серьезные подозрения по поводу того, что «японские друзья» китайской революции были связаны с экспансионистскими кругами, которые строили планы территориальных захватов за счет Китая, выражал в те годы Сун Цзяожэнь (к 1911 г. Япония в глазах Сун Цзяожэня перестала быть примером для Китая, так как, по его мнению, засилье военных лидеров блокировало ее политический и социальный прогресс) (535, с. 74, 76). Сам факт, что китайские революционеры (в частности, Ху Ханьминь) открыто писали о «коварных приемах», к которым прибегает Япония в своей «китайской политике», и призывали ее отказаться от честолюбивых устремлений, свидетельствует об их понимании опасных для Китая тенденциях ее политики.

Однако, как нам представляется, доминирующей в работах революционеров является другая тенденция: восприятие Японии сквозь призму националистического сознания, которому были далеко не чужды идеи расового союза желтых народов против «белого империализма» Запада. Япония была «своей», близкой азиатской страной, «государством одного континента, одной расы, одной культуры», вырвавшейся из полукOLONиальной зависимости от Запада после «реформ Мэйдзи» и бросившей вызов Западу. Такая Япония противопоставлялась, по крайней мере вычленялась, не смешивалась, отделялась от «великих держав» Запада (ле цян), на которых обрушивался огонь критики как на организаторов раздела Китая. Такая Япония воспринималась как естественный союзник в борьбе за свержение маньчжурского господства и последующие преобразования в стране.

Мысль о том, что китайская революция призвана не только «спасти 400-миллионный народ Китая», но и «смыть позор с желтой расы Восточной Азии», иными словами принять эстафету японского «вызова Западу», Сунь Ятсен усиленно подчеркивал в своей беседе с Миядзакэ в 1903 г.⁵³ Япония явно выпадала из его трактовки внешнеполитической ситуации вокруг Китая — «больного человека Восточной Азии», который «может удовлетворить экспансионистские притязания Европы». Сунь при этом замечал, что Америка тоже не собирается сидеть сложа руки (40, с. 56).

Представление Сунь Ятсена о Японии как «спасительнице» Китая от гибели, от угрозы раздела (которая виделась прежде всего в политике царской России и других западных держав) определило и его поддержку Японии в разразившемся в 1904—1905 гг. русско-японском военном конфликте. Позже, в 1919 г., оценивая период русско-японской войны, Сунь Ятсен писал: «Более десяти лет назад державы были весьма склонны к разделу Китая, а царская Россия уже предприняла шаги для колонизации Маньчжурии; но тогда возмущенная Япония начала войну с Россией, и тем самым удалось спасти Китай от гибели» (77, с. 277).

Сунь подчеркивал, что «истинное решение китайского вопроса» состоит в освобождении Китая от гнета маньчжурской деспотии. Угнетение китайского народа маньчжурами, бессилие Китая — вот, по его мнению, главные причины борьбы вокруг Китая, беспокойствия в Восточной Азии. Сильный, модернизированный Китай, по убеждению Суня и его сторонников, стал

бы важным фактором стабильности и мира на Дальнем Востоке, здорового развития международных отношений (40, с. 56—64; 47, с. 380). Среди революционеров в те годы достаточно распространено было убеждение, что все проблемы неправомерного положения Китая связаны с существованием маньчжурского правительства, которое своим «коварством» и «неискренностью» вызывает соответствующее поведение держав, в том числе и Японии, по отношению к Китаю; покончив с маньчжурским господством, с «духом антииностранщины» (Сунь Ятсен), приобщившись к современной цивилизации Китай смог бы вызвать к себе совершенно иное отношение со стороны Запада и Японии.

Характерно, что руководители «Объединенного союза» в своей внешнеполитической программе выделили специальный пункт, посвященный китайско-японским отношениям. Наиболее развернуто он прозвучал в упомянутой выше редакционной статье «Миньбао», в которой конкретизировалась внешнеполитическая программа союза. Пятый принцип редакции «Миньбао» провозглашал необходимость «национального единения Китая и Японии». Специальное введение в программу «Объединенного союза» такого пункта редакция объясняла нерешенностью многих международных проблем, касающихся взаимоотношений двух стран, а также неясностью внешнеполитических замыслов Японии в отношении Китая. В статье указывалось, что в Японии распространены две точки зрения на Китай: сторонники первой призывают к насильственному захвату и аннексии Китая, а сторонники второй выступают за «поглощение» его Японией (си-шоу; во втором случае, очевидно, имелись в виду мирные способы обеспечения японского контроля над Китаем). Если первый подход «вызывает отвращение» и не имеет, по мнению автора, широкого распространения, то второй, более популярный в общественных кругах Японии, также «явно игнорирует принципы равноправия в отношениях между двумя странами, не намечает перспектив сотрудничества и лишь вселяет глубокие подозрения относительно Японии». Неужели, восклицает автор редакционной статьи, в Японии считают, что в 400-миллионном народе еще не проснулось самосознание (47, с. 381). Адресуясь к правящим кругам и общественному мнению Японии, редакция «Миньбао» вслед за Сунь Ятсеном подчеркивала, что Китай стремится стать сильным, чтобы защищать свое равноправие и не испытывать позора в отношениях с другими государствами. По ее мнению, Япония, к сожалению, вынуждена

прибегать к «коварным приемам», потому что-де «маньчжурскому правительству тоже верить нельзя» (аргументация, весьма характерная для революционной публицистики тех лет). Но если сбросить такое правительство и сплотить народ, — разве только одна Япония получит от этого пользу? Японцы должны понять, указывалось в статье, что маньчжурское правительство и китайский народ — это чуждые друг другу элементы, и соответственно изменить свое отношение к Китаю. Призывая Японию отказаться от своих честолюбивых устремлений, редакция «Миньбао» категорически высказывалась против «отталкивания» Японии и выступала за развитие дружественных отношений между народами двух стран.

Любопытна концовка этого пункта. В ней содержится намек на то, что Япония должна оплатить свой исторический долг Китаю (за заимствованную у него культуру) плодами воспринятой ею западной цивилизации (47, с. 381).

В контексте сказанного стоит подчеркнуть, что либерально-конституционная оппозиция ко времени развертывания полемики с революционерами (1905—1911 гг.) более реалистически подходила к оценке Японии как внешнеполитического фактора, использование которого, якобы, могло облегчить Китаю продвижение по пути преобразований. У Лян Цичао, например, к этому моменту, судя по всему, уже не существовало каких-либо иллюзий относительно «особой» политики Японии, агрессивные поползновения которой в отношении Китая он оценивал в одном ряду с экспансионистской политикой западных держав. Он считал, что обе крупные группировки держав: России, Германии, Франции, с одной стороны, Англии, США и Японии — с другой, одинаково агрессивны (18, с. 288, 289). Более того, он стремился особо подчеркнуть значение для Японии всех нюансов ситуации внутри Китая и вокруг него: «то, что для Англии и Америки пока не играет существенной роли, для Японии становится вопросом жизни и смерти». Можно признать, что либералы-конституционалисты раньше революционеров почувствовали особую агрессивность Японии в отношении Китая по сравнению даже с западными державами. Напоминая о роли Японии в подавлении восстания ихэтуаней, Лян считал, что она будет первой, кто среагирует на нарушение порядка в Китае. Полемизируя с революционерами, Лян Цичао, в частности, высказывал убеждение, что в случае революционного взрыва в Китае Япония за полмесяца сможет перебросить в Китай 400-ты-

сячный экспедиционный корпус. Одной только этой силы вполне достаточно, как он считал, чтобы «нанести смертельный удар революционной армии» (18, с. 290)⁵⁴.

Большой реализм в отношении иностранных агрессоров, в частности Японии, со стороны той социальной группы, интересы которой отражали либералы-конституционалисты (зарождающаяся торгово-промышленная буржуазия и либеральные шэньши), объясняется, на наш взгляд, двумя обстоятельствами: во-первых, их тесными связями с представителями феодальных кругов, которые традиционно враждебно воспринимали Японию; во-вторых, недовольством растущей буржуазии масштабами проникновения в страну иностранного капитала и товаров, мешавших развертыванию ее предпринимательской активности. Не случайно именно либералы были организаторами первых антииностраннх бойкотов в Китае: антиамериканского в 1905 г. и антияпонского в 1907—1908 гг. на юге Китая. Этот бойкот (как и первый) не получил активной поддержки Сунь Ятсена и его сторонников. Судя по всему, Сунь мог воспринимать этот бойкот именно как проявление политики «отталкивания» Японии. Исследователи отмечают и его сравнительно мягкую позицию в этот период относительного японской угрозы китайскому Северо-Востоку (565, с. 133)⁵⁵. Естественно, немаловажную роль в данном случае (как, впрочем, и в ряде последующих, где даже более четко проявилась «уступчивость» Сунь Ятсена японским правящим кругам) играли тактические соображения. Как политику и пропагандисту, Суню была присуща особенность действовать и трактовать события и явления в том ключе, в каком он стремился увидеть их развитие. Рассчитывая привлечь Японию к поддержке китайского революционного движения, он чрезвычайно осторожно относился ко всем действиям, которые могли бы ее оттолкнуть, хотя к этому времени (1907 г.) поведение самого японского правительства в отношении китайских революционеров явно указывало на его удовлетворение уступчивостью цинского двора.

Отсутствие в руках китайских радикалов реальной политической власти, которую они стремились завоевать, используя, в частности, и внешнеполитическую поддержку Японии, чтобы двинуть Китай по пути социально-экономического и политического прогресса, — фактор, который многое объяснял в позиции Сунь Ятсена и его сторонников по отношению к Японии на различных этапах его политической деятельности.

Уступка цинского правительства лишала смысла дальнейшую ориентацию японских правящих кругов на поддержку революционной антиманьчжурской оппозиции. В ответ на просьбу цинского правительства японские власти в январе 1907 г. предложили Сунь Ятсену покинуть страну (90, с. 87)⁵⁶. В октябре 1908 г. японским правительством был запрещен орган «Объединенного союза» «Миньбао». Помимо явного желания угодить Цинам, становящимися более «покладистыми», в действиях японских властей сказались еще ряд обстоятельств. Судя по всему, их начали серьезно тревожить складывающиеся тесные связи между китайскими революционерами-эмигрантами и японскими социалистами. Кроме того, японские власти, стремящиеся лишить китайскую революционную эмиграцию самостоятельности действий, явно не устраивала позиция Сунь Ятсена, который принимал помощь из самых различных японских источников, но вместе с тем стремился не допустить активного вмешательства японцев во внутренние дела своей партии (408, с. 107).

Высылка из Японии явилась серьезным ударом для Сунь Ятсена. В начале 1910 г. японские власти подтвердили свою позицию фактического отказа от поддержки китайских революционеров, запретив Сунь Ятсену въезд в Японию. Эти факты, свидетельствующие о кардинальном изменении политики японских правящих кругов по отношению к антицинской оппозиции, накануне Синьхайской революции способствовали возникновению в среде революционеров более реалистических оценок политики Японии как фактора, который может «причинить зло» китайской революции, и, соответственно, японского правительства, от которого «можно было ожидать чего угодно» (77, с. 246)⁵⁷. Хотя Сунь Ятсен написал об этом позже, в 1918 г., вероятнее всего приведенные оценки уже тогда отражали его настроения. Судя по всему, революционеры весьма четко представляли себе международную ситуацию на Дальнем Востоке, укрепление внешнеполитических позиций Японии (в частности, в результате двух русско-японских соглашений 1907 и 1910 гг.) и резкое нарастание ее агрессивных устремлений в направлении Кореи и китайского Северо-Востока. «Япония аннексировала Корею и достигла соглашения с Россией, — писал в январе 1911 г. Хуан Син, адресуясь китайским эмигрантам в Сиаме, — Маньчжурия и Монголия в большой опасности» (цит. по: 480, с. 85).

Характерно, что сразу же после начала Синьхайской революции Сунь Ятсен пытался заручиться поддержкой Англии, чтобы

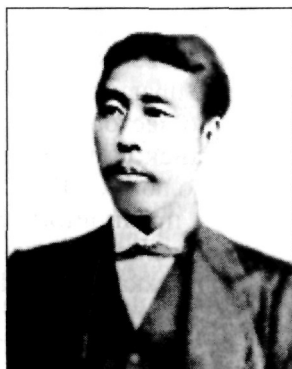
через нее «сковать Японию» (151, с. 137; 296, с. 154, 155). «Ведь если Англия станет на нашу сторону, Япония не сможет причинить нам зла», — писал он впоследствии (77, с. 246). Иными словами, «зло» ожидалось прежде всего со стороны Японии, которая представлялась чуть ли не как самый грозный и опасный противник революции. Сунь Ятсена несколько успокаивало лишь то, что «по договору 1901 г. Япония уже не имела права действовать в Китае самостоятельно».

* * *

В начале Синхайской революции, официально объявив о невмешательстве в китайские дела, японское правительство было вынуждено отрабатывать свой подход в ходе стремительно менявшейся политической ситуации; лавируя между силами контрреволюционного Севера и революционного Юга и пробуя попеременно, по выражению М. Дженсена, «то одну, то другую политику» (487, с. 132; о политике Японии в период революции см. также: 7, с. 375, 376; 112, т. 6, с. 1). Японские правящие круги, активно используя в своих интересах противоречия, которые возникли между правительством и оппозицией, а также между различными правительственными фракциями по отношению к китайской революции, имели возможность, действуя по различным каналам, пристально следить за ситуацией в Китае, поддерживать контакты одновременно со всеми противоборствующими сторонами и в нужный момент выбирать то направление своей китайской политики, которое в наибольшей степени отвечало их экспансионистским устремлениям.

Японское правительство во главе с Сайондзи Киммоти усматривало в китайских событиях явную угрозу главным сферам своего влияния в Южной Маньчжурии и Северном Китае. Оно не было заинтересовано в появлении в Китае правительства, способного проводить самостоятельный политический курс, поэтому склонялось к идее оказания на китайское правительство военного давления. Несмотря на симпатии передовой японской общественности к китайской революции⁵⁸, наиболее агрессивные элементы и, в первую очередь, военные круги Японии во главе с Ямагата Аритомо выдвинули план отправки в Китай иностранного экспедиционного корпуса для защиты цинского правительства (предполагалось, что главную роль в нем, как и в 1900 г., будут играть японские силы) (190, т. 1, с. 335; 276, с. 152). Необходимость вооруженного вмешательства во внутренние дела

Китай мотивировалась тем, что падение династии Цин могло отразиться на престиже монархии в Японии. Не встретив поддержки со стороны западных держав, правительство Сайондзи заняло выжидательную позицию, тем более что против японского военного вмешательства выступила часть крупной японской буржуазии, заинтересованной в расширении торговли и капиталовложений в Китае. Тем не менее правительство Японии предприняло ряд сепаратных акций военного характера: были усилены японские гарнизоны в Пекине, Тяньцзине, Шанхайгуани, крупные военно-морские силы сосредоточены в Чемульпо.

Ямагата Аритомо

В дальнейшем японское правительство избрало тактику лавирования между Юань Шикаем и революционным Югом. Внимательно следя за обстановкой на Севере и участвуя наряду с другими державами в финансировании Юань Шикая, оно одновременно поддерживало связи деловых кругов Японии с революционерами-южанам. Расчет делался на то, чтобы, потеснив Англию, укрепить свое политическое и экономическое влияние в Южном Китае.

Многие исследователи склонны считать, что Сунь Ятсен после возвращения в Китай весьма настороженно относился к политике Японии. В своих расчетах он уповал в первую очередь на поддержку западных держав (прежде всего Англии и США) (151; 488, с. 204). Инициативу в посылке советников нанкинскому правительству проявляли скорее всего японцы, а не сам Сунь Ятсен, т. к. Сунь вернулся на родину вместе с американцем Гомером Ли, малоизвестным в США военным теоретиком из Калифорнии, которого хотел сделать главным военным советником и начальником генерального штаба республиканской армии⁵⁹.

Судя по всему, отношения между правительством Сунь Ятсена и японскими советниками складывались далеко не гармонично: их советы порой настораживали революционеров. Даже рекомендации японцев не идти на компромисс с Юань Шикаем воспринимались некоторыми сторонниками Суня как скрытое стремление к разделу Китая. Неоднозначным было и отношение к японским займам, в кабальных условиях которого некоторые республиканцы усматривали угрозу экономического проникновения

Японии в бассейн Янцзы (151, с. 139; 487, с. 145, 146). (Главные надежды возлагались на займы западных держав, которых нанкинское правительство так и не получило). Революционеров вполне могло настораживать и сдержанное отношение Японии к республиканской форме правления, утвердившейся в ходе китайской революции. В этой обстановке, по мнению М. Дженсена, усилия, предпринятые японцами, даже искренне сочувствующими революции, оказались малоэффективными (487, с. 204).

Поддержка Юань Шикая западными державами побудила Сунь Ятсена в начале 1913 г. вновь обратиться свои надежды к Японии, правительство которой по-прежнему настороженно относилось к Юаню. В Японии полагали, что, поддерживая такого человека, как Юань Шикай, который мог пойти на далеко идущие сделки с западными державами, не следует отталкивать Сунь Ятсена, способного на противоборство с Юанем. Отсюда и благожелательный прием, оказанный Сунь Ятсену в Японии во время его визита в феврале — марте 1913 г.⁶⁰

Основное содержание многочисленных выступлений Сунь Ятсена перед японской аудиторией во время этой поездки, а также его переговоров с представителями политических и деловых кругов сводилось к вопросам налаживания экономического сотрудничества двух стран, поддержке Японией китайской революции, созданию системы паназиатской солидарности на базе объединения усилий Китая и Японии в борьбе с экспансией западных держав (112, т. 6, с. 15)⁶¹.

Поднимая проблему культурно-расовой общности двух стран и призывая к экономическому и политическому сотрудничеству между ними, Сунь Ятсен в значительной мере старался апеллировать к расово-националистическим чувствам японской аудитории. Он настойчиво проводил мысль о тесной взаимосвязи и взаимозависимости Китая и Японии в их общем «азиатском доме», об организации их сотрудничества на базе взаимопомощи. Называя Японию своей второй родиной, а японских государственных деятелей — своими учителями, Сунь Ятсен призывал их помочь Китаю. «Азия — наш дом, — говорил он, — а Япония и Китай в этом доме близнецы-братья, которые должны тесно сотрудничать и на практике помогать друг другу». Он считал, что Япония как самое сильное в военном отношении государство в Азии и Китай как самая большая азиатская страна находятся в тесной взаимозависимости и потому должны заботиться о нуждах друг друга. Судя по всему, Сунь имел в виду обеспечение

Японией военного прикрытия Китая от экспансии западных держав в обмен на его широкое экономическое сотрудничество. Япония, говорил он, в качестве младшего брата, который стал сильнее старшего брата (Китая), должна в свою очередь помочь ему стать сильным. С учетом шовинистически настроенной аудитории лидер китайской революции в своих выступлениях демонстрировал приверженность идеям восточноазиатской солидарности двух стран в противопоставлении Западу. Как полагал Сунь Ятсен, появление сильного Китая могло стать залогом мира в Азии, а сильная Азия в свою очередь обеспечила бы мир во всем мире (см. 296, с. 186; 298, с. 40).

Вождь китайских революционеров обращал внимание японцев на тесную связь между «реформами Мэйдзи» и китайской революцией, которую он рассматривал как продолжение начатого Японией процесса обновления Восточной Азии. Он недвусмысленно возлагал на Японию ответственность за отчуждение между двумя странами «после достижения Японией могущества», однако выражал надежду, что эта страна поможет Китаю не только в завершении революции, но и ликвидации системы неравноправных договоров (298, с. 40). Используя противоречия Японии с западными державами и играя на идеях паназиатской солидарности, чрезвычайно популярных в политических и деловых кругах Японии, Сунь Ятсен стремился расположить аудиторию в пользу китайской революции.

Японская поездка, судя по всему, оказала определенное влияние на Сунь Ятсена, стимулировав сохраняющиеся у него надежды и иллюзии на помощь Японии. Японская сторона, до поры лавируя между Юань Шикаем и революционным лагерем, различными путями искусно стремилась поддержать эти настроения. Хотя Сунь Ятсен и не был принят официальными представителями японского кабинета, уровень его контактов с японскими политиками и предпринимателями был достаточно высоким. Так, вскоре по приезде Суня в Японию его принял генерал Кацура Таро (его правительство пало незадолго до этого). Последний обсуждал с китайским революционером проблемы китайско-японского сотрудничества и даже планы освобождения Индии от английского господства (!), пытаясь убедить китайского гостя в том, что Япония не стремится к покорению Китая (7, с. 365-368; 540, с. 172). Кацура обещал в корне изменить политику Японии в отношении Юань Шикая, на чем настаивал Сунь Ятсен, но попросил Суня уступить японцам Маньчжурию. Быв-

ший японский премьер заявил, что Япония ради этого не только откажется от союза с Англией, но и поможет Китаю освободиться от британского влияния. Как видим, выговаривая за свои услуги особую плату (китайской территорией), Кацура не преминул окрасить новый курс по отношению к Китаю в панasiatский цвет (в расчете на пристрастие Суня к этим концепциям). Существуют сведения, будто Сунь Ятсен принял японский план (487, с. 159).

Еще одной целью приезда Сунь Ятсена в Японию было изучение японского опыта промышленного строительства. После возвращения он создал в Шанхае кампанию по строительству железных дорог. Если в течение 10 лет, говорил Сунь, сумеем построить 200 000 ли железных дорог, то это событие вызовет экономический подъем и Китай сможет превратиться в «первое сильное государство в мире» (95, с. 99).

В ходе встреч и выступлений Сунь Ятсен неоднократно заявлял, что Япония по праву дружественного соседа должна обладать особыми привилегиями в Китае. Так, в Киото он выразил сожаление по поводу того, что ряд привилегий был предоставлен другим странам, а не Японии. Выступая в Осака, Сунь особо отмечал, что в основе японской цивилизации, как и китайской, лежат конфуцианские идеалы братства, мира и любви. Порою китайский революционер идеализировал Японию, заявляя, что укрепление Японией своей армии и флота не должно беспокоить Китай, ибо это делается для противостояния европейскому и американскому империализму. Япония и Китай, заявлял он, должны сотрудничать для поддержания мира на Востоке, чтобы его не нарушил империализм, «который можно назвать варварской цивилизацией Европы и Америки». «Пусть Азией управляют азиаты» — таким был рефрен некоторых его выступлений (215, с. 188—190; 487, с. 160).

На переговорах Сунь Ятсена с представителями японских деловых кругов обсуждался вопрос о создании нового китайско-японского общества по разработке естественных богатств Китая. Помимо представителей «Мицуи Буссан Кайся» в этих переговорах участвовали представители других крупных корпораций («Мицубиси», «Ясуда» и др.). В результате в Токио было образовано «Китайское промышленное общество» («Чугоку когио кайся»), его председателем стал Сунь Ятсен, а в состав правления вошли такие видные финансовые и общественные деятели Японии, как барон Сибдудзава Эйити, Окура, председатель торговой палаты в Токио Накано Токудзиро и др. (408, с. 175; 487, с. 161).

Как отмечают Г. Шифрин, М. Дженсен и ряд других исследователей, Сунь Ятсен вернулся в Китай, окрыленный перспективой китайско-японского сотрудничества. В телеграммах, отправленных им в Пекин и губернаторам провинций, а также в беседах с корреспондентами газет он уверял в добрых намерениях японцев, в искренности их заявлений о дружеских чувствах к Китаю. По мнению Сунь Ятсена, главная цель Японии заключалась не в захвате китайской территории, а в развитии торговли (488, с. 207). Чтобы разъяснить полезность укрепления связей с восточным соседом, он намеревался отправиться в поездку по стране с лекциями.

Политические надежды и иллюзии Сунь Ятсена в отношении Японии сочетались с определенными расчетами, связанными с реалиями его борьбы с Юань Шикаем. С одной стороны, он хотел убедить своих сторонников в необходимости внешнеполитической ориентации на Японию (атмосфера подозрительности и настороженности в отношении японской политики продолжала сохраняться в стане революционеров), а с другой — внушить японским политикам идею гармоничного китайско-японского сотрудничества на базе взаимопомощи, чтобы побудить Японию к поддержке революционного лагеря. Ради этих целей Сунь был готов пойти на значительные уступки Японии, вплоть до признания ее специальных интересов в Маньчжурии, предоставления ей значительных экономических привилегий и монопольных прав в торговле с Китаем и даже принятия японской системы денежного обращения (487, с. 188; 540, с. 197)⁶².

Но позиция правительства Японии была сдержанной и выжидательной, т. к. оно вело двойную игру и в отношении Юань Шикая, и Сунь Ятсена. Хотя Япония вместе с другими западными державами приняла участие в финансировании Юань Шикая (соглашение о «реорганизационном займе» было подписано в мае 1913 г.), ее целью оставалось создание благоприятных условий для получения наибольших по сравнению с другими странами преимуществ. Японские правящие круги имели все основания полагать, что при режиме Юань Шикая Япония сможет значительно расширить свое влияние в Китае. Однако, испытывая к нему определенное недоверие, они стремились ослабить его, чтобы в удобное время оказывать на него необходимое давление. Поэтому не удивительно, что в период «второй революции» (1913 г.) восставшие получали японское оружие и снаряжение по неофициальным каналам (в частности, через

концерн «Мицуи»), которые, бесспорно, контролировались японским правительством. Некоторые японские офицеры запаса участвовали в антиюаньшикаевском движении на стороне повстанцев. Открытые симпатии китайским революционерам выражали известные японские политические деятели: Инукаи, профессор международного права Тэрао, барон Миура (бывший японский посланник в Корее), а также отдельные представители ультрашовинистических организаций Японии, усматривающие в поддержке оппозиционных сил удобную возможность реализовать свои экспансионистские планы. Вместе с тем, антикитайский настрой японских шовинистов достаточно ярко проявился во время развернутой ими антикитайской кампании в связи с так называемым нанкинским инцидентом⁶³.

После подавления «второй революции» оказавшись снова в эмиграции в Японии, Сунь Ятсен продолжал прилагать усилия для получения поддержки японских правящих кругов в конфронтации с Юань Шикаем. Казалось, политическая ситуация благоприятствовала его надеждам — в апреле 1914 г. к власти пришел кабинет Окума Сигэнобу, которого Сунь Ятсен хорошо знал еще с конца 90-х годов как сторонника оказания помощи китайским революционерам. В своих письмах Окума от 11 мая 1914 г. и 14 мая 1915 г. Сунь Ятсен изложил широкую программу китайско-японского сотрудничества, а также восстановления китайского суверенитета и усиления страны при активной поддержке со стороны Японии⁶⁴. В письмах два плана — сравнительно узкий (антиюаньшикаевский) и более широкий, касающийся возрождения Китая с японской помощью. В подтексте последнего прослеживается стремление использовать (с целью освобождения Китая от оков западного империализма) противоречия Японии с западными державами, а также шовинистические антизападные настроения, распространенные в то время в Японии (см. 496, с. 7).

Доказывая Окума, что Юань Шикай проводит политику прислужничества перед империалистическими державами Запада, что им избран курс, враждебный интересам не только китайского, но и японского народа, Сунь Ятсен стремился усилить настороженность японских правящих кругов к своему политическому противнику и убедить их отказаться от его политической и финансовой поддержки⁶⁵. Разумной альтернативой поддержки Юань Шикая со стороны Японии, по убеждению Сунь Ятсена, могла бы стать японская политика «поддержки усилий Китая,

направленных на осуществление реформ», поддержки «китайских революционеров в их борьбе за свержение своего деспотического правительства». Важным моментом в письмах Сунь Ятсена стала постановка вопроса о пересмотре неравноправных договоров, которые были навязаны Китаю империалистическими державами. Вновь подчеркивая культурно-расовую общность двух стран и их «родственные связи в революционный период», Сунь Ятсен приветствовал развитие тесных политических и экономических отношений между Китаем и Японией. Он рассчитывал, что при дружественной и всесторонней помощи со стороны Японии «Китай будет бороться за освобождение от оков, которыми опутали его иностранные державы (Сунь явно имел в виду западные страны, — *авт.*), и за пересмотр неравноправных договоров» (цит. по: 408, с. 191).

Представляется, что надежды Сунь Ятсена привлечь Японию были не столь наивны, и рассчитывал он на далеко не бескорыстную поддержку с ее стороны. Конечно, его контакты с прогрессивной японской общественностью играли значительную роль, подкрепляя его веру в возможность изменения японской политики. Но в чисто политическом плане главные расчеты Суня строились не на апелляции к культурно-расовой общности двух стран или их революционным контактам (хотя стимулирующее воздействие этих аргументов им тоже учитывалось), а в стремлении использовать паназиатский, антизападный настрой определенных слоев японской общественности и японских правящих кругов, реальные противоречия Японии с западными державами, наконец, недоверие к Юань Шикаю со стороны некоторых японских политических деятелей. Прекрасно понимая, что на бескорыстную помощь Китаю японская правящая элита никогда не пойдет, Сунь предполагал и определенные уступки Японии (причем, достаточно значительные).

Следует признать, что целый ряд моментов паназиатского характера во взглядах Сунь Ятсена (выявившихся, в частности, в письмах Окума и получивших развитие в лекциях о национализме и выступлениях в Кобе в 1924 г.) в дальнейшем неоднократно использовались японскими шовинистами и прояпонски настроенными китайскими националистами типа Ван Цзинвэя, трактовавшими их в своем духе. Характерно, что за последние годы некоторые западные авторы (в частности, М. Дженсен, Г. Шифрин) начали критиковать Сунь Ятсена «слева» за поли-

тику уступок державам, в частности Японии. Думается, что нет оснований считать, как утверждает М. Дженсен, что временами Сунь Ятсен выступал «апологетом японской экспансии и даже орудием агрессии» (487, с. 189).

В своем видении китайско-японских взаимоотношений, в своих расчетах на поддержку со стороны Японии Сунь Ятсен все время оставался на позициях националиста, борющегося за суверенитет Китая. У него не было сомнений, что, обретя независимость, Китай сумеет развить свои производительные силы и, став сильным и богатым, занять достойное место в мире. В одном из писем Окума Сунь Ятсен, приветствуя развитие китайско-японских экономических связей, не скрывал, что в результате «Китай окажется в состоянии сохранить свою целостность, развить свои непочатые ресурсы и стать богатейшей страной на всем азиатском материке».

Требую строгого соблюдения суверенитета Китая, он, в частности, выступал против размещения японских войск на китайской территории. Сунь Ятсен мечтал с помощью Японии избавиться от кабальной системы неравноправных договоров, навязанных Китаю в первую очередь западными державами. Уступки одной Японии, судя по всему, казались ему гораздо меньшим злом, нежели система полукOLONиальной зависимости Китая от великих держав.

Конечно, в рассматриваемый период, как впрочем, и позднее, в начале 20-х годов, Сунь Ятсен, явно переоценивал степень противоречий между Японией и западными странами. Его стремления использовать эти противоречия в интересах Китая, надежды «переиграть» своих политических партнеров в кругах японской правящей элиты в конце концов оказались тщетными. Японский империализм ждал лишь момента для реализации в крупных масштабах своих экспансионистских устремлений в Китае.

* * *

Таким образом, вторая половина XIX — начало XX вв. характеризуются, с одной стороны, явным кризисом традиционно-консервативных взглядов на Японию как одну из стран «варварского» окружения Китая, но, с другой, — новым, явно контрастирующим с традиционным высокомерным восприятием Японии. Возникновение на идеологизированном уровне китайского общественного сознания новых представлений о Японии было тесно связано с появлением в стране общественных сил,

оппозиционных цинскому режиму. Этот взгляд на Японию, который вбирал в себя и определенные компоненты традиционного подхода, мы могли бы характеризовать как своеобразный социально-психологический феномен тесного соседства реализма и иллюзий. В данном случае авторы имеют в виду отдельные реалистические оценки японской политики, ее опасного для Китая развития и, наряду с этим, явно доминирующих по сравнению с ними представлений о Японии как модели создания в будущем сильного и независимого Китая, как естественном союзнике и помощнике не только в преобразовании экономической и политической традиционной структуры, но и в отражении экспансии западных держав и приобретении подлинной независимости.

Идеализация «образа» Японии, отражая определенные социальные установки новых социально-общественных сил, была закономерным явлением пробуждающегося китайского национального сознания. В частности, появление и распространение на определенном историческом этапе идеализированного восприятия Японии и ее роли в дальнейших судьбах Китая, по-видимому, можно объяснить устойчивостью социально-психологического стереотипа культурно-расовой общности двух стран, отсутствием у идеологов новых общественных сил понимания характера социально-экономических и политических процессов в Японии, о целях и природе японского государства, наконец, влиянием японских идеологических доктрин (например, идеи панasiatизма).

Тем не менее новое видение Японии, при всей иллюзорности многих его компонентов, было шагом вперед по сравнению с традиционно-консервативным. (Несмотря на то, что консерваторы, правящая элита в целом более реально представляла Японию как угрозу, как «вызов» Китаю. Здесь, по-видимому, можно было бы выявить своеобразную закономерность — более консервативный настрой мышления выявлял большую, как правило, настороженность и даже враждебность к Японии.) На фоне традиционного отгораживания от внешнего мира, слепой ненависти к «заморским дьяволам» сторонники новых идейных течений увидели в Японии, с одной стороны, пример динамичного развития азиатской страны, которая могла бы служить ориентиром, маяком на путях усиления Китая, превращения его в мощную современную, независимую державу (ориентир более близкий и понятный им, учитывая азиатскую «специфику» Япо-

нии по сравнению с западными державами), с другой — внешнюю силу, которая могла бы, по их мнению, помочь Китаю стать современной державой.

Конечно, в условиях отсутствия социально-экономических и политических предпосылок стремления повторить на китайской почве японский феномен быстрой капиталистической модернизации являлись своего рода «забеганием вперед». Воздействие таких идей на китайское общественное сознание, как нам кажется, было двояким. С одной стороны, они оказывали определенное положительное воздействие на общественные процессы, объективно стимулируя политические усилия (на путях революции или реформ) к проведению преобразований в Китае. Но, с другой, идеализация империалистической Японии как возможного союзника Китая в его преобразованиях затеняла общественное сознание, тормозила формирование в нем реалистических взглядов на агрессивную природу японского империализма, на его враждебность национально-освободительному движению китайского народа.

Следует отметить, что новые представления о Японии, пропагандируемые идеологами оппозиционных цинскому режиму слоев, имели сравнительно узкую и ограниченную сферу общественного восприятия. На уровне массового (обыденного) сознания китайского общества Япония воспринималась в значительной степени под влиянием традиционного мышления правящей консервативной элиты, которая имела, безусловно, доминирующее влияние на китайский народ. Но при этом важно подчеркнуть, что многие события начала XX в., включая годы первой мировой войны, в особенности такие действия Японии, как захват ею германских владений в Шаньдуне, предъявление Китаю «21 требование» в 1915 г. и т. п. «вели к непрерывному росту потенционала националистической реакции на национальное унижение, что и было наиболее существенным сдвигом в сознании широких народных масс» (388, с. 34).

Характерная особенность ситуации состояла, таким образом, в том, что пробуждающееся китайское массовое сознание как бы «проскочило» этап положительного восприятия Японии. На следующем этапе (его условно можно очертить 1915—1945 гг.) в сознании широких народных масс постепенно входил, стал доминирующим сугубо отрицательный «образ» Японии как агрессивной империалистической державы, своими экспансионистскими действиями поставившей под вопрос само существование китайской государственности.

Глава 4

ЯПОНСКОЕ ДАВЛЕНИЕ И РЕАКЦИЯ КИТАЯ (10–20-е гг. XX в.)

«21 требование» 1915 г.

Начавшаяся первая мировая война создала исключительно благоприятную ситуацию для реализации японских экспансионистских планов в отношении Китая. Война в Европе связала руки великим державам (Англии, Германии, России), вследствие чего Япония получила свободу действий на Дальнем Востоке. Географическая близость к Китаю и наличие крупных стратегических плацдармов (Южная Маньчжурия и Тайвань) создавала для Японии более выгодное положение по сравнению с ее реальным соперником — США. Китай, оказавшись один на один с Японией и реально осознавая ее возросшую силу и агрессивные намерения, был лишен возможности активно использовать межимпериалистические противоречия (в русле своей традиционной дипломатии) для сдерживания своего дальневосточного соседа. В этих условиях правительство Юань Шикая стремилось предотвратить распространение конфликта на территорию Китая: 3 августа 1914 г. оно обратилось к воюющим державам с просьбой не переносить военные действия на китайскую территорию, а 6 августа объявило о своем нейтралитете.

Подход к Японии такого консервативного националиста, как Юань Шикай, характеризовался обостренным ощущением ее враждебности к Китаю, недоверием к Японии (антияпонский настрой Юаня проявился еще во время китайско-японского конфликта в Корее), но и боязнью ее возросшей силы, тем более очевидной в контексте слабости Китая (см. 173). В условиях ре-

альной угрозы со стороны Японии правительство Юань Шикая пыталось сковать ее инициативу определенным набором дипломатических приемов и одновременно договориться ценой некоторых уступок. Так, в начале августа 1914 г. заместитель министра иностранных дел Китая Цао Жулинь посетил японского поверенного в делах в Пекине и передал просьбу китайского правительства к правительству Японии: параллельно с Китаем обратиться к западным державам исключить Дальний Восток из сферы военных действий. (Принятие такого предложения, по мысли китайских дипломатов, делало бы «неудобным» самостоятельные акции Японии в отношении Китая.) Одновременно китайское правительство было готово расширить сферу китайско-японского экономического сотрудничества и использовать японскую поддержку для подавления оппозиционных выступлений. Однако японское правительство не поддержало просьбу Китая: 8 августа 1914 г. японский премьер-министр Окума информировал китайского представителя в Токио (Лу Цзунюя), что Япония не останется нейтральной в случае распространения военных действий на Дальний Восток (при этом японская сторона обосновывала свою позицию приверженностью союзническим отношениям с Англией) (446, с. 12).

Инициативу в распространении военных действий на Дальний Восток проявила сама Япония. Поняв, что вступление в войну на стороне Антанты сулит ей гораздо больше выгод, Япония решила воспользоваться благоприятным моментом для захвата германских концессионных владений в Шаньдуне и последующего давления на Китай. К концу 1914 г. японцы захватили всю провинцию Шаньдун, установив в ряде мест свою администрацию.

Характерно, что японская пропаганда не скрывала истинных намерений правящих кругов страны. В газете «Син нихон», например, была напечатана инспирированная правительством статья, в которой, в частности, говорилось: «Государства, являющиеся высшими, будут управлять низшими В течение двух или трех десятилетий в мире будет несколько крупных правящих стран, а остальные будут управляться ими и будут платить дань покорности их мощи... Например, Англия, Россия, Германия, Франция, может быть, будут высшими странами. Мы должны уже сейчас готовиться, чтобы стать правящей нацией» (423а, с. 97). Реализуя этот сценарий, японские правящие круги стремились воспользоваться благоприятной ситуацией для вытесне-

ния западных держав из Китая и активного утверждения Японии в роли «крупной правящей страны» в мире.

Хотя Япония торжественно заявляла об отсутствии у нее каких-либо намерений захватить территорию Китая, более того, мотивировала свои действия в отношении германских владений желанием в будущем возратить их Китаю, японским обещаниям (в частности, о возвращении Циндао) уже мало кто верил в Китае, и прежде всего на правительственном уровне¹. Захват Шаньдуна не был воспринят в Китае как начало изгнания западных держав из Восточной Азии с японской помощью. В данном случае отклик на японскую акцию был резко отрицательным по сравнению с тем, который наблюдался в 1904—1905 гг., когда Япония разгромила Россию и закрепилась в Маньчжурии. Тем более, что последующие действия японских правящих кругов подтвердили худшие опасения — Япония не собиралась возвращать Шаньдун.

Иллюзии в отношении истинных намерений японского правительства постепенно рассеивались и в среде революционной оппозиции. Так, по мнению Сунь Ятсена, если уж Япония хотела действительно помочь Китаю и ослабить давление Запада, ей следовало бы начать с удара не по Германии, а по Англии, чьи позиции в Китае были куда более сильными. Эту мысль он, в частности, высказывал в письмах Инукаи Ки, доказывая, что Япония должна была вступить в союз с Германией, чтобы «выгнать Англию и Америку из Китая» (32, т. 1, с. 207). Следует иметь в виду, что за прошедшее после русско-японской войны десятилетие Япония показала свою способность «заглатывать» и «переваривать» достаточно крупные куски Китая, включая целое государство, находящееся в прошлом в орбите его влияния (Южная Маньчжурия, Корея). В данном случае она покусилась не на окраинные земли, а на территорию собственно Китая. В китайском сознании Шаньдун был связан с именами Конфуция и Мэн-цзы, колыбелью древнекитайской традиции, — все это углубляло негативную реакцию на действия японцев².

Высказывания многих реформаторов-националистов в то время свидетельствуют о том, что они были лишены каких-либо иллюзий относительно истинных намерений Японии. Так, Лян Цичао³ выступил с резкой критикой политики Японии и ответных мер китайского МИДа, которое, заявляя протесты, тем не менее согласилось на оккупацию железной дороги Циндао-Цзинань под предлогом военной необходимости. «Японские войска

маршировали на Запад, хотя там не было ни одного немецкого солдата, — писал Лян. — Разве наше министерство иностранных дел не видело, что они продвигались в те районы, которые не находились в зоне военных действий? Судя по всему, японцы имеют в виду не только Цзяочжоу. Япония собирается превратить наш Шаньдун в свою вторую после Маньчжурии базу в Китае» (цит. по: 446, с. 24). Еще более резко высказывался генерал Цай Э (в период Синьхайской революции — губернатор пров. Юньнань, в 1915 г. возглавил выступление против Юань Шикая на Юго-Западе). По его мнению, Япония намерена усилить свою континентальную политику, а ее конечная цель состоит в том, чтобы «проглотить Китай» (446, с. 25).

По мнению ряда исследователей, сам Юань Шикай и многие деятели из его окружения достаточно реалистически оценивали складывающуюся ситуацию, рассматривая японские действия в Шаньдуне как шаг к созданию прочной базы внутри Китая и дальнейшему укреплению своих позиций на континенте, как угрозу китайской безопасности. В частности, в беседах с американским посланником в Китае П. Рейншем представители китайского правительства прямо заявляли, что Китай не может доверять Японии, что проводимая ею политика свидетельствует о стремлении укрепить свои экономические и политические позиции в Китае. П. Рейншу прямо говорили о японских интригах, о стремлении японцев использовать в своих интересах «слабость» социально-политической жизни Китая (529, с. 265). (Намеки на «интриги» японцев явно имели в виду их игру с оппозиционными Юаню силами).

Реакция Юань Шикая и его социальной группы на агрессивные действия со стороны Японии была весьма характерна для позиции стоящих у власти консерваторов-националистов. Японская агрессия, естественно, воспринималась ими как угроза, как «вызов» монополии их власти. Как уже говорилось, консерваторам всегда была свойственна традиционная настороженность, более того, явная враждебность по отношению к Японии. За подозрительной готовностью Японии бороться с Германией в Шаньдуне они достаточно ясно видели ее агрессивные планы в отношении всего Китая. Доктрина японо-китайской солидарности для противодействия западному империализму в среде консерваторов, насколько можно судить, не имела успеха. Удар по суверенитету Китая, естественно, воспринимался ими как удар по престижу режима, который в глазах его подданных должен

был прежде всего выполнять функции защиты государства от давления извне. Однако неспособность и нежелание консерваторов мобилизовать усилия всей нации для отпора внешней угрозе (это означало отказ от монополии на власть) фактически определили характер их «ответа» на «вызов» Японии.

Ограниченность маневра юаньшикаевского режима перед лицом японского давления, политика уступок Японии были связаны с рядом внешних и внутренних

Юань Шикай

факторов. В условиях разразившейся в Европе войны возможности Юань Шикая прибегнуть к традиционному использованию межимпериалистических противоречий для ослабления, нейтрализации резко возросшего давления со стороны одной державы (Японии) на Китай, были серьезно ограничены. Попытки китайской стороны апеллировать к западным державам предпринимались неоднократно, но к каким-либо реальным сдвигам не приводили. Наконец, попытки объявить о готовности Китая стать на сторону Антанты (полагая, что в этом случае у японцев не останется предлога для захвата китайских территорий) вызвали яростное противодействие со стороны Японии. В течение нескольких лет японская дипломатия оказывала сильное воздействие на Китай с тем, чтобы помешать ему объявить себя воюющей стороной. Лишь в 1917 г. Китай при поддержке США вступил в войну на стороне Антанты против Германии.

Что касается внутренних моментов, следует иметь в виду, что функционирование режима Юань Шикая происходило в условиях усилившихся региональных центробежных тенденций и давления со стороны оппозиционных сил. Главную угрозу Китаю консерваторы видели не во вне (исходя из традиционного убеждения, что Китай никогда не погибнет в результате внешней агрессии), а в развитии внутренней смуты, которая и приведет страну к гибели. Юань Шикай пытался задержать развитие центробежных тенденций, ведущих к развалу единой государствен-

ности, и укрепить устои своего господства путем уступок Японии, наконец, консолидировать нацию на традиционной монархической платформе.

В январе 1915 г. японское правительство предприняло дальнейшие шаги по реализации своей экспансионистской политики в Китае, в ультимативной форме предъявив правительству Юань Шикая «21 требование». Помимо передачи Японии всех бывших германских владений в Шаньдуне, японский ультиматум содержал притязания на Южную Маньжурию и Внутреннюю Монголию, требование не уступать и не сдавать в аренду третьей державе какие бы то ни было пункты на побережье, предоставление всевозможных льгот и привилегий японским подданным (более подробно см. 338, с. 169—170). Наиболее унижительным для Китая были требования пятой группы, которые предусматривали приглашение «авторитетных японцев» в качестве советников центрального правительства по политическим, финансовым и военным вопросам; приглашение японцев на службу в полицейские управления в ряде районов Китая, либо создание в этих районах объединенной японо-китайской полиции; приобретение Китаем у Японии не менее 50% необходимого ему военного снаряжения; необходимость японского согласия в случае желания Китая вложить свой капитал или использовать иностранный заем для строительства железных дорог, рудников и портов в провинции Фуцзянь⁴.

Японская сторона категорически отвергла неоднократные просьбы китайского правительства вывести войска с территории пров. Шаньдун и разрешить возобновление деятельности китайской морской таможни в Циндао (впрочем, с последней просьбой японское правительство было готово согласиться, но при условии, что таможенным комиссаром будет назначен японец).

Подготавливая японское общественное мнение, правительство Окумы инспирировало в печати бешеную пропагандистскую кампанию в связи с «оскорбительными» требованиями китайцев. Японской общественности внушалась мысль, будто Китай проводит необоснованную антияпонскую политику, вынуждая Японию на ответные шаги (416, с. 116).

К этому времени на всех уровнях непосредственного общения с китайцами — от официальных до бытовых — в поведении японцев доминировало стремление сознательно унижить, оскорбить не только их национальное, но и чисто человеческое достоинство. Например, чрезвычайно унижительной была сама форма

японского обращения с ультимативной нотой (содержащей «21 требование»), которая в нарушение общепринятых норм, минуя министерство иностранных дел Китая, была лично вручена японским посланником Хиоки Эки президенту Юань Шикаю ночью 18 января 1915 г. Японский представитель врывается ночью к китайскому президенту — уровни несоизмеримы! — чтобы вручить ему ультимативную ноту, наконец, многочисленные факты оскорбительного по отношению к китайцам поведения японских администраторов на японских предприятиях в Китае, о которых сообщала китайская пресса, — все это находило чрезвычайно болезненное отражение в общественном сознании. Оскорбительные формы японского поведения, непосредственно захватывая сферу чувств и вызывая ответную эмоциональную реакцию китайцев, способствовали более прочному откладыванию в их национальном сознании негативного восприятия японцев и облика Японии в целом.

Настаивая на немедленном принятии японских требований, Э. Хиоки прибегнул к аргументации, состоящей из смеси лицемерия, цинизма и угроз. В частности, японский ультиматум он мотивировал искренним желанием своего правительства наладить с Китаем «тесные дружественные отношения», исходя из расово-культурной общности и географической близости двух стран и народов. Ответственность за напряженность в японо-китайских отношениях японский посланник стремился возложить на Китай, который-де всегда руководствовался правилом — «поддерживать дружеские отношения с державами, расположенными далеко, и враждебно относиться к странам, расположенным близко». Проведение такой политики способствовало, по его словам, появлению враждебности Китая по отношению к Японии. Приняв японские предложения, Китай смог бы конкретно доказать Японии свою дружбу. Иными словами, политику агрессии и ущемления суверенных прав Китая японский представитель трактовал как установление «дружеских связей», по существу цинично намекая, что Китаю необходимо переориентировать на Японию свою «политику уступок».

В ходе переговоров Хиоки недвусмысленно давал понять, что неприятие японских требований может иметь серьезные последствия для Китая, вынудив японское правительство принять «жесткие меры» (дальнейшее расширение вооруженной агрессии и даже возможный захват Пекина) и прибегнуть к поддержке антиюаньшикаевской оппозиции (446, с. 31). Вместе с тем, стара-

ясь смягчить неблагоприятное впечатление от своих угроз, японская сторона давала понять, что в случае успешного продвижения переговоров по «21 требованию» она могла бы поддержать монархические устремления самого Юань Шикая (227, с. 135)⁵.

Агрессивные шаги японских правящих кругов прикрывались, таким образом, идеями о паназиатской солидарности японцев и китайцев и одновременно сопровождалась прямой угрозой применения силы. Китайскому правительству внушалась мысль, что наступил подходящий момент для реализации японской программы широкого вхождения в Китай, когда западные державы, связанные войной в Европе, не смогут помешать японо-китайскому сотрудничеству. Китай должен «впустить» Японию (то есть принять японский ультиматум) для ослабления позиций и последующего вытеснения западных держав, подготавливая тем самым основу процветания двух стран и народов. Одновременно Китаю давали понять: Япония стала сильнейшей державой Восточной Азии, и поэтому именно она должна взять на себя руководство движением Китая по пути прогресса. Такова была суть японского подхода к взаимоотношениям с Китаем, выявившаяся уже к моменту предъявления «21 требования» и в дальнейшем положенная в основу милитаристско-шовинистической доктрины «процветания в Восточной Азии».

Вряд ли можно целиком согласиться с мнением современного китайского историка Ху Шэна, который считает, что после начала первой мировой войны Юань Шикай искал поддержки Японии из-за ее возросшего влияния на Дальнем Востоке, с чем были вынуждены считаться и западные державы. Скорее ближе к истине В. Франке, который подчеркивает, что китайское правительство отнюдь не спешило удовлетворить японские требования (468, с. 88; см. также: 483, с. 20). Столь значительное ущемление суверенных прав Китая серьезно подрывало монополию режима Юаня на власть в стране, делало его зависимым от Японии по важным направлениям государственной политики. Консерваторы вовсе не хотели фигурировать в глазах китайского общественного мнения в качестве японских марионеток. Их особое негодование вызывали статьи 5-й группы японских требований, наиболее унижительные для Китая. «Контроль над естественными богатствами страны, финансами, армией! Что же остается Китаю?» — эти слова одного из министров в правительстве Юань Шикая отражали внутреннее недовольство консерваторов требованиями Японии (цит. по: 529, с. 267).

Таким образом, для правительства Юань Шикая проблема состояла в том, чтобы в условиях, когда Япония, нарушив определенный «баланс присутствия» держав в Китае, пыталась резким броском выдвинуться на доминирующие роли в качестве его эксплуататора, когда надежды использовать межимпериалистические противоречия для ослабления японского давления были сведены к минимуму, — найти выход из серьезного внешнеполитического кризиса, грозившего подорвать сложившуюся структуру власти над китайским народом.

В ходе длительных и сложных переговоров с японцами, которые сопровождались непрерывным наращиванием японских вооруженных сил в Южной Маньчжурии и на Шаньдунском полуострове⁶, Юань Шикай соглашался на отдельные уступки, однако категорически отказывался принять наиболее оскорбительные притязания японцев по пятой группе требований. Стремясь максимально затянуть торг с японцами, Юань рассчитывал привлечь внимание стран Антанты и США и опереться на их поддержку, чтобы парализовать японское давление. С этой целью в китайской печати (судя по всему, не без ведома китайского правительства), началось обсуждение содержания японских требований, а 17 февраля 1915 г. был опубликован полный текст ноты (между тем японское правительство, предъявив Китаю свои условия, настаивало на сохранении их в глубокой тайне).

В момент предъявления японского ультиматума Китаю (7 мая 1915 г.), который был подкреплён мобилизацией японской армии и флота, представители Англии и США порекомендовали Юань Шикаю принять японские требования (к этому времени японское правительство из-за серьезных внутренних разногласий, а также под нажимом западных держав решило снять пятую группу требований, кроме пункта о провинции Фуцзянь). Державы были явно обеспокоены возможностью прямого военного конфликта Японии с Китаем, который, ввиду слабости Китая, мог привести к трудно предсказуемым последствиям для их интересов на Дальнем Востоке. С точки зрения западных стран (в первую очередь Англии и США), которые толкали китайское правительство на уступки, принятие «21 требования» как бы определяло рамки расширяющегося японского внедрения в Китай: Япония усиливала свои позиции, но не захватывала все.

Нельзя исключить, что этими же соображениями мог руководствоваться и Юань Шикай, приняв 9 мая 1915 г. японский ультиматум. По мнению М. Цзи, «преимущества, которые Япо-

ния получила от Китая, не были такими большими, как они казались на бумаге» (446, с. 60). Скорее всего, Юань и его сторонники именно так и воспринимали происшедшее. Война в Европе, по их мнению, не могла продолжаться вечно. После ее окончания противоречия между западными державами и Японией разгорятся с новой силой, и это будет сдерживать японские экспансионистские устремления. Япония расширила свои права в Южной Маньчжурии? Но, в конце концов, она уже закрепилась там после 1905 г. Она приобрела владения в Шаньдуне? Но там до нее уже присутствовала Германия, Япония просто приобрела то, что до нее имела другая держава. Япония получает возможность проникнуть в бассейн Янцзы? Но там она столкнется с Англией, и это на руку Китаю. Китай согласился не сдавать в аренду гаваней, бухт и островов вдоль китайского побережья? Но тем самым он получил японское «прикрытие» от возможного проникновения со стороны западных держав, и т. д. Именно в таком ключе китайская пресса, находящаяся под контролем Юань Шикая или подкупленная им, интерпретировала позицию правительства, изображая ее как «блестящую дипломатическую победу» (отказ Японии от пятой группы требований), как «акт взаимных уступок, обеспечивающих мир и благополучие в Восточной Азии». О том, насколько болезненно остро стоял для Юань Шикая вопрос об оправдании своих действий в глазах общественного мнения, интерпретация их как уступку грубой силе (Японии) во имя «спасения государства от гибели» («жертвуя малым, спасти большое») свидетельствует критика в адрес Сунь Ятсена, которого правительственные круги обвиняли в деятельности в пользу Японии, призывы правительства к народу «не забывать день 7 мая» и т. д.

Резкое расширение масштабов японской экспансии в Китае в период первой мировой войны стало отправным моментом для своего рода качественного скачка в китайском национальном самосознании, резко стимулировало националистическую реакцию на национальное унижение. 7 и 9 мая с этого времени стали отмечаться в Китае как «дни национального позора». Доминирующим становится представление о Японии как о вероломном злодее, который решил воспользоваться сложившейся обстановкой не для того, чтобы помочь Китаю освободиться от оков западных держав, а, наоборот, чтобы занять их место и окончательно погубить Китай. В общественном восприятии Япония фигурировала теперь как главный враг Китая, покушающийся на

его суверенитет. Ненависть китайского народа к иностранным угнетателям обратилась главным образом против Японии.

Этот момент подчеркивают и многие западные исследователи. «С этого времени, — пишет, в частности, Р. Пелисье, — ненависть китайцев была сконцентрирована главным образом на бандитах-карликах (т. е. японцах, — *авт.*), и Китай воспринимал Японию как самого опасного соперника и самую большую угрозу своей целостности» (529, с. 265). По мнению Кейдзи Фуруя, японский экспансионизм превратил китайскую нацию в большой враждебный лагерь (469, с. 64). М. Дженсен также считает, что после предъявления «21 требования» китайский национализм оказался направленным главным образом против Японии (488, с. 213).

Расширение масштабов общественной реакции на японскую агрессию в значительной мере способствовало изменению политического климата в стране под влиянием Синьхайской революции, постепенное втягивание в политическую жизнь прежде всего различных слоев городского населения, армии. В условиях борьбы различных политических организаций за расширение своего влияния все более активную роль в формировании общественного мнения, распространении политических идей начинает играть печать. В свою очередь японская агрессия в годы первой мировой войны стала своеобразным политическим катализатором, который будил и развивал политическое самосознание, политическую активность в первую очередь тех социальных сил, которые представляли в китайском переходном обществе новые прогрессивные социально-экономические и политические тенденции.

Китайский народ ответил на «21 требование» значительным всплеском националистической активности, которую можно рассматривать как предтечу «движения 4 мая» 1919 г. Это было первое антияпонское выступление, возникшее стихийно как ответная реакция патриотических сил на агрессивные притязания Японии. Одной из основных форм протеста стал бойкот японских товаров, охвативший Шанхай, Ханькоу, Фучжоу, Сямэнь, Чифу и ряд других крупных городов страны. В ряде мест японские товары конфисковывались и сжигались. Параллельно развернулось движение за прекращение деловых связей с японскими предпринимателями, за отказ использовать банкноты, выпускаемые японским банком на Тайване, против продажи товаров японцам. В ряде мест жители отказывались сдавать в аренду

японцам дома и квартиры. В Ханькоу возмущенная толпа разгромила японские магазины. Всюду происходили митинги протеста, распространялись прокламации, расклеивались антияпонские плакаты, карикатуры, лозунги. В стране возникла кампания по сбору средств в фонд «национального спасения» (ее центром был Шанхай). Патриотический подъем охватил и китайскую эмиграцию. Денежные поступления в фонд «национального спасения» поступали от китайцев, проживающих в Японии, Америке, странах Юго-Восточной Азии.

Правительство Юань Шикай, которое путем уступок достигло хрупкого компромисса с японскими агрессорами, боялось, что антияпонские выступления могут спровоцировать Японию на вооруженный конфликт с Китаем. Юань Шикай издал несколько указов о запрещении антияпонских бойкотов и применении строгих наказаний за причинение ущерба японским гражданам, хотя нельзя исключить, что это была скорее демонстрация, адресованная Японии⁷, нежели проявление его искреннего стремления подавить вспышки антияпонского протеста, который в известной мере мог импонировать его националистическому настрою.

Значительную патриотическую активность проявляли китайские студенты, обучающиеся за границей (прежде всего в Японии и США). Именно в их среде было выдвинуто наиболее радикальное требование к правительству — сплотить нацию на непримиримую борьбу с японскими агрессорами, вплоть до объявления войны Японии. Многие студенты записались в формирующиеся антияпонские отряды и срочно вернулись в Китай. По их инициативе проводились массовые митинги и диспуты о мерах по организации национального спасения (151, с. 197).

Отражением патриотических настроений, охвативших передовые круги китайского общества, были взгляды молодого Ли Дачжао, который в 1913—1916 г. учился на экономическом факультете токийского университета Васеда. Под воздействием происходящих событий Ли Дачжао издал сборник материалов и статей — «Памятные записки о национальном позоре». В связи с предъявлением «21 требования» Ли Дачжао от имени Союза китайских студентов написал проникнутое патриотическими настроениями «Письмо-предостережение почтенным гражданам всей страны», в котором призывал мобилизовать усилия народа и дать отпор Японии. «Ныне, пока европейцам недосуг заниматься Востоком, — писал Ли Дачжао, — у Японии возникли

замыслы расширить свои владения; именно она выступила начинщиком отторжения китайских территорий, проявила алчное стремление к захватам» (69, с. 59). Он подчеркивал, что «над нашим Китаем нависла угроза гибели», поэтому лучшие люди страны должны взять на себя ответственность за спасение государства. «Те, кто непосредственно навлекает на себя ненависть Китая, — предупреждал Ли Дачжао, — косвенно становятся врагами многих стран. Так, сегодня Япония губит Китай, в будущем погибнет и сама Япония. Погоня за наживой затмевает их разум, они рубят сук, на котором сидят, забывают, что без челюстей нет дёсен, что без губ занюют от холода зубы, — все это показывает их неразумность» (69, с. 62). Ли Дачжао писал, что Китай — это государство с 400-миллионным народом, и «если наш 400-миллионный народ не смирится с гибелью, то как бы ни был силен враг, он не сможет погубить наш Китай прежде, чем погибнет наш 400-миллионный народ». Погубить Китай, утверждал Ли, может только отсутствие общенационального единства. «Пусть мудрые покажут свою мудрость, мужественные — проявят мужество, богатые — поделятся богатствами, вся страна — встанет, как один, и воля народа превратит ее в крепость. Если мы победим, то сможем защитить свою прекрасную Родину, и славная история, доставшаяся нам в наследство от предков, отныне сможет развиваться бесконечно. Если же мы потерпим поражение, то потеряем нашу прекрасную Родину, а славная история, доставшаяся в наследство от наших предков, на этом и завершится» (69, с. 66).

В статье «Народ, будь начеку» (июнь 1915 г.) Ли Дачжао дал обстоятельный анализ международного и внутреннего положения Китая. Он указывал на агрессивный характер «21 требования», разоблачал далеко идущие планы, которые преследует Япония. Их осуществление, по его мнению, грозит Китаю потерей государственного суверенитета, утратой надежд на национальное возрождение. После окончания войны в Европе примеру Японии неизбежно последуют западные державы, считал Ли, и в результате угроза раздела страны станет реальной. Ли Дачжао призывал китайский народ воспрянуть духом и мобилизовать все силы на борьбу с агрессором. Он убеждал правительство отказаться от пораженческих настроений, сплотиться с народом, восстановить демократические учреждения, ввести всеобщую воинскую повинность, чтобы спасти страну и смыть национальный позор. Никакие силы, писал Ли, не смогут покорить

Китай, если все соотечественники решительно поднимутся на борьбу с внешним врагом (14, с. 17).

Конечно, не следует преувеличивать масштабы антияпонского подъема 1915 г. Однако было бы неправомерно, с нашей точки зрения, и недооценивать это массовое патриотическое возмущение⁸, в котором уже явственно проступали элементы растущего национального самосознания и которое показало острую националистическую возбудимость патриотически настроенных кругов китайского общества в ответ на внешнее давление.

Резкое обострение соперничества в постсиньхайский период между центром и провинциями, правительством и оппозицией, между «партиями», а также военными группировками, борющимися за власть, контроль над территориями, источниками доходов и т.п., существенно корректировало националистический подход к Японии как агрессору, дополняя отношением к ней как внешней силе, которую можно использовать в борьбе с различными соперниками. Соединение разнохарактерных и противоречивых потоков восприятия Японии оказалось характерным для различных направлений китайского национализма, став своего рода общим знаменателем отношения к ней различных представителей политизированной китайской элиты. Такого рода подход предполагал, что «сильный Китай», созданный при поддержке Японии, в конце концов выйдет на равноправный уровень отношений с ней (равно как и с другими странами мира) и в конечном счете компенсирует уступки, сделанные Японии на пути к этой цели.

Так, после принятия японского ультиматума и подписания с ней соответствующих кабальных соглашений на поддержку Японии в реализации своих планов реставрации монархии рассчитывал Юань Шикай. Но весьма характерно, что одновременно помощь Японии в борьбе против юаньшикаевской диктатуры стремилась использовать и антиправительственная оппозиция в лице Сунь Ятсена и его сторонников.

В создавшейся ситуации позиция Сунь Ятсена была в значительной мере аналогична той, которую он занимал накануне Синьхайской революции по отношению к маньчжурской династии. На новом этапе его главным врагом стал Юань Шикай, правление которого, по убеждению Суня, и было причиной унижения Китая. Национальное единство на базе юаньшикаевской диктатуры для организации отпора Японии было абсолютно неприемлемо для Сунь Ятсена. Более того, Япония представлялась ему союзником в борьбе против Юань Шикая.

Что скрывается за этим? Политические иллюзии, граничащие с политической наивностью? Или расчеты искушенного политика, стремящегося использовать внешнеполитические связи в надежде решить внутривнутриполитические проблемы? Нам представляется, что в определенной мере имело место и то, и другое. Важно при этом выявить логику, которой руководствовался сам Сунь Ятсен. Строгое «осуждение» Сунь Ятсена с позиций сегодняшнего дня, к чему прибегают некоторые исследователи (см. например, 336, с. 316), в принципе правомерно, однако мало помогает анализу его конкретного подхода к создавшейся ситуации.

Период японской эмиграции 1913—1916 гг. был одним из трудных и сложных в политической биографии Сунь Ятсена. Хотя в период предъявления «21 требования» Сунь не выразил открытого протеста по поводу японских притязаний⁹ (он это сделает несколькими годами позже, и в достаточно резких выражениях), вряд ли можно сомневаться в том, что новые проявления японской агрессивности в отношении Китая вызывало его внутреннее возмущение как националиста. Едва ли можно целиком согласиться с Ли Шиюэ, который объясняет сдержанность Сунь Ятсена в тот момент, в частности, «чувством страха» перед японскими империалистами, а также единственным стремлением «добиться японской поддержки в свержении Юань Шикая». Конечно, положение Сунь Ятсена в Японии как неофициального политэмигранта, к тому же находящегося под пристальным наблюдением японских властей, могло сковывать его инициативу в этом направлении. Однако некоторые его сторонники рисковали вести патриотическую пропаганду среди китайских студентов в Японии, возмущенных ее требованиями (см. 81, с. 47, 48). В частности, особую от Сунь Ятсена позицию в тот период занимал Хуан Син. Дело, разумеется, не в чувстве страха, а в той интерпретации, которую Сунь Ятсен давал происходящему.

Для Сунь Ятсена новый акт японской агрессии фактически был спровоцирован существованием в Китае продажного и антинародного режима Юань Шикая. Сунь сознательно делал акцент не на агрессивности Японии, воздерживаясь в тот момент от прямого осуждения «21 требования», а на гнилости, продажности режима, благодаря существованию которого эта агрессивность и получила свое развитие. Пока в Китае существуют правители, подобные Юань Шикаю, сильные державы, считал Сунь Ятсен, будут относиться к Китаю как объекту агрессии и грабежа, ущемлять его суверенитет и независимость.

В свете этих представлений Сунь Ятсен интерпретировал и многие факты, связанные с взаимоотношением Юань Шикая с Японией. Он, в частности, считал, что причиной, вызвавшей предъявление «21 требования», было желание Юаня стать императором, получив в этом деле признание и поддержку Японии; японское правительство, естественно, потребовало за это соответствующую награду (151, с. 198). В своем «Обращении к пекинским студентам по поводу китайско-японских переговоров» (1915 г.) Сунь Ятсен писал: «Господин Юань в своих домогательствах незаконно занять императорский престол готов с радостью продать государство. Неужели чужеземцы (Сунь, судя по всему, имел в виду японцев, — *авт.*) будут попустительствовать этому главному преступнику страны?» (33, с. 593). (Судя по тексту, «Обращение» было написано после предъявления японских требований и начала японо-китайских переговоров; Сунь приводит выдержки из японских и китайских газет с намеками на секретные статьи японских требований). В интерпретации Сунь Ятсена Юань Шикай сам предложил Японии награду в обмен на поддержку реставрации монархии.

Слабость позиции Сунь Ятсена в тот момент состояла в том, что в поисках союзника он не видел иного выхода, как обратиться к тем же японским партнерам в надежде получить их поддержку против Юань Шикая. Так, в марте 1915 г. во время переговоров Юань Шикай с японцами относительно условий принятия их требований Сунь Ятсен обратился с письмом на имя одного из сотрудников министерства иностранных дел. В нем он действительно предлагал Японии достаточно большие привилегии в обмен на помощь против Юань Шикая. В случае прихода к власти он обещал, в частности, значительные торгово-экономические преимущества для японского капитала в развитии китайской экономики, приглашение японских политических и военных советников и т. д. (487, с. 212; 540, с. 182, 183; 563, с. 83)¹⁰. Некоторые исследователи утверждают, что Сунь Ятсен был готов пойти даже на большие уступки Японии, чем те, которые они хотели получить от Юань Шикая по «21 требованию» (484; с. 255). При этом они дают различные объяснения этим шагам Сунь Ятсена. Шао, например, склонен считать их «жестом отчаяния» (543, с. 46). Другие авторы видят в такой позиции «конфликт между политической необходимостью и патриотизмом» (484, с. 255). М. Дженсен вообще не видит существенной разницы между позициями Юань Шикая и Сунь Ятсе-

на: в борьбе за власть Сунь, по его мнению, был готов пожертвовать даже большим, чем Юань (487, с. 177).

Конечно, попытки решить внутривнутриполитические проблемы путем внешнеполитических связей, используя внешнего союзника (тем более в лице агрессивной Японии) и идя при этом на значительные уступки ему, были чреваты серьезной угрозой использования этих связей в ущерб национальным интересам Китая. Однако в тот момент Сунь Ятсен был, судя по всему, искренне убежден, что ему удастся переиграть своих японских партнеров и переключить их внимание на поддержку своих планов. В своем обращении в японский МИД в марте 1915 г. Сунь снова развивал концепцию паназиатизма, тесных союзнических отношений между Китаем и Японией на основе расовой солидарности (идеи, звучавшие в его выступлениях в Японии в феврале — марте 1913 г., в письме Окума 11 мая 1914 г. и развернутые им более широко позднее, в начале 20-х гг.). Сунь Ятсен предлагал японскому правительству отказаться от односторонней ориентации на союзы с западными державами и от проведения экспансионистского курса в отношении Китая. Япония, по мысли Сунь Ятсена, должна помочь Китаю избавиться от неравноправных договоров, навязанных ему Западом. Поддержав создание нового Китая, убеждал Сунь своих японских партнеров, и строя отношения с ним на равноправной основе, Япония могла бы получить гораздо больше политических и экономических преимуществ по сравнению с теми, которые она хочет добиться, прибегая к угрозам и давлению.

Цели японских правящих кругов в отношении Китая были далеки от тех надежд, которые питал Сунь Ятсен. Фронтальное давление на китайское правительство («21 требование») и официальное признание режима Юань Шикая сочетались с давлением на него изнутри, путем неофициальной поддержки оппозиции и центробежных тенденций в китайской политической жизни. В сочетании этих вариантов, отражавших борьбу группировок в правящем лагере Японии, прослеживалась одна общая линия на максимальное ослабление китайской политической структуры с тем, чтобы облегчить реализацию японских экспансионистских планов.

Наиболее агрессивного курса в отношении Китая придерживалась японская армейская верхушка во главе с начальником генерального штаба генерал-лейтенантом Танака Гиити, которая уже давно подозревала Юань Шикая в нелояльности по от-

ношению к своему восточному соседу. Японские военные считали, что Юань Шикай хотя и принял в конце концов «21 требование», но до этого всячески оттягивал окончательное решение и стремился их урезать, что он не являлся той политической фигурой, на которую Японии следовало бы сделать ставку и оказывать поддержку. Они не сомневались, что Юань Шикай будет стремиться использовать любые шансы для контригры и, в частности, будет искать поддержки западных держав для ослабления японского давления на Китай. Поэтому японский генералитет отрицательно отнесся к попыткам Юань Шикая восстановить монархию, которые они могли рассматривать «как фактор чрезмерного усиления пекинского правителя и возможного проявления вслед за тем большей самостоятельности в отношениях с Японией» (426, с. 391). Именно генералитету принадлежала идея вновь сделать ставку на Сунь Ятсена и начать поддерживать мятежный Юго-Запад. Вспыхнувшее в декабре 1915 г. «Движение в защиту Республики» и последовавшее вскоре провозглашение независимости пров. Юньнань вселяли военным кругам определенные надежды активно использовать развитие внутренней ситуации в Китае для ослабления центральной власти.

В послании, направленном 15 января 1916 г. в Министерство иностранных дел Японии, генерал Танака четко выразил позицию армии — Япония не должна признавать Юань Шикая императором независимо от того, какую позицию займут западные державы; ей следует действовать в Китае, преследуя лишь собственные интересы. К этому времени японское правительство вполне созрело для того, чтобы согласиться с мнением военных. Новый министр иностранных дел Исии Кикудзиро, сменивший К. Като в октябре 1915 г., был сторонником проведения более активной политики в Китае. 19 января 1916 г. правительство одобрило политику непризнания притязаний Юаня на императорский титул (в частности, специальному послу Чжоу Цзыци, направленному в Токио для переговоров о поддержке монархических планов Юаня, было отказано в приеме), а в феврале 1916 г. японское правительство приняло окончательное решение оказать неофициальную поддержку и Сунь Ятсену.

В качестве посредника между японским правительством и военными, с одной стороны, и Сунь Ятсеном, с другой, выступил Кухара Фусаносукэ, банкир и промышленник, неизменно придерживающийся в политике крайне правых националистических позиций. Он поддерживал тесные связи с японскими

милитаристскими кругами, был дружен с генералом Танака. Кухара слыл антизападником и паназиатом, что, видимо, сыграло не последнюю роль в выборе японских правящих кругов использовать паназиатские настроения Сунь Ятсена.

С февраля по апрель 1916 г. Сунь Ятсен и его представители получили от Кухара и лично генерала Танака в общей сложности весьма солидную сумму в 1,4 млн. иен (426, с. 393; 563, с. 83)¹¹. Вряд ли Сунь Ятсен не отдавал себе отчета в том, какие круги стоят за Кухара (тем более, что перед возвращением в Китай в апреле 1916 г. он лично трижды встречался с генералом Танака).

Таким образом, можно констатировать, что вскоре после принятия Юань Шикаем «21 требования» связи Сунь Ятсена с представителями влиятельных военно-политических и финансово-промышленных кругов Японии не только не прекратились¹², а, наоборот, завязались самым тесным образом. Конечно, дальние цели сторон, естественно, были различны, но в пункте антиюаньшикаевской борьбы в какой-то момент они совпали. Обещав (в своих расписках Кухара) отстаивать «мир на Востоке» и дружбу между Китаем и Японией, Сунь Ятсен (об этом свидетельствуют все его последующие выступления) видел совсем иную перспективу развития китайско-японских отношений, нежели те, которые рисовались японским милитаристам.

Тесные связи Сунь Ятсена с японскими милитаристско-шовинистическими кругами, его зависимость от японцев и возлагавшиеся на них надежды в то время, как Япония демонстрировала явную агрессивность по отношению к Китаю, одобрялись не всеми его сторонниками. Многие деятели Китайской революционной партии (создана Сунем на базе реорганизованного Гоминьдана), возмущенные японской агрессией, считали возможным на время прекратить борьбу с Юанем и сплотить нацию перед лицом внешней угрозы. Сплочение нации и единство страны для отпора агрессору было характерным лейтмотивом, господствующим в умонастроениях того времени. Хуан Син, например, (его поддерживали Чэнь Цзюньмин, Ли Лецзюнь и другие лидеры Гоминьдана), считал необходимым в тот момент объединиться с Юань Шикаем для совместного сопротивления японской агрессии, полагая, что активная борьба с режимом на том этапе может лишь толкать Юаня в объятия Японии¹³. Хуан Син и его сторонники рассчитывали использовать и межимпериалистические противоречия (напомним, что на это надеялся и Юань Шикай), в частности, противодействие США

укреплению японских позиций в Китае. Расчеты эти были далеки от реалий: внимание Соединенных Штатов было сосредоточено на Европе¹⁴.

Позиция Хуан Сина была близка платформе националистов-либералов, которые в постсинхайский период выступали за укрепление центральной власти и политическую стабилизацию в стране. Японское наступление в Шаньдуне и «21 требование» вызвали возмущение у Лян Цичао как патриота. Тот факт, что эти агрессивные действия против Китая были предприняты правительством Окума, с которым Лян поддерживал тесные связи в период эмиграции в Японии, лишь обостряло его реакцию. Лян воспринимал Японию как сильного и коварного агрессора, который выбрал к тому же удобный момент для реализации своих экспансионистских планов. Однако следуя известному реформаторскому принципу «защиты государства» (бао го), который прежде всего предполагал поддержку устойчивости государственной системы, Лян Цичао фактически поддержал позицию правительства Юань Шикая, который, уступая давлению сильного противника, все же сумел, пусть даже ценой весьма существенных уступок, сохранить главное — целостность Китая.

В статье «С болью формулирую обвинительные слова» (июнь 1915 г.) Лян Цичао писал: «Заслуга правительства Юань Шикая заключается в том, что оно добилось мира, какой бы ценой ему не пришлось заплатить, и поэтому обвинения против правительства нелепы и гнев против могущественной соседней державы также нелеп». «Скажу прямо, — продолжал он, — судя по переговорам в течение четырех месяцев, нет оснований в том, что оно не отдавало всех сил служению отечеству или что оно допустило какие-то ошибки в тактическом отношении... Надо благодарить правительство за то, что оно сохранило целостность родины» (26, с. 647—648). Лян Цичао осудил антияпонские выступления в стране, которые, по его мнению, могли разрушить вновь обретенные «мир и гармонию».

Хотя к моменту провозглашения «независимости» провинции Юньнань 25 декабря 1915 г. японцы уже активно искали подходы к лидерам антиюаньшикаевской оппозиции и помогали их перемещению на юг и юго-запад Китая¹⁵, нет никаких оснований считать, что они инспирировали выступление против Юань Шикая. Казалось бы, тот факт, что Цай Э и многие другие руководители «Армии защиты Республики» получили военное образование в Японии, давал японской стороне возможность актив-

но использовать их в своих интересах. Однако на практике эти контакты характеризовались весьма сдержанным подходом лидеров антиюаньшикаевского выступления на Юго-Западе к принятию японской помощи, их стремлением не связывать себя обременительными обязательствами. Им было важно обеспечить благожелательное отношение Японии к выступлению против Юань Шикая, но они отнюдь не выражали готовность оплачивать его согласием пойти на серьезное расширение японских позиций в Китае. Так, в беседе с японским генеральным консулом в Шанхае 30 декабря 1915 г. Лян Цичао выразил благодарность японскому правительству за его позицию относительно планов Юань Шикая реставрировать монархию (сдержанный подход Японии к этим планам начал вырисовываться к тому моменту, и Ляну было важно закрепить его), а также подверг критике Юаня за непонимание японской политики, возросшего влияния Японии на Дальнем Востоке. Последнее, конечно, явно свидетельствовало о стремлении добиться расположения Японии, но при этом Лян воздержался от прямых заявлений с просьбой о помощи (448, с. 134).

В конце февраля 1916 г. Лян телеграфировал Цэнь Чуньсюаню¹⁶ который в тот момент находился в Японии, о своих возражениях по поводу заключения с японцами каких-либо соглашений. Он считал, что этот вопрос должен решаться только после создания нового правительства. Лян Цичао подчеркивал, что движение против Юань Шикая не должно направляться японцами, так как это может привести к пагубным для страны последствиям (448, с. 134).

Однако обстоятельства военного времени заставили Лян Цичао и организаторов выступления в Юньнани обратиться именно к Японии за политической и моральной поддержкой. Некоторая настороженность юньнаньских генералов к Японии, которую они проявили на первых порах, объяснялась не только и, может быть, даже не столько их националистическим настроением, а скорее неопределенностью на том этапе позиции самой Японии по отношению к планам Юань Шикая, с одной стороны, и антиюаньшикаевскому движению на юге, с другой. После того, как эта позиция достаточно четко определилась (японцы отказали в приеме представителю Пекина, начали сотрудничать с юньнаньскими лидерами по ряду финансовых вопросов и т. д.), Япония стала восприниматься как ценный и необходимый партнер в борьбе с Юань Шикаем. Представители повстанцев продолжа-

ли вести с японцами переговоры о поставках оружия, тем более, что выход к морю (в начале апреля 1916 г. провозгласила «независимость» провинция Гуандун) делал реальным его получение. В середине марта 1916 г. военный губернатор Юньнани генерал Тан Цзияо обратился к японскому правительству с просьбой прислать японских военных советников в «Армию защиты Республики». К тому времени Цэнь Чуньсюаню удалось договориться с японским правительством о займе в 1 млн. иен. (Параллельно японцы предоставили несколько займов и Сунь Ятсену, истратив на него даже больше денег — 1,4 млн. иен). В мае 1916 г. Лян Цичао призвал японское правительство признать в качестве воюющей стороны четыре провинции, провозгласившие к тому времени «независимость» (Юньнань, Гуйчжоу, Гуанси и Гуандун). Наконец, в конце мая повстанцы обратились к японскому правительству с просьбой оказать давление на Юань Шикая и заставить его уйти в отставку с поста президента. Таким образом, к тому моменту, когда антиюаньшикаевское движение достигло ощутимых успехов, окончательно свалить Юань Шикая предполагалось при активном содействии со стороны Японии.

Некоторые западные исследователи, сравнивая подход к Японии Сунь Ятсена и националистов-либералов (Лян Цичао, юньнаньских военно-политических деятелей из «Армии защиты Республики» и др.), склонны отдавать предпочтение последним, полагая, что они якобы были более патриотичны. Например, подчеркивается, что Лян Цичао действовал «более обдуманно» и всегда «имел в виду опасность японской интервенции в Китае»; что он не обещал японцам «тесное сотрудничество» (которое, как считают некоторые западные авторы, все время фигурировало в суньятсеновском подходе); наконец, подчеркивается, что реакция Юньнани на японскую помощь была медленной и «сдерживалась памятью о посягательствах Японии на китайский суверенитет и подозрениями относительно ее действительных намерений» (см. 448, с. 129, 133, 134). В этой связи хотелось бы обратить внимание не столько на различие в нюансах подхода к Японии представителей оппозиционных Юаню сил, сколько на сближающие их моменты.

В условиях развала государственной системы и резкого усиления регионалистских тенденций противоборствующие стороны в борьбе за военно-политическое объединение страны в той или иной степени полагались на использование и привлечение Япо-

нии. В этом феномене двойственного восприятия Японии она выступала как агрессор, вызывающий протест, и как сила, которую можно использовать в борьбе с политическим конкурентом. Последнее обстоятельство позволяло Японии более активно вмешиваться во внутренние дела Китая с целью дальнейшего ослабления его.

* * *

Войны Юга с Севером привели к резкому ослаблению центральной власти и разделу страны между многочисленными феодално-милитаристскими группировками. После смерти Юань Шикая в 1916 г. правительство в Пекине стало объектом острой борьбы трех наиболее сильных группировок бэйянских (северных) милитаристов, действовавших в Северном, Северо-Восточном и Центральном Китае — аньхойской, чжилийской и фэнтяньской. Проистекавшая из столкновения интересов региональных групп господствующего класса милитаристская междоусобица в свою очередь отражала соперничество империалистических держав, их борьбу за захват главенствующих позиций в Китае. В этих условиях поддержка империалистической державы или группы держав являлась одним из условий «выживания» тех или иных милитаристов в борьбе за укрепление своего господства в Китае.

С Японией наиболее тесно были связаны фэнтяньская, действовавшая на Северо-Востоке (во главе с Чжан Цзолинем), и аньхойская, осуществлявшая в 1916—1920 гг. контроль над пекинским правительством (во главе с Дуань Цижунем), группировки милитаристов. Дуань Цижуй, ставший в 1916 г. премьер-министром пекинского правительства, пытался унаследовать режим военной диктатуры Юань Шикая и военным путем решить проблемы объединения страны. В условиях распада централизованной государственной системы и заинтересованности бэйянской группировки в получении японской поддержки для борьбы с милитаристскими конкурентами на Юге для правящих кругов Японии резко увеличилась возможность расширить масштабы своего внедрения в Китай.

В самом деле, при сохранении централизованной государственной системы японское давление воспринималось представителями правящего режима (в частности, Юань Шикаем) как ущемление государственного суверенитета, подрывающее их монополию на власть в стране; они уступали японскому нажиму фак-

тически под угрозой прямой военной интервенции. Напротив, Дуань Цижуй уже вполне мог рассматривать Японию как естественного и желательного союзника в борьбе за расширение своего влияния в Китае — иначе его могли «обойти» милитаристские конкуренты, соперничающие с ним и ориентирующиеся в свою очередь на получение помощи от западных держав. Таким образом, милитаристская междоусобица и раскол господствующего класса Китая существенно корректировал подход к Японии у той его части, интересы которой отражали упомянутые выше группировки бэйянских милитаристов.

Значительное влияние на прояпонскую ориентацию правительства Дуань Цижуя оказывали такие явные японофилы, как Цао Жулинь — управляющий Банком коммуникаций, затем министр коммуникаций и одновременно министр иностранных дел (во втором кабинете Дуань Цижуя), Чжан Цзунсян — министр юстиции, в дальнейшем китайский посол в Токио, Лу Цзунюй — основатель финансируемого Японией китайско-японского обменного банка, один из лидеров прояпонской «клики путей сообщения», затем управляющий монетным двором. В период «движения 4 мая» на этих деятелей в первую очередь обрушились народный гнев и возмущение, они были заклеены как национальные предатели, превратившие «сотрудничество» с Японией в распродажу национального суверенитета и источник личного обогащения¹⁷.

Несмотря на наличие в пекинском правительстве таких откровенных японофилов и явную ориентацию на сотрудничество с Японией, все же думается, следует воздержаться от категоричных характеристик кабинета Дуань Цижуя как собрания прояпонских марионеток, а его самого — как давнишнего агента японских империалистов (см., например: 387, с. 557; 399, с. 113)¹⁸. Подобные формулировки значительно упрощают все же достаточно сложные и неоднозначные отношения бэйянских милитаристов с Японией; на это, в частности, обратила внимание Г. С. Каретина (см. 351). Подобно Юань Шикаю, они воспринимали Японию как неизбежное «зло», которое надеялись обратить на пользу не только укрепления своей локальной милитаристской структуры, но и объединения страны под своим контролем. По определению одного из западных исследователей, их взаимоотношения с Японией строились на зыбком фундаменте, который должен был «поддерживать хрупкий баланс между сотрудничеством и капитуляцией» (543, с. 37). Северные милитари-

сты учитывали нарастание антияпонских настроений в стране и не исключали возможность использовать межимпериалистические противоречия, чтобы ограничить японские поползновения. Подавляя антияпонские выступления, они одновременно стремились использовать их в качестве своего рода противовеса японскому давлению, поощряя, а иногда и скрытно провоцируя некоторые формы проявления антияпонской активности.

Предъявление «21 требования» ознаменовало значительное расширение экономической и политической экспансии Японии. Географическая близость, значительные военные и экономические возможности создавали Японии наилучшие условия для наступления на Китай. Правительство Тэраути, сменившее кабинет Окума в октябре 1916 г., сделало ставку на укрепление связей с северными милитаристами, решив прекратить поддержку их соперников на Юге (этот курс получил официально утверждение в июле 1917 г.) (446, с. 115; 469, с. 85). Используя войны между милитаристами, Япония стремилась выступать в роли миротворца. В 1917—1918 гг. угрозами и подкупом Япония смогла навязать Китаю целую серию неравноправных соглашений на базе «21 требования», серьезно усиливших ее позиции в Шаньдуне и провинциях Северо-Востока.

Возрос и финансовый натиск на Китай. Нуждаясь в средствах, правительство Дуань Цижуя подписало с японцами несколько десятков кабальных соглашений о займах. Скандальную известность получили так называемые займы Нисихара¹⁹. Значительная часть этих займов шла на военно-политические цели, подрыв влияния европейских держав в Китае и на подкуп администрации. Япония стремилась монополизировать предоставление займов Китаю. В 1916—1918 гг. число предоставленных ею займов увеличилось в пять раз по сравнению с 1901—1915 гг.; их общая сумма за период войны составила 675 млн. иен, причем на 1917—1918 гг. падает более 50% всей суммы японских займов, начиная с 1909 г. (405, с. 66—68)²⁰.

Развивая с помощью займов инфраструктуру в Шаньдуне, Южной Маньчжурии и прилегающих районах, Япония укрепляла свои позиции и заодно обеспечивала кратчайшие подступы к китайской столице на случай нежелательных для нее поворотов событий в Пекине. Одновременно Япония использовала «угрозу большевизма» как предлог для дальнейшего расширения военно-политической экспансии в Китае и своего влияния на пекинское правительство. В марте—мае 1918 г. под предлогом устра-

нения «угрозы миру в Восточной Азии» и «защиты Китая» она навязала правительству Дуань Цижуня серию японо-китайских военных соглашений якобы ввиду «настойчивого проникновения на русскую территорию враждебного влияния (имелась ввиду интервенция западных держав в период гражданской войны в России, — *авт.*), угрожающего общему миру и безопасности на Дальнем Востоке»²¹.

Таким образом, к концу 10-х гг. Япония, используя связи с северными милитаристами, сумела захватить мощные военно-политические и экономические позиции в Китае, которые давали ей возможность активно влиять на процессы его внутреннего развития. К исходу мировой войны японская экспансия обрела масштабы реальной угрозы суверенитету Китая.

Японская экспансия в Китае осуществлялась под флагом шовинистических, паназиатских идей (после 1917 г. к ним добавился и антикоммунизм), которые в эти годы усиленно пропагандировали правящие круги страны. В их основе лежала концепция об исключительной, божественной роли Японии, которую та призвана сыграть в судьбах азиатского континента и, в частности, Китая. Видный японский политический деятель Инукаи Ки (на его поддержку многие годы рассчитывал Сунь Ятсен), пропагандируя принципы паназиатской солидарности под эгидой Японии, писал в 1919 г.: «Япония — избранная страна, миссия ее велика и почетна. Еще первый наш император Дзимму в своем манифесте перед вступлением в права божественного управителя страной и народом провозгласил принцип Хакко Иттю — «восемь углов под одной крышей», что означает объединение всех азиатских народов под крышей нашей империи» (цит. по: 424, с. 94). В свою очередь военный министр Японии генерал Угаки Кадзусигэ, кумир японской военной молодежи, подчеркивал, что в мире нет иной, более прочной и целесообразной государственной системы, чем императорская система, ниспосланная избранному японскому народу. Задача японской нации, по его мнению, состоит в насильственном насаждении на Азиатском континенте идей «императорского пути», которые должны привести к созданию великой японской империи (424, с. 82).

Свой агрессивный курс Япония прикрывала стремлением помочь китайскому народу и другим народам Азии освободиться от засилья западных стран, отбросить чуждую народам Восточной Азии западную цивилизацию. Так, японский премьер-министр Хара Такаси, выступая 2 мая 1919 г. на заседании кабинета

министров, заявил, что «если XIX век был веком западных теорий насильственного объединения Восточного и Западного полушарий под флагом европейской цивилизации, то XX век должен стать веком распространения теории национального объединения цветных народов и отказа от чуждой цивилизации». Япония как самая передовая сила в Азии призвана стать во главе освободительного движения цветных народов, в первую очередь народов Азиатского континента, под девизом — «освобождение и единение под стягом нашей империи». Разъясняя сущность своего тезиса об «освобождении азиатских народов от белого империализма», Хара подчеркивал, что «империя протягивает руку миллионам китайцев, корейцев и другим родственным азиатским народам и предлагает им опереться в своей борьбе за освобождение на могущество империи, которой суждено скрестить мечи с теми силами, которые отвергают первенство Японии в решении судеб Азии» (цит. по: 424, с. 92). С подобными заявлениями в то время выступали и ведущие представители японских милитаристских кругов — военный министр Угаки; маршал Тэраути Масатакэ, генералы Араки Садао, Хаяси Сэндзюро, Нисио, Абэ Нобуюки, Уэда и другие²².

В предлагаемом «союзе азиатских государств», освобожденных от западного империализма и руководимых Японией, первое место занимал Китай, чья территория, население, ресурсы рассматривались как плацдарм для последующей борьбы с западными державами и завоевания господства в Азии. Лозунг «японо-китайского сотрудничества» лишь маскировал восприятие Китая японскими шовинистическими кругами как объекта колониальной экспансии. В приложении к Китаю паназиатизм в его японской интерпретации выступал как концепция грубого насилия, доминирования Японии, подчинения китайского народа ее воле и диктату.

Новая шовинистическая пропагандистская волна под флагом паназиатизма, захлестнувшая Японию в 10-е годы, явно носила антизападнический характер. (При этом игнорировалось, что модернизаторское обновление самой Японии после Мэйдзи происходило под влиянием западной цивилизации; экспансионистский курс Японии трактовался ее правящими кругами как стремление преодолеть чуждое влияние Запада и спасти Восточную Азию). Вместе с тем в этой пропаганде прослеживалась и откровенно антикитайская тональность. Японские шовинисты трактовали понятие «отечество» в восточноазиатском масштабе, вклю-

чая в него Китай и Корею. Китай воспринимался как естественная часть «восточноазиатского дома» (обозначенного в дальнейшем как «сфера взаимного процветания»), ответственность за порядок в котором брала на себя Япония. В этом плане слабость Китая, его неспособность из-за утраты «национальной самобытности и самостоятельности» противостоять Западу интерпретировались как прямая «угроза Японии». Концепция «защиты отечества» предполагала поэтому вхождение Китая в зону влияния и контроля Японии, миссия которой, по мнению японских шовинистов, состояла в том, чтобы «вернуть национальную сущность развития народам Китая и Кореи и вызвать любовь и благодарность к Японии» (цит. по: 424, с. 94).

В глазах японских шовинистов, которые в те годы задавали тон в формировании общественного мнения, облик Китая был сугубо отрицательным. Китай воспринимался ими как государство, утратившее свой национальный дух, чувство национальной самобытности и самостоятельности, саму суть своего национального развития, а потому заблудившееся на перекрестках мировой истории и оказавшееся неспособным противостоять давлению сильных западных держав, несущих в Азию чуждую ей цивилизацию.

В этом отношении характерны взгляды на Китай известного японского синоведа Найто Торадзиро, в те годы советника японского правительства, которого В. Мортон считает даже выразителем общественного мнения. Противопоставляя японский национальный характер китайскому, Найто Торадзиро подчеркивал, что Япония даже на самый незначительный «вызов» извне всегда реагировала как единый целостный организм. Китай же, по его мнению, «подобен примитивному земляному червю, у которого можно отсечь часть туловища, но он будет продолжать передвигаться и не чувствовать потери» (522, с. 163). Этот недостаток национального самосознания, по его утверждению, всегда оказывал неблагоприятное влияние на способность Китая самому управлять в собственном доме.

Приведенное высказывание Найто Торадзиро относится к 1921 г. В то время передовые китайские мыслители со своей стороны достаточно критически оценивали состояние китайского «национального духа», точнее констатировали его отсутствие, связывая с этим бедственное положение страны. Например, Сунь Ятсен в своей первой лекции о национализме (1924 г.) прямо говорил, что «китайцы... лишены национального духа, поэтому,

хотя 400-миллионное население сложилось в единый Китай, оно в действительности пока представляет собой не что иное, как сыпучий песок, и до сего дня Китай — беднейшее государство в мире, которое среди других государств занимает самое последнее место. Другие берут нож и плаху, а мы для них подобны рыбе и мясу» (78, с. 382). Сунь Ятсен сознательно сгущал краски, стремясь пробудить национальное самосознание, поднять народ на сопротивление угнетателям. Для Найто Торадзиро сравнение Китая с земляным червем было посылкой для высокомерно-презрительного подхода к Китаю и оправдания японского экспансионизма. Он считал Китай неспособным к политическим преобразованиям, подчеркивая, что для их проведения Китай нуждается в опеке со стороны более передовой державы. Ход его рассуждений сводился к тому, что только Япония может и должна взять на себя эту роль (522, с. 163, 167)²³.

Шовинистическая пропаганда о роли Великой Японии оказывала значительное влияние на формирование общественного мнения. Высокомерно-презрительное отношение к Китаю, третирование самих китайцев как представителей «погибшего государства» становились устойчивыми стереотипами японского массового сознания, а грубость, надменность, наглость, наконец, жестокость по отношению к ним — все более распространенной нормой японского поведения на самых разных уровнях. При обращении к китайцам типичными становились презрительные клички — рабы, рабы погибшего государства, пороссячи хвосты (последняя напоминала о ношении китайцами косы — символа покорности во времена маньчжурского господства). Под воздействием официальной пропаганды в широких слоях японского общества утверждалось убеждение в цивилизаторской миссии Японии по отношению к Китаю, связанной со стремлением вдохнуть энергию в народ, потерявший «путь» своего национального развития. Сопротивление, протест, возмущение китайцев поведением Японии оценивались как проявление тупости, непонимание «благодати», которая идет от Японии и распространяется на Китай. Протест китайцев лишь стимулировал еще большую жестокость японцев по отношению к ним.

Экспансионистский курс японского правительства находил достаточно широкую общественную поддержку. О воинственно-агрессивных, шовинистических настроениях, преобладающих в Японии в те годы, свидетельствует, например, поведение японского представителя на Парижской мирной конференции баро-

на Макино. Государственный секретарь США Р. Лансинг обратился к нему с просьбой каким-нибудь формальным заявлением смягчить удар для китайской делегации в связи с решением держав уступить Японии германские права в Шаньдуне. Лансинг передал Макино проект подобного заявления и побуждал его увидеться с китайцами. Такой шаг, по мнению Лансинга, был бы повсюду встречен с величайшим одобрением, поднял престиж Японии, предотвратил «горькое разочарование и возмущение в Китае, которое может вылиться в насильственное сопротивление японцам по всей стране». Однако японская сторона ответила отказом. «Барон Макино слушал с величайшим вниманием и высоко оценил мои усилия, — писал Р. Лансинг, — но сказал, что, как он опасается, из-за японского общественного мнения подобная акция не может быть предпринята» (66, с. 50). Ссылка на японское общественное мнение не была просто формальной отговоркой в устах человека, который, безусловно, прежде всего выполнял инструкции своего кабинета — ни в чем не уступать китайцам по шаньдунскому вопросу. Представляется, что в значительной мере она отражала реальное положение вещей.

Свидетельством антикитайских настроений, захлестнувших Японию, является и дневник Ван Гунби — «Печальные записки о пребывании в Японии» (см. 66, с. 159—176)²⁴. Автор, в те годы проходивший курс обучения в Японии, подробно описал, в частности, жестокие расправы японских полицейских властей над китайскими студентами-патриотами, выступавшими в 1918—1919 гг. против экспансионистской политики японских правящих кругов. Одна из таких расправ произошла в начале мая 1918 г. в связи с решением студентов (в то время их насчитывалось в Японии около трех тысяч) прервать учебу, вернуться на родину и развернуть там патриотическую пропаганду в знак протеста против учреждения в провинции Шаньдун японского административного управления и заключения японо-китайских военных соглашений. Автор подчеркивал жестокость японской полиции, которая зверски подавляла вспышки патриотической активности китайских студентов («она разгоняет и арестовывает их, глумится над ними»), но отмечал при этом, что и у японского обывателя студенты не получали поддержки («население Токио относилось к нам пренебрежительно и отказывалось сдавать в аренду помещения»).

Ван Гунби вспоминал, как вскоре после начала заседания (оно происходило накануне «дня национального позора»), на

котором студенты обсуждали планы своего патриотического выступления, нагрянула японская полиция. «В помещение ворвалось несколько десятков японских полицейских и несколько сыщиков с оружием и фонарями. Ничего не выяснив, они набросились на студентов, пустили в ход и ноги, и штыки, перевернули столы и стулья, сбросили висевшие на стене соломенные шляпы и форменные фуражки студентов. Минута, и все пришло в беспорядок». В ходе препирательства с полицейскими и попыток сослаться на принципы цивилизованных обществ, в ответ они слышали: «Вы, рабы погибшего государства, о какой цивилизации смеете вы говорить?» — «С этими словами разъяренный полицейский схватил спорщика и стал его ожесточенно бить. Затем начали выводить всех по одному из помещения. Когда другой студент, повредивший ногу опрокинувшимся стулом, немного задержался, полицейский отхлестал его по щекам. Еще один студент упал навзничь от полицейского удара в живот. Пиная его сапогами, полицейский поднял упавшего и выволок из комнаты... Но крепче всех досталось тому участнику совещания, который осмелился возмущенно бросить: «Варвары-полицай!» Его били дубинкой, приговаривая: «Мерзавец! Ты еще смеешь говорить! Да я прикончу тебя, раб, пороссячий хвост» (66, с. 163, 164).

Характерна реакция японской толпы, когда студентов доставляли в полицейский участок: «На арестованных глазели прохожие, японцы и китайцы. Раздавались смех и ругань. Я слушал, как кричал японец из соседней парикмахерской — «Рабы! Пороссячи хвосты! Теперь, надеюсь, признали и силу нашей империи?»... Японцы, проходившие мимо, продолжали насмехаться. Вместе с другими я тоже трижды прокричал приветственные лозунги. Владелец магазина напротив окинул меня уничтожающим взглядом и с холодной усмешкой сказал жене — «Эти мерзавцы китайцы совсем обнаглели!» Говорил он тихо, но достаточно отчетливо, чтобы я мог слышать» (66, с. 165)²⁵.

Весьма показателен в изложении Ван Гунби и ход рассуждений представителя японских властей, оправдывавшего японский экспансионизм культурно-расовой общностью двух стран, слабостью Китая и стремлением «защитить» его от западных держав на основе японо-китайского «сотрудничества». Автор приводит следующий диалог, состоявшийся в полицейском участке:

«Начальник (хитро улыбаясь). Если вашу страну обидит Великая Япония, вы выступите против нее?

Студент. Нам не хотелось бы, чтобы ваша страна так поступила. Но коль скоро это случится, трудно что-либо предвидеть.

Начальник. Как же в таком случае вы будете действовать?

Студент. Если к нашему великому сожалению ваша страна попытается нас унижить, мы все, как один, вернемся на родину и вместе со всем народом поддержим наше правительство, объявим вам смертельную войну.

Начальник (с холодной усмешкой). Если бы у народа вашей страны хватило духа вести такую войну, он не пал бы сейчас так низко. Патриотизм ваш, может быть, и заслуживает уважения, но ваш народ слаб от природы... Наша империя не только не намерена вас обманывать, а, наоборот, всеми силами пытается защитить вашу страну. В политическом отношении государство ваше прогнило, финансовое положение ужасно, народ темен, армия бездарна, западные державы занимают в вашей стране сильные позиции и вынашивают коварные планы, как поглотить вас. Если бы не наша поддержка, страна давно бы уже разделила судьбу Аннама или Индии... Страна одной с вами культуры и расы, Япония не может в таком случае оставаться в стороне... и по праву передовой страны взяла на себя руководство» (66, с. 167, 168).

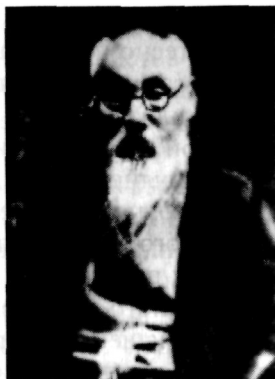
Апелляция к «общности расы и культуры» становилась, таким образом, отправным моментом для утверждения японского превосходства²⁶. Национальное честолюбие, стремление к лидерству, корни которого восходили к самурайской традиции, следование духу бусидо (букв. «путь воина») находили свое выражение в жестокости и презрении к «слабым китайцам», желании унижить их человеческое и национальное достоинство²⁷, утвердить над ними диктат Великой Японии.

Наряду с этим идея гармоничного японо-китайского взаимодействия на базе культурно-расовой общности, в более расширительном плане — общности судеб Китая и Японии и в эти годы находила своих сторонников среди наиболее передовых представителей японской интеллигенции. На японской почве эта идея восходит к концу XIX в. Ее активными пропагандистами и проводниками были, в частности, братья Миядзаки (Ядзо и Торадзо), сторонники обновления Китая с помощью реформ и революции. Ямадзи Айдзен, видный журналист и один из идеологов японского социал-реформистского движения (о нем см. 326, с. 44, 191, 382), писал в начале века, что как политик он, естественно, видит границу, разделяющую две страны, но как японец, человек одной с китайцами расы, он не признает ка-

ких-либо границ, которые могли «разделить наши сердца». Мы одной плоти и крови, утверждал он. Японский народ не считает китайцев иностранцами. Обширная зона, состоящая из комбинированных территорий Китая и Японских островов, должна стать ареной активности двух народов. «Здесь мы должны вдыхать воздух гармонии», — восклицал он (цит. по: 463, с. 53).

Это Синкити отмечает, что этот взгляд отражал не враждебность в отношении Китая, а скорее чувство общности с ним Японии, более того — желание видеть Китай преобразованным. Как он считает, такой подход получил широкое признание японской общественности до второй мировой войны.

Мы рискуем заметить, что широкое признание в Японии эта идея получила все же не в ее «истинном смысле», о котором пишет Это Синкити и который, по его словам, «может стимулировать отношения сотрудничества и дружбы двух стран», а в шовинистической интерпретации японских правящих кругов, став исходным пунктом для оправдания экспансионистского курса в отношении Китая. Как известно, многие сторонники оказания помощи китайской революции (в частности, японские «друзья» Сунь Ятсена — Инукаи Ки, Утида Рёхей, Тояма Мицуру и другие) в рассматриваемый период стали активными защитниками и проводниками японской агрессии в Китае под флагом «общности судьбы», «сотрудничества», «взаимного процветания»²⁸. Китайский вопрос постепенно становился одним из наиболее острых вопросов внутриазиатской борьбы в Японии²⁹.

Тояма Мицуру

«Движение 4 мая» 1919 г.: взрыв антияпонского национализма

Различные фракции китайского господствующего класса связывали возможность ослабить японское давление на Китай с окончанием войны и привлечением внимания западных держав к ситуации на Дальнем Востоке, т. е. с использованием межимпериалистических противоречий, в первую очередь между Япо-

нией и США. В условиях милитаристской междоусобицы эта проблема тесно переплеталась с местническими, регионалистскими интересами. Восприятие агрессивных действий Японии, например, милитаристами Юга (Тан Шаои) и представителями чжильской группировки (Ли Юаньхун, Фэн Гочжан) дополнительно стимулировалось возмущением по поводу того, что Япония параллельно помогает усилению военного и финансово-экономического потенциала их северных соперников. В частности, на мирных переговорах Севера и Юга в феврале 1919 г. представитель южного правительства Тан Шаои выступал за отмену военных соглашений с Японией, роспуск армии, созданной с помощью японцев в связи с объявлением Пекином войны Германии (в августе 1917 г.), прекращение подписки на облигации японских займов и т. д. У представителей фэнтяньской и аньхойской группировок националистический подход к Японии притуплялся их активной заинтересованностью в получении ее поддержки для борьбы с их милитаристскими соперниками. Для правительства Дуань Цижуня проблема взаимодействия с Японией состояла в том, чтобы, не отталкивая ее, в то же время ограничить ее явный экспансионизм (на первый план выдвигалось возвращение Шаньдуна) и военно-политическое давление на Китай. Пределы уступчивости Японии со стороны северных милитаристов определялись их собственным националистическим подходом, а также давлением бурно нараставших в стране националистических настроений.

Участие в войне на стороне Антанты, судя по всему, рассматривалось северными милитаристами как возможность добиться от западных держав восстановления ущемленного, и прежде всего Японией, суверенитета Китая³⁰. Их надежды, связанные с послевоенным урегулированием, в целом совпадали с позицией других фракций китайских националистов: при поддержке западных держав, в первую очередь США, добиться возвращения Китаю захваченных Японией бывших «германских владений» в Шаньдуне, отмены «21 требования», расторжения неравноправных договоров с Германией и ее союзниками и на этой основе поставить вопрос о ликвидации системы неравноправных договоров в целом. Эта программа была развернута объединенной китайской делегацией на Парижской мирной конференции (ее возглавлял министр иностранных дел пекинского правительства Лу Чжэнсян), причем в ключевом вопросе — возвращения Шаньдуна, отказе признать Японию преемником герман-

ских прав в этой китайской провинции — позиции представителей южной и северной фракций китайских националистов практически совпадали³¹. Однако на Парижской мирной конференции вопрос о возвращении Китаю исконной территории Шаньдуна был решен в пользу Японии.

Это вызвало новую мощную волну антияпонских выступлений в Китае — «движение 4 мая». Особенностью движения являлся его массовый характер и широкий социально-политический состав участников, свидетельствующий о росте национального самосознания в стране. По оценке исследователей, в мае — июне 1919 г. в 20 провинциях и 150 городах Китая в движении приняли участие более 10 млн. человек (325, с. 33). В патриотических антияпонских выступлениях участвовали практически все слои городского населения — учащиеся и преподаватели, торговцы и мелкие промышленники, ремесленники и рабочие, наконец, некоторые чиновники и военные. Конечно, степень националистической активности и методы выражения антияпонского протеста были различны у разных социальных слоев и групп. Хотя деревня по-прежнему оставалась слабо затронутой волной националистического возмущения³², активная реакция широких слоев китайского города на национальное унижение, появление на арене политической борьбы новых социальных сил — студентов и рабочих, явилось важным итогом социально-политических и идеологических сдвигов, происшедших в стране с конца XIX в.

Патриотические чувства в этот период выражали и представители консервативной части китайских националистов (например, Кан Ювэй и Линь Шу, противники «движения за новую культуру»), а также некоторые региональные милитаристские группировки. В частности, с патриотических антияпонских позиций против подписания Версальского договора выступили уроженец пров. Шаньдун У Пэйфу, хунаньский милитарист Чэн Сунюнь, юньнаньский генерал-губернатор Тан Цзияо и другие (66, с. 316—319, 328—330, 359).

Документы «движения 4 мая» отражают процесс нарастания негативного восприятия Японии в китайском общественном сознании, показывают, какой сильнейший, до поры скрытый внутренний резонанс находили в нем такие акты, как захват Тайваня, аннексия Кореи³³, «21 требование», наконец, захват Циндао и «германских владений» в Шаньдуне. Последнее воспринималось всеми участниками патриотического движения как на-

циональная катастрофа, как симптом гибели государства, порабощения его Японией³⁴.

Решение Версальской конференции вызвали огромное разочарование китайской общественности, усмотревшей в этом крушение своих надежд и перспективу остаться один на один с сильным и агрессивным противником. Но разочарование стимулировало и националистический протест, достигший небывалой остроты как раз в тот момент, когда рухнула надежда использовать поддержку западных держав и с их помощью восстановить суверенитет над Шаньдуном. Это своеобразное преломление в китайском сознании разрушившихся надежд, страха перед сильной Японией и возмущения ее агрессивным поведением отражают многие документы «движения 4 мая». «Эта скорбная весть (т. е. решение западных стран принять японские условия решения шаньдунского вопроса, — *авт.*) погасила для нас солнце, — писали, в частности, пекинские учащиеся в своем манифесте 4 мая 1919 г. — Как мы надеялись на эту конференцию! Как мы приветствовали ее начало! С ее открытием мы поверили было в существование в мире гуманности и справедливости... Сегодня их откровенно попрали: шаньдунский вопрос решается в прямых японо-китайских переговорах. Если Япония, этот тигр, с помощью одной лишь бумажки получила все преимущества в соответствии с 21 требованием, то нет сомнения, что переговоры с ней закончатся не чем иным, как отторжением наших земель, захватом Циндао и Шаньдуна». Манифест содержал призыв к активному общенациональному действию как единственному средству спасения страны от гибели: «Наши соотечественники... Можете ли вы равнодушно смотреть, как нас насилуют, давят, порабощают, оскорбляют, можете ли вы не драться до последнего вздоха, видя все это? В критический момент, когда речь идет о жизни или смерти страны, когда территория ее расчленяется, ставится под сомнение и существование самой нации: нация, которая не борется за свое спасение — это нация трусов, и ей нет места среди человечества XX века! Соотечественники, если не хотите порабощения, немедленно поднимайтесь!» (66, с. 301, 302).

К концу второго десятилетия значительно расширились масштабы непосредственных контактов между китайцами и японцами, особенно по сравнению с началом 1900-х гг. Только на японских текстильных предприятиях в Шанхае в 1919 г. трудилось около 20 тыс. китайских рабочих, т. е. примерно одна пятая

часть всех занятых здесь в текстильной промышленности (422, с. 66)³⁵. Десятки тысяч китайцев работали на предприятиях, которые принадлежали японскому капиталу или контролировались им в Южной Маньчжурии, Шаньдуне и других районах страны — Ухане, Фучжоу, Тяньцзине, Уху. Высокая норма эксплуатации (продолжительный рабочий день, высокая интенсивность труда, низкая заработная плата) — явление, типичное для предприятий иностранного и отечественного капитала, — на японских предприятиях сочеталось с унижением человеческого достоинства китайцев и издевательствам над ними — жестоким избиением рабочих, слежкой за ними, введением специальной униформы для обслуживающего персонала, обозначением номера на спине, выдачей личных жетонов (что также воспринималось как унижение) и т. п. (422, с. 125—127). Десяткам тысяч китайских эмигрантов, тысячам китайских студентов в Японии приходилось терпеть презрительное отношение и произвол японских властей, которые натравливали на них местное население. Иначе говоря, к концу второго десятилетия уже сотни тысяч китайцев в той или иной форме были вовлечены в непосредственные контакты с японцами. Японские предприниматели и торговцы, военные и дипломаты, чиновники и надсмотрщики относились к китайцам с презрением и высокомерием, что не могло не вызвать в них ответного негативного чувства, способствуя формированию устойчивого стереотипа негативного и порой враждебного отношения к японцам. И хотя национальное и человеческое достоинство китайцев в той или иной степени принижалось представителями западного мира, подобное со стороны японцев, одной с китайцами расы, которые традиционно считались представителями «варварского» окружения и даже «рабами» Китая, во сто крат было горше, формируя в сознании китайцев отношение к японцам, как злейшим врагам и худшим эксплуататорам. Поэтому на обыденном и в значительной мере на идеологизированном уровнях китайского общественного сознания утверждение негативного взгляда на Японию как внешнюю силу, несущую гибель Китаю, на японцев как носителей зла достаточно органически ложилось на традиционно-мировоззренческий подход к ним как «варварам», которые агрессивны уже из-за своей «варварской природы» и просто не способны возвыситься до понимания характера и последствий зла, творимого ими в Поднебесной.

На уровне обыденного сознания Япония и в эти годы по-прежнему воспринималась просто как «страна японцев», значи-

тельно уступавшая по своим размерам громадному Китаю; в силу «варварской» природы им в целом были присущи злость, коварство, неблагодарность, агрессивность. В глазах китайцев японцы выглядели аморальными существами, способными на самые низменные чувства и дурные поступки. Японцы, эти низкие, злобные и коварные «черты Востока», осмелились покушаться на Китай, землю мудрецов, и тем самым обрекли себя на позор и осуждение со стороны всего Китая. Иными словами, в осуждении японской агрессивности присутствовал и морально-этический подтекст, всячески подчеркивалось моральное превосходство китайцев над японцами. Этот момент отмечает, в частности, Ян Чэньинь, автор вышедшей в 1919 г. брошюры «Семь дней народного возмущения». Описывая реакцию японцев на патриотическую демонстрацию в Шанхае, он отмечал, что «снующие вокруг японцы делали вид, будто ничего не замечают, никак не реагировали на события, тем самым усугубляя позор, павший на них» (66, с. 128). Автор писал об «ограниченности» японцев. Характерно в этом отношении обращение китайских учащихся на имя президента Сюй Шичана, в котором, в частности, говорилось: «Даже после предъявления «21 требования» наш народ, исходя из того, что имеет дело с родственным народом, одной с ним культуры, продолжал платить добром за зло, надеясь на свое благотворное влияние» (66, с. 306). По мнению современников, побудительным импульсом «движения 4 мая» были «гуманные побуждения», созревшие в душе каждого китайца, но до поры скрытые в тайниках.

В патриотической литературе тех лет Китай выглядел страной-гигантом с огромной территорией и огромным народонаселением, страной древней культуры и высоких нравственных принципов. И вот эта-то страна стала жертвой «маленького островного народа», «карликов-чертей», «карликов-рабов» (типичные прозвища японцев в документах тех лет). Ван Гунби приводит слова китайского студента, адресованные японскому полицейскому, в которых подчеркивалось величие Китая по сравнению с Японией: «Слабость нашей страны... явление временное. Китай имеет пятитысячелетнюю историю; четыре тысячелетия наша культура непрерывно совершенствовалась. У нас широкая и глубокая натура, обширные земли... Вам ли, маленькому островному народу, культура которого только начинает развиваться, судить о нас?» (66, с. 169). Типичным являлся и один из лозунгов

шанхайских антияпонских манифестаций в июне 1919 г. — «Маленькая ящерица (т. е. Япония) грозит проглотить «лебедя» (66, с. 127). Сравнение Японии с ящерицей, пытающейся «проглотить слона» (т. е. Китай), встречается в телеграмме У Пэйфу южным милитаристам (66, с. 330). В этих метафорических образах проявились стереотипы китайского массового сознания в его своеобразной, если можно так выразиться, антитезной форме восприятия: Китай как огромное, большое, величественное, красивое, морально-высокое («лебедь», «слон») и Япония — нечто низкое, подлое, коварное, злое («ящерица», «черт» и т. п.).

Весьма популярным тогда было сравнение Японии с хищным зверем, готовым погубить Китай. Японию называли «тигром», «восточным хищником», аппетит которого «достиг неслыханных размеров», «злым гением на Востоке» и т. п. (66, с. 208, 301, 307, 308). Ван Гунби, в частности, писал о китайских студентах в Японии, находящихся, по его словам, «в самом логове неприятеля» и отданных, «по существу, на растерзание хищникам» (66, с. 175). О сильном соседе, который только и выжидает момент, чтобы проглотить Китай, писал в своем обращении к учащимся крупный китайский предприниматель Чжан Цзянь. Во многих документах наряду с хищнической природой японцев отмечалось и их коварство: «японцы день ото дня становились все более хищными, росло их коварство» (из обращения пекинских учащихся к президенту Сюй Шичану); «тайком они (японцы, — *авт.*) все прибирают к рукам»; «ныне аппетит его (японского хищника, — *авт.*) достиг неслыханных размеров, коварство его растет: он зарится на Шаньдун. Это уже слишком!» (из обращения пекинских учащихся ко всем торговым союзам) (66, с. 302, 306, 307). Японцев сравнивали с Сыма Чжао, полководцем периода Троецарствия (220—280 гг. н.э.), известным своим лицемерием и коварством. У Пэйфу призывал всех китайцев помнить, что «враг коварен и лучше самим ринуться на него, чем попасть ему в лапы» (66, 330). Перспектива стать «рабами рабов», превратиться в «рабов, погоняемых японской палкой», внушала ужас и

У Пэйфу

отвращение даже самому неискущенному в политических делах китайцу.

Таким образом, для китайского обыденного сознания тех лет в целом был характерен, как нам представляется, довольно примитивный, однозначный, наконец, рефлекторный стереотип восприятия Японии. На идеологизированном уровне Япония, естественно, воспринималась намного сложнее, сквозь призму современных политических реалий и разного рода политико-идеологических концепций, на базе которых могли строиться различные идеальные «модели» японо-китайского взаимодействия и т. п. На этом уровне традиционалистские оценки постепенно вытеснялись более современными представлениями о целях японской политики, о японской угрозе суверенитету страны.

Примером восприятия Японии тогдашней китайской интеллигенцией может служить обращение к японскому народу, распространенное от имени видных деятелей Гоминьдана — Чжан Цзи, Хэ Тяньцзюна и Дай Чуаньсяня (Дай Цзитао) на приеме спецкорреспондентов японских газет в Шанхае в мае 1919 г. Отмечая широкое распространение антияпонских настроений в Китае («весь китайский народ со страхом и ненавистью смотрит сейчас на Японию»), авторы подчеркивали, что причина этому кроется в агрессивной политике Японии. Коснувшись основных этапов ее развития, начиная с походов Тоётоми Хидэёси, они делали вывод, что «агрессия на материк — традиционная политика Японии, основа всех ее мероприятий в отношении Китая». При этом авторы подчеркивали, что события недавнего времени — захват Тайваня и аннексия Кореи — стали моментами в китайско-японских отношениях, которые «особенно взволновали китайский народ, заставили его смертельно возненавидеть японцев». Японская колониальная политика на Тайване (которая, по мнению авторов, «невыгодно отличалась даже от политики Цинов в отношении китайцев») убедила в том, что агрессоры-японцы смотрят на местных жителей как на рабов. Она породила в Китае серьезные опасения и боязнь, что в случае распространения японского влияния на материк «все другие части Китая станут Тайванем». Отмечая грубое давление японской дипломатии и военщины на Китай в период первой мировой войны, авторы выступали против идей паназиатской общности народов Восточной Азии в ее японской интерпретации. Порабощение других рас — огромное зло, но еще большее зло — порабощение родственной расы, — подчеркивали они. «Японцы, об-

ращаясь к азиатским государствам и нациям, — писали авторы обращения, — часто говорят о самостоятельном существовании желтой расы. Однако на деле стремятся лишь к тому, чтобы прибрать к рукам слабые государства этой расы. Принципы, которые провозглашает Япония, слова о справедливости — все это только обман. Использовать момент, когда европейские великие державы, занятые в войне, ослабили внимание к Востоку, для осуществления агрессии в Китае — это ее реальная политика, это тот самый принцип, которым она действительно руководствуется: чужими руками таскать каштаны из огня. Естественно, что слова о японо-китайском сотрудничестве вызывают в китайском народе лишь воспоминание о японском вторжении в Китай и захвате ею китайских прав. В этом коварстве и кроется причина того справедливого гнева, который испытывают в данный момент китайцы» (66, с. 321—322). Авторы отмечали, что сотрудничество или вражда государств прямо не определяются единством или различием рас.

В обращении подчеркивалась прямая связь между японской агрессией и расширением милитаристской междоусобицы в стране, причем главную ответственность за это они возлагали на Японию. Стремясь раскрыть внутренние пружины, движущие агрессивной политикой японского правительства, авторы обращения указывали на японскую аристократию и военщину как наиболее рьяных защитников традиционного курса, считая, что его поддерживают не только отдельные политические партии, но большинство японского народа. В этих условиях, считали лидеры Гоминьдана, «во имя сохранения Китая и защиты его интересов» неизбежными и оправданными являются антияпонские акции протеста, к которым вынуждены прибегнуть китайские патриоты.

Характерно, что в приведенном документе, как и во многих аналогичных, прослеживается весьма сильная тенденция морального осуждения Японии за нарушение культурно-расового долга, подчеркивание нравственного превосходства китайцев над японцами («приверженность к миру, добру и справедливости отличает китайский народ на протяжении уже нескольких тысячелетий»), обвинение японцев в измене восточной традиции и т.д.

Помимо чувства растущей неприязни к агрессивному соседу в китайском общественном сознании все чаще стало проявляться понимание нового соотношения сил между сильной Японией и слабым Китаем, раздираемым внутренними противоречиями

и находящимися в зависимости от иностранцев. Понимание возросшей мощи Японии по крайней мере реалистически мыслящими китайцами не оставляло места для величественной снисходительности и самоуспокоенности. Оно вызывало не только тревогу за судьбу страны, но и, что особенно важно, твердую решимость отстаивать ее суверенитет. Несмотря на постоянные междоусобицы, ни один из видных милитаристов не ратовал тогда за отделение своего «царства» от Китая в контексте японской агрессии на континенте, оценивая ее как угрозу всему Китаю в целом. Так, У Пэйфу считал, что «за Поднебесную в ответе каждый ее гражданин». «Потеря территории, гибель государства, — писал он, — позор для каждого китайца». Он подчеркивал, что «вопрос о Циндао — вопрос о жизни и смерти нашей страны. Все наши помыслы об отчизне, сердца полны священного гнева, скорби о гибнущей земле, о порабощении китайцев, о том, что родина мудрецов становится отхожим местом для иностранцев» (66, с. 330). Характерно, что, перенося нормы конфуцианской морали на международные отношения и оценивая политику держав в шаньдунском вопросе с позиций справедливости, У Пэйфу не распространял эти критерии на Японию, политика которой для него оставалась за скобками каких-либо моральных норм. Япония в его рассуждениях выглядела хищным и коварным врагом, с которым следовало вступить даже в смертельную схватку, чтобы только получить шанс спасти Китай. Проблема морального позора для Китая ставилась У Пэйфу и в плоскости восприятия всем миром пассивности Китая, уступок японскому давлению. «Подписать договор, уступить давлению, — писал он, — значит опозорить себя в глазах всего мира». Наряду с этим все его доводы против Версальского договора отражали вполне современные для того времени представления о политике держав, в том числе и Японии. У Пэйфу высказывал убеждение, что японцы не ограничатся захватом Циндао и даже всего Шаньдуна, что это лишь начало их обширных планов — захвата всего Китая. «Отдать сегодня пять городов, а завтра — десять — не значит ли это, что мы разделим судьбу погибших подобным образом наших шести древних царств?»³⁶.

В ряде документов «движения 4 мая» высказывалось опасение, что агрессивные шаги Японии могут подстегнуть другие державы последовать ее примеру. «Если все страны... начнут выпрашивать себе сначала одну провинцию, затем другую, — говорилось в листке-обращении Китайской рабочей партии, — то

Китай просто-напросто растащат по кускам. Что же это, как не гибель Китая?» (66, с. 201).

Многие патриоты-участники движения уже не обманывались по поводу японских заявлений о паназиатской солидарности. Японская паназиатская концепция «защиты» и «спасения» восточно-азиатской цивилизации от западного, а на новом этапе и большевистского влияния в большинстве случаев воспринималась как прикрытие откровенной агрессивности Японии по отношению к Китаю. Ван Гунби, в частности, приводил мнение китайских студентов в Японии, типичное, как представляется, для общественных настроений в те годы: «Защита» (со стороны Японии, — *авт.*) только на словах, на деле же это агрессия... Словом «сотрудничество» Япония обманывает наше правительство, наш народ... Лишь на словах мы говорим об образованных (японцах) как о наших наставниках, в душе же мы считаем их своими врагами» (66, с. 169, 176).

В период «движения 4 мая» осознание опасности японской агрессии и националистический протест против нее сочетались с возмущением действиями правительства и его представителей (на первом плане фигурировали такие откровенные японофилы, как Цао Жулинь, Лу Цзунюй и Чжан Цзунсян), которые попустительствовали агрессору и, руководствуясь корыстными интересами, фактически торговали суверенитетом страны. Конечно, острота этой критики была различна в разных стратах общества. Например, такой умеренный деятель, как Чжан Цзянь оценивал позицию пекинских верхов весьма осторожно, защищая в конфуцианской манере идею единения правительства и народа в критический для страны момент. Обращаясь к студентам-патриотам, открыто высказывавшим свое возмущение решениями Версальской конференции и действиями властей, Чжан Цзянь осуждал их методы (забастовки), но не снимал ответственности и с правительства, которое, по его словам, «шло наперекор воле народа», «поступало опрометчиво». Государство процветает и возвышается, подчеркивал он, когда отец и старший брат (правительство) дают наставления, а сыновья и младшие братья (народ) послушны воле первых. И плохо тому государству, указывал Чжан, где отец и старший брат поступают опрометчиво, а дети и младшие братья в гневе и злобе не приходят к ним на помощь, препятствуют восстановлению мира в стране. Чжан Цзяня пугало нарушение гармоничного функционирования государственной системы, когда «вся страна взъерошена,

как бездомная собака». «Учащиеся теряют драгоценное для них время, — писал он, — торговцы и рабочие лишаются доходов, требуя одного — сместить Цао, Лу и Чжана. Как прискорбно все это!» Чжан Цзянь усматривал в этом симптом еще более мощного народного взрыва, когда из оцепенения, по его словам, могут выйти низшие, беднейшие слои общества. Он считал, что волнение общественности вызвано внешнеполитическим поражением Китая и «прояпонской политикой последних трех лет». Его возмущало японское давление на Китай и политика пекинского правительства (Чжан возлагал ответственность на его главные фигуры — Сюй Шичана и Дуань Цижуя), которое, как он считал, попустительствовало агрессору и оказалось неспособным отстоять суверенитет страны (66, с. 326). Чжан Цзянь считал, что милитаристская междоусобица лишь поощряла японского агрессора, когда Север, забыв об «общих интересах страны», стремился с помощью Японии укрепить свои позиции в борьбе с Югом (66, с. 332). Он предупреждал пекинские власти, что если внешняя политика радикально не изменится и не прекратится политика репрессий в отношении патриотов, то авторитет правительства будет «окончательно подорван, обман истребит веру в правительство»³⁷. Но, как считал Чжан Цзянь, если правительство теряет авторитет — это несчастье для страны, и от этого немалый урон несут люди, занятые в промышленности и торговле, вынужденные обстоятельствами идти за патриотами.

С более радикальных позиций критиковал правительство Ян Чэньинь, автор брошюры «Семь дней народного возмущения» (издана в Шанхае в июне 1919 г.). Внешнеполитическое неравноправие он считал лишь поводом народного возмущения. «Истинная причина зла», по его мнению, крылась во внутренней политике пекинских властей. «21 требование» Японии, подчеркивал Ян, явно несправедливо, это акт грубого давления на Китай, но «тем более абсурдно, что на потерю государственного суверенитета охотно пошло наше правительство». Автор приветствовал взрыв патриотического возмущения, в котором он усмотрел «начало войны между народом и бюрократией», отражение тенденций «нынешнего мирового развития» (66, с. 121, 122, 124, 133).

У представителей торгово-промышленных кругов вызывала возмущение японская экономическая экспансия. Чжан Цзянь, в частности, считал, что займы на железнодорожное строительство (например, магистралей Цзинань—Шуньдэ и Гаоми—Сюй-

чжоу³⁸) открывали японцам доступ к внутренним ресурсам Китая, а именно — к богатейшим залежам угля в провинции Шаньси, давали им, по его словам, «главенство над промышленностью Востока». По его мнению, это могло привести к резкому обострению противоречий между Японией и западными державами (которые «не могут уgomониться и требуют открытых дверей и равных возможностей») и иметь катастрофические последствия для Китая, даже привести к возникновению новой мировой войны из-за дележа китайского рынка (66, с. 326, 332).

Патриотический, а чаще националистический настрой китайской буржуазии в период «движения 4 мая» в значительной мере определялся ее стремлением защитить себя от активного наступления японского капитала. Экономически окрепшая к концу первой мировой войны она оказалась вполне подготовленной к тому, чтобы с еще большим успехом повторить опыт 1915 г. Ее призыв к объединению усилий против общего врага (т.е. Японии), к полному прекращению деловых связей с японцами, чтобы нанести им максимальный ущерб, получил широкий отклик (66, с. 147, 245). Различные формы антияпонских выступлений, особенно на втором этапе «движения 4 мая» (забастовки на японских предприятиях, бойкот японских товаров, прекращения деловых связей с японцами и т. п.), выявили антияпонские настроения не только у буржуазных и мелкобуржуазных слоев населения, но и у трудящихся города. Для них было характерно заявление одного из представителей провинции Шаньдун на митинге в Пекине: «Трудящиеся провинции Шаньдун готовы служить хоть черту, но китайскому, а гнуть спину на японцев — ни за что» (66, с. 96). В то время китайские газеты часто печатали призывы к рабочим: «Все, кто работает на нашего врага (т. е. японцев, — *авт.*), из патриотических соображений должны бастовать, чтобы нанести ему тяжелый урон» (66, с. 233).

В отдельных случаях рабочие не только прекращали работу, но и ломали машины, портили оборудование на предприятиях ненавистных им предпринимателей — японцев, разбивали стекла, громили служебные помещения. В частности, такого рода инциденты имели место на текстильных фабриках в Шанхае, принадлежащих японской компании «Найгай вата Кайся» (66, с. 278). В Шанхае в забастовку включились шоферы, плотники, монтажники, механики, рабочие верфей, каменщики, телефонисты, шлифовальщики, типографские рабочие, извозчики, прачки, кузнецы, мастера тонких работ, кули, пожарники, мо-

ряки, водители и кондукторы городского трамвая (66, с. 285). Помимо рабочих в патриотических забастовках принимали участие учащиеся, торговцы, владельцы магазинов, продавцы.

Бойкот японских товаров (иногда перед началом патриотического митинга или собрания их демонстративно уничтожали) сопровождался призывами пользоваться только товарами отечественного производства, не наниматься на работу к японцам и не обслуживать их, не пользоваться японскими деньгами, пароходами и т. д. Штукатуры и плотники Шанхая и Шаосина требовали от хозяев не закупать японских строительных материалов и приобретать только отечественные. Парикмахеры брали обязательства не делать японских причесок, не применять японскую парфюмерию и японские бритвы; портные отказывались шить одежду из японских материалов; работники прачечных не принимали от японцев белье в стирку; типографские работники отказывались печатать на японской бумаге, шанхайские лодочники — грузить и разгружать японские товары, а шанхайские разносчики — торговать изделиями и продуктами японского производства. Повара брали обязательства готовить блюда только из отечественных продуктов и не покупать японские морские деликатесы, рикши отказывались обслуживать японских пассажиров (66, с. 199—217, 270—275). Налицо достаточно широкий спектр представителей различных социальных слоев китайского города, проявивших свою социально-политическую активность в различных антияпоноких действиях.

Участие социальных низов в патриотическом движении чаще носило стихийный и не вполне осознанный характер. Формирующееся у них чувство протеста против социальной несправедливости все более фокусировалось на империализме и иностранном господстве, а поскольку Япония выступала наиболее агрессивной страной среди участвовавших в закабалении Китая иностранных держав, антияпонское начало стало доминировать в их восприятии внешнего мира.

Таким образом, к концу второго десятилетия Япония воспринималась в довольно широких слоях китайского общества как агрессор, как внешняя сила, враждебная самостоятельному и независимому развитию Китая. Это в первую очередь было связано с резким расширением японской экспансии, сочетавшейся с грубыми формами давления, оскорблявшими национальное достоинство китайцев. Осознание серьезной опасности китайской государственности со стороны Японии постепенно рас-

ширилось и углублялось, охватывая уже не только сферу идеологизированного, но в значительной степени и массового восприятия. Оно формировало в различных слоях китайского общества в целом негативный образ Японии. Это не могло не сказаться на «движении 4 мая», характер которого в основном определялся антияпонскими выступлениями³⁹.

«Движение 4 мая» продемонстрировало выход на более широкий уровень китайского общественного сознания современных представлений о Японии, проводимом ею агрессивном курсе и той угрозе, которую она таит для китайского суверенитета. Дальнейшее нарастание японской агрессии, расширение масштабов соприкосновения двух социумов, что сочеталось с грубым военно-политическим нажимом на Китай, делало достаточно устойчивым этот негативный стереотип в восприятии широких социальных слоев. Японская агрессия не давала передышки китайскому общественному сознанию, заставляя его все время работать в негативном ключе. В этих условиях пробуждающееся китайское массовое сознание не восприняло Японию со знаком плюс (как образец динамичного развития азиатской страны и пример для подражания). Более того, позитивные компоненты восприятия Японии (в частности, культурно-расовая общность и т. п.), ставшие отправными моментами для паназиатских доктрин и находящие определенный отклик на идеологизированном уровне, в этих условиях вызвали прямо противоположную рефлексию, что вело к усилению негативного восприятия образа Японии.

Япония в оценке Сунь Ятсена конца 10-х — начала 20-х гг.

Попытки определить соотношение национальных (антиимпериалистических, конкретно антияпонских) и социально-классовых аспектов массовой активности в период «движения 4 мая» выявляют доминирующую роль национального фактора. На первом плане было возмущение агрессивными шагами Японии, готовностью Запада их санкционировать и соглашательской политикой пекинских властей. Национальное сознание значительно опережало классовое. Япония воспринималась сквозь призму национализма, который и был неким общим знаменателем от-

ношения к ней на различных уровнях китайской социальной структуры. Существенную роль в этом национализме переходного типа (от феодального к буржуазному) играли как современные представления, так и традиционные стереотипы. Этот тип национализма получил свое отражение и теоретическое обоснование в учении Сунь Ятсена о национализме, концептуально изложенном в его работах в последние годы жизни, где отношения к Японии, оценка ее политики и перспектив китайско-японских отношений занимали важное место.

На новом этапе достаточно четко проявился противоречивый, неоднозначный характер суньятсеновского подхода к Японии — с одной стороны, открытое возмущение и протест в связи с ростом ее агрессивных устремлений (что было созвучно массовой националистической реакции в стране), с другой — восхищение динамизмом японского развития, иллюзии и надежды объединиться с ней на расовой основе против западных держав.

Судя по всему, Сунь Ятсен мучительно и остро переживал развитие агрессивных устремлений Японии в период первой мировой войны. Ведь правящие круги страны, где он находил приют в годы изгнания, помощь и поддержку в борьбе с цинской монархией, своими действиями разрушали его надежду о совместной борьбе с европейскими колонизаторами. Вместе с тем его сравнительно запоздалая реакция на «21 требование» и другие акты японской агрессии, как представляется, объясняются сохраняющимися иллюзиями, что еще не все потеряно, что японские верхи одумаются и изменят свой курс.

Даже после возвращения в Китай в июне 1916 г. поворот Сунь Ятсена в сторону резкой критики агрессивной политики японского милитаризма произошел не сразу. Впрочем, уже в написанной в апреле 1917 г. брошюре «Вопрос жизни и смерти Китая» (41, с. 722—745) Сунь Ятсен достаточно четко показал агрессивный характер японской политики. В ней он подверг острой критике тех политических деятелей, которые призывали правительство выступить на стороне Антанты с тем, чтобы с помощью западных держав обуздать захватнические аппетиты Японии в Китае. Сунь считал, что при сохранении неравноправного положения Китая его вовлечение в мировой конфликт, осуществляемое под давлением одной из враждующих группировок, включая Японию, могло привести лишь к усилению закабаления страны⁴⁰. На примере политики США, которые в 1910 г. не возража-

ли против захвата Кореи Японией, он высказывал сомнение, что Америка способна защитить Китай от японской агрессии. Анализируя японо-американские противоречия в вопросе о вступлении Китая в войну, он советовал поддерживать с обеими странами дружественные отношения. По его мнению, Япония и США являлись единственными странами, на дружескую поддержку которых в перспективе мог бы рассчитывать Китай. Подчеркивая, в частности, тесную взаимосвязь и взаимообусловленность судеб Китая и Японии, Сунь Ятсен писал: «Япония и Китай связаны друг с другом, их жизнь и смерть, благополучие и гибель взаимосвязаны. Не будет Японии — не станет Китая, в свою очередь не будет Китая — не станет и Японии. Заботясь о будущем благополучии наших стран, необходимо устранять в их отношениях даже малейшие недоразумения» (41, с. 743). Сунь Ятсен призывал японские правящие круги отказаться от проводимого ими агрессивного курса и в интересах обеих стран перейти к поддержке борьбы Китая за независимость. По его мнению, захват Японией доминирующих позиций в Китае вызвал бы активное противодействие западных держав и объединение их усилий для уничтожения Японии, а затем и Китая.

Г. Шифрин объясняет такую позицию искренней приверженностью Сунь Ятсена концепции паназиатизма, основанной на действительном сходстве интересов сторон (540, с. 187). Нам представляется, что интересы, которые отстаивали Сунь Ятсен и представители японских правящих кругов, были совершенно различны. В условиях резко усилившихся центробежных тенденций (милитаристской междоусобицы) главное для Сунь Ятсена состояло в том, чтобы найти внутренние импульсы для национального сплочения и противостоять ударам империалистических держав. Рассчитывая смягчить эти удары, более того, найти внешнюю поддержку своим планам объединения страны, он по-прежнему пытался использовать межимпериалистические противоречия, надеясь на изменение японского подхода к Китаю, на «разворот» Японии против Запада.

Во время своего кратковременного пребывания на посту генералиссимуса Южного Китая (с октября 1917 г. по май 1918 г.) и даже после ухода в отставку и возвращения в Шанхай Сунь Ятсен не исключал возможности переключить внимание Японии на поддержку Юга в борьбе против северных милитаристов. С этой целью он намеревался даже совершить поездку в Токио. В декабре 1918 г. через японского генерального консула в Шанхае

Сунь Ятсен

он пытался заинтересовать японское правительство своими планами объединения страны, предлагая за эту помощь ряд уступок во Внутренней Монголии. В 1917—1918 гг. Сунь Ятсен написал несколько писем своим «японским друзьям» с намерением повлиять на политику японского правительства и заставить его отказаться от поддержки Дуань Цижуя (543, с. 46).

Однако японское правительство не проявляло никакого намерения отказаться от избранного курса. Оно не признало правительство в Гуанчжоу, отказало ему в займах, не дало согласия на приезд Сунь Ятсена в Токио, игнорировало предложение, сделанное Сунем в декабре 1918 г. через японского консула в Шанхае.

События 1919 г., общенациональный патриотический подъем в стране, его антияпонская заостренность оказали огромное влияние на Сунь Ятсена. Именно в 1919—1920 гг. Сунь впервые выступил публично с целым рядом резких заявлений, открыто

направленных против агрессивной политики Японии в Китае и отражавших в целом массовое патриотическое возмущение, охватившее страну. Так, в высказываниях Сунь Ятсена, относящихся к 1919 г., Япония фигурировала как агрессивная, милитаристская держава, политика которой была «направлена на то, чтобы ей одной проглотить Китай» (77, с. 277). Пока Китай, подчеркивал он, остается отданным на милость милитаристских держав, ему будет грозить или раздел на части между несколькими державами, или поглощение одной из них (в последнем случае Сунь явно имел в виду угрозу со стороны Японии). Главную причину агрессивности Японии Сунь Ятсен видел в огромном воздействии на ее политику милитаристских сил. Он с гневом писал о японских милитаристах, считающих, что «война — самое выгодное национальное предприятие», и их главный штаб «составляет планы войн соответственно на каждые десять лет» (77, с. 278). Милитаристско-агрессивные устремления Японии, подчеркивал Сунь Ятсен, были усилены войной 1894 г. против Китая, которая была самой короткой, но и самой для нее удачной по достигнутым результатам; войной 1904 г. против России, в которой Япония одержала большую победу; наконец, военной кампанией 1914 г. против Германии, в которой Япония принимала участие на стороне союзных войск. Хотя участие Японии в этой войне было весьма незначительным, и она мало затратила денег и потеряла солдат, плодом ее победы стала провинция Шаньдун, по населению равная Франции, а по площади — Румынии. «Таким образом, — резюмировал Сунь, — за последние тридцать лет Япония в итоге каждой военной кампании добивалась самых существенных результатов». Вместе с тем Сунь Ятсен с уверенностью предсказывал провал японских экспансионистских планов. «Теперь Китай уже проснулся, — подчеркивал он, — и следующая агрессия Японии, конечно, встретит решительный отпор китайского народа. Если даже, к несчастью, Китай будет оккупирован Японией, то она все же никогда не сможет управлять нашей страной с выгодой для себя» (77, с. 278).

Сунь Ятсен приветствовал патриотические выступления учащейся молодежи в мае — июне 1919 г., видя в них «подготовку к будущему обновлению» Китая. В патриотическом энтузиазме, охватившем страну, он видел симптомы небывалых идеологических сдвигов, призывая свою партию «опираться на изменение в сознании людей» (73, с. 291). Находясь в Шанхае, Сунь Ятсен неоднократно принимал у себя студентов, выступал перед ними. В мае

1919 г. по его инициативе Военное правительство Гуанчжоу направило пекинскому правительству телеграфный протест против преследования студентов, в котором подчеркивался патриотический характер студенческих выступлений (Сунь Ятсен подписал эту телеграмму вместе с генералами У Тинфаном, Лу Юнтингом, Тан Цзияо и другими) (66, с. 325)⁴¹.

Начиная с 1919 г., важной темой политических выступлений Сунь Ятсена стало разоблачение и осуждение агрессивной политики японских правящих кругов (215, с. 194, 195). Так, в июне 1919 г., вскоре после окончания антияпонского бойкота и патриотических забастовок в Шанхае, Сунь Ятсен заявил японским корреспондентам, что, начиная с 1915 г., политика Японии была направлена на подрыв и разрушение китайско-японских отношений. Объясняя причину всеобщей ненависти и возмущения, которые вызывает у китайцев политика Японии, Сунь Ятсен подчеркивал, что ее поведение выглядит в глазах китайцев намного хуже, чем поведение европейских держав. Он образно сравнивал действия Японии по отношению к Китаю с поведением младшего брата (!), который вместе с бандой воров участвовал в ограблении своего старшего брата и жаловался потом, что несмотря на их родственные связи старший брат стал ненавидеть его больше, чем остальных членов банды. Поведение японцев, по мнению Сунь Ятсена, подчеркивало истинную цену их заявлений об общности расы и культуры (540, с. 211). (Стереотип образного сравнения, к которому прибег Сунь Ятсен, был весьма популярен в Китае в те, и в последующие годы, отражая восприятие Японии и оценку ее агрессивного поведения на различных срезах китайского общественного сознания). Сунь Ятсен предупреждал, что если Япония не откажется от своих агрессивных намерений, китайцы будут вынуждены объединиться с людьми белой расы, чтобы сопротивляться ее действиям (543, с. 46)⁴².

В октябре 1919 г., выступая перед студенческой ассоциацией Шанхая, Сунь Ятсен впервые публично осудил «21 требование» и категорически высказался за отмену всех договоров, заключенных северными милитаристами с Японией. Увязывая этот вопрос с борьбой против военно-политических группировок Севера, он подчеркивал: «В настоящее время узурпаторы на Севере еще признают «21 требование» и заключили другие тайные договоры. Опасность нависла над нами. Вы, господа, также требуете аннулирования этих договоров! Но, спрашивается, как можно аннулировать договоры, если милитаристов направляют

силы, которые навязали нам эти договоры?» Сунь Ятсен призвал восстановить законный парламент, вернуть ему право заключения и расторжения договоров с державами, свергнуть власть милитаристских и бюрократических группировок (37, с. 883).

В еще более резкой форме Сунь Ятсен выступил против «21 требования» в беседе с группой членов конгресса США в августе 1920 г. «Принятие Китаем этих требований, — подчеркивал он, — означало передачу Японии суверенитета над Китаем. В результате принятия этих требований Китай стал вассалом, придатком Японии, точно таким же, как и Корея. После заключения соглашения с Китаем о принятии им этих требований японские милитаристы и политики стали активно использовать свои привилегии в Маньчжурии и остальных районах Китая. Японское правительство поняло, что оно может покорить Китай дипломатическими средствами» (36, с. 884—885). Сунь Ятсен указывал на прямую связь между развитием японской агрессии и политикой пекинских властей, торговавших интересами страны ради сохранения своего господства. «Планы покорения Китая, — говорил он, — которые вынашивали японские милитаристы, состояли именно в том, чтобы использовать в этих целях китайских милитаристов» (36, с. 885).

Однако отношение Сунь Ятсена к Японии было намного сложнее и противоречивее, чем просто восприятие ее в качестве агрессора, чьи действия возмущали его как патриота. Сунь Ятсен стремился осмыслить пути развития двух стран, тесно связанных, по его глубокому убеждению, общностью судьбы, понять причины резкого различия их социально-экономического и политического развития, наконец по-своему интерпретировать будущий характер китайско-японских отношений.

Наряду с активным осуждением японской агрессии, Сунь Ятсен в своих работах 20-х годов, в частности, в лекциях о национализме, выступлениях перед японской аудиторией в ноябре 1924 г. и других в обобщенном, концептуальном виде развивал идеи, которые были уже намечены в его трудах начала 900-х гг., — «японском примере» для Китая, о китайско-японском союзе и взаимопомощи в рамках паназиатской солидарности. Казалось бы, это звучало явным диссонансом в атмосфере широкого возмущения агрессивными шагами Японии. Представляется, что этот ракурс в подходе к Японии со стороны Суня (Япония как пример, образец для Китая и т. п.) тоже являлся одним из проявлений, хотя и весьма своеобразным, националистической реакции

на унижение Китая, органически входил в ту весьма сложную и противоречивую палитру, из которой складывался и формировался образ Японии в китайском сознании в новейшее время.

Даже возмущаясь Японией как агрессором, Сунь Ятсен не мог преодолеть чувства своего рода расовой гордости за Японию как азиатскую страну, которая своим динамичным развитием смогла доказать западным державам, что азиатские народы способны возвыситься до их уровня, внушить к себе уважение людей белой расы. Прежде существовало мнение, подчеркивал Сунь Ятсен в 1-й лекции о национализме, что самые способные и самые талантливые люди в мире — это люди только белой расы. Так как азиаты не могли сразу овладеть теми достоинствами, благодаря которым европейцы превратили свои государства в богатые и могущественные, они потеряли надежду на то, чтобы превратить свою страну в сильное и богатое государство. Эту надежду потеряли и китайцы, и другие азиатские народы. «И вдруг недавно, — говорил Сунь Ятсен, — мы стали свидетелями расцвета Японии, которая превратилась в одно из сильных перво-разрядных государств мира. Когда Япония стала сильной и богатой страной, у всех азиатских народов появились огромные надежды» (78, с. 383). В результате реформ и освоения научных достижений Запада, подчеркивал он, Япония превратилась в самое могущественное государство в Азии, идущее наравне с США и державами Европы, так что «ни американцы, ни европейцы не смеют теперь относиться к Японии с пренебрежением». На Версальской конференции при обсуждении азиатских проблем западные державы вынуждены были, по его словам, прислушиваться к мнению Японии и шли даже у нее на поводу (в данном случае Сунь как бы абстрагируется от агрессивной политики самой Японии в решении «шаньдунского вопроса», ему важно подчеркнуть другую мысль). «Отсюда ясно, что все, что делают белые, — резюмировал Сунь Ятсен, — могут делать и японцы». В настоящее время, когда в Азии есть такое сильное государство, как Япония, люди белой расы уже не могут относиться с пренебрежением не только к японцам, но и ко всем азиатам» (78, с. 383, 384).

Пропагандируя свое учение о трех народных принципах, Сунь придавал особое значение принципу национализма; он ставил его на первое место, называл сокровищем, предопределяющим существование нации и прогресс государства (78, с. 404). Причину превращения Китая в слабое государство, в объект экспан-

сии, эксплуатации и унижения со стороны империалистических держав Сунь Ятсен объяснял потерей национализма, утратой китайцами национального духа, национального самосознания, ощущения себя частью единого национального организма. Китайцы, по его словам, обладают только общностью семьи и рода, и хотя 400-миллионное население сложилось в единый Китай, «оно в действительности пока представляет собой не что иное, как сыпучий песок» (78, с. 382). Гибель китайского национализма он объяснял утратой государственности, покорением Китая иностранцами, в результате чего Китай стал полуколонией, то есть его хозяевами стали все государства, имеющие с ним договоры, а китайцы превратились в рабов не единого, а многих государств. Сунь считал, что тем самым они попали в положение даже более худшее, чем корейцы, ставшие рабами одной Японии. Он был глубоко убежден, что без возрождения национального духа китайский народ неминуемо погибнет, исчезнет с лица земли. «Если мы хотим предотвратить эту гибель, — подчеркивал он, — мы должны пропагандировать национализм и с помощью национального духа спасти государство» (78, с. 382). Сунь Ятсен подчеркивал необходимость превращения китайской нации в единый целостный организм, чтобы каждый «осознал положение, в котором находится в настоящее время Китай» (78, с. 426), имея в виду тем самым стимулировать борьбу народа против агрессоров, за национальное возрождение Китая.

В контексте своего подхода к возрождению Китая с помощью национализма Сунь Ятсен обращался к примеру Японии. Он считал, что секрет избавления Японии от неравноправных договоров с державами и превращения с помощью реформ в сильное государство заключался в способности японцев сохранить сильный национальный дух («дух ямато»), не утратить национализм. Благодаря этому, подчеркивал Сунь Ятсен, Япония, воспользовавшись проникновением европейской цивилизации на Восток, постепенно освоила все научные достижения Запада и использовала их для развития своего государства. Сравнивая развитие и нынешнее положение Китая и Японии, Сунь Ятсен писал: «До проведения реформ Япония также была очень слабым государством, территория ее не превышала площади провинции Сычуань, а ее население было меньше населения той же провинции. В то время Япония также испытывала позор иностранного гнета. Но именно благодаря тому, что у японцев был силен национальный дух, они смогли героическими усилиями в течение 50 лет из сла-

бого государства превратиться в сильную державу» (78, с. 383). Для превращения Китая в могущественное государство Япония может служить хорошим примером для китайцев, подчеркивал Сунь Ятсен.

Выдвинув и пытаясь по-своему решить проблему вхождения Китая в современный мир, приобщения к достижениям западной цивилизации, ломки старой структуры и превращения страны в сильное, богатое, динамичное государство, Сунь Ятсен по-своему интерпретировал пути развития Китая и Японии. Именно национальный дух, по мнению Сунь Ятсена, помог Японии встать на путь преобразований и избавиться от неравноправного положения, стал причиной японской активности, динамизма, гибкой и активной реакции на внешнее воздействие со стороны западной цивилизации, готовности идти на риск на путях преобразований. Стремясь мобилизовать китайцев на активную революционную практику, поднять в них дух сплочения и сопротивления агрессорам, Сунь допускал даже противопоставление китайского народа, который, по его словам, «успел уже утратить энергию молодости», полному жизненной энергии японскому народу (77, с. 194—195). Он призывал китайцев «проснуться, подобно японцам», чтобы сбросить гнет великих держав и восстановить независимость страны (78, с. 448).

Выдвинув свою концепцию активного действия («действие легко, знание трудно») и в этой связи по-своему интерпретируя факты китайской и японской истории, Сунь Ятсен подчеркивал, что глубоко укоренившийся в китайском сознании гносеологическо-мировоззренческий подход о легкости познания и трудности действия принес огромный вред китайцам, обусловил «всевозможные опасения и боязнь трудностей» в рамках преобразовательной деятельности. Даже учение Ван Янмина о единстве знания и действия, как считал Сунь, принесло Китаю не пользу, а вред. В противовес этому он проповедовал «дерзание и энергичное движение вперед». Для современных народов, писал Сунь Ятсен, характерно то, что они способны действовать даже без познания⁴³. Именно по такому пути «действия без познания», по мнению Сунь Ятсена, пошли японцы, рискнув осуществить реформы и превратив свою страну в сильную и богатую державу. Возражая своим оппонентам, он подчеркивал, что популярное в Японии учение Ван Янмина не помешало, но и ничем не помогло японцам, которые действовали, по его мнению, скорее вопреки Ван Янмину. «Действие без познания», как счи-

тал Сунь, обеспечило Японии более быстрые темпы развития даже по сравнению с европейскими странами (77, с. 197).

Восхищаясь японским динамизмом, Сунь Ятсен в то же время прекрасно понимал, какую роковую роль агрессивная Япония может сыграть в судьбах Китая. Его лекции о национализме не оставляют на этот счет каких-либо сомнений. Он подчеркивал в них, что «империализм Японии стал таким же, как и всех остальных (т. е. западных, — *авт.*) держав, ...ее армия держит в страхе всю Азию» (78, с. 424). В 5-й лекции о национализме Сунь прямо указывал на Японию как на главную угрозу китайской государственности. «Государство, которое скорее всего сможет поработить Китай, — подчеркивал он, — это Япония. ...В случае разрыва отношений между Китаем и Японией Китай может быть погублен Японией в течение десяти дней» (78, с. 427, 428; 154, с. 99—107).

Призывая Китай учиться у Японии, Сунь Ятсен был далек от ее идеализации. Ему был глубоко чужд господствующий в Японии дух милитаризма, агрессивный курс ее правящих кругов. В эти годы он неоднократно обвинял Японию, что она отказалась от традиционного принципа восточно-азиатских народов — *ван дао* (праведного пути правителя) и, следуя за западными державами, встала на путь насилия и агрессии (*ба дао* — путь узурпатора). Сунь обвинял китайских милитаристов и реакционеров в том, что они хотят «японизировать Китай», превратить его в сильное милитаристское государство, сплотить «для войны с тем, чтобы, когда придет время, поднять новое боксерское движение и бросить вызов цивилизованному миру» (77, с. 277). В 6-й лекции о национализме Сунь Ятсен невысоко отзывался и о моральных качествах японцев, считая, что они далеко уступают китайцам в честности и справедливости. Он высказывал и в эти годы глубокое убеждение, что на путях приобщения к мировому прогрессу Китай имеет все возможности намного опередить Японию (78, с. 440, 441, 448).

Выступая с позиций паназиатизма, Сунь Ятсен в эти годы развивал идею китайско-японского сотрудничества как основы солидарности азиатских народов в борьбе «против европейского насилия». Исходя из территориальной близости Китая и Японии, их культурно-расовой общности, он пропагандировал тезис о тесной взаимосвязи, взаимообусловленности развития двух стран, отношения между которыми, по его убеждению, должны строиться на основе гармонии и взаимопомощи. Взаимопомощь

обеспечивает большие выгоды и преимущества, чем борьба, утверждал Сунь (77, с. 278). Он призывал японские правящие круги отказаться от негативного отношения к китайской революции, понять, что «реформы, осуществленные в Японии, по сути дела, являлись предпосылкой китайской революции, а китайская революция, — следствием этих реформ. И японские реформы, и китайская революция составляют одну линию — линию возрождения Восточной Азии, между ними существует тесная связь» (74, с. 315). Смелая и решительная помощь китайской революции со стороны Японии, по мнению Сунь Ятсена, «дала бы ей возможность осуществить ее планы и тем самым занять подобающее ей место в Восточной Азии (74, с. 316). Спасая Китай, писал он Инукаи Ки (Цуеси), Япония спасает себя, обеспечивает длительный мир в Восточной Азии; в противном случае державы непременно примут меры, чтобы, используя Китай, подчинить себе Японию.

Лейтмотивом выступлений Сунь Ятсена в Японии в ноябре 1924г. был тезис о том, что Япония должна помочь Китаю избавиться от неравноправных договоров и обрести подлинную независимость (35, с. 1026—1028). Неравноправное положение Китая стало, по его мнению, одной из главных помех на пути к сотрудничеству двух стран и народов, их братской дружбы и союза. Наоборот, единство двух независимых азиатских государств — Китая и Японии послужило бы основой для сплочения всех азиатских народов в борьбе против империализма западных держав (34, с. 1024)⁴⁴.

Нельзя исключить, что антизападный настрой японских шовинистов, некоторые из которых помогали Сунь Ятсену еще в начальный период его революционной деятельности, оказывал на него и в эти годы определенное влияние. Вместе с тем, обращаясь к популярным в Японии принципам паназиатизма, Сунь Ятсен пытался истолковывать их в антиимпериалистическом духе, вкладывал в них демократическое содержание, мечтая об освобождении Китая и всей Азии от оков колониализма. «Государства, которые придерживаются пути узурпаторов и тиранов (*ба дао*), — говорил он, — угнетают не только народы других континентов и других стран, но и народы своего континента и своей страны. Мы считаем, что принцип Великой Азии должен строиться на принципах справедливости и добродетели (*ван дао*) во имя уничтожения неравенства...» (34, с. 1025). Пропаганда гармонии в развитии китайско-японских отношений, объявление принципа «помогать слабым, поддерживать падающего» осно-

вой внешней политики будущего сильного Китая являлись своеобразной экстраполяцией на международные отношения китайской традиционной идеи Датун (Великого единения).

Конечно, многие представления Сунь Ятсена, например, о возможной роли Японии в освободительном движении азиатских народов, выглядят политически наивными и нереальными, отражающими ложное понимание исторических фактов и явлений. В советской историографии отмечалось (в частности, Л. П. Делюсиным), что, пропитанная духом противопоставления «желтых» и «белых» наций, суньятсеновская доктрина паназиатизма могла быть использована в целях, не имеющих ничего общего с интересами народов Азии (333, с. 175). Для самого же Сунь Ятсена многие из его представлений являлись активным инструментом политической борьбы — с одной стороны, воспитания китайцев в духе национального сплочения, стимулирования их активности в борьбе с агрессорами, с другой — стремления повлиять на политику правящих кругов Японии, предложив им иную альтернативу в подходе к Китаю.

Следует иметь в виду, что новый всплеск паназиатских настроений у Сунь Ятсена и его попытки наладить более тесные отношения с Японией относятся к периоду, когда Япония в результате решений Вашингтонской конференции (ноябрь 1921 — февраль 1922 г.) под давлением западных держав была вынуждена отказаться от своих преимущественных позиций в Китае, завоеванных ею в годы первой мировой войны. Отсюда в значительной мере и надежды Сунь Ятсена, подогреваемые его политическими расчетами, — используя противоречия Японии с Англией и США, опереться на нее в борьбе за ликвидацию неравноправного положения Китая⁴⁵.

ОТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ К ВОЙНЕ

Япония в оценке лидеров Гоминьдана (Чан Кайши, Дай Цзитао, Чжан Цюнь). 1927—1937 гг.

В апреле 1927 г. к власти в Китае пришла партия Гоминьдан, и ее лидер Чан Кайши возглавил правительство в Нанкине. Это событие открыло новый этап в развитии китайско-японских отношений. Он характеризовался многочисленными военными и дипломатическими инцидентами, конфронтациями, антияпонскими бойкотами и, наконец, восьмилетней войной с Японией (1937—1945 гг.). Все это привело к дальнейшему усилению негативного компонента в китайском восприятии Японии.

Внешнеполитический курс нового китайского правительства был направлен на создание единого политически независимого и экономически сильного государства. Между тем планы правящих кругов Японии предусматривали установление монопольного господства в Китае. Столь непримиримые противоречия сразу же создали атмосферу жесткой конфронтации.

Уже первые шаги Чан Кайши по объединению Китая в мае 1927 г. (продолжение Северного похода) вызвали резкую реакцию со стороны правящих кругов Японии¹. Премьер-министр Японии Танака Гиити отдал приказ об отправке японских войск в район Цзинаня, чтобы «силой проучить презренных китайцев» (510, с. 217). Гоминьдановским армиям пришлось отступить.

Непримиримость позиций убедительно продемонстрировал и визит в Токио самого Чан Кайши осенью 1927 г. (с 24 октября по 7 ноября)². Эта акция во многом напоминала поездки в свое время Сунь Ятсена в Японию, что, на первый взгляд, давало повод

говорить о намерении Чан Кайши продолжать внешнеполитический курс своего учителя в отношении этой страны³.

Главной целью его поездки было намерение прозондировать позицию правящих кругов Японии по вопросу объединения Китая под властью нанкинского правительства (58, с. 20, 21). Китайский историк Лан Вэйчан называет этот визит важным историческим событием (см. 140). Чан встретился с несколькими видными японскими официальными деятелями, но наиболее важной была встреча с премьер-министром Г. Танака, на которой стороны из-

Танака Гинти (справа)

ложили свои позиции. В ходе беседы Чан Кайши отметил, что «существование и процветание в Восточной Азии» возможно только в случае искреннего сотрудничества Китая и Японии на основе действительного равенства. Такое сотрудничество, заявил он, будет достигнуто, если Япония прекратит свои отношения с милитаристами и обратит внимание на Гоминьдан, который пытается создать свободный и независимый Китай. Чан Кайши выразил надежду, что японское правительство не будет вмешиваться во внутренние дела Китая и окажет помощь национальной революционной армии в борьбе с северными милитаристами. Япония, подчеркнул Чан, должна отказаться от использования силы в своих отношениях с Китаем, и тогда может появиться возможность для установления двустороннего экономического сотрудничества (469, с. 225).

Премьер-министр Японии пытался убедить Чан Кайши, что с точки зрения создавшейся в Китае обстановки, ему необходимо сначала объединить территорию к югу от Янцзы, укрепить свою базу в Нанкине, а уже потом решать вопрос о Северном походе. Поскольку среди великих держав, сказал Танака, в Китае больше всего пострадали интересы Японии, то последняя не может выступать в роли стороннего наблюдателя. Танака считал возможным оказание помощи Чан Кайши в осуществлении его политической задачи, но при определенных ус-

ловиях. Смысл их состоял в том, что Гоминьдан должен продолжить борьбу с КПК и сохранить японские интересы в Китае. Опровергая слухи о предоставлении Японией какой-либо помощи северным милитаристам, в частности Чжан Цзолиню, Танака заявил, что единственное желание японцев — поддерживать «общее спокойствие» в Маньчжурии (58, с. 23—33).

По сути Чан Кайши предлагалось поделить Китай, т. е. признать Северо-Восток и Север зоной господства Японии. Гоминьдан же должен был ограничиться югом и завязнуть там в борьбе с коммунистами. Однако Чан отверг плохо замаскированное предложение о фактическом разделе страны на японских условиях и остался верен идее единства Китая под эгидой Гоминьдана.

Записи, сделанные Чан Кайши в дневнике, показывают, что он был недоволен результатами встречи. Из разговора с Танака, писал он, можно сделать вывод, что в данный момент бессмысленно говорить о китайско-японском сотрудничестве. Слишком очевидно, что Танака не хочет успешного завершения китайской революции и не будет колебаться, чтобы создать препятствия проведению Северного похода и не допустить объединения Китая. Судя по записям, Чан Кайши лишний раз убедился, что правящие круги Японии рассматривали успех китайской революции как угрозу своим позициям в Восточной Азии; использовали в своих целях отсутствие единства Китая и поддерживали милитаристов в ущерб интересам китайского народа (469, с. 226). Как справедливо отмечал западный исследователь Р. Пейн, китайский лидер уже не питал иллюзий относительно опасности со стороны Токио в деле возрождения Китая (528, с. 133, 134; см. также 129, т. 2, с. 214).

Бескомпромиссность правящих кругов Японии не остановила Чан Кайши. Вернувшись к власти в январе 1928 г., он приступил к подготовке второго этапа Северного похода. Одновременно китайский лидер в дипломатических заявлениях неоднократно пытался напомнить своим оппонентам в Токио о временах, когда Китай и Япония поддерживали очень тесные отношения и японский народ выступал как друг Гоминьдана. «Мы верим, — заявлял Чан на приеме японских корреспондентов, — что среди дружественных держав только Япония в состоянии понять действительное значение национальной революции в Китае» (469, с. 239).

Подобные заявления однако не нашли отклика в Токио. Начавшийся в апреле 1928 г. поход национально-революционной

Чан Кайши

армии под командованием Чан Кайши на север едва не был сорван новым столкновением с японскими войсками в районе Цзинани 3 мая 1928 г. (282, с. 309). Чан Кайши пришлось пойти на компромисс и обойти город во имя выполнения главной задачи — объединения страны (84, с. 76). Впоследствии он писал в «Судьбах Китая», что цзинаньский инцидент был воспринят китайцами как «тяжелейшее оскорбление, понесенное от японских дьяволов, унижение, национальный позор» (53, с. 76). В 1929 г. Чан подчеркивал вынужденный характер этого компромисса и свое стремление не поддаваться на японские провокации (445, с. 89). Цзинаньский инцидент, по его словам, показал, что японцы не только не относились к Китаю, как к суверенной стране, но и не считали китайцев за людей.

Успешное завершение Северного похода, взятие в июле 1928 г. Пекина означало, хотя и номинальное, но объединение Китая под властью правительства Чан Кайши. Это событие привело к дальнейшему обострению китайско-японских отношений (см. 289, с. 94; 304, с. 117). Об этом свидетельствовали проходившие в эти годы двусторонние переговоры об урегулировании инцидентов в Цзинани, Нанкине и Ханькоу, об отмене тарифных ограниче-

ний, прав экстерриториальности и специальных интересов в Маньчжурии. Китайским дипломатам приходилось применять сверхчеловеческие усилия для обеспечения соглашений на уровне сохранения суверенных прав Китая (112, т. 8, с. 389, 391—398). К тому же Япония оказалась последней среди великих держав, официально признавших законность правительства Чан Кайши, что произошло лишь 3 июня 1930 г. (112, т. 8, с. 301—303).

После ухода в отставку кабинета Танака наступило незначительное ослабление напряженности в двусторонних отношениях. В японской прессе Танака был обвинен в ухудшении отношений между Китаем и Японией, в переходе от «братства» к «вражде» (522, с. 162). Японский МИД, наконец, заявил об отказе от использования термина «Чжина» в отношении Китая. Тем самым были учтены многочисленные протесты китайцев, считавших его унижительным.

По словам Чан Кайши, термин «Чжина» звучал как «человек на краю смерти». Особенно резко против этого термина выступал известный китайский ученый Го Можо (подробно см. 491а, с. 68—79).

Более того, новый министр иностранных дел Японии Сидэ-хара предложил китайскому правительству заключить договор о ненападении и обсудить спорные вопросы, касавшиеся японских интересов в Маньчжурии. Эти дипломатические жесты со стороны Токио не внесли, однако, радикальных изменений в отношения двух стран. В восприятии Чан Кайши и его сторонников Япония продолжала оставаться сильной империалистической державой, представлявшей угрозу существованию китайской нации. Действия этого опасного соседа всегда должны были находиться в центре внимания китайского правительства (469, с. 303; 522, с. 162).

Ощущение Японии как источника серьезной опасности для Китая становилось достаточно устойчивым компонентом в ее восприятии. Так, на совещаниях, состоявшихся вскоре после цзинаньских событий, Чан Кайши и генерал Фэн Юйсян подчеркивали необходимость усовершенствования военной организации Китая, указывая на Японию как на потенциального врага, против которого должен вооружаться Китай. С учетом этого и строилась оборона страны (570, 1929, № 9, с. 386).

Япония стала восприниматься Чаном как агрессивная империалистическая держава уже после захвата ею германских владений в Шаньдуне в период первой мировой войны и особенно

после предъявления Китаю «21 требования». Еще в те годы будущий лидер Гоминьдана обращал внимание на опасность со стороны японского империализма, называя Японию самым вероятным врагом Китая (457, с. 41). Очевидно, уже тогда Чан Кайши считал конфронтацию между Китаем и Японией неизбежной. В статьях, публикуемых в журналах «Military voice» и «The army voice», он замечал, что в войне с Японией Китай должен полагаться на наземные войска и использовать стратегию затяжной войны, чтобы истощить финансовые и людские ресурсы противника (556, с. 28).

Тем не менее далеко не все китайцы воспринимали Японию как внешнюю силу, враждебную самостоятельному и независимому развитию Китая. Несмотря на агрессивные действия японцев и рост антияпонских настроений, многим китайцам казалось, что Япония все еще «островная империя», не способная принести много зла Китаю. Так, в конце 20-х годов XX в. китайские писатели в своих книгах постоянно ссылались на Японию, как на «небольшое государство, расположенное на островах», а население называли «карликами» (570, 1929, № 8, с. 331). Превращение небольшой «островной империи» в одну из сильнейших держав мира не было воспринято многими как сигнал опасности. Определенная часть китайцев продолжала придерживаться своей старой позиции презрения к японцам и воспринимала их страну как «провинциальную тихую заводь, модернизации которой можно позавидовать» (459, с. 1). В частности, по словам Дай Цзитао, китайцы в отношении японцев придерживались концепции «Мы — страна передовой культуры» (7, с. 384).

Более дальновидные общественно-политические деятели и официальная пресса Китая постоянно призывали соотечественников не смотреть на японцев свысока. Эти круги со всей ответственностью и серьезностью советовали изучать историю, политику и идеологию Японии. Это дало бы возможность понять, что страна восходящего солнца является «опасным соседом» Среднего государства.

В этом плане большое значение имели работы о Японии известного гоминьдановского идеолога Дай Цзитао. После Хуан Цзунсяня в Китае фактически не публиковалось серьезных исследований об этой стране, и поэтому роль Дай Цзитао оказалась особенно важной.

Дай Цзитао хорошо знал Японию. С 1906 г. он обучался на юридическом отделении японского университета (Ниппон дай-

гаку) в Токио (248, с. 29). Ситуация в этой стране, ее бурное развитие по капиталистическому пути, быстрое наращивание военной мощи оказало существенное влияние на формирование его мировоззрения. За годы учебы в университете Дай Цзитао в совершенстве изучил японский язык. Впоследствии это облегчило ему общение с японцами и дало возможность познакомиться с произведениями передовой европейской мысли. В 1909 г. Дай вернулся в Китай. Здесь он принял активное участие в революционной деятельности, будучи одним из ближайших сподвижников Сунь Ятсена. В 1913 г. Дай выезжал в Японию в качестве секретаря и переводчика Суня: присутствовал на его встречах с японскими политическими деятелями, в частности с бывшим премьер-министром Кацурой Таро и военными руководителями (Танака Гиити, Акияма Тэйсукэ), принимал участие в политических дискуссиях (7, с. 365; 248, с. 30, 31). В дальнейшем Дай Цзитао дважды посещал Японию — в 1924 г. вместе с Сунь Ятсеном и в 1927 г. в качестве специального представителя нанкинского правительства для подготовки визита Чан Кайши. Ему приходилось общаться со многими своими японскими приятелями и с друзьями Сунь Ятсена — политиками высокого ранга, деятельность которых Дай оценивал очень высоко. В частности, это были Кацура Таро и его единомышленник Акияма Тэйсукэ, питавшие дружеские чувства к Китаю и выступавшие за оказание ему материальной помощи. Все это нашло отражение в работах Дай Цзитао. Особое внимание он уделил характеристике деятельности Г. Танака, видного государственного деятеля Японии, занимавшего важные государственные посты — премьер-министра и министра иностранных дел. Он был неоднократно партнером Дай Цзитао на дипломатических переговорах (см. 7, с. 379, 380). С точки зрения китайского идеолога, после первой мировой войны Танака стал главной фигурой в Японии и держал под контролем ситуацию в Китае. Умный, активный, хорошо разбиравшийся в военных вопросах, Танака играл важную роль в формулировании политики в отношении Китая. Дай Цзитао (так же, как и Чан Кайши) считал, что Танака не хотел успешного развития китайской революции, усиления Гоминьдана и объединения Китая (7, с. 375). Главное в его деятельности — установление монопольного господства Японии в Китае. С именем Танака Дай Цзитао связывал все беспорядки в стране. Однако, с его точки зрения, характер японской политики в Китае не зависит от того, кто стоит у власти. Между политиками из

японского МИДа и генштаба не возникало разногласий по этому вопросу.

Дай Цзитао, оценивая позицию правящих кругов Японии в отношении Китая как агрессивную, называл ее «политикой скорпиона», а Японию сравнивал с «кровожадным чертом, якобы жившим в этой стране в древние времена» (7, с. 382, 395).

Еще 9 мая 1919 г., обращаясь к японской нации с призывом изменить «политическую организацию» Японии, отказаться от ее традиционной политики, китайский идеолог подчеркивал, что японская агрессивная политика определялась не народом, а внутренними факторами, что истоки ее формирования заложены в идеологии господствующих классов. Однако японские правящие круги не могли отказаться от экспансии в отношении Китая, а это таит в себе большие потери для японского народа в будущем (7, с. 322). За агрессию Японии, подчеркивал Дай Цзитао, отвечают не военные и не партийные группировки. Эта политика является результатом совместных усилий господствующих кругов (7, с. 323).

Китайский идеолог видел Японию в числе основных врагов Китая, окружавших его с четырех сторон. Дай называл Японию «Германией на Востоке», объясняя ее экспансию на материк ограниченной территорией, увеличением численности населения (6, с. 37, 38). Дай Цзитао считал экспансию естественной функцией государства, естественным стремлением народа к колонизации, а не затеей политиков, пытавшихся поддержать свое существование. Среди великих держав в международном сообществе, отмечал он, нет ни одной, которая не стремилась бы к экспансии. С точки зрения географии, отмечал он, японская агрессия должна развиваться в сторону южных морей; но по политическим соображениям она направлена на север — Тайвань, Корея, Маньчжурия и Монголия. Япония, подчеркивал Дай, всеми силами стремится к захвату Китая, смогла «проглотить» Корею, но «проглотить» Китай ей не удастся. Дай Цзитао осуждал «островное государство» и его правителей, называя их «безграмотными и близорукими политиками с трех островов» (6, с. 42, 43). Он тяжело переживал, что у гоминьдановского Китая недостаточно сил для сопротивления и надеялся, что наступит день, когда Китай «поднимется и отомстит».

В отличие от многих других своих соотечественников Дай Цзитао, осознавая важное место, занимаемое Японией в мировой истории, постоянно критиковал китайских авторов, относив-

шихся к ней с традиционным для Китая безразличием и считавших Японию «отсталой и дикой страной». Изучению японского феномена Дай Цзитао посвятил две специальные работы: «Мой взгляд на Японию» (1919) и «Исследование о Японии» (1928), исправленный и расширенный вариант первой. Позднее они были опубликованы под общим названием «Японский вопрос». Высоко оценивая сделанный автором критический анализ японской истории, один из лидеров Гоминьдана Ху Ханьминь отмечал в предисловии, что Дай Цзитао даже превзошел работы японских историков в этой области, сумев объяснить и вскрыть движущие силы японских перемен. Ху Ханьминь подчеркивал объективный и научный характер критики японцев со стороны Дай Цзитао, выступавшего и как адвокат, и как судья японцев (подр. см. 7, с. 324—329).

Прежде всего Дай обращал внимание на пренебрежительное отношение своих соотечественников к изучению Японии. Объяснял он это «ксенофобией в знаниях» и стремлением «в мыслях отгородиться от соседних стран». «Мы, китайцы, даже японские тексты не хотим читать, японскую речь не хотим слушать», — писал он, призывая к углубленному изучению Японии. Секрет ее успеха и ее феномен могли быть раскрыты только в процессе исследования истории этой страны, ее философии, литературы, религии, политики и обычаев японского народа (7, с. 303, 304).

Упрек китайского идеолога в недостаточном интересе к Японии относился прежде всего к китайской молодежи. «Когда я учился в Японии, — писал он, — многие из моих одноклассников не хотели заниматься японской литературой и языком. Я спрашивал их, почему они так поступают. Они, смеясь, отвечали, что нет никакой пользы от изучения японского языка и что более целесообразно овладеть английским языком, который обеспечит им определенные преимущества после возвращения в Китай» (7, с. 301, 330, 331). Молодежь считала, что Япония не представляет интереса, поскольку сама ничего не имеет, кроме элементов цивилизации, заимствованных из Китая, Индии и Европы. Китайский идеолог видел в такой позиции вред «утилитаризма», что в последующем могло привести к формированию «идеи превосходства», т. е. «идеологии зазнайства» (7, с. 330, 331).

Китайский идеолог обращался с призывом к своим соотечественникам «немедленно приступить к серьезному изучению характера и обычаев японцев, основ их государства» и т. д., чтобы

понять прошлое этой страны. Только изучив ее историю, можно понять «облик Японии» конца 20-х годов, и высказать предположения «относительно ее политики в будущем» (7, с. 303, 304, 331).

Свое исследование Дай Цзитао начинал с рассмотрения государственного устройства и государственной идеологии Японии. Он давал критический анализ «исключительности японской государственной системы» и «божественной природы императора», а также других мифологических представлений, сохранившихся до его времени. Китайский идеолог называл эти взгляды отсталыми и для подтверждения своих оценок сравнивал процессы развития идеологии в Китае и Японии (см. 7, с. 306, 307, 333).

С точки зрения новейшей науки и цивилизации, по мнению Дай Цзитао, Япония в области знаний по-прежнему значительно опережала Китай. Фактически это являлось достижением последних 50 — 60 лет (7, с. 306). Если же принять во внимание заимствование Японией науки и культуры из Европы, а философии и религии из Китая и Индии, то, как утверждал Дай Цзитао, собственная японская идеология находится в состоянии «детскости». Сохранение японских мифов он объяснял островным положением Японии и короткой историей развития ее собственно национальной культуры (7, с. 333). По его мнению, основа для формирования современного национального государства была создана только в период Токугава, когда была ликвидирована феодальная раздробленность.

Мифологические представления, возникшие в Японии еще до появления письменности, составили, по словам Дай Цзитао, основу японской государственной идеологии. После проникновения в средневековую Японию китайской и индийской культуры, заимствования извне государственного строя, широкого распространения конфуцианства и буддизма, — все эти привнесенные извне культурные ценности стали основой японской культуры. Узкое представление о государстве как конгломерате родов стало постепенно исчезать. Благодаря заимствованиям из других стран развивалась японская цивилизация, укреплялась мощь государства. Тоётоми Хидэёси усмирил феодалов внутри страны. После перехода верховной власти к дому Токугава наступил политический и культурный расцвет Японии. Говоря о подъеме японской культуры, Дай Цзитао прежде всего имел в виду доминирующее положение китайской философской мысли в период сёгуната и превращение конфуцианства в государственную

идеологию Японии (7, с. 335). Китайские и индийские идеи, проникавшие в Японию на протяжении более тысячелетия, стали неотъемлемой частью жизни японцев (7, с. 332—334). В то же время, как отмечал Дай Цзитао, для создания единой национальной культуры японцам потребовалась собственная идеология. Последнее и привело к возрождению «идеологии теократии» (7, с. 334, 335). По его утверждению, «идеология теократии» была необходима господствующим классам и императорскому двору для возрождения мифа о «божественном происхождении» их власти. Анализируя ее сущность, Дай Цзитао особое внимание уделил характеристике взглядов известного японского ученого Ямага Соко — основателя так называемой Школы древних наук (380, с. 11). Эта школа широко пропагандировала, с одной стороны, мифы о «божественной природе» японского государства и императора (особенно книга «Китайско-корейские дела») (7, с. 305, 306), а с другой, — идеи конфуцианства. Однако, по мнению Дай Цзитао, представители Школы древних наук крайне неудовлетворительно усвоили конфуцианские идеи, считали сунское конфуцианство ересью, якобы разрушившей учение Конфуция. По его мнению, в их трудах как в области методологии, так и в теории нет ни одного места, где бы не было ссылок на учение Конфуция. На основе этого Дай Цзитао делал вывод, что представители Школы древних наук позаимствовали китайские идеи, составившие основу японской национальной идеологии (7, с. 333). При всем том данная школа всячески пропагандировала тезисы о «божественном сотворении государства» и «получении власти императора от бога».

С точки зрения Дай Цзитао, решающую роль в истории Японии сыграли китайские идеи и культура. Распространение буддизма и конфуцианства на раннем этапе японской истории создало условия для образования централизованного государства и способствовало расцвету культуры. В период Токугава конфуцианство превратилось в государственную идеологию Японии. Что же касается конфуцианской концепции гуманности и любви, то она с ослаблением понятия «братство» на японской почве трансформировалась в «религию истребления врагов» (7, с. 307, 309).

Аналогичным изменениям в Японии, по мнению Дай Цзитао, подвергся и буддизм — это миролюбивое учение превратилось в «религию уничтожения». Буддийские монахи школы дзэн насаждали самурайский дух, воевали между собой за свое влия-

ние на стороне различных феодальных группировок. Поэтому, делал вывод Дай Цзитао, в условиях японского феодализма учение буддизма о любви к человеку и животным, о непротivлении сошло на нет. Такое изменение религиозной системы в процессе заимствования соответствовало требованиям общественной жизни японцев. Буддизм, приспосабливаясь к общественным настроениям эпохи феодальной междоусобицы, превратился в «религию силы», «религию уничтожения». В процессе заимствования японскими монахами школы дзэн, китайской культуры (иероглифического письма, способов приготовления пищи и т. д.) японцы проявили излишнюю забывчивость относительно происхождения заимствованного и все это считали своим. С точки зрения китайского идеолога, японский буддизм коренным образом отличался от китайского, прежде всего тем, что содержал в себе активный дух самопожертвования. Это объяснялось влиянием традиционных японских представлений в те годы (7, с. 337).

Дай Цзитао

Дай Цзитао отмечал, что в действительности религией правящих классов является синто, а не самая процветающая религия в Японии — буддизм. Вера японцев в то, что их страна — лучшая страна в мире, японский император — ни с кем не сравнимый в мире правитель, а японская нация избрана богом — берет свое начало от религии синто, констатировал китайский идеолог (7, с. 305). По его глубокому убеждению, опасно наделять политической властью тех, кто не избавился от подобных мифических предрассудков. Свои опасения он объяснял коренным изменением ситуации. Если в начальный период японской истории подобные идеи доминировали только в «пределах островного государства Японии», то в дальнейшем японцы стали настаивать на их применении в отношении всего мира (7, с. 334). С точки зрения китайского идеолога, именно от этой национальной идеологии берут начало представления всех японцев о государственной системе (7, с. 335).

Оценка прошлого и настоящего Страны восходящего солнца у Дай Цзитао покоилась на тщательном изучении многих сторон современной ему Японии и ее истории. На протяжении десяти лет жизни идеолог Гоминьдана специально исследовал древнюю, средневековую и новую историю этой соседней с Китаем страны. В исторической специфике Японии Дай искал ответы на жгучие проблемы современного ему противостояния Японии и Китая. Если подходить к его оценке с позиции складывания цивилизации или развития культуры, то Дай Цзитао считал феодальную эпоху самым прогрессивным периодом японской истории. По его мнению, в период феодализма начала создаваться база для развития в послереформенный период политической и научно-технической мысли, экономического потенциала и других сфер. Все, что японцы имеют сегодня, отмечал он, полностью базируется на том, что было создано ими в результате напряженных усилий на протяжении 400 — 500 лет (7, с. 335).

Дай Цзитао дал подробный анализ сословной системы японского общества при феодализме: воинов (буси), крестьян, ремесленников и торговцев. Особое внимание он уделил самураям (воинам), несмотря на культ силы все же имевшим благородные черты. Самым важным фактором, стимулировавшим их готовность жертвовать собой и жизнью своей семьи ради дома князя, Дай считал этику и веру, передаваемые по традиции из поколения в поколение. В период феодализма этот дух упорной борьбы за сохранение жизни князя и членов его семьи вызывал восхищение в обществе. Дай Цзитао рассматривал благородные черты японских воинов как закономерное следствие их привилегированного положения. Он считал «класс воинов» стержнем японского общества в эпоху феодализма (7, с. 340—342).

Сёгуну, князьям и классу воинов в феодальном обществе принадлежали как политическая и военная власть, так и право владения землей. На поверхности феодального строя, по мнению Дай Цзитао, неизбежно должно было возникнуть самурайство. Особое внимание он обращал на две его особенности: месть (убивать людей) и «харакири» (убивать себя). Месть, по словам китайского идеолога, это — распространенный обычай в диком (некультурном) обществе. В феодальной же Японии она не только восхвалялась всем обществом, но и специально разрешалась князьями, а известные ученые и литераторы делали ее темой своих работ. Даже в настоящее время, подчеркивал Дай, многие считают месть проявлением самого возвышенного духа, т. е. са-

мым превосходным качеством японской нации. Он же рассматривал месть как «национальное самовосхваление».

Дух и тело мстителя, как отмечал Дай Цзитао, находятся под контролем принципа «существования расы и нации». Это свойство было одной из особенностей философии в период Токугава, в том числе теории Школы древних наук. Сам же акт «характери», по мнению Дай Цзитао, содержит больше справедливости и морали, нежели негативного начала.

Исследовав социальную структуру периода Токугава, китайский идеолог пришел к выводу, что феодальный строй в Японии, с одной стороны, воспитал благородных воинов с легким отношением к жизни и смерти, способных держать свое слово, а с другой, «подлых торговцев», презиравших жизнь и уважавших только деньги (7, с. 338).

Изучая историю Японии, Дай Цзитао не сомневался в превосходстве китайской культуры по сравнению с японской, критикуя концепцию японских ученых об «особом» характере японской цивилизации. Проследивая с китаецентристских позиций культурное развитие Японии, Дай Цзитао подчеркивал большое влияние на нее культур других государств, и прежде всего Китая. По его мнению, если из истории Японии исключить результаты восприятия культур Китая, Индии, стран Европы и Америки, то ее цивилизация не отличалась бы от культуры туземцев Стран южных морей (7, с. 339). Раннюю японскую цивилизацию Дай Цзитао оценивал негативно, называя ее «дикой» или «вульгарной» (7, с. 395). Древняя Япония, отмечал он, была варварской страной, расположенной в горах. Без заимствования культур из Китая и Индии она не смогла бы развить такую высокую цивилизацию. Именно в процессе взаимослияния с культурами других государств проявился специфический характер японской нации, позволявший апологетам японской исключительности ставить ее выше других народов. Высказывания японских ученых об «особом» характере японской цивилизации, по его мнению, нет смысла осуждать, ибо они основывались на «мистических заблуждениях», утверждавших, что будто бы японцы — это «нация, избранная богом», «самая лучшая нация в мире». Эти заблуждения передавались в мифах и легендах из поколения в поколение. Подобное «зазнайство», или такое чувство собственного достоинства также является основой существования и развития этой нации.

Дай Цзитао считал, что к процессу складывания любой цивилизации следует подходить с двумя критериями — заимство-

вания и саморазвития. Нация может утвердиться, если, с одной стороны, она способна заимствовать мировую цивилизацию, а с другой, способна развиваться сама. Дай Цзитао отмечал, что в процессе развития имеет место смешение культур разных государств. Наиболее цивилизованным, по его мнению, становится то государство, которое впитало в себя или освоило больше разных культур. Японию он относил именно к таким государствам (7, с. 358). С этой точки зрения, опыт складывания цивилизации в Японии продемонстрировал «превосходство» японской нации (7, с. 340). Переняв материальную и духовную культуру Кореи, Китая, Индии и приспособив ее к социальным условиям своей жизни, японцы создали собственную культуру и завершили формирование своего государства (7, с. 340). После вторжения на Восток западных государств японцы на базе уже достигнутого заимствовали достижения западной цивилизации и европейской науки. Благодаря этому с течением времени Япония добилась положения передовой нации на Востоке. Весь этот процесс, как подчеркивал китайский идеолог, является подтверждением «превосходства» японской нации. «Мы видим у японцев много недостатков, — отмечал Дай Цзитао, — чувствуем, что они не избавились полностью от ограниченности, связанной с островным положением их государства, в их действиях улавливаем чрезмерное преклонение перед Европой и Америкой и презрение к Китаю, чувствуем, что им вообще не свойственен дух справедливости» (7, с. 340). Но если быть объективным, нельзя не признать, что уверенность в себе и стремление японцев возвыситься заслуживает уважения (7, с. 340). Именно благодаря этой уверенности в себе, по мнению Дай Цзитао, Япония смогла стать сильным государством, объединиться, заимствовать европейскую культуру, преобразовать ее в единую национальную. Если бы японцы не обрели этот «бунтарский дух», то не смогли бы создать самостоятельную культуру (7, с. 345). В результате даже великие державы в 20-е годы XX в. не осмелились отрицать силу японского государства и нации (7, с. 360).

Дай Цзитао особо указывал на более быстрое развитие Японии по сравнению с Китаем: Китай и Япония — нации, по его словам, отличаются по размеру территории и численности населения более, чем в 10 раз. Временная же разница по исходному уровню их древней цивилизации насчитывает несколько тысячелетий. Когда в Китае наблюдался расцвет культуры, т. е. «золотой век», Япония вела «пещерный образ жизни». После того как

китайская культура проникла в Японию, прошло немногим более тысячелетия. Произошло объединение японской нации. В конце 20-х годов Япония уже претворила в жизнь древнекитайский принцип *Датун*. С каждым днем силы и возможности Японии увеличиваются, крепнут ее империалистические устремления, а традиционная воинствующая политика, существовавшая на протяжении всей японской истории, начинает претворяться в жизнь. Между тем китайская нация с каждым днем все больше приходит в упадок. С горечью констатируя этот разрыв в темпах развития, Дай Цзитао указывал на необходимость возрождения уверенности в себе и в китайской нации во имя спасения страны. Если такое большое государство, с такой древней культурой не может поглотить маленькую соседнюю нацию, более того, если она позволит другим малым нациям, окружавшим Китай, мечтать о том, чтобы занять его место, разве это не позор для Китая! (7, с. 345).

Значительное место в своей работе Дай Цзитао отводит реформам Мэйдзи. Именно они, по его мнению, положили начало превращению Японии в сильное и богатое государство⁴. «Реформы Мэйдзи, — одно из крупнейших событий мировой истории. Успех реформ в Японии — это исходный пункт национального возрождения Востока», — писал Дай Цзитао (7, с. 360). При этом он раскрывал основные причины, приведшие к свержению сёгуната: разложение сёгуната Токугава, финансовые затруднения сёгуна и его вассалов, ухудшение материальных условий жизни самураев. Среди новых факторов главным он называл постепенное усиление давления внешних сил на Японию. Внешняя опасность способствовала появлению лозунга «изгнать варваров, свергнуть сёгунат!». Все это обострило недовольство влиятельных и воинственных вассалов политикой сёгуната, особенно в княжествах Тёсю и Сацума. Определенную роль сыграло широкое распространение идей Школы древних наук, чьи сторонники утверждали, что «император получил власть от бога», а также преобладающее влияние конфуцианской школы эпохи Хань (7, с. 344).

Решающую роль в событиях 1868 г. в Японии, по мнению Дай Цзитао, сыграли внутривнутриполитические факторы. Положение правительства и его вассалов в тот период, подчеркивал он, было доведено до такого предела нестабильности, что изменения были неизбежны. В то же время имел место стремительный натиск внешних сил. Молодые «воины»-самураи воспользовались ситуа-

цией и под лозунгом «почитать императора, изгнать варваров» выступили против правительства (7, с. 344). День ото дня усиливалось давление держав, требующих от Японии открытия торговли. Японцы уже не могли оказывать сопротивление «черным кораблям». В Японии поняли и правильно оценили эрудицию и силу иностранных государств. С одной стороны, японцы говорили о необходимости изгнать «варваров», с другой, — понимали, что им необходимо заимствовать научные знания европейцев для усиления своего государства. Ценность так называемых «английской науки» и «французской науки» стала постепенно признаваться всеми. Поэтому, отмечал Дай Цзитао, как только свергли сёгунат, ближайшая задача, выраженная четырьмя иероглифами «почитать императора, изгнать варваров», сразу же превратилась в лозунг «открыть страну, стремиться к прогрессу» (7, с. 345).

Именно две противоречивые тенденции — «изгнать варваров» и «открыть страну» создали базу для невиданного процветания Японии. Главную роль в свержении сёгуната сыграли самураи, находившиеся под влиянием «идей теократии» (7, с. 345). Если бросить взгляд на историю превращения Японии из феодального государства в единое централизованное государство, писал Дай, то начало реформам было положено отнюдь не идеями и действиями многочисленных крестьянских масс, ремесленников и торговцев. Реформы явились делом класса самураев (7, с. 335). В их головах, подчеркивал Дай Цзитао, в мирное время было полно смелых мыслей. В качестве примеров для подражания им служили героические личности из истории Японии. Среди них были восемь полководцев из истории «семи борющихся царств» III в. до н. э., Тоётоми Хидэёси и участники похода в Корею. Причину превращения самураев в главную же силу движения за реформы, по мнению Дай Цзитао, следует искать в ухудшении их положения в период сёгуната. После свержения сёгуната власть перешла к императору только формально. Микадо имел лишь номинальное право управления страной. Это была не диктатура императора Мэйдзи, а власть самураев-вассалов из княжеств Сацума и Тёсю (7, с. 319).

Анализируя лозунги «почитать императора, изгнать варваров» и «открыть страну, стремиться к прогрессу», Дай Цзитао рассматривал внешнеполитический, идеологический и социально-экономический аспекты реформ Мэйдзи.

Сама идея «изгнания варваров» возникла в Японии еще до реформ Мэйдзи под влиянием внешних сил, давивших на нее с

двух сторон. Это давление оказывали Россия — с севера, европейские государства и Америка — с юга. В самой Японии это вызывало ответное движение, соответственно, сопротивление северу и югу. Сила его была неодинаковая. В отношении России она увеличивалась с каждым днем, угрожая перерасти в вооруженное столкновение. В отношении же европейских государств и Америки, напротив, имело место стремление договориться или использовать экономические меры сопротивления. Эти две разные реакции на давление внешних сил привели к образованию двух направлений в области японской внешней политики — северного и южного.

Раскрывая содержание идеи «изгнания варваров», Дай Цзитао использовал разделы из японских классических трудов. В них рассказывалось об истории завоевания Китая во времена династий Сун монголами и Мин маньчжурами (7, с. 346). Японские патриоты использовали эти события для поднятия воинственного духа, направив его на объединение страны и сопротивление внешним силам. По словам Дай Цзитао, Опиумная война 1839—1842 гг. в Китае и захват Пекина объединенными силами англо-французских войск в ходе войны 1856—1860 гг. также заставляли «кипеть горячую кровь воинов во всех уголках Японии». Опасность завоевания родной страны настораживала японский народ и он еще внимательнее следил за развитием международных событий. В этой связи давление иностранных держав на Китай в XIX веке являлось большим стимулом для проведения реформ в Японии (7, с. 346). Извне Япония подвергалась давлению иностранных государств, а изнутри на сёгунат влияли патриотически настроенные элементы.

В результате этого лозунги «изгнать варваров» и «свергнуть сёгунат» служили одной цели. Отсюда проистекала и неизбежность свержения власти сёгуна. По словам Дая, обстановка в Японии в то время очень напоминала положение в Китае накануне 1911 г. Тогда задачи свержения маньчжурского режима и изгнания «варваров» также были подчинены единой цели (7, с. 347). За свержение сёгуната в Японии выступали все силы, недовольные его политикой. Однако в дальнейшем возникли споры по поводу организации похода в Корею. Против похода в Корею выступали члены правительства Ивакура, Окубо, Ито, хотя это отнюдь не означало, что часть правящей верхушки вообще была против агрессии на север — в Корею. Эти разногласия сводились к тому, какими средствами и когда осуществить этот поход. Одни

считали, что в связи с ликвидацией феодальной системы было необходимо активизировать внешнюю политику из опасения, что голодные воины-самураи устроят «беспорядки». Другие заявляли, что политическое положение внутри Японии еще не стабилизировалось и у правительства недостаточно сил, поэтому сначала нужно оздоровить обстановку внутри страны (7, с. 347).

Дай Цзитао отмечал идентичный характер стремлений и планов самураев, захвативших власть в первые годы реформ Мэйдзи, с устремлениями и расчетами Тоётоми Хидэёси. Последний был для самураев героической личностью и служил примером для безусловного подражания. И это в свою очередь подогревало агрессивный характер внешнеполитического курса самураев. Продвижение Японии в северном направлении, подчеркивал Дай Цзитао, стало ее традиционной политикой начиная с Тоётоми Хидэёси, а подчинение Кореи и захват Маньчжурии ее главной целью (7, с. 364).

Лозунг «открыть страну и стремиться к прогрессу» Дай Цзитао определял не только как стратегию продвижения на север или юг, но в большей степени как очень важную особенность политики Японии. Скрытый смысл этого лозунга, по его мнению, заключался в экспансии на континент (7, с. 313). Если бы китайская нация, отмечал Дай Цзитао, не пришла в упадок, то Япония не осмелилась развивать агрессивные планы. Однако Китай продолжал слабеть день ото дня, и слабость маньчжурской династии Цин была отмечена Японией. Поражение Китая в период франко-китайской войны вызвало пренебрежение со стороны Японии (7, с. 364). К тому же японцы вытесняли китайских эмигрантов-хуацяо, забыв, по словам Дай Цзитао, о расовой общности. Соперничество европейских и азиатских наций в зоне Тихого океана дополнилось соперничеством Китая и Японии (7, с. 365).

В результате проведения реформ Мэйдзи в области идеологии развернулось «движение за свободу и народные права» (7, с. 350). Дай Цзитао называл это движение «идеологической революцией», считая его следствием благотворного влияния на Японию европейских идей о свободе (7, с. 338). В качестве примера такого воздействия он приводил взгляды своего друга, влиятельного представителя и основоположника «движения за народные права» Итагаки Тайсукэ, который находился под сильным влиянием теории «Общественного договора» Ж. Ж. Руссо. Идеи великого француза явились, по выражению Дай Цзитао, «великой дви-

жущей силой политических и общественных преобразований в Японии». Именно они дали толчок новому этапу развития японского общества (7, с. 356). С наступлением реформ Мэйдзи, по словам Дай Цзитао, к старой добродетели и старым идеалам самурайства добавился революционный дух. Соединившись с европейской мыслью, он создал базу политической морали в период реформ (7, с. 335).

«Движение за права народа», писал Дай Цзитао, возникло среди представителей класса самураев и имело важную особенность — идею всеобщего братства (7, с. 347). Последняя подверглась влиянию принесенных извне учений. До реформ Мэйдзи на нее оказывали влияние доктрина и концепция Конфуция *Датун*. Буддийские взгляды о всеобщем равенстве поддерживали веру в идею *Датун*. Однако понятие о братстве в головах самураев постепенно стиралось господствующей мыслью о превосходстве японской нации. Былое преклонение перед китайской культурой и перед всем китайским все более вытеснялось лозунгами японской ортодоксальной теократии. Эти теократические воззрения, много веков существовавшие в Японии, в конце сёгуната Токугава под давлением европейской и американской агрессии приняли новую форму. Период реформ Мэйдзи как раз явился периодом изменения идей теократии. Представления японцев о «божественном происхождении императора» стали выражаться формулой «почитать императора, вернуться к древности» (7, с. 306). Дай анализировал взгляды японских ученых, проповедовавших эту теорию в период древности. При этом не все представители Школы древних наук изменили свои взгляды под влиянием европейско-американской идеологии и по-прежнему поддерживали лозунг «изгнать варваров». Вместе с тем образованные люди понимали роль европейских знаний и силу западных держав. Такие японцы говорили об «изгнании варваров», но при этом воздавали должное «эрудиции европейцев» (7, с. 313). Поэтому лозунг «открыть страну», подчеркивал Дай Цзитао, шел от идеологии воинов, а не от лидеров «движения за права народа» (7, с. 314).

С точки зрения китайского идеолога концепция «права народа» и европеизация, связанная с идеями свободы и равенства, стали понятием всеобщего братства в послереформенной Японии (7, с. 348). Таким образом, реставрация Мэйдзи — это и единое движение, выступающее против сёгуната, за передачу власти императору, и в то же время политическая борьба за пре-

доставление прав народу, за равенство и свободу (7, с. 338). Дай Цзитао обращал внимание на резкое усиление заимствования Японией западной культуры в первые годы после реформ Мэйдзи. Самое большое и сильное влияние оказали идеи, пришедшие из Франции и Англии. Об этом свидетельствовало резкое расширение преподавания английского и французского языков (7, с. 348). Для такого маленького изолированного «островного государства» как Япония изменение ее идеологии под влиянием внешних сил неизбежно. Но самой Японии, по мнению Дай Цзитао, было нелегко создавать свою особую цивилизацию, и поэтому заимствование ею западной культуры следует отнести к достоинствам «островного государства» (7, с. 348).

С точки зрения идеологии, Дай Цзитао усматривал позитивную роль реформ Мэйдзи в том, что они в итоге стали стержнем политического сознания и деятельности народных масс (7, с. 350).

Чтобы помочь соотечественникам понять истинный облик современной Японии, Дай Цзитао дал глубокий анализ экономического и социального аспектов реформ Мэйдзи, т. е. картину японского общества конца XIX — начала XX вв. В сфере экономики курс нового правительства выражался лозунгом «приумножать богатство, увеличивать доходы». (По-видимому, он имел в виду лозунг, известный в японоведческой литературе, как «богатая страна, сильная армия».) Благодаря реформам быстрое развитие получили промышленность и торговля. Это явилось отправным пунктом стремительного возвышения Японии в последующие десятилетия (7, с. 348, 349). С точки зрения Дай Цзитао, база для развития научно-технической мысли и основа «экономических возможностей» были созданы еще в период феодализма, особенно в эпоху Токугава (7, с. 335). Дай подчеркивал, что современное японское общество явилось преемником феодального, причем средневековые пережитки, по его словам, должны были сохраняться в течение длительного времени.

Анализируя классовую структуру, Дай Цзитао подчеркивал непосредственную связь японского общества 20-х годов и периода Мэйдзи. Господствующие классы современной ему Японии, бравшие начало от самурайства времен феодализма, по своей природе в значительной степени оставались «торговцами, прикрытыми одеждой самураев» (подробно о классах см. 7, с. 338, 340—344, 351, 352). Милитаристы и бюрократы имели прямое родство с самураями (воинами), а крупные капиталисты и управляющие торгово-промышленными предприятиями являлись

продуктом смешения самураев и торговцев. Тем самым устанавливалась крепнущая с каждым днем связь между милитаризмом, бюрократизмом и капитализмом. Здесь не было капиталистов, которые не поддерживали бы милитаристов, и не было милитаристов, которые выступали бы против бюрократов (7, с. 317).

По мнению Дай Цзитао, реформы Мэйдзи вызвали значительные изменения в положении самураев. Самурайство, которое после реставрации Мэйдзи овладело новым революционным духом, европейской идеологией, создало базу новой морали, и поэтому заслуживало изучения со стороны китайцев (7, с. 324). Упразднение княжеств и создание префектур в Японии, введение всеобщей воинской повинности и закона о всеобщем обучении, отмена и «капитализация» пенсий свели на нет все их привилегии. Значительная часть низшего самурайства оказалась выбитой из обычной жизненной колеи. Вынужденные приспособляться к новым условиям, многие из них стали заниматься торговлей. Но их судьба сложилась по-разному. Кодекс самурайской чести (бусидо) мешал воинам соперничать с потомственными торговцами. Одним самураям повезло на торговом поприще и они разбогатели, став «богачами нового типа». Другие не выдержали конкуренции и разорились (7, с. 353). Многие самураи смогли сохранить свою власть и занять соответствующее положение в обществе и государстве. Тем не менее, не всем из них удалось удержать власть, так как они не сумели разобраться в новых направлениях в политике Японии. Неустроенная часть самурайства попала в бедственное положение.

Недовольная буржуазными преобразованиями, она превратилась в противника нового строя. В этой связи Дай Цзитао обращает внимание на два важных, по его мнению, события в Японии того времени — самурайский мятеж во главе с Это Симпзэем и восстание в княжестве Сацума, организованное Сайго Такамоори (7, с. 354). Дай Цзитао расценивал эти выступления как столкновение интересов «везучих» и «невезучих» самураев. Мятежники, отличавшиеся отвагой и справедливостью, не принимали во внимание международную обстановку и не представляли, что самый подходящий путь для Японии — «движение за права народа» и введение конституции (7, с. 353).

Дай Цзитао высказал некоторые предположения относительно развития социальной структуры японского общества в ближайшем будущем. По его мнению, период «воинов» уже прошел, период смешанной структуры «воинов» и «торговцев» так-

же постепенно уходит в прошлое. Япония в конце 20-х годов, считал Дай Цзитао, уже перешла от власти военных к власти денег (7, с. 348).

Китайский идеолог рассматривал также вопрос происхождения политических партий в Японии и их роль в обществе, обращая внимание на распространяемые лозунги созыва парламента и принятия конституции. Многие самураи, приспособившись к новым условиям жизни, вписались в структуру милитаристско-бюрократической власти, благородные же самураи были оттеснены на второй план. Об этом свидетельствовала судьба Итагаки Тайсукэ, которого Дай Цзитао выделял из среды японских реформаторов. Итагаки Тайсукэ видел необходимость восприятия опыта мировой цивилизации, настаивал на борьбе «за свободу и права народа». Китайский идеолог относился к нему с большим уважением и, когда бывал в Японии, встречался с ним. В то же время Дай видел и недостатки «движения за права народа», таившиеся, по его мнению, в «незрелости» сознания самураев (7, с. 356).

Отдавая приоритет указанным объективным причинам, Дай Цзитао в то же время высоко оценивал личные качества и роль самураев-вассалов княжества Сацума (в частности, Сайго Такамори) в проведении реформ Мэйдзи (7, с. 351). Он называл их главной силой, приведшей к возрождению власти императора, объединению сил вассалов и ликвидации феодального строя. Причину успеха реформ нельзя однако искать в одном или двух талантливых людях. Настоящего лидера-вождя, по мнению Дай Цзитао, не было ни среди представителей военных и финансовых кругов, ни среди деятельных и талантливых участников борьбы за свержение сёгуната. Возрождение императорской власти и свержение феодализма было осуществлено только благодаря сплочению сил вассалов-самураев и правительства.

Китайский идеолог возвращался к опыту японских реформ во многих своих работах, постоянно упрекая своих соотечественников за отсутствие желания изучать процесс усиления Японии (см. 6а, с. 4, 5; 4, с. 12, 13).

Отмечая большое влияние западных идей на Японию, Дай Цзитао тем не менее подчеркивал, что главная сила, обеспечившая ее движение вперед, была скрыта в самой Японии. Успешному претворению в жизнь реформ Мэйдзи способствовали результаты, достигнутые японским обществом за предшествующие столетия. Давление Европы и Америки послужило лишь

толчком к революции. Основную роль сыграли способности японцев, обусловленные ходом их истории, а отнюдь не привнесенные извне. Вместе с тем Дай Цзитао подчеркивал необходимость заимствования и освоения достижений других народов в ходе объективного процесса смещения различных культур, и в этом плане считал пример Японии чрезвычайно показательным.

В области идеологии японцы подверглись большому влиянию Запада. Борьба во Франции за права народа и свободу стимулировала проведение реформ в Японии. Заимствование идеологии милитаризма и некоторых черт государственного строя Германии так же способствовало успеху реформ. Между тем центр тяжести реформ от начала до конца находился в самой Японии (7, с. 377). Париж и Берлин отнюдь не могли давать ей какие-либо указания, писал Дай, так как это расценивалось в Японии как угроза независимости страны.

Дай Цзитао обращал внимание на то, что при осуществлении реформ японское правительство опиралось на знания и опыт иностранных советников. Так, обучением войск занимались немцы, военная система была перестроена на немецкий лад, законодательная — на французский. Однако политическое руководство, система управления, назначение на должность находились в руках японцев (7, с. 378). Ссылаясь на Сунь Ятсена, Дай Цзитао призывал китайских руководителей по примеру Японии при модернизации страны использовать иностранных советников. В то же время он предупреждал о возможности возникновения опасной ситуации для страны, если китайское правительство позволит иностранцам манипулировать собой (7, с. 378).

Анализ реформ Мэйдзи Дай Цзитао связывал с положением в Японии к концу 20-х годов XX в. К этому времени Япония превратилась в сильное и передовое государство на Дальнем Востоке. Ее военная мощь представляла собой реальную угрозу для политически слабого и экономически отсталого Китая. Поэтому оценки реформ Мэйдзи и расставленные Дай Цзитао акценты носили прагматический и пропагандистский характер. Обращение Дай Цзитао к одному из наиболее интересных периодов японской истории было продиктовано его стремлением привлечь внимание соотечественников к факторам и средствам, позволившим Японии достичь могущества. Этим он хотел пробудить в них чувство патриотизма, вызвать желание по примеру Японии взяться за решение насущных проблем, стоящих перед страной и обществом.

В этой связи большой интерес представляет отношение Дая к военной силе. Ссылаясь на высказывания древних авторов, в частности Конфуция и Сунь-цзы, а также Сунь Ятсена, китайский идеолог пытался доказать необходимость ее использования. Рассмотрение различных идей, возникавших у японской нации на протяжении ее исторического развития (в том числе известный лозунг «богатая страна, сильная армия»), изучение идейной основы японских реформ, писал Дай Цзитао, подтверждали, что «военная сила» и «вооруженная борьба» являются важными средствами создания государства (7, с. 359).

В превращении Японии из феодального государства в современную милитаристскую империю, по мнению китайского идеолога, определенную роль сыграла японская теория строительства государства. В ней он особо отмечал убежденность японцев в том, что правитель в политике должен опираться на силу оружия, а «приношение жертв» на войне является отправным моментом политической власти (7, с. 360).

«Войну» и «вооруженные силы» Дай Цзитао считал самым радикальным проявлением силы общества. С точки зрения китайского идеолога, не пройдя через жестокие войны и большие жертвы, нельзя достигнуть равенства в международном сообществе и построить независимое государство (7, с. 359). Японская нация достигла успеха потому, что она прошла через несколько войн, закончившихся победой в результате согласованных действий народа и правительства. Как утверждал Дай, успех в свержении феодализма и сёгуната является результатом реформ Мэйдзи и «Сацумской войны» 1877 г., отмена неравноправных договоров — результатом японо-китайской войны 1894—1895 гг., достижение места сильной мировой державы — результатом русско-японской войны 1904—1905 гг. (7, с. 359).

Если же использование военной силы превращается в самоцель или главный фактор общественной жизни, то это ведет к возникновению милитаризма, что характерно для Японии. По его мнению, милитаризм — это государственный строй, делающий центром политической власти военную силу. Тогда политическая власть концентрируется в руках военных и все политические силы подчиняются ей.

Превращение Японии в милитаристское государство произошло после русско-японской войны (7, с. 361). Хотя в стране работал парламент и действовала конституция, тем не менее политическая власть полностью находилась в руках военных органи-

ций. Поэтому китайский идеолог рассматривал Японию как милитаристское государство.

К факторам, способствовавшим расцвету и усилению Японии, Дай Цзитао относил и национально-психологические особенности японского общества: «веру», «самоуверенность» японцев, их стремление к национальному единству и независимости. Японская нация, по его словам, способна страстно и искренне верить, сплываясь вокруг определенной идеи (7, с. 385). С его точки зрения, вера или идея выше рациональных знаний. Только идея, подчеркивал Дай, может собрать толпу, только ради идеалов можно жить и умирать. В подтверждение своего мнения Дай приводит высказывание Сунь Ятсена. Если холодные рациональные знания, царящие в обществе, говорил Сунь, не превратятся в горячие эмоции, то в нем не может возникнуть ни единства, ни силы (7, с. 385). Веру Дай Цзитао сравнивал с приказом, обязательным для воюющей армии и держащим ее в повиновении. Именно идеология играла очень большую роль как в жизни японцев, так и в прогрессе и сплочении японского общества. Вся история Японии, с точки зрения китайского идеолога, является примером положительного воздействия национального сознания на развитие общества.

Горячая искренняя вера японцев в существование идеалов, по словам Дай Цзитао, дает возможность понять, почему японская нация полна жизненной энергии и находится в состоянии непрерывного движения к прогрессу (7, с. 386). Ради идеалов японцы живут и умирают. В отличие от японцев, по мнению Дай Цзитао, китайцы вообще не склонны к проявлению горячих эмоций, они расчетливы в общении с божеством, холодны в любви и в семейных отношениях и настолько прагматичны, что неспособны совершать внешне неразумные героические поступки (7, с. 387). «Из колодца не нужно спасать человека», — говорят китайцы. Однако, подчеркивал он, если нет решимости для «ненужного самопожертвования», то не найдется сил и для самопожертвования в случае необходимости (7, с. 386). Сила отрицательных прагматических черт китайского характера и слабость веры, по мнению Дай Цзитао, является причиной того, что любое мировое достижение в сфере политики, проникнув в Китай, тут же видоизменялось в худшую сторону (7, с. 387).

Дай Цзитао, сравнивая японские идеалы с китайскими, находил, что у японцев они значительно чище и возвышеннее. Именно эти идеалы являлись источником духа самопожертвования.

ния японцев, что проявлялось, например, в практике самоубийств (7, с. 389).

Дай Цзитао рассматривал этот факт (особо выделяя «хараки-ри») как особенность японской нации, лучше всего демонстрировавшей ее силу (7, с. 388). По мнению китайского идеолога, даже в способах, мотивах и причинах самоубийства японцев проявляется более высокая сила духа, чем у представителей других наций. Если последние кончали жизнь самоубийством из-за страха перед жизнью, то японцы в момент смерти активно защищали смысл своего существования, демонстрируя боевой дух (7, с. 387).

К важным особенностям японской нации Дай Цзитао относил ее единство и дух независимости, которые он трактовал как «уверенность в себе». В судьбе каждой нации, отмечал он, важны ее единство и независимость, достигнуть их можно только благодаря уверенности в себе. Если какая-то организация или движение теряли уверенность в себе, то их ожидало поражение. Именно эти особенности, по мнению китайского идеолога, объясняли силу японской нации и слабость китайской (7, с. 376). Япония смогла стать сильной, смогла объединиться, заимствовать европейские достижения при создании единой национальной культуры, потому что японская нация уверена в себе (7, с. 373). Все беды Китая Дай Цзитао объяснял отсутствием такой уверенности у китайцев, что давало возможность любому империалистическому государству дестабилизировать политическую ситуацию в стране (7, с. 377). По словам Дай Цзитао, Китаю необходима революция в отношении к жизни, иначе борьба за спасение нации не приведет к победе. Лишь возродив силу уверенности, подняв дух революционной армии, всего народа, можно спасти Китай (подр. см. 7, с. 389).

Силу японской нации, с точки зрения китайского идеолога, составляло «чувство прекрасного». Его он также считал важным фактором жизни общества, придавая большое значение искусству. Нации, у которых развито и широко почитается искусство, Дай Цзитао относил к числу великих (7, с. 391). При этом он выделял две особенности японского искусства, отличавшие его от китайского: во-первых, дух борьбы, и, во-вторых, изящество и изысканность формы. Эти особенности, писал Дай Цзитао, сложились в процессе продолжительной эволюции и связаны, в частности, с географическим положением и природными условиями.

Отмечая высокую степень проникновения эстетики во все сферы японского общества, Дай Цзитао, подчеркивал, что эс-

стетический уровень Японии по сравнению с другими нациями был выше и имел комплексный характер, а сами эстетические чувства японцев красивее и богаче китайских (7, с. 392). Он считал японцев способными вдохнуть жизнь в мертвые предметы. По словам китайского идеолога, японское искусство отличается такими моральными качествами, как возвышенность, величие, изысканность, совершенство формы (7, с. 392). При этом наиболее ярко в Японии проявлялись изящество и тонкость, в меньшей степени — величие и возвышенность. На протяжении всей истории японская нация заимствовала культуру других государств, причем и плохое, и хорошее, пока не достигла современного состояния. В этой связи Дай Цзитао обращал внимание на способность японцев сохранить национальные особенности, национальную чистоту, в чем, по его словам, заключались сила и величие нации. Так, в структуре японского искусства, писал он, содержатся многочисленные составные элементы. Среди них большую роль играли элементы китайского и индийского искусства. Китайская культура проникала в Японию в течение двух тысячелетий, причем Япония в свое время полностью имитировала процветающую культуру династии Тан (7, с. 393).

Дай Цзитао подчеркивал яркое проявление японской национальной специфики (7, с. 392). Здесь он особо выделял период расцвета сёгуната, когда культура, находившаяся в руках малочисленной аристократии, стала распространяться в народе (7, с. 393).

Дай Цзитао, обращаясь к китайской молодежи, раскрывал и другие особенности японской нации, сыгравшие свою роль в ее процветании: непреклонность в выполнении любого дела, стойкость ко всем невзгодам и трудностям, готовность к самопожертвованию ради идей и чрезвычайно развитое чувство прекрасного. Все это составило силу японской нации. Дай Цзитао обращает внимание своих соотечественников и на такую особенность японцев, как воинственность. По его словам, дух воинственности проявляется в общественных нравах японцев, в структурах различных японских организаций (7, с. 394). Он оценивал ее как необходимое качество любой маленькой нации, стремящейся добиться прогресса в своем развитии. С точки зрения китайского идеолога, воинственность японцев являлась продуктом не только феодальной эпохи, насчитывающей несколько сотен лет, но необходимым свойством существования любой новой нации с момента образования ее государства. Дай Цзитао считал, что в

нравах японского общества проявлялись и мирные настроения. Их он рассматривал как результат распространения в Японии китайской культуры и прежде всего буддизма (7, с. 395). Военственность порождалась убеждениями, а мирные мотивы — искусством и ремеслами. В основном японское искусство отражало мирную направленность и мирную жизнь, военные же темы затронуты в нем меньше.

* * *

Феномен быстрого возрождения Японии — азиатской страны, связанной с Китаем культурной общностью, привлекал внимание и ведущего лидера Гоминьдана — главу правительства Чан Кайши.

Еще в годы учебы в военной академии Чан нашел в Японии порядок и дисциплину, эффективность и целенаправленность власти. Все это он мечтал иметь в Китае (519, с. 638). Во время своей поездки в Японию осенью 1927 г. Чан Кайши был поражен темпами ее прогресса, особенно в системе образования и социальной сфере. При этом Чан обратил внимание на органичное единство развития страны — здесь материальный прогресс не сопровождался упадком духовности (см. 469, с. 223; 528, с. 133, 134).

Чан Кайши называл Японию государством со счастливой судьбой (53а, с. 29). При сравнении истории развития Японии и Китая китайский лидер делал акцент на общности их судеб: во второй половине XIX века в обеих странах наблюдалась схожая внутренняя обстановка. К тому же на международной арене оба государства проводили изоляционистскую политику. И Япония, и Китай подверглись влиянию западной культуры и у них появилась потребность в проведении реформ. При этом однако Япония в результате реформ смогла добиться возрождения и превратилась в сильное государство, а Китай по-прежнему остался слабым, отсталым государством и ему угрожало превращение в колонию (53а, с. 30).

В своих работах и выступлениях Чан Кайши неоднократно излагал собственное понимание превращения Японии в сильную державу. Особо он подчеркивал необходимость выявить причины ее возвышения. Лидер Гоминьдана призывал взять из японского опыта то, что отвечало интересам Китая и помогло бы ему занять достойное место в международном сообществе (570, 1929, № 9, с. 386).

В сентябре 1935 г. в своем выступлении в Сычжоу по вопросу «сущности политического строительства» Чан Кайши обрисовал перспективы Китая на будущее. При этом в качестве примера быстрого развития государства Чан ссылаясь на страны с авторитарными режимами — Германию и Японию. Сравнивая их с демократическими государствами — США и Англией, он отдавал предпочтение первым (52, с. 55).

Тем не менее для всего поколения китайских руководителей 30-х годов Япония едва ли могла быть источником вдохновения или моделью для подражания. Уже после предъявления Японией «21 требования» в Китае начал формироваться отрицательный стереотип восприятия Японии. С каждым годом его негативные стороны приобретали все большее влияние тем более, что к моменту прихода к власти Чан Кайши имела место открытая конфронтация между Японией и Китаем — достаточно указать на так называемые цзинаньские события (28 мая 1927 г. и 3 мая 1928 г.). В поисках путей национального развития Китая поколение 30-х годов в большинстве повернулось в сторону западных государств⁵. При всем том китайский лидер высоко оценил реформы Мэйдзи, включая их наряду с китайской революцией в число великих событий в истории народов Восточной Азии⁶. Именно реформы Мэйдзи, с точки зрения Чан Кайши, обеспечили Японии возможность заложить основы для построения современного государства (83, т. 1, с. 277, 355).

Лидер Гоминьдана дал подробный анализ истории японских преобразований. Познав национальный позор после навязывания неравноправных договоров, Япония, в отличие от Китая, взяла курс на быструю модернизацию общества. Этот поворот означал не только стремление противостоять военной силе великих держав, но и конструктивную реакцию на столкновение с западной культурой. В самом начале периода Мэйдзи, отмечал Чан, действовали две группировки. Одна настаивала на сопротивлении внешним силам под лозунгом «изгнать варваров», а другая — на временном прекращении сопротивления, «открытии» страны и подготовке к проведению реформ. Аргументы последней, по словам Чан Кайши, основывались на примере Китая, потерпевшего серьезное поражение в период «опиумных» войн. Сторонники такого курса считали необходимым установить хорошие отношения с иностранцами, стерпеть унижение и добиваться усиления государства (53а, с. 31).

Китайский лидер по-своему определил причины успеха японских реформ. Так, несмотря на разное понимание реформ и способов их проведения, японские реформаторы имели одну цель — сделать страну сильной и процветающей, а нацию — единой. В итоге сложился комплексный план преобразований во всех областях — политической, экономической и военной. Политика модернизации проводилась поэтапно в соответствии с принципом — «восточный дух, западная технология».

Японцы, отмечал Чан Кайши, избавились от неравноправных договоров и улучшили отношения с иностранцами. В качестве «учителя» японские реформаторы выбрали Европу, куда и направляли студентов на учебу. Следя за научными открытиями, японцы заимствовали все новое, что могло быть использовано в интересах их страны, например, английское кораблестроение. При этом Чан критиковал своих соотечественников, ибо они, как он считал, в противоположность японцам не умели учиться у Запада (подр. см.: 53а, с. 33-37). Кроме того, китайский лидер особенно подчеркивал важный, по его мнению, момент — Япония в ходе реформы сумела сохранить национальную специфику.

Чан Кайши выделял целый ряд факторов, обеспечивших успех реформ и быстрое усиление Японии. Прежде всего он обращал внимание на объединение страны под властью центрального правительства. Для Чан Кайши это был животрепещущий вопрос, ибо в тот период генералиссимус боролся с китайскими милитаристами — носителями сепаратизма. Выступая перед солдатами на конференции по вопросам реорганизации китайской армии в январе 1929 г., он призывал китайских генералов брать пример с «местных японских вождей», т. е. князей (даймё), после свержения сёгуната передавших микадо свои властные полномочия и подчинившихся ему. Даймё отдали императору свои земли и войска, обеспечив таким образом объединение Японии, создание единой армии и прочный фундамент для проведения реформ. Князья имели тягу к новым знаниям и были способны приспособиться к требованиям эпохи. Тем самым даймё связали свою судьбу с судьбой нации и не искали славы на поприще сепаратистских выступлений. В этом китайский лидер видел один из секретов успеха Японии (570, 1929, № 6, с. 255).

Другой такой «секрет» превращения Японии в сильное и процветающее государство Чан видел в духе самурайства (цзин шэнь) — «духе бусидо», который он считал одной из основ японского государства⁷. В июне 1932 г. лидер Гоминьдана выступил с докла-

дом под названием «Чтобы сопротивляться японскому империализму, необходимо противостоять духу самурайства». В нем говорилось: «Мы должны сопротивляться врагу не только современным оружием. Сначала необходимо всесторонне понять дух, лежащий в основе государства и который исповедует враг, т. е. проникнуть в тайники его души. Чтобы напасть на врага, сначала следует атаковать его дух. Одни лишь подходы к городским стенам и рвам противника и захваты пленных — сами по себе не играют такой роли» (61, т. 4, с. 652).

Тем самым Чан Кайши подчеркивал, что окончательная победа может быть достигнута только после того, как будет «подчинен дух противника», а для этого нужен анализ японского самурайства. Помимо легкого отношения к жизни и смерти главное кредо самурая, по мнению Чана, заключалось в самоуважении и скромности. Сущность самурайства, отмечал китайский лидер, определяла японская религия синто в сочетании с китайским конфуцианством и индийским буддизмом. Чан Кайши критиковал ученые круги Китая за недостаточно серьезное отношение к исследованию самурайства. Знание и понимание последнего, по его словам, могло бы сыграть определенную роль при выборе путей усиления Китая. Япония, указывал он, всегда очень серьезно изучала «шесть искусств» Китая. Поэтому не прошло и 20 лет, как она из «крошечного островного государства» превратилась в сильную и процветающую державу. Чан считал, что изучение китайцами самурайства могло бы пояснить, почему Китай стал объектом внешней агрессии (52, с. 450).

Чан Кайши придавал большое значение внедрению духа самурайства в китайской армии. Японские инструкторы, приглашенные им на службу, помимо обучения военному делу, читали лекции о «духе бусидо».

Чан неоднократно обращал внимание своих соотечественников на японский патриотизм и успехи, достигнутые Японией в области воспитания масс. С его точки зрения, это способствовало процветанию государства и усилению армии. В одной из лекций, прочитанных в июле 1934 г. в лагере для тренировки китайских офицеров на тему «Сопротивление агрессии и возрождение нации», Чан дал анализ «духа японского воспитания». При этом он подчеркивал большое внимание, уделяемое в Японии военному воспитанию и индоктринации народных масс, а чувство патриотизма воспитывалось у японцев уже в начальной и средней школе (83, т. 1, с. 105)⁸. По словам китайского лидера, «дух

воспитания» в Японии, начиная с реформ Мэйдзи, выражался четырьмя словами, формировавшими дух всей нации, — «лояльность императору и любовь к родине» (83, т. 1, с. 1, 2). Поскольку эта система воспитания, как отмечал Чан, стала универсальной, вся нация, особенно армия, была объединена ее духом. В центре этого единства, считал он, находились «идея лояльности императору и идея патриотизма» или точнее — «преданность императорскому дому и жертвенное служение государству»⁹. Однако, подчеркивал Чан, японцы понимали эти идеи не только как защиту своей собственной родины, но и как экспансию в другие страны. Умы всех японцев и особенно армейских офицеров полны жестких идей агрессии. Им была внушена мысль о том, что Япония слишком маленькая страна и не сможет существовать, если не захватит территории соседних государств. Во время посещения Японии в 1927 г., вспоминал Чан, он часто обсуждал международные и политические вопросы с японскими армейскими офицерами. Те совершенно искренне рассматривали международные договоры как простые листки бумаги, которые можно легко разорвать. Это, подчеркивал китайский лидер, показывает, что японцы не уважают и не имеют намерения выполнять свои обещания. Договоры любого характера, по его словам, не имеют никакого значения в их глазах. Эта постоянная готовность японцев к войне с теми, кого они рассматривают как своих врагов, являлась, по мнению Чана, важным фактором поражения их противника.

Помимо всего прочего работа японских офицеров в мирное время концентрировалась на подготовке общественного мнения к войне, а в случае ее начала они были способны создать единый фронт против врага и бороться, демонстрируя смелость и самопожертвование (548, с. 177, 178)¹⁰. Этот вопрос обсуждался в выступлении Чан Кайши «Сущность всеобщей мобилизации по всей стране» 10 сентября 1935 г. Хотя новые системы образования в Китае и Японии, говорил Чан, на первый взгляд, кажутся одинаковыми, на самом деле это не так. Японцы, по его словам, добились особого успеха в системе воспитания, что способствовало росту могущества государства и армии (52, с. 272, 273).

Чан Кайши в значительной степени объяснял достижения Японии и ее агрессивную политику в отношении Китая ее «национальным духом» («Гохунь»), или «духом Ямато», что являлось, как он считал, синонимом «духа милитаризма» (52, с. 189).

По его мнению, дух милитаризма как раз и заключается в «верности императору и любви к родине». Каждое государство, внушал Чан, должно обязательно иметь основную идею. На ней строится его бытие, без чего государство не может существовать. С точки зрения китайского лидера, японская нация сделала милитаризм духом своего государства, а «стремление к хорошему знаниям» (из учения китайского философа Ван Янмина) — своей философией. По мнению Чан Кайши, вышеуказанные факторы способствовали развитию у японцев таких качеств, как самоуважение, презрение к смерти, искреннее почитание родителей, любовь к родине, защита нации, гегемонизм в Восточной Азии. Чан Кайши считал, что во времена господства маньчжуров в Китае японцы «похитили» учение о «единстве знаний и действий» и превратили его в свою национальную философию, что и обеспечило им такие качества. В этой связи китайский лидер призывал китайцев ради спасения родины возродить национальный дух и моральные качества, существовавшие в Китае с древних времен¹¹.

Причину динамизма в развитии Японии китайский лидер видел и в том, что японцы делали упор на трех «ли» — «урегулировать», «управлять» и «приводить в порядок». Все японцы, говорил он в своем выступлении на совещании административных работников высокого ранга 20 марта 1934 г., независимо от того, бедный или богатый, мужчина или женщина, старый или молодой, привыкли к бережному отношению к старым вещам. Не выбрасывая их в связи с негодностью, они ищут возможность и способ использовать их и дальше. Эту привычку японцам прививали с малых лет и в доме, и в начальной школе. Чан называл эту привычку «утилизацией», глубоко проникшей в сознание каждого японца, что, по его словам, также способствовало усилению страны (см. 53б, т. 2, с. 15).

Взгляды Дай Цзитао и Чан Кайши на Японию в значительной степени разделяли и многие другие лидеры Гоминьдана, в частности видный работник аппарата партии Чжан Цюнь¹².

С точки зрения Чжан Цюня, японская нация издавна верила в свое божественное происхождение и получение императором власти от бога, почитала силу оружия и пропагандировала дух самурайства. Этот дух, отмечал Чжан, впоследствии превратился в кредо «почитать императора, любить родину» (58, с. 253). Вплоть до реформ Мэйдзи, несмотря на постепенную модернизацию идей теократии эти взгляды, по словам Чжан Цюня, по-

прежнему интерпретировались как «поддержка правителя, восстановление древности».

Считая, что в период феодальной раздробленности в Японии был оправдан так называемый дух самурайства, Чжан Цюнь обращал внимание на такие качества самураев, как пренебрежение опасностью, готовность рисковать жизнью. По его словам, они совершили много героических поступков, демонстрируя свою ненависть к врагу. Со ссылкой на многих ученых Чжан Цюнь отмечал возвышенный дух японской нации и ее эстетические особенности (58, с. 260).

Культура Японии, подчеркивал Чжан Цюнь, подверглась влиянию других восточных государств, прежде всего Китая, ибо в эпохи Хань и Тан он уже превратился в великое государство с высокоразвитой цивилизацией.

Средневековые японские ученые смотрели с уважением на Китай и направляли туда, особенно при династии Тан, много студентов для изучения китайской культуры. До реформ Мэйдзи большим уважением в Японии пользовался Конфуций и ученые эпохи Хань (58, с. 260, 261).

«Революция Мэйдзи», с точки зрения Чжан Цюня, — это осознанное движение против сёгуната, за объединение под властью императора и одновременно движение с требованием свободы и равенства. В результате японский народ смог освободиться от идей, господствующих в эпоху феодализма.

«Движение за свободу и права народа», по мнению Чжан Цюня, определило основу политики японских политических партий, ускорило развитие науки и техники и способствовало постепенному превращению Японии в современное государство (58, с. 261). Большую роль в этом процессе, по его словам, играли традиционные особенности японской нации и соединение восточной и западной культур (58, с. 262). В то же время он отмечал негативные качества японцев. Несмотря на то, что японцы руководствовались благородными идеями, они воспитали в себе психологию «гордиться силой». Он объяснял это влиянием немецкой философии Ницше, взглядов Бисмарка, пропагандировавшего использование войны в качестве средства решения спорных вопросов. Последнее в сочетании с самурайством и породило, по его словам, японский милитаризм с его историческими ошибками (58, с. 262).

В своих работах Чжан Цюнь использовал в отношении японцев определение «сильный враг», отмечал вмешательство япон-

ских правящих кругов во внутренние дела Китая и создание препятствий для проведения Северного похода. Чжан считал, что история отношений Китая с Японией «за последние 100 лет сплетена из крови и слез» (58, с. 255). Тем не менее он склонялся к установлению сотрудничества с японцами, хотя и оговаривал это соблюдением суверенных прав Китая.

Чжан Цюнь входил в окружение Чан Кайши, однако общественное мнение в Китае относилось к деятелям прояпонской ориентации. В ноябре 1935 г. Чан Кайши назначил Чжан Цюня на пост министра иностранных дел. Очевидно в этот трудный для Китая период генералиссимус намеревался использовать многочисленные контакты Чжан Цюня с представителями политических, экономических и интеллектуальных кругов Японии. Чжан Цюнь так определил свою позицию в отношении Японии: использовать контакты с японцами, начать дипломатические переговоры, добиться временного компромисса и ослабить напряжение (218, с. 540; 435, с. 165—167). Однако его восемь встреч в 1936 г. с японским послом в Китае Кавагоэ не привели к положительным результатам, ибо предлагаемые японцами условия были неприемлемы для правительства Чан Кайши. Судя по всему, Чжан Цюнь не оправдал надежд Чана на снятие напряженности в отношениях с Японией, и через год он отправил его в отставку.

Агрессия Японии и реакция Китая

Отношения между Китаем и Японией продолжали ухудшаться даже после официального признания нанкинского правительства. Главным камнем преткновения стала Маньчжурия — вотчина «старого маршала» Чжан Цзоля. Благодаря помощи Японии и эксплуатации природных ресурсов Маньчжурии Чжан Цзолинь в конце 20-х годов почувствовал себя достаточно сильным и стал оказывать противодействие японской политике. После окончания работы Восточной конференции в Токио в июне 1927 г.¹³ он всячески затягивал переговоры с японцами по решению насущных маньчжуро-монгольских вопросов, таких как сооружение новых железных дорог, продажа русской доли КВЖД и создание новых консульств и др. В то же время «старый маршал» тайно поддерживал антияпонское движение и поощрял развитие местной национальной промышленности, ставя под со-

Чжан Цзолин

мнение «особые позиции» Японии в Маньчжурии (см. 131). В связи с этим еженедельник «The Japan Chronicle» писал: «Японская дипломатия желает видеть этих правителей (т. е. милитаристов — *авт.*) сильными, но не желает видеть Чжан Цзолина настолько сильным, чтобы он был в состоянии сопротивляться Японии» (351, с. 130).

Во время второго этапа Северного похода (февраль 1928 г.) Чжан Цзолин возглавлял Пекинское правительство. Поскольку НРА успешно развивала наступление по направлению к Пекину, японцы выражали опасение, что военные действия перекинутся на территорию Маньчжурии. Они потребовали от Чжана немедленно отвести

войска из района Пекина на северо-восток. В ответ на это Чжан Цзолин предпринял шаги, явно выходявшие за рамки дозволенного ему японцами. Он призвал Чан Кайши объединиться против японской угрозы. И хотя последний отказался от этого предложения, Чжан осудил Японию за вмешательство во внутренние дела Китая, заявив: «Я никогда не смогу променять родину, иначе последующие поколения обвинят меня в предательстве» (цит. по: 571, в. 47, 1983, № 9, с. 8).

3 июня 1928 г. он покинул Пекин, а 4 июня недалеко от Шэньяня произошел взрыв железнодорожного полотна, подготовленный диверсионной группой японской армии. Чжан был тяжело ранен. Перед смертью он выразил надежду на объединение Китая, так как намеревался принять «три народных принципа» и подчиниться правительству Чан Кайши (570, 1929, т. 47, № 6, с. 252).

Его сын — «молодой маршал» Чжан Сюэлян в декабре 1928 г. поднял в Мукдене гоминьдановский флаг¹⁴. Несмотря на протесты Токио он продолжил начатую его отцом политику, направленную на ликвидацию экономических и политических интересов Японии в Маньчжурии. Теперь сын своей конечной целью

поставил создание богатого и сильного Северо-Восточного Китая (451, с. 163). «Молодой маршал» отказался выполнять какие-либо условия заключенных ранее с японцами договоров. «Я ничего не знаю об обязательствах моего отца, — говорил Чжан Сюэлян. — Я только знаю, что отвечаю за сохранение нашей территориальной целостности и не имею права выполнять ваши (т. е. японцев. — *авт.*) приказы»¹⁵. При этом он любил повторять: «Я — китаец, я люблю Китай, особенно Северо-Восток, также как японцы любят Японию. Здесь находятся могилы моих предков. Если потеряю Северо-Восток, то никогда не буду спокоен. Я уверен, что китайцы не должны бороться с китайцами, и эта уверенность непоколебима» (528, с. 142). Японцы испытывали трудности в общении с Чжан Сюэляном, так как все спорные вопросы он передавал в Нанкин (подр. см.: 256, 259, 263).

Антияпонская позиция Чжан Сюэляна понятна: японцы убили его отца, и едва ли он мог испытывать к ним какие-либо другие чувства, кроме ненависти (92, с. 69—74). Его взгляды разделяли и члены провинциального правительства. Власти Северо-Востока поддерживали деятельность антияпонских организаций и широко пропагандировали антияпонскую систему воспитания (249, с. 17). Как отмечает Г. Каретина, в организации антияпонской кампании Чжан Сюэлян превзошел своего отца (351, с. 143).

Государственный секретарь США Г. Стимсон писал об обстановке в Маньчжурии: «Агитация в Южной Маньчжурии против японцев продолжалась со все усиливавшейся интенсивностью. Систематически оказывалось давление на проживавших там японцев, чтобы сделать их жизнь неудобной. «Народная ассоциация по вопросам внешней политики» устраивала конференции, на которых обсуждался вопрос о ликвидации особых прав Японии в Маньчжурии, причем речь шла об их переходе в руки Китая, в результате чего постепенно развивалась все растущая и опасная напряженность в отношениях между Китаем и Японией» (71, с. 16).

Как следовало из отчета Гу Вэйцзюня, дипломатического представителя Китая в созданной Лигой Наций Комиссии Литтона, все китайцы в Маньчжурии (99,9%), за исключением небольшого числа имевших особые деловые интересы с Японией, были настроены антияпонски (3, с. 437).

Нанкин был заинтересован в ликвидации японских привилегий в Северо-Восточном Китае и поддерживал действия Чжан Сюэляна, который игнорировал и нарушал договорные права Японии, нанося, таким образом, удар по ее позициям в этом

регионе. Поскольку правительство Чан Кайши рассматривало Маньчжурию как одну из провинций Китая, найти компромисс путем дипломатических переговоров для Токио было достаточно сложно. Весной 1931 г. на заседании нанкинского правительства было принято важное решение, согласно которому все арендованные территории, концессии и специальные права в Маньчжурии должны быть возвращены Китаю. В том числе речь шла о Дальнем, Порт-Артуре, Квантунской области и ЮМЖД. Обстановка в Китае была благоприятной для принятия такого решения (94, с. 58, 59).

Позиция Чжан Сюэяна вызывала раздражение японской стороны. В Токио его действия рассматривались как открытый вызов¹⁶. В Японии нарастали антикитайские настроения. В июне 1931 г. был разработан документ «Программа решения маньчжурского вопроса», предусматривавшая захват Маньчжурии для создания базы в целях реализации более глобальных японских планов (527, с. 53).

Была развернута широкая пропагандистская кампания. В ходе ее восхвалялась политика эпохи Мэйдзи, победы Японии в войнах с Китаем и Россией, в результате чего японцы получили «особые» права на материке. Заявлялось, что 200 тыс. проживающих в Маньчжурии японцев испытывают унижение со стороны Китая. Уход японцев из Маньчжурии и Монголии расценивался как угроза интересам японской империи (223, с. 72; 260, с. 18).

Дабы создать предлог для вооруженного вмешательства, японцы старались провоцировать беспорядки на Северо-Востоке. Для этого в июне 1931 г. было использовано «дело Ванбаошань» — конфликт между китайскими фермерами и корейскими арендаторами (236, с. 32—35). В июле возник инцидент, связанный с исчезновением на территории Китая капитана Накамура, члена генеральной ставки японской армии (110, с. 59—61). И наконец, 18 сентября 1931 г., используя в качестве предлога взрыв железнодорожного полотна недалеко от Мукдена, японские войска вторглись в Маньчжурию и, сломив сопротивление армии Чжан Сюэяна, в течение нескольких дней оккупировали северо-восточные провинции Китая. Это знаменовало начало претворения в жизнь так называемой континентальной политики, разработанной Токио еще в 1927 г. на Восточной конференции¹⁷. Токио продемонстрировал свое намерение взять силой то, чего не смог добиться с помощью дипломатических переговоров или способов мирного проникновения (449, с. 1).

«События 18 сентября» явились своего рода поворотным моментом в истории китайско-японских отношений, которые положили конец продолжительному периоду дипломатической борьбы Китая и Японии за контроль над Маньчжурией. 18 сентября 1931 г. Чан Кайши оценил японскую агрессию на Северо-Востоке как беспрецедентный акт в международных делах и как начало второй мировой войны (481, с. 153)¹⁸.

Поражение в Маньчжурии нанесло серьезный удар по национальной гордости китайцев (505, с. 483). Плохо оснащенные, по сравнению с японскими, китайские солдаты и офицеры были полны решимости оказать сопротивление врагу — этим «карликам» и «маленьким чертям». Северо-восточная армия Чжан Сюэляна первая испытала горечь унижения и рвалась в бой, требуя «вернуться домой», «вернуть потерянные земли». Среди ее солдат и офицеров возникло самостоятельное движение за организацию сопротивления. 27 сентября 1931 г. в Пекине был создан «Северо-восточный народный антияпонский комитет за спасение родины» с отделением в Шэньяне (236, с. 56).

После потери Маньчжурии сильные антияпонские настроения в Северо-восточной армии вызывались не только тоской по родным местам, но и активной патриотической деятельностью учащихся и студентов. В дальнейшем такого рода работа была развернута в подпольной антияпонской организации Северо-Восточной армии — «Товариществе по сопротивлению Японии», созданной в конце 1936 г. Ее члены выпускали журнал «Вэньхуа чжоукань». Опубликовали они и брошюру «Теория и практика сопротивления Японии», распространявшуюся среди офицеров Северо-восточной армии (389, с. 57, 58).

Чжан Сюэлян различными способами поддерживал действия антияпонских отрядов на Северо-Востоке, развернувших настоящую войну против японцев. Губернатор провинции Хэйлунцзян Ма Чжаньшань в 1931-1932 гг. организовал оборону против японцев вдоль реки Нонни в районе г. Цицикар, где китайские отряды стойко сдерживали натиск врага (477, с. 648).

Как писал китайский комментатор, героическое сопротивление генерала Ма спасло страну от позора, стимулировало действия китайских добровольцев (477, с. 647). Сопротивление японцам оказывала и 48-я антияпонская армия Чжэн Гуйлина. После взятия японцами Цзиньчжоу ее командующий заявил на одном из совещаний в начале 1932 г.: «Японские черти развязали «события 18 сентября», заняли три восточные провинции, пытаются

ся превратить их в колонию, а нас в рабов». У китайцев, подчеркивал он, большая сила, хотя «черти» сравнительно хорошо вооружены, но они уступают китайцам по численности. Необходимо, чтобы все поднялись на отпор врагам. Одни дают оружие, другие — живую силу и этого, по его словам, достаточно, чтобы разгромить Японию (подр. см. 188).

Само же правительство Чан Кайши заняло позицию пассивного сопротивления, а борьба с японской агрессией была перенесена в область дипломатии. Лидер Гоминьдана стремился подготовить почву для решения судьбы Северо-Востока и выиграть время для организации обороны Китая и подготовиться к войне. Позиция Чан Кайши не была единодушно поддержана всеми членами правительства, среди которых раздавались требования объявить войну Японии. По мере развития японской агрессии наметившийся раскол в партии продолжал углубляться, происходила группировка сил вокруг двух лидеров — Чан Кайши и Ван Цзинвэя (см. 361, с. 56-57).

Мукденские события оказали большое влияние на политическую обстановку в стране. Как отмечают историки КНР Ван Вэйли и Гао Эринь, «китайский народ проснулся перед лицом национальной опасности» (93, с. 48). В стране развернулось широкое патриотическое движение. Проходили антияпонские митинги, демонстрации и забастовки. Газеты призывали к сопротивлению: «Если Китай как нация должен погибнуть, то пусть он погибнет сражаясь, а не постоянно отступая». Особенно бурно реагировали на маньчжурские события студенты, требовавшие от правительства объявления войны Японии (485, с. 47).

В сентябре 1931 — январе 1932 г. центром патриотического антияпонского движения стал крупный промышленный центр Шанхай. Главными его участниками были студенты и рабочие. В городе с июня 1931 г. не прекращался бойкот японских товаров, усилившийся после мукденских событий. На улицах появились лозунги: «Долой японский империализм», «Смерть японцам!». 9 января 1932 г. шанхайская газета «Миньго жибао» опубликовала статью с резкими выпадами против японского империализма (283, с. 240—244). Токио настаивал на принятии Нанкином мер для прекращения антияпонского движения и обеспечения защиты жизни и имущества проживающих в Шанхае японцев. Объявив эти требования незаконными, правительство Чан Кайши само стимулировало антияпонские настроения, которые после 1915 г. продолжали усиливаться с каждым агрессивным

актом Японии. А после Цзинаньского инцидента 1928 г. Гоминьдан начал активно претворять в жизнь программу антияпонского воспитания во всех учебных заведениях.

Чтобы сохранить в своих руках контроль над массами, Гоминьдан в первые же дни японской агрессии организовал в Шанхае «Общество борьбы с Японией и спасения Китая». В него вошли представители разных слоев населения, большинство же его членов составили рабочие.

В январе 1932 г. японская агрессия распространилась и на район Шанхая, где встретила сильное сопротивление гоминьдановских войск. Китайские части проявляли большую стойкость. Несмотря на огромные потери, они отбивали многочисленные атаки намного лучше вооруженного и обученного врага. Государственный секретарь США Г. Стимсон писал, что «Япония в Шанхае получила самый сильный щелчок, который она когда-либо получала в современной истории» (71, с. 76). Американские военные наблюдатели отмечали, что во время шанхайских боев китайцы впервые оказали «эффективное сопротивление» современной военной машине Японии. Это заставляло японцев до заключения перемирия в мае 1932 г. держать здесь 70 тыс. солдат и офицеров (560, с. 507).

Говоря о героическом сопротивлении китайских войск в районе Шанхая, следует особо отметить стойкость 19-й армии под командованием генерала Цай Тинкая, принимавшей участие в трехмесячной обороне Шанхая (171, с. 892; о боях подр. см. 146). «19-я армия спасла Китай от стыда и бесчестья», — отмечала китайская писательница Хэн Суйин. По словам одного иностранного наблюдателя, что-то новое родилось в жизни китайской нации, — когда эта армия плохо оснащенных бойцов с их тряпичной обувью и мягкими фуражками мужественно сопротивлялась одной из самых лучших армий в мире (436, с. 29).

Оказать жесткое сопротивление японцам призывали генералы Сун Чжэюань и Фэн Юйсян. После занятия Японией Северо-Востока Фэн Юйсян часто выступал с патриотическими заявлениями. В частности, он говорил: «Если опять не будем всеми силами сопротивляться, то все провинции Северного Китая окажутся в руках японцев. Кто не одобряет сопротивления, тот предатель» (115, с. 55). В докладе на 4 съезде Гоминьдана в ноябре 1931 г. в Нанкине Фэн Юйсян заявлял, что нация не должна бояться встретить иностранную агрессию жестким сопротивлением и должна принять твердое решение бороться за свое существова-

ние. «Карликовые разбойники», говорил он, замышляют захватить всю страну и поработить китайскую нацию. По его словам, сопротивление Японии — это жизнь, а отказ от сопротивления — смерть (115, с. 55; см. также 238; 239; 261).

20 сентября Сун Чжэюань командующий 29 армией вместе с другими военачальниками опубликовали одобренное всеми слоями общества обращение «Смыть кровью национальный позор, сражаться до смерти, чтобы не стать презренными рабами». Сун Чжэюань стал членом организованного тогда Северо-Восточного политического комитета в Бэйпине (266, с. 83).

Несмотря на подъем антияпонских настроений термин «общественное мнение» едва ли можно отнести ко всему или к большей части населения Китая в его европейском понимании. Большинство китайцев в 30-х годах вероятно не знало о соглашении в Тангу или соглашении Хэ-Умедзу. Тем не менее постоянно росло распространение газет и журналов, и к нанкинскому периоду 5-7% китайцев регулярно читали периодическую прессу (454, с. 293). Среди этой читающей публики, в основном сконцентрированной в приморских городах, были сильно развиты антияпонские настроения. Их выразителем был, в частности, известный журналист Чжун Даофэн. Издаваемый им журнал «Еженедельное обозрение» (*Life weekly*) активно призывал к сопротивлению японской агрессии, а рост его тиража (в 1932 г. до 150 тыс. экз.) свидетельствовал о стойких антияпонских настроениях в интеллектуальных кругах китайского общества (454, с. 295).

Антияпонская позиция этого журнала находила отклик среди многих политических и военных деятелей Гоминьдана. Так, Ду Юэшэн — близкий друг Чан Кайши, возмущенный японской агрессией, во время шанхайских событий 1932 г. направил своих сторонников сражаться с японцами, вооружив их автоматами (454, с. 296). После запрещения журнала «*Life weekly*» его издатель был вынужден уехать из Китая. Тогда его друг Ду Чжунъюань начал издавать в 1934 г. журнал «Новая жизнь». По своему политическому направлению идентичный запрещенному он стал наиболее читаемым в Китае. В центре внимания интеллектуальных кругов Китая оказались китайско-японские переговоры 1934-1935 гг. об автономии Северного Китая. Остро обсуждалась возможность уступок со стороны Нанкина. Публикуемые в «Новой жизни» материалы носили ярко выраженную антияпонскую окраску, а в стихах японцев прямо называли «чертями», «насекомыми» и «ничтожествами». Такие стихи пользовались большой

популярностью у китайских солдат в Маньчжурии. Японское правительство характеризовалось журналом только как «милитаристское», «фашистское» и «империалистическое». Недовольство японцев вызывали даже более беспристрастные политические обзоры. Так, Ду напоминал читателям, что и сам японский народ перенес много страданий со стороны правящих кругов Токио. Журнал выступал с нападками на японскую концепцию паназиатизма, интерпретируя ее просто как прикрытие японской агрессии. 4 мая 1935 г. в «Новой жизни» под псевдонимом «И Шу» была опубликована статья «Бесполезный разговор об императорах», где сравнивалась роль монархов в Англии, Италии, Японии и Сиаме. Автор статьи делал вывод о «превращении современных монархов в марионеток» (568, 16.06.1985).

О японском микадо говорилось: «Насколько нам известно, император Японии — биолог. Он действительно не имеет реальной силы, даже если все делается от его имени. Настоящими правителями Японии являются министерство обороны и класс капиталистов. И, однако, современная Япония не отказывается от своей «древней вещи» — императора. Конечно, император полезен в Японии в настоящее время для того, чтобы «смягчать конфликты между различными классами и санкционировать преступления некоторых людей». Пу И — марионеточного императора Маньчжоуго автор статьи называл «жалким» (454, с. 299).

Японцы восприняли статью как оскорбление императора, всей нации и «национального государственного устройства» Японии. Японские газеты в Шанхае осудили журнал. Как средство дополнительного давления на китайцев японский военный флагманский корабль бросил якорь у Нанкина и находился там на протяжении всего конфликта. Генеральный консул Японии в Шанхае встретился 24 июня с мэром У Течэном, потребовав прекратить публикацию подобных материалов и наказать редактора.

Под давлением японцев в июне 1935 г. журнал был закрыт, а Ду Чжунъюань приговорен к четырнадцати месяцам тюрьмы за оскорбление главы «дружеского государства». Этот инцидент раскрыл суть японских требований — китайцы должны демонстрировать такое же уважение к японскому императору, как это требовалось на территории самой Японии и ее фактических колоний — в Корее и на Тайване (454, с. 299, 300).

Тем не менее публикации антияпонского содержания продолжали появляться. 1 июня 1936 г. нанкинская газета «Синьцзин жибао», призывая к сопротивлению агрессорам, писала,

что стремление Японии распространить «военный и экономический гнет на весь Китай не позволяет нам больше просить тигра отдать нашу шкуру».

После мукденских событий тема антияпонских настроений стала предметом китайско-японских переговоров. Токио настаивал на ликвидации всех признаков враждебности по отношению к японцам в Китае и во всем обвинял Нанкин¹⁹. В ответ глава правительства Ван Цзинвэй давал формальные обещания предпринять усилия для ликвидации антияпонской деятельности. Однако Токио не мог заставить Нанкин вступить в какое-либо «временное» соглашение с Японией, а Китай не мог отказаться от своей националистической программы или согласиться на японскую доктрину гегемонии в Азии.

Патриотическую позицию после вторжения в 1931 г. японских войск на территорию Китая заняли и китайские литераторы. В их числе был известный китайский писатель и революционер Лу Синь²⁰.

Несмотря на восхищение прогрессом Японии и тесные связи с японскими литературными кругами, Лу Синь выступил с резкой критикой агрессивной политики японского империализма. Этой теме были посвящены его многочисленные публицистические статьи и сборники стихов, содержащие призыв к вооруженному сопротивлению «японским бандитам». Самый острый вопрос для китайцев, по словам Лу Синя, теперь один для всех — это вопрос существования нации. И единственный выход для Китая — «общенациональная революционная война против Японии» (156, с. 30—33).

Еще до Мукденских событий Лу Синь дал характеристику китайско-японским отношениям. По мнению писателя, они могли быть улучшены только в случае уравнивания военных сил Китая и Японии (156, с. 488, 489).

Лу Синь питал глубокие чувства к японскому народу, отделяя его от японских империалистов. Считая, что китайцы и японцы близки как братья, писатель выражал уверенность в достижении взаимопонимания (156, с. 33—35).

На протяжении всей жизни Лу Синь следил за изменениями в развитии Японии. На него оказали большое влияние успех Японии после реформ Мэйдзи. По мнению Лу Синя, Япония могла стать моделью для Китая (156, с. 85).

В воспоминаниях писателя о проведенных в Японии годах нашли отражение и неприятные моменты жизни китайцев в этой

стране, в частности столкновения с японскими студентами. Последние рассматривали Китай только как государство, потерпевшее поражение в борьбе с Японией (390, с. 52)²¹.

Несмотря на напряженные отношения Китая с Японией Лу Синь и в эти годы продолжал поддерживать многочисленные контакты с японскими литературными кругами, где он пользовался большой известностью²².

После начала японской агрессии в пропагандистской работе по разоблачению агрессивных действий японцев в Шанхае в январе 1932 г. вместе с Лу Синем участвовал известный писатель Юй Дафу. Еще во время учебы в Японии он выступал с осуждением японского империализма с позиции гражданина «слабого государства». Юй Дафу написал ряд пропагандистских брошюр, разоблачавших преступления японцев. В Фучжоу им было организовано «Общество спасения родины», членами которого были представители культурных слоев. Сам Юй Дафу исполнял обязанности председателя правления (568, 30.08.1985).

Другой китайский поэт—патриот Го Можо включился в антияпонскую деятельность в период учебы в Японии²³.

Восприятие поэтом Японии отличалось противоречивостью. Отдавая дань техническому прогрессу Японии и быстрому развитию капитализма, он усматривал в этом вступление одной из стран Востока на самостоятельный путь буржуазных преобразований. Многое в Японии совсем неплохо, говорил Го в стихотворении «Прощаюсь с Японией» (1923 г.), но неимущие здесь обречены на вечное заключение в «цивилизованной тюрьме». Поэт выражает сочувствие японским труженикам: «Мне жаль вас, признаться, братья Ямато!» (375, с. 52).

Начало антияпонской войны Го Можо воспринял как великое знаменательное событие, пробуждение китайского народа ото сна, после чего он не станет больше безропотно терпеть ущемление своих суверенных прав иностранцами. Отражением этих чувств и надежд поэта и явилось большинство произведений, вошедших в сборники «Голос войны» и «Цикады» (375, с. 67, 68). Многие произведения здесь были посвящены варварским методам ведения войны. Так, Го повествовал о бомбардировках японскими самолетами городов и сел Китая. Японские летчики, писал он, не искали военных объектов, а сбрасывали свой смертоносный груз прямо на головы мирным людям (стихотворения «Железная девственница», «Пирамида») (375, с. 72).

7 августа 1937 г. Го Можо в охваченном огнем Чжабее (рабочем пригороде Шанхая) выступил на собрании работников литературы и искусства с докладом «Почему мы должны воевать». Он заявил, что китайский народ известен как миролюбивый народ. Его предки создали многовековую культуру, основанную на альтруизме и справедливости. Великодушно китайский народ передал эту культуру японскому народу. Японские же милитаристы в благодарность несут Китаю бомбы, разрушение, удушливые газы.

Тема японской агрессии затронута и в произведениях китайского писателя Лао Шэ. Так, в книге «Кошачий город» содержался явный намек на японцев. Там говорилось о «карликах», которые наводнили Кошачий город, но не были способны проводить разумную политику. Обитатели Кошачьего города спрятались на горе, но и она была захвачена «карликами», а жители почти все были уничтожены (см. 309).

Образ Японии как врага нашел отражение в стихотворениях и песнях военного времени, главный смысл которых передавался фразой «не разгромим Японию, не сможем жить» (417, с. 33, 49, 70, 166 и др.). Большой вклад в поэзию военных лет внесли поэты Сяо Сань, Хэ Цифан, Ван Япин, Бянь Чжилин, Цао Баохуа и др. В стихотворениях, публикуемых в эти годы, в частности в поэмах Ли Гуанцзяна, японцы назывались не иначе как «японские черти», «мерзкие японские черти», «японские дьяволы», «япошки», «японские разбойники». Такие клички использовались и в выступлениях официальных деятелей Китая, включая самого Чан Кайши.

Так, после событий 1931 г. Чан писал в дневнике: «Карликовые разбойники воспользовались беспорядками, внутренним расколом и напали на наши северо-восточные провинции»; во время Цзинаньского инцидента он писал о тяжелейших оскорблениях, полученных китайцами от «японских дьяволов». После событий у Лугоуцяо в отношении японцев использовались только такие слова, как «карликовые разбойники». «карлики», «Квантунская армия карликов» (54, т. 11, с. 11, 18).

Большим успехом пользовался торжественный марш Хуан Го-чжуна «Большой нож». В нем содержался вопрос: «Пришел японский черт, что ты будешь делать?» (417, с. 46; 568, 28.08.1985; 07.09.1985). Во многих патриотических песнях звучал призыв: «Опустим меч на головы японских дьяволов!». Даже генерал Фэн

Юйсян написал книгу патриотических стихов и песен (см. 219). В антияпонскую борьбу внесли свой вклад и драматурги (Янь Ханьшэн, Тянь Хань и др.). В военные годы в театрах шли исторические пьесы «Цюй Юань» о поэте-патриоте древнего Китая, «Сезон туманов», «Командир отряда бандитов», «Осеннее солнце», «На краю гибели», «Семеро в бурю», «События на границе». В этих произведениях говорилось об унижении японцами китайского народа (568, 09.09.1985).

Во время спектаклей зрителей и артистов охватывал единый порыв, порыв ненависти к японским захватчикам и решимости встать на защиту своей родины. Чувство патриотизма настолько глубоко овладевало публикой, что она здесь же после окончания спектакля устраивала антияпонские митинги.

Темой многих художественных произведений стали «события 18 сентября» 1931 г. в Маньчжурии и шанхайские «события 28 января» 1932 г.

Большое внимание привлекали статьи историка Цзян Тинфу, содержавшие резкую критику агрессивных действий японского империализма. В одной из редакционных статей он писал 13 марта 1933 г.: «Наше унижение не может быть смыто разрозненными выступлениями против врага. Такая борьба, не поддерживаемая соответствующей подготовкой в военной, экономической и дипломатической областях, только предоставит врагу возможность проглотить нашу страну по частям». Автор статьи призывал своих соотечественников не забывать, что китайско-японский вопрос является мировой проблемой первой величины. Если японские милитаристы будут упорствовать в развязывании агрессии против Китая, то они, по мнению Цзяна, раньше или позже выроют себе могилы (432, т. 1, с. 356).

Активно участвовал в антияпонской борьбе и профессор Хэнаньского университета Фань Вэньлань. После событий у Лугоуцяо в Кайфэне появились два антияпонских издания — «Непогода» и «Сквозь века», в которых публиковались статьи Фань Вэньлани. В них профессор-патриот обращал внимание своих соотечественников, что единственная дорога для Китая — война сопротивления. Железные копыта японского империализма, писал он, варварски попирают нашу землю. Фань стремился пробудить патриотические чувства китайцев и призывал их выступить на защиту родины (485, с. 83). Фань Вэньлань, Ли Цыкоу и их сторонники создали специальную группу по подготовке к

организации сопротивления японцам. Сам Фань Вэньлань участвовал в боевых операциях на фронте.

Известный философ Ху Ши, выразитель взглядов либеральной буржуазии, в статьях, опубликованных на страницах журнала «Independent Critic» (1932-1937) и других изданий, выступил с критикой агрессивных действий японцев в Китае²⁴. Отношение самого Ху Ши к Японии нельзя назвать однозначным. Зная о Японии из первых рук очень мало, не имевший личных связей с японцами и не владевший японским языком, он испытывал к этой стране большое уважение (см. 472, с. 222, 250)²⁵. Даже в 30-х годах он не раз ссылаясь на Японию, как на нацию, превратившую свою страну в современную державу и достигшую успеха там, где Китай терпел поражение. В дискуссиях с деятелями Гоминьдана он подчеркивал, что в отличие от Китая неравноправные договоры не помешали Японии свободно развиваться (см. 472, с. 246). Ху Ши создал в Шанхае школу по изучению японских реформ и намеревался посвятить им одну из своих работ. Однако впоследствии он отказался от этой идеи.

Что же касается агрессивной политики Японии в отношении Китая, то, по оценкам западных авторов, Ху Ши выступал за «стратегическое соглашательство и против вооруженного сопротивления японцам» (см. 460, с. 158; 472, с. 248). Поэтому в 1931 г. он полагал целесообразным придерживаться осторожной политики, чтобы «выиграть время» для лучшей подготовки к войне. Ху Ши считал, что война помешает проведению реформ в Китае и сведет на нет как материальные, так и интеллектуальные достижения десятилетий (см. 472, с. 257).

В то же время он выступал против мира любой ценой, отвергая требования Японии о признании Маньчжоуго, настаивая на выводе японских войск с территории Северо-Восточного Китая в качестве предварительного условия для любого соглашения или переговоров (см. 472, с. 252). Однако он не возражал против предоставления Маньчжурии некоторой автономии и оказался в числе немногочисленных сторонников непопулярного в Китае соглашения с японцами в Тангу (1933), рекомендуя своим соотечественникам проявить терпение (472, с. 252). Ху Ши сомневался в способности Китая самостоятельно справиться с японской военной машиной и в урегулировании китайско-японского конфликта возлагал большие надежды на влияние мирового общественного мнения. Тем не менее его нельзя отнести к числу прояпонски настроенных деятелей. Скорее всего, можно гово-

речь о непоследовательной позиции Ху Ши в отношении агрессивных действий японцев в Китае (см. 224).

Так, в 1935 г., когда началось спровоцированное японцами движение за автономию Северного Китая, Ху Ши пришел к выводу, что китайцы не имеют другого выбора, как бороться за «самосохранение» (472, с. 254, 256) и настаивал на выполнении Нанкином его долга — защиты Северного Китая. За 6 месяцев до событий у Лугоуцяо (1937г.) он принимал участие в формировании единого антияпонского фронта. Известны заявления Ху Ши о том, что японский народ не в состоянии понять психологию китайцев и поэтому нельзя ожидать достижения взаимопонимания между двумя народами в ближайшем будущем. Выбор, по мнению Ху, оставался за Японией: иметь «девять поколений вражды или столетие дружбы» с Китаем. Как он считал, Япония «пошла по дороге национального самоубийства» (362, с. 76). Однако в начале антияпонской войны Ху Ши снова заговорил о возможности мирного урегулирования спорных вопросов с Японией, т. е. ему была ближе позиция Ван Цзинвэя. 31 июля 1937 г. он писал в своем дневнике: «Сегодня Чан Кайши пригласил меня на обед. Господин Чан решил объявить войну Японии. Я ему сказал, что в таком случае Китай сможет продержаться не более 6 месяцев. На обеде присутствовало много людей, и неудобно было подробно излагать мои доводы. Я только сказал, что не надо терять возможность дипломатического урегулирования» (об антияпонских взглядах Ху Ши см. 224).

Позиция Ху Ши не была популярна в Китае, и сам он плохо осознавал, что китайцы в 30-е годы уже не хотели терпеть унижение от японцев (472, с. 251, 252). Принимая во внимание всестороннюю эрудицию и высокий интеллект Ху Ши, Чан Кайши во время войны неоднократно привлекал его к выполнению различных дипломатических поручений. Так, Ху Ши принимал участие в работе Лиги Наций. Находясь в Женеве в качестве китайского представителя, он в течение десяти месяцев боролся за применение статьи 16 Устава Лиги Наций, т.е. объявления эмбарго на поставку военных материалов в Японию (362, с. 77). В сентябре 1938 г. он был назначен Чан Кайши послом в США²⁶.

Война с Японией в те годы стала главной темой всех разговоров в Китае. Если раньше китайца нельзя было заставить говорить о политике, то во время войны людей нельзя было остановить. Даже кули интересовались новостями о военных действиях. И всех волновал один вопрос — выживет ли Китай как нация?

(569, т. 2, № 5, июль, с. 250). До этого китайский народ традиционно ненавидел войну, но с началом агрессии все изменилось. Проводилось военное обучение студентов, население проходило курс противовоздушной обороны, люди покупали противогазы. Даже дети захотели иметь в качестве игрушек танки и самолеты. Вместо традиционной одежды китайцы предпочитали носить военную форму (570, 1936, т. 77, № 8, с. 269–272). Практически все слои китайского общества воспринимали Японию как врага. Даже У Пэйфу — старый милитарист из чжилийской группировки в начале 1932 г. приехал в Бэйпин, чтобы выразить протест против создания марионеточного государства в Маньчжурии и призвать своих соотечественников к борьбе с японцами. У Пэйфу выражал гневное возмущение «карликовыми чертями, стремящимися подчинить территорию и население Китая» (122, с. 78).

По мере развития японской агрессии китайские банкиры, промышленники, торговцы пришли к выводу, что политика Токио несовместима с их выживанием. Национальная буржуазия сознавала, что превращение Китая в японскую колонию неизбежно приведет к ущемлению ее интересов, ухудшению экономического положения. Логика событий подталкивала к участию в патриотическом движении.

Однако в среде крестьянства четко выраженные антияпонские настроения не проявлялись²⁷. Большинство крестьян либо ничего не знало о Японии, либо только слышало о ее существовании. Появление колонны поющих и кричащих студентов было для них спектаклем, который крестьяне воспринимали так же, как свадьбу или похороны (470, с. 55; 485, с. 136). Крестьяне были более чувствительны к экономическому угнетению, чем к японскому вторжению. О политических делах деревня ничего не знала и патриотические призывы воспринимались здесь как «беспокойство». Поэтому студенты использовали смешанные лозунги: «Уничтожить карликов и ростовщиков!», «Организовать сопротивление Японии и посягательству вашего помещика!» (485, с. 137). Там, где уже шла война, японцы не смогли произвести благоприятное впечатление на китайских крестьян. После жестокого обращения со стороны оккупантов и грабежей крестьяне добровольно выходили ночью и убивали захватчиков, устраивали пожары на аэродромах, в бензохранилищах и т. д. (511, с. 276). На рассвете же можно было увидеть этих же крестьян, занятых мирным трудом на полях. При всем том, в деревнях на оккупированной территории зажиточные слои (богатые крестьяне, сред-

ние и мелкие помещики) очень часто сотрудничали с врагом. Торговцы, например, использовались японцами как инструмент сбора налогов (554, с. 288). Образ такого коллаборациониста введен в новелле Чжао Шули. Им стал самый богатый помещик в деревне.

Война резко изменила образ Японии в глазах китайцев. «Перед этой войной, — сказал один из них, — многие испытывали определенную симпатию к японцам. Наши студенты учились в Японии, лидер нашей революции Сунь Ятсен и его друзья часто находили там убежище. Мы занимались общим бизнесом. Они казались нам более близкими, чем все другие иностранцы. Теперь же в результате их нападения, их разрушительных бомбардировок и их жестокости каждый китаец смотрит на японцев с чувством страха и отвращения» (459, с. 253).

В Китае царила общая ненависть к японцам. Даже дети не брали товары с маркой «Сделано в Японии». На китайских лавках стала появляться надпись: «Японцам вход запрещен!». В Ханькоу китайские газеты отказывались публиковать объявления японских фирм (569, 1937, т. I, № 3, с. 124; 569, 1935, т. 72, № 11). Японские торговцы получали предупреждение, что торговля их товарами запрещена (569, 1935, № 12, с. 441).

Китайцы всеми возможными средствами протестовали против унижения со стороны опьяненной успехами японской армии, против ее бесчеловечных преступлений на оккупированной территории Китая.

В феврале 1933 г. японские войска начали наступление в провинции Жэхэ. Накануне (27 января) Чан Кайши в своем дневнике подчеркнул, что агрессивный характер политики Японии может вуалироваться, но не менять свою сущность (469, с. 393). События в Жэхэ изменили расстановку политических сил и вызвали новый патриотический подъем в стране. Представители различных слоев требовали от правительства отправки войск на север для отражения натиска японцев. На сопротивлении Японии настаивали такие деятели в высшем эшелоне Гоминьдана, как Сун Цзывэнь и Фэн Юйсян. Патриотические настроения охватили солдат и офицеров китайских армий, дислоцировавшихся в Северном Китае: 29-й под командованием Сун Чжэюаня, 59-й под командованием Фу Цзои, 5-й и 17-й армий нанкинского правительства. Сопротивление японцам уже оказывали добровольческие армии Ма Чжаньшаня и Су Бинвэня (568, 09.08.1985; 18.08. и 28.10.1987).

Фэн Юйсян

Решающие сражения развернулись в проходах Великой китайской стены. Эти бои показали, что даже среди генералов-милитаристов, находившихся в довольно сложных отношениях с центральным правительством, встречались истинные патриоты. Прежде всего следует отметить генерала Сун Чжэюаня. В августе 1932 г. он был назначен председателем Чахарского провинциального правительства и одновременно командующим 29-й армией (168, с. 25). Весной 1933 г. его армия, проявляя чудеса стойкости и героизма, обороняла

проходы в Великой китайской стене — Сифэнькоу, Губэйкоу. Развернувшиеся здесь кровопролитные бои продолжались до середины мая. Героическое сопротивление китайских войск сорвало японский план прохода через Великую китайскую стену в течение трех дней. Сун Чжэюаню удалось вернуть важный стратегический пункт Сифэнькоу и таким образом блокировать продвижение японцев из Жэхэ на запад по направлению к Внутренней Монголии (178, с. 173-175; 196, с. 66). Тем самым Сун Чжэюань одержал первую после «событий 18 сентября» крупную победу над японскими войсками.

В период боев у Сифэнькоу Сун с гордостью говорил о возможности «бить японских чертей» и отдал приказ солдатам «бороться с японскими чертями до смерти, спасти родину от врага». В своих обращениях к солдатам Сун Чжэюань называл японцев не иначе как «ненавистный враг — японские черти» и «скопище маленьких чертей» (195, с. 109, 244)²⁸. Известный писатель Эдгар Сноу называл Сун Чжэюаня солдатом и патриотом (545, с. 10). Свою позицию сопротивления Сун подтвердил летом 1934 г. в беседе с иностранными корреспондентами в Калгане (570, 1935, т. 75, с. 38—40).

Несмотря на героическое сопротивление и желание победить агрессора²⁹, китайские армии не смогли противостоять военной мощи Японии. 31 мая 1933 г. после трудных переговоров было

подписано соглашение в Тангу (218, с. 521). Большую роль в принятии Китаем японских условий сыграла соглашательская позиция Ван Цзинвэя. Последняя вызвала осуждение со стороны различных слоев китайского общества и видных политических деятелей, в том числе Сун Цзывэня, Сунь Фо и Ху Ханьмина (113, с. 67). Ван пытался объяснить подписание соглашения в Тангу прекрасным техническим оснащением японской армии, а также начавшейся паникой среди населения после создания угрозы Бэйпину и Тяньцзиню, что потребовало принятия экстренных мер³⁰. Ван Цзинвэй при этом подчеркивал чисто военный характер соглашения о перемирии (подр. см. 113, с. 67; 178, с. 194; 430, с. 130; 436, с. 37)³¹.

Соглашение в Тангу не сняло опасность военного натиска Японии на Китай. В конце 1933 г. и начале 1934 г. произошел вооруженный конфликт в пров. Чахар, высадка десанта в Шаньтоу и создавалась угроза оккупации района Чжабэй в Шанхае. Усилилось давление на Китай и по дипломатическим и экономическим каналам. 17 апреля руководитель информационного отдела японского МИД Х. Амо заявил журналистам об особой миссии Японии в Восточной Азии. По его словам, Токио не желал терпеть каких-либо действий со стороны третьих стран, которые могут привести к ухудшению отношений Японии с Китаем (478, с. 61, 62).

После соглашения в Тангу в политике нанкинского правительства все больше стала просматриваться тенденция к компромиссу с Японией (492, с. 179). На проходивших на протяжении 1934 г. китайско-японских переговорах Нанкин пошел на ряд уступок японскому правительству. В том числе Гоминьдан согласился на возобновление торговых отношений с Маньчжоуго, на введение льготных тарифов на японские товары, на возобновление движения по железной дороге, связывавшей Бэйпин с Маньчжоуго. При этом Чан Кайши затягивал выполнение достигнутых договоренностей, что не устраивало правящие круги Японии. С конца 1933 г. Токио практически приступил к захвату Чахара. 7 декабря 1934 г. кабинет Окада принял документ под названием «О политике в отношении Китая», т. е. развернутый план расчленения Китая и постепенного установления над ним японского как экономического, так и политического контроля (178, с. 245). Таким образом, в конце 1934 г. китайско-японские отношения достигли критической точки. По словам представителя США в Китае Джонсона, существовавшие в то время отноше-

ния между Нанкином и Токио походили на отношения между рабом и хозяином (570, т. 71, 1934, № 8, с. 245).

В это время в полуофициальном органе МИД'а «Обзор международных сообщений» была опубликована под псевдонимом статья Чан Кайши «Друг или враг?». Поскольку отношения между двумя государствами достигли критической отметки, особый акцент в этой статье Чан сделал на расовой общности Китая и Японии, на их тесных исторических и географических связях, на общности их исторических судеб. Китай и Япония, отмечал китайский лидер, почти дословно повторяя приведенные выше высказывания Сунь Ятсена, «связаны друг с другом как скулы и десны, которые опираются друг на друга». Поэтому Китай и Япония должны поддерживать друг друга и помнить, что их существование и гибель взаимосвязаны.

По мнению Чана, напряженные отношения между Китаем и Японией являлись результатом многих факторов, в том числе и исторических. Со стороны Китая имел место недостаток объективности в оценке существующей обстановки и формировании долгосрочной политики. Со стороны Японии проявилась недооценка изменений, произошедших в Китае после 1927 г., игнорирование роста национального самосознания китайского народа и решительности китайских лидеров (299, с. 62; 469, с. 447).

Чан Кайши пытался убедить Японию в том, что любой военный конфликт между двумя государствами принесет бедствия обеим сторонам. Если Япония, как предупреждал Чан, рассчитывает претворить в жизнь разработанную 55 лет назад традиционную континентальную политику или план давления на Китай с использованием вооруженной силы, то это рискованный шаг. Китай и Япония, по мнению Чан Кайши, братские страны, и они должны сотрудничать на основе справедливости и дружбы. Вместо политики военной агрессии и установления своего господства на китайской территории, по словам китайского лидера, Япония должна помочь Китаю добиться действительной независимости и обеспечить экономическое и культурное сотрудничество на основе абсолютного равенства (469, с. 446).

В заключение Чан Кайши выражал надежду, что Япония откроет новую страницу в отношениях двух стран. Это будет способствовать установлению мира и процветания в Восточной Азии и созданию независимого Китая (524, с. 15). Если бы Япония, подчеркивал Чан, «отказалась от своей агрессивной политики и вернула Китаю четыре северо-восточные провинции», т. е. Мань-

чжурию и Жэхэ, то все вопросы могли быть решены посредством переговоров. Поэтому Япония, писал Чан, должна сделать выбор — пребывать ли ей в состоянии вражды с Китаем или жить в мире и дружбе. Решение конфликта, по его словам, зависело от Японии (299, с. 63; 469, с. 447). Таким образом, Чан Кайши ясно сформулировал свои условия урегулирования отношений, т. е. отказ от агрессивной политики и возвращение северо-восточных провинций.

Другая статья Чан Кайши под названием «Поворотный момент в отношениях между Японией и Китаем» появилась на страницах японского журнала «Экономик ревью» в разгар автономистского движения в Северном Китае. В ней Чан отмечал преимущества китайско-японского сотрудничества, поскольку Китай и Япония благодаря географической близости взаимосвязаны. Япония могла дать Китаю капитал и технических специалистов, т. е. помощь, необходимую для развития его экономики. В связи с этим Чан Кайши призывал Японию объединить усилия и обеспечить процветание Азии. При всем том Чан подчеркивал существенный, на наш взгляд, момент: Китай хотел сотрудничать с Японией на равноправной основе, исключая элементы эксплуатации (570, 1935, т. 74, № 1, с. 8). Эти две статьи являлись тактическим ходом Нанкина, стремившегося хотя бы на время ослабить крайне опасное вооруженное противостояние с Токио. Японская сторона также нуждалась во временной передышке перед фронтальным наступлением на Китай.

22 января 1935 г. новый премьер-министр Японии провозгласил так называемый новый курс на установление с Китаем дружеских отношений и экономического сотрудничества — «три принципа Хирота» (подр. см. 178, с. 178, 179). 20 февраля 1935 г. Ван Цзинвэй в выступлении на заседании Центрального Политического Совета Гоминьдана одобрил курс японского правительства на сотрудничество с Китаем и заявил об искреннем желании решить все спорные вопросы с Японией обычными дипломатическими способами и мирным путем. При этом Ван ссылаясь на выступление Сунь Ятсена в Кобэ, где последний призывал народы Китая и Японии сотрудничать во всех областях в целях достижения благосостояния обеих стран (447, с. 135, 136).

В этот сложный для страны период Ван Цзинвэй сосредоточил в своих руках огромную власть, совмещая посты министра иностранных дел и премьера. Именно тогда Нанкин заключил с

Токио соглашения, ущемляющие суверенные права Китая: Хэ — Умедзу и Цин — Доихара (подр. см. 160, с. 210-212; 222, с. 59; 434, с. 151). Как справедливо отметил китайский историк Ли Юнтан, 1935 год стал самым тяжелым годом в истории Китая (361, с. 149). Соглашательская политика нанкинского правительства в немалой мере объяснялась деятельностью и влиянием в его рядах сторонников «дружеских» отношений с Японией из окружения премьера. Все это вызвало недовольство среди патристически настроенных гоминьдановских деятелей. В августе последние поставили вопрос об отставке Вана (см. 306). Однако решить эту проблему удалось только после покушения на Ван Цзин-вэя накануне открытия V съезда Гоминьдана (1 ноября 1935 г.).

Осенью правящие круги Японии приступили к претворению в жизнь плана по созданию автономного государства на территории пяти провинций Северного Китая (Хэбэй, Чахар, Суйюань, Шаньси, Шаньдун) (249, с. 17). Тем самым судьба страны в немалой степени оказалась в зависимости от позиции северных генералов, командовавших армейскими группировками и находившихся в сложных и запутанных отношениях с Нанкином. Именно на этих генералов переключил свое внимание представитель правящих кругов Японии Доихара после неудачных попыток использовать для своих целей бывших политических деятелей — Дуань Цижую, У Пэйфу и Сунь Чуанфана³². Главная роль руководителя автономистского движения сначала отводилась губернатору Шаньси Янь Сишаню, но тот не пожелал стать инструментом японской политики в Китае³³. О японских предложениях и своем отказе Янь сообщил нанкинскому правительству, одновременно опубликовав открытое письмо с осуждением деятельности японцев в Северном Китае (469, с. 476).

Этот шаг имел большое значение для Нанкина, так как провинция Шаньси имела стратегическое значение в борьбе с Японией. В последующие годы — вплоть до 1940 г. Янь Сишань выступал за активное сопротивление японской агрессии, поддерживал антияпонское движение в своей провинции, создавал там организации по спасению родины (568, 01.11.1986). Тем не менее его позицию в отношении Японии нельзя оценить однозначно, как впрочем и других северных губернаторов, проявлявших большие колебания в этом вопросе. По другим источникам Янь Сишань, например, после «событий 18 сентября» 1931 г. занимал соглашательскую позицию и выступал против возвращения потерянных территорий. Кроме того, имели место и сек-

ретные соглашения Янь Сишаня с японским полковником Такахаси (570, 1935, т. 74, № 1, с. 3). Герой боев в районе Великой стены Сун Чжэюань также вел секретные переговоры с японцами и принял предложение Доихара о провозглашении автономии Северного Китая³⁴. Внимательно следивший за событиями в Северном Китае Чан Кайши взял решение этого вопроса в свои руки и отдал приказ губернаторам северных провинций прекратить всякие переговоры с японскими представителями (144, с. 98). Из-за противодействия Нанкина Сун Чжэюань не осмелился 20 ноября 1935 г. провозгласить автономию Северного Китая. После переговоров с Нанкином японцам пришлось согласиться на создание полуавтономного, но тяготевшего к Гоминьдану Хэбэй-Чахарского политического совета, хотя многие его члены придерживались прояпонской ориентации. Возглавил его Сун Чжэюань, (361, с. 172-178).

В связи с событиями в Северном Китае нанкинскому правительству были направлены тысячи петиций с требованием подавить автономистские тенденции и наказать прояпонские элементы. 9 и 16 декабря 1935 г. в Бэйпине состоялась демонстрация студентов под лозунгами защиты независимости и целостности Китая, прекращения гражданской войны и требования вооруженного отпора японской агрессии. Самоотверженная борьба бэйпинской молодежи всколыхнула широкие народные массы (177, с. 3). В патриотических выступлениях помимо студентов активно участвовали рабочие, ремесленники, деятели культуры и искусства, служащие, торговцы и другие представители городского населения, мелкая и национальная буржуазия, передовые шэньши вплоть до крупной буржуазии англо-американской ориентации (114, с. 33—44; 135, с. 144). Демонстрации и митинги солидарности с бэйпинскими студентами прошли в Гуанчжоу, Ханчжоу, Тяньцзине, Нанкине, Шанхае, Ханькоу, Тайюане, Кайфыне, Сиане, Чунцине, Ланьчжоу, Баодине и других больших и малых городах.

Создание Хэбэй-Чахарского политического совета не решило противоречий и не сняло напряжения в отношениях между Китаем и Японией (120, с. 137). Правящие круги Японии не отказались и от поддержки автономистского движения на китайской территории. 13 января 1936 г. командующему японской армией в Китае было дано указание вновь развернуть движение за автономию Северного Китая. Японцы были недовольны политикой председателя Хэбэйского провинциального правительства и главы Хэ-

бэй-Чахарского политического совета Сун Чжэюаня и даже обсуждали вопрос о его замене. Кроме того, в армии Сун Чжэюаня были сильны антияпонские настроения. 2 января 1936 г. в г. Дагу китайские солдаты, одетые в форму, которую носили в армии Суна, разграбили два японских магазина, сорвали японские флаги и оказали сопротивление консульской полиции. По требованию японцев Сун Чжэюань принес извинение и выразил согласие выплатить японцам соответствующую компенсацию. Инцидент был урегулирован (570, 1936, т. 77, № 9, с. 302).

В июне 1936 г. Сун намеревался объявить об автономии своего района. Однако некоторые представители военных кругов из его окружения, сохранявшие лояльность по отношению к Нанкину, не советовали ему предпринимать такой шаг (85, с. 114, 115). Таким образом, Сун Чжэюань продолжал проводить двойственную политику, ибо на него влияли такие противоположные факторы, как степень давления Японии, размеры помощи со стороны Нанкина и антияпонские настроения в его армии и среди представителей различных слоев населения в провинциях Хэбэй и Чахар.

Япония пыталась привлечь на свою сторону и других милитаристов. Так, в начале 1936 г. Доихара вызвал Янь Сишаня в Тайюань для установления экономического сотрудничества между двумя странами. По мнению Янь Сишаня такое сотрудничество было необходимо и желательно при условии «искренности и взаимовыгоды». Позднее Доихара еще раз возвращался к своему предложению. Однако к тому времени Янь Сишаню уже было ясно, что действия японцев представляли угрозу для Китая и военное сопротивление становилось неизбежным. Поэтому Янь Сишань не пошел на контакт с японцами (о расстановке сил в Северном Китае см. 179).

Осенью 1936 г. японцы оказали давление на шаньдунского губернатора Хань Фуцзя, заставляя его порвать отношения с Нанкином и присоединиться к Хэбэй-Чахарскому политическому совету. Доихара предложил ему создать блок Япония — Маньчжоуго — Китай. Однако, учитывая общественное мнение и растущий престиж Чан Кайши, Хань Фуцзя сослался на отсутствие у него полномочий для обсуждения таких вопросов. Губернатор заявил, что он не политик, а военный, и посоветовал Доихара обратиться с этим вопросом к нанкинскому правительству (570, 1936, т. 78, № 4, с. 145). Доихара прибег к угрозам — дом-де, где шли переговоры, окружен японскими солдатами, и

если Хань Фуцуй не согласится, то не выйдет живым. Тогда Хань сообщил Доихара о своем приказе войскам перед уходом на встречу: «Перебить всех японцев в Цзинани, если я не вернусь к 10 час. 30 мин.»³⁵.

Уже летом 1936 г. в Китае резко усилились антияпонские выступления. Повсеместно проходили антияпонские демонстрации в знак протеста против увеличения численности японских войск в Китае и непрерывно предъявляемых японцами требований, ущемлявших суверенитет страны (350, с. 55). Так, в сентябре японцы стали настаивать на открытии генерального консульства в Чэнду (пров. Сычуань). Нанкинское правительство отказалось выполнить это требование, поскольку Чэнду не являлся «открытым» портом и, следовательно, наличие консульства там не было обязательным. В знак протеста против японских требований в городе состоялась демонстрация. В ходе ее были убиты два японских журналиста (218, с. 539; 497, с. 98; 510, с. 233). Нападения на японцев в сентябре были совершены также в Бэйхае, Ханькоу, Шанхае, Циндао, Гуанчжоу и Тайюане. В Гуанчжоу, где действовало эмбарго на японские товары, были ограблены и сожжены японские лавки и товарные склады (435, с. 168). В районе Бэйпин-Тяньцзинь ежедневно шли жестокие столкновения между китайцами и японцами.

На фоне антияпонских выступлений на протяжении 1936 г. проходили официальные переговоры Нанкина и Токио. В центре внимания дипломатов двух стран были провозглашенная в начале 1936 г. «новая политика» Японии, известная как «Три принципа Хирога», и урегулирование возникших в Китае конфликтов, но главное место занимала обстановка в Северном Китае (подр. см. 361, с. 183-185, 198-204; 291; 514, с. 10, 11). Несмотря на давление японской стороны переговоры показали намерение Нанкина оказывать сопротивление Японии. Китайская позиция, как писала японская пресса, ознаменовалась переходом от пассивной обороны к контрнаступлению. Это объяснялось укреплением позиции Чан Кайши, после отставки Ван Цзинвэя возглавившего нанкинское правительство. В руководящих кругах Нанкина и ранее наметилось размежевание по вопросам внешней политики, прежде всего по отношению к Японии. На V съезде Гоминьдана оно проявилось открыто. Большинство участников съезда поддержали Чан Кайши. Последнее давало ему возможность действовать более уверенно в формировании внешнеполитического курса и занять довольно жесткую позицию в отношениях с Японией (361, с. 169).

На этих переговорах с японцами, писал американский журналист Пейффер, Нанкин в первый раз показал китайскому народу, что он «может защитить страну от вторжения. Попытка подчинить в настоящее время Китай не была бы увеселительной прогулкой наподобие экспедиции в Жэхэ. Китай будет драться, и драться эффективно. Быть может, он не сможет выигрывать сражения, если принять во внимание огромное превосходство технического оснащения японских войск, но он заставит Японию послать большую экспедиционную армию и не даст этой армии покоя непрерывной партизанской войной» (цит. по: 339, с. 39-40). Написавший эти строки американский журналист был не далек от истины. На фоне китайско-японских переговоров шла активная подготовка к войне. Успешное разрешение Сианьского кризиса (арест Чан Кайши 12 декабря 1936 г.), едва не бросившего страну в хаос гражданской войны, способствовало консолидации всех сил Китая. До этого лидеры милитаристских группировок ради сохранения своей власти предпочитали лавировать между Нанкином и Токио. Теперь же они начали выступать в поддержку центрального правительства. Усилились тенденции к сближению с Чан Кайши и в Хэбэй-Чахарском политическом совете (342, с. 149). Так, Сун Чжэюань заявил в январе 1937 г.: «Тот, кто захватил нашу страну и унизил наш народ, является нашим врагом, и мы должны оказывать ему сопротивление» (222, с.95).

Однако против Чан Кайши выступала прояпонская группировка во главе с вернувшимся в Китай Ван Цзинвэем. В обстановке сильного антияпонского движения Ван уже не мог открыто ратовать за сотрудничество с Японией. Поэтому он стал говорить о необходимости оказать сопротивление агрессии, о возвращении захваченных Японией китайских территорий. Политика Вана не была популярна в массах, но развернутая им кампания дала свои результаты. Его поддерживали некоторые либералы под руководством Ху Ши и часть сторонников Чан Кайши, в том числе Чжоу Фухай, Мэй Супин и Гао Цзунъю (510, с. 235). С таких же позиций, как и Ван Цзинвэй, выступал военный министр Хэ Инцин и ряд других военных деятелей Гоминьдана. Открытое столкновение группировок произошло на III пленуме Гоминьдана в феврале 1937 г. Деятели прояпонской группировки, выступившие с позиций «невозможности сопротивления Японии» потерпели поражение. Сразу же после окончания пленума была проведена реорганизация правительства и централь-

ного аппарата Гоминьдана. Были смещены со своих постов известные прояпонские деятели, в том числе Чжан Цюнь, Гу Мэньхой и Чэнь Цзэ. Министром иностранных дел был назначен известный дипломат Ван Чжунхуэй, стоявший на позиции оказания сопротивления японцам. Сразу же после пленума Чан Кайши и его окружение приступили к организации вооруженного отпора японской агрессии.

Готовилась к войне и Япония. К лету 1937 г. японским генштабом была завершена разработка военной кампании в Китае. 19 мая министр обороны Японии Сугияма публично заявлял о «сверхуверенности» Китая и занятой им позиции, «оскорбляющей Японию». У Японии, подчеркивал он, нет выбора, кроме войны (436, с. 197).

7 июля 1937 г. произошло столкновение японских и китайских войск у моста Лугоуцяо под Пекином. Началась длившаяся восемь лет японо-китайская война (1937-1945 гг.), в китайской историографии более известная под названием «войны сопротивления Японии» (подробное описание инцидента у Лугоуцяо см. 132; 158; 178; 221).

По определению известного китайского историка Ли Юнта-на, это была самая ужасная, самая бесчеловечная, самая жестокая и самая опустошительная война во всей истории Азии. Это была борьба насмерть между двумя государствами-соперниками в Восточной Азии — одна держава имела большое преимущество по численности населения, вторая отличалась высокоразвитой технологией, одна заявляла о своем превосходстве, ссылаясь на свою древнюю культуру, вторая претендовала на первенство на основе больших успехов, достигнутых за короткий период в области модернизации (459, с. 1).

Хотя правительству Чан Кайши не удалось завершить подготовку к войне, оно не могло не учитывать обстановку в обществе. Патриотические настроения в стране достигли небывалой высоты. В своем стремлении сопротивляться японскому нашествию Китай был един, как никогда прежде (316, с. 17). Выступая на пленуме гоминьдановского руководства 17 июля 1937 г. в Лушане, китайский лидер заявил, что события заставляют Китай встать на путь подготовки к защите страны от японских захватчиков (подр. см. 83, т. 1, с. 21-25). Однако, по словам председателя исполнительного юаня Кун Сянси, в наиболее влиятельных кругах Нанкина существовала сильная оппозиция планам военного отпора. В ее рядах, в частности, находились председатель ЦИК Го-

миньдана Ван Цзинвэй, военный министр Хэ Инцинъ и начальник секретариата Гоминьдана Чжан Цюнь (389, с. 93). Естественно, никто из них не мог открыто высказаться против сопротивления агрессору. Обстановка в стране после «событий у Лугоуцяо» была предельно накалена. Даже те, кто выступал за «умеренность», рисковали получить у широкой общественности репутацию национальных предателей. Так, Ван Цзинвэй 31 июля выступил в поддержку Чан Кайши и заявил, что «нация должна объединиться для спасения страны» (430, с. 135).

Несмотря на стремление китайских армий сдержать натиск агрессора противнику удалось в июле захватить Пекин и Тяньцзинь. В августе начались бои уже за Шанхай и Нанкин, развернулось широкое японское наступление в Центральном Китае.

В своем обращении к вооруженным силам страны после потери Бэйпина и Тяньцзиня Чан Кайши призывал мобилизовать все ресурсы Китая для борьбы с японскими захватчиками, проникнуться твердой уверенностью в окончательной победе, добиваться единства населения и армии. «Чем больше оскорблений мы терпим со времени мукденского «инцидента 18 сентября 1931 г.», — говорил Чан Кайши в обращении, — тем сильнее становится давление японцев. Дай им немного, они возьмут все. Теперь мы достигли той точки, когда мы не можем более терпеть, не будем более уступать. Вся нация, как один, должна подняться и бороться с японскими разбойниками, пока мы их не уничтожим и пока наша жизнь не будет в безопасности» (83, т. 1, с. 36; 305, с. 14—26).

Усиление позиций антияпонских кругов в Гоминьдане, в том числе и среди провинциальных милитаристов, наметилось, когда стала очевидной серьезная угроза потери Бэйпина и Тяньцзиня. Многие провинциальные лидеры поспешили прислать национальному правительству телеграммы одобрения курса на сопротивление японским захватчикам. Так, 21 июля 1937 г. гуансийские генералы Бай Чунси и Ли Цзунжэнь направили в Нанкин телеграмму с выражением полной поддержки правительства в войне сопротивления, обещая мобилизовать все население провинции для борьбы с захватчиками (389, с. 96). Подобные заверения направили центральному правительству генералы Лю Сян, Лу Юнь, Ма Буфан, Хань Фуцзюй и другие военные лидеры провинций. На решительном вооруженном сопротивлении настаивали генерал Фэн Юйсян и председатель законодательного юаня Сунь Фо. Крупные финансисты Ду Юэшэн, Ван

Сяолай и Юй Сянпин были готовы выделить определенные суммы в фонд обороны.

Между тем обстановка на фронтах продолжала ухудшаться. После тяжелых боев 12 ноября 1937 г. пал Шанхай, а через месяц — Нанкин. Вступившая в Нанкин японская армия в течение шести недель — с 13 декабря 1937 г. до февраля 1938 г. — устроила массовую резню, настоящую вакханалию смерти. Было убито или заживо закопано около 300 тыс. человек. Красивый город, культурный центр Китая с населением в один миллион человек был превращен японской армией в ад и развалины. Проспекты Чжуншаньлу и Чжуняньлу были залиты кровью и усеяны трупами. Бесчеловечные преступления были совершены и за пределами города, где собралось большое количество беженцев. Так, в районе Цзыцзиньшань японцы закопали живыми более 3 тыс. человек. Японские солдаты не щадили никого — ни детей, ни стариков, ни женщин. Людей вытаскивали из домов на улицу, срывали одежду и обливали азотной кислотой. Японцы устроили в Нанкине соревнования — кто больше убьет китайцев. За сто убитых выдавалась бутылка водки. После капитуляции Японии гоминьдановский генерал сдал в Военный музей меч, принадлежавший японскому офицеру, на котором было выгравировано «Я убил 106 китайцев» (555, с. 50; 568, 09.07.1987).

Очевидцы событий рассказывали, что японцы гонялись за мужчинами, женщинами и детьми как за кроликами, расстреливали все, что двигалось. Одна треть города была предана огню. Более 20 тыс. гражданских лиц-мужчин призывного возраста были выведены за город и либо заколоты штыками, либо расстреляны из пулеметов (569, 1938, т. 2, № 5, с. 243). Нанкинская резня вызвала негодование общественности во всем мире (подр. см. 118, 119, 123, 137).

Ответственность за Нанкинские события возлагалась на генерала Иванэ Мацуи. Начиная с 30-х годов, он пропагандировал паназиатизм, настаивал на делении Китая на четыре региона: северный, центральный, южный, западный, причем каждый регион должен быть самостоятельным. После начала войны генерал отрицал существование национального правительства Чан Кайши, организовывал марионеточные правительства. Именно по его приказам развернулась кровавая вакханалия в Нанкине (226, с. 124). К бесчеловечным методам ведения войны относилась также политика «саньгуан», т. е. «убивать всех до единого человека, жечь все дочиста, грабить все дочиста», проводимая

японцами на оккупированной территории (568, 06.08.1982; 09.08.1982; 01.08.1982, 23.08.1982). Оккупанты создавали так называемые «мертвые зоны» и «стратегические деревни» в Северо-Восточном Китае (568, 22.02.1982). Захватчики грабили природные богатства Китая, проводили кровавую политику «обмена людей на уголь», в результате чего рабочие умирали от голода (568, 23.08.1982). В Харбине Квантунской армией был создан так называемый «731-й отряд», занимавшийся подготовкой бактериологической войны, причем для проведения опытов использовались китайские граждане.

Однако в марте 1938 г. в начале боев за Сюйчжоу гоминьдановской армии удалось нанести поражение японцам под Тайэрчжуанем. В августе японская армия столкнулась с серьезным сопротивлением при наступлении на Ухань. Кровавопролитные бои продолжались 3 месяца, после чего китайские войска были вынуждены отступить. Тем не менее миф о непобедимости японской армии был развеян (См. 348).

Агрессорам удалось добиться значительных военных успехов и захватить обширные районы Северного, Центрального и Южного Китая с основными промышленными центрами, железными дорогами и портами. Тем не менее захватчики не сумели добиться главной цели — заставить правительство Чан Кайши капитулировать или пойти на унижительные условия соглашения. Япония втягивалась в нежелательную для нее затяжную войну. В ней агрессор мог постепенно потерять свое военное превосходство. Не сумев быстрым военным ударом решить «китайскую проблему», Япония усилила политическое давление на китайское правительство. Однако предлагаемые японскими правящими кругами условия мирного соглашения не могли быть приняты Чан Кайши и его сторонниками, ибо они означали потерю суверенитета Китая. В конце 1938 г. премьер-министр Японии Коноэ провозгласил «три принципа» урегулирования конфликта. Первым из них было сотрудничество Китая с Японией и Маньчжоуго в создании «нового порядка в Восточной Азии». Вторым была названа совместная борьба с коммунизмом и третьим — экономическое сотрудничество, что подразумевало признание «особых» интересов Японии. Обсуждение этих «трех принципов» привело к расколу Гоминьдана и правительства. Чан Кайши и его окружение отвергли эти «принципы» и заявили о продолжении сопротивления. За принятие ультиматума выступили Ван Цзинвэй и его сторонники. Считая, что война приведет к неиз-

бежному поражению Китая, они покинули Чунцин (343, с. 531-533). В дальнейшем их деятельность протекала на оккупированной японцами территории. На V пленуме ЦИК Гоминьдана в январе 1939 г. было принято решение об исключении Ван Цзин-вэя из партии и снятии его со всех занимаемых постов. Выступая на пленуме Чан Кайши заявил: «Мы должны понять, что условия, предложенные нам бывшим премьером Японии, отнюдь не представляют собой основы для обсуждения справедливого мира. Обсуждать мир на таких условиях равносильно капитуляции» (83, т. 1, с. 158-173). На этой позиции Чан Кайши оставался до окончания военных действий, точнее до капитуляции Японии в сентябре 1945 г. Тем не менее в определенные моменты ухудшения обстановки на фронтах или на международной арене генералиссимус прибегал к дипломатическим маневрам. При всем том он вряд ли рассчитывал на достижение взаимоприемлемого соглашения.

События у Лугоуцяо окончательно сформировали у Чан Кайши негативный образ Японии. Если раньше, т. е. во время учебы, Япония рассматривалась им как потенциальный агрессор, то теперь враг стал реальностью — он захватывал китайскую территорию, грабил, убивал и насиловал. Чан Кайши называл Японию «врагом № 1», «заклятым врагом национальной революции и реконструкции в Китае», «соседом, не признающим законов», «врагом человечества и руководителем международного гангстеризма» (83, т. 1, с. 14, 291, 330; т. 2, с. 808).

В выступлениях 30-40-х годов весь пафос критики китайского лидера был направлен против японского милитаризма. По его словам, милитаристы реально контролировали все дела в Японии и определяли ее внешнюю политику (83, т. 1, с. 281)³⁶, причем два кабинета Коноэ играли роль их марионеток. Японская внешняя политика, подчеркивал Чан Кайши, руководствовалась только концепцией силы и исключала все другие принципы. Истоки японских амбиций, связанных с покорением Китая, он предлагал искать не в событиях 1931 г., а в истории более чем трехсотлетней давности. Даже во времена династии Мин, говорил Чан Кайши, были очевидны хищные наклонности японцев. В то время Тоётоми Хидэёси осуществил идею «пересечь горы и моря, вторгнуться на землю Мин и превратить ее в свое четырехсотое княжество». Позднее Создзима Танэоми претендовал на земли Цинов, намереваясь создать базу на континенте. Унижение, которому японцы подвергли Китай, отмечал Чан, сход-

но с теми днями, когда японские пираты в период Мин бесчинствовали на китайском побережье (83, т. 2, с. 618).

Чан утверждал, что в 30-е годы XX в. Япония выступила против возрождения Китая. При этом он проводил высказывание генерала Хондзё Сигэру о том, что возрождение Китая создаст препятствия для претворения в жизнь японской национальной политики (83, т. 2, с. 619). По словам китайского лидера, одержимые идеей покорения Китая японские милитаристы игнорировали как «не заслуживающую внимания» пятитысячелетнюю историю Китая и величие китайской культуры. Ими не принимались в расчет успехи китайской революции на протяжении последних нескольких десятилетий. Эти политики как бы ничего не знали о «трех народных принципах» Сунь Ятсена (сань миньчжуи), положенных в основу китайской политики. В Токио судили о прошлом Китая только по истории упадка династий Сун и Мин. Чан обращал внимание на высокомерное отношение японских милитаристов к другим нациям. Япония считалась ими единственной первоклассной державой благодаря успешно проведенной реставрации Мэйдзи. Политика правящего класса Японии — политика превознесения сильного и оскорбления слабого (83, т. 2, с. 468)³⁷.

Успешное развитие Японии, по словам Чана, привело к забвению японскими военными лидерами истории своей собственной страны, благодаря чему они прониклись иллюзией всемогущества (83, т. 1, с. 355. 356). Китайский лидер называл меморандум Танака фантастической мечтой о мировом господстве (83, т. 1, с. 358).

В своих многочисленных выступлениях Чан подверг резкому осуждению жестокие варварские методы ведения войны японскими милитаристами³⁸. Лидера Гоминьдана особенно возмущала бомбардировка беззащитных городов, даже находившихся далеко от фронтовой полосы. Так, в Гуанчжоу погибли тысячи мирных жителей, были разрушены сотни зданий, в том числе превращен в руины Университет имени Сунь Ятсена. Чан Кайши призывал японский народ выступить против безумства своих милитаристских лидеров (83, т. 1, с. 91, 93, 135). Жестокость, отмечал он, стала второй натурой японских милитаристов, а их алчность и дикость постоянно росли (83, т. 1, с. 84). Нынешние зверства, по словам Чан Кайши, превзошли имевшие место во времена падения династий Сун и Мин. Японские милитаристы, подчеркивал китайский лидер, были склонны не только к по-

корению самого Китая, но и готовы к истреблению его народа (83, т. 1, с. 79). Чан Кайши считал, что эта война вышла за пределы традиционных этических законов Востока. В военных делах эта философия следует принципам *дао* («истинного пути»), основанного на законе. По мнению Чана, японские милитаристы ведут войну вопреки *дао* и закону, игнорируют справедливость и фанатично верят в силу (83, т. 1, с. 291).

Много резких оценок было высказано Чан Кайши и в адрес японских официальных деятелей. Он называл их бесхребетными, близорукими. Так, например, Коноэ, по его словам, — масштабная криминальная фигура, а два его кабинета — марионетки в руках милитаристов (см. 83, т. 2, с. 524—533). Китайский руководитель подверг жесткой критике заявление Коноэ об установлении так называемого «Нового порядка в Великой Восточной Азии» и создании «Сферы сопроцветания Великой Восточной Азии». Такого рода лозунги Чан характеризовал как вершину словесного жонглирования, как противоречивые и фальшивые от начала до конца (83, т. 1, с. 135).

Подробно анализируя каждый пункт заявления Коноэ, Чан делал вывод, что принятие японских условий могло рассматриваться только как оскорбление Китая. Их выполнение означало бы порабощение Китая, установление японского контроля в политической, экономической, военной и культурной областях. После этого отношения между Китаем и Японией выглядели бы как отношения между рабом и хозяином, что равносильно уничтожению китайской расы (83, т. 1, с. 134-142). С точки зрения китайского лидера, такое положение означало унижение бы для Китая (83, т. 2, с. 453). Мы, подчеркивал Чан, ищем дружеских связей на основе равенства и взаимного уважения. Однако Чан не исключал возможность изменения отношений между Китаем и Японией. Когда началась война, говорил он, Япония выступила как наш враг, но если она откажется от агрессии и захочет установить дружеские отношения, то мы будем рассматривать Японию как друга (83, т. 1, с. 271). Китайский лидер считал, что хорошие отношения с Японией могли быть восстановлены. Для этого японские лидеры должны были признать свои ошибки, без всяких условий вывести свои войска с китайской земли, отказаться от всех оккупированных территорий и чрезвычайных привилегий и выразить готовность сотрудничать с Китаем на основе равенства (83, т. 2, с. 472).

Еще в 1935 г. Чан заявил, что хотя Япония и Китай имеют общие жизненные интересы, исторические, географические, расовые и другие связи, обе страны все еще говорят на разных языках о мире и сотрудничестве. Хотя мы и шли на определенные уступки, повторял он, но на постоянный контроль со стороны Японии Китай никогда не был согласен (570, 1935, v. 71, № 11, с. 347).

В своих выступлениях Чан проводил, однако, грань между японскими милитаристами и японским народом. Называя японский милитаризм общим врагом обоих народов, он делал акцент на отсутствии в Китае каких-либо враждебных чувств к японскому народу (83, т. 1, с. 266). В обращениях к японскому общественному мнению Чан выдвигал на первый план проблемы культурно-расовой и этнологической общности двух стран. Китайский лидер делал упор на первых культурных контактах Китая и Японии. Тогда — во времена династий Суй и Тан (VI-VII вв.) японцы изучали китайскую философию, религию, искусство и ремесло. Ваши предки, обращался Чан к японцам, научили китайцев любить мир и рассматривать все народы как своих родственников. Отсюда, подчеркивал он, возникла поговорка: «В пределах 4-х морей — все братья». Современные же японские военные относятся к своим соседям, в том числе к Китаю, с презрением. Тем самым они «заплатили злом за добро»³⁹. Ненависть китайцев вызывают агрессивные действия милитаристов, а не японский народ. К нему мы чувствуем скорее симпатию, говорил Чан, чем вражду, с ним мы готовы работать рука об руку для обеспечения процветания восточных азиатских народов (83, т. 1, с. 89-92). Но, судя по всему, общественное мнение в Японии поддержало политику правящих кругов, направленную на покорение Китая, отмечал китайский лидер.

Оценка Чан Кайши японской политики в Китае наиболее полно представлена в работе «Судьбы Китая», опубликованной в 1943 г., в период Тихоокеанской войны. В этой книге он среди великих держав особо выделял Японию как проводившую наиболее вероломную политику в отношении Китая. В «Судьбах Китая» Чан Кайши назвал Японию враждебным разбойничьим государством, использовавшим варварские способы в борьбе за сферы влияния на китайской земле. В своей книге Чан, имея в виду японские правящие круги, называл их не иначе, как «японские бандиты» или «японские дьяволы».

Из всех неравноправных договоров, навязанных Китаю в первые десятилетия XX века, самыми жестокими и варварскими, по мнению Чана, были японские «21 требование». Последние фактически сконцентрировали в себе все неравноправные договоры, когда-либо навязанные Китаю (53, с. 45—48). Тем самым агрессивная политика японского империализма в отношении Китая сделала еще один шаг — от политики раздела к политике монопольного господства. Япония, писал Чан Кайши, хотела монопольно господствовать в Китае, как в зависимой или порабощенной стране. Перечислив акты нарушения суверенных прав Китая со стороны Японии начиная с 1915 г., Чан подчеркивал агрессивный характер «континентальной политики» японских захватчиков. После Северного похода над Китаем постоянно висела угроза вооруженного нападения. По словам Чан Кайши, Китай рассматривал действия японцев на китайской территории как тяжелейшие оскорбления (53, с. 90).

В проведении политики сопротивления японской агрессии Чан Кайши опирался на своих сторонников в партии и правительстве.

Прежде всего следует упомянуть одну из наиболее влиятельных фигур в Гоминьдане — министра финансов и заместителя председателя исполнительного юаня Сун Цзывэня. Последний занял антияпонскую позицию сразу же после вторжения японцев в Маньчжурию. Потрясенный увиденным во время японского наступления, Сун понял, что перед альтернативой — коммунизм или японский милитаризм с его военным господством, — Китай выберет коммунизм (542, с. 307). В своих многочисленных выступлениях в период начавшейся японской агрессии Сун Цзывэнь возражал против любого шага, способного привести Китай к капитуляции перед японцами (433, с. 131). Так, во время боев за Шанхай в январе 1932 г. Сун Цзывэнь и его сторонники организовали «Антивоенную гражданскую лигу». Сам Сун Цзывэнь сформировал бригаду в 30 тыс. человек для защиты соляных таможен. Когда японцы в феврале 1933 г. вторглись в провинцию Жэхэ, он принял активное участие в организации ее обороны. Перед лицом надвигающегося кризиса исполняющий обязанности председателя исполнительного юаня Сун Цзывэнь по указанию Чан Кайши направился в Бэйпин для обсуждения с Чжан Сюэляном вопроса об обороне Жэхэ. Выступая на пресс-конференции 12 февраля, Сун заявил, что Жэхэ является частью Китая, нападение на нее равносильно нападению на любую другую

провинцию, и нанкинское правительство готово всеми силами дать отпор агрессору (54, т. 11, с. 54). 17 февраля Сун Цзывэнь в сопровождении Чжан Сюэяна прибыл в Чэнду для переговоров с председателем провинциального правительства Тан Юйлином, которому был передан приказ «сопротивляться до последнего» (113, с. 66; 542, с. 310).

Антияпонские настроения Сун Цзывэня проявились и в разработанной им программе стимулирования экономического развития Китая. Ключевыми элементами этого документа стали отмена повышенных тарифов для японских товаров и организация Консультативного комитета. Последний состоял из китайских и иностранных финансистов, причем японские представители туда не включались (434, с. 63; 453, с. 124—126). После обнародования этой программы у правящих кругов Японии возникли опасения, что действия Сун Цзывэня могли создать условия игнорирования Нанкином предъявляемых ему Токио новых экономических и политических требований, особенно в Северном Китае и Внутренней Монголии. Японские политики рассматривали Сун Цзывэня как препятствие при проведении своей политики в Китае. В Токио предприняли все усилия для срыва его планов, в частности создания Консультативного комитета. С именем Суна японцы связывали введение антидемпинговых пошлин в апреле 1933 года, создавших один из острых вопросов китайско-японских отношений. Токио оказывал сильное давление на Нанкин, чтобы отправить Сун Цзывэня в отставку. Осенью 1933 г. японцы не разрешили возвращавшемуся с Лондонской экономической конференции Сун Цзывэню высадиться на берег в Иокогаме, объявив его по сути персоной «нон грата» (453, с. 127, 128). Их усилия увенчались успехом, однако Сун Цзывэнь и после отставки не изменил своей позиции. В разгар автономистского движения в Северном Китае в ноябре 1935 г. Сун заявил, что если Нанкин не будет сопротивляться, то его шанс сорвать японские агрессивные планы будет потерян. Поэтому, подчеркивал Сун Цзывэнь, лучше бороться и потерпеть поражение, чем сдаться без борьбы (425, с. 214). Его антияпонские настроения сохранились и в годы китайско-японской войны 1937—1945 гг.

Антияпонские взгляды другого видного деятеля Гоминьдана, председателя законодательного юаня Сунь Фо — сына Сунь Ятсена проявились в требовании немедленного объявления войны Японии после Мукденских событий. Однако созданное им в декабре 1931 г. правительство не имело ни политических, ни фи-

нансовых возможностей для такого шага. В своих выступлениях Сунь Фо резко критиковал экспансионистскую политику Японии в отношении Китая. Предлагаемое Токио так называемое экономическое сотрудничество, по мнению Суня, фактически означало превращение Китая в японскую колонию (88, с. 159—160). Тактика японцев, заявлял Сунь Фо, заключается в расчленении Китая, поглощении его по кускам. В Китае должны были понимать, что цель антияпонского сопротивления — обеспечение национального существования, а потому Нанкину нельзя останавливаться перед жертвами, хотя враг сильнее его экономически. До тех пор, подчеркивал Сунь Фо, пока на китайской земле будет хоть один японский солдат, у китайцев не должно быть никаких других мыслей, кроме как бороться до победного конца (569, 1938, т. 1, № 11, с. 516, 517).

В своем выступлении в Чунцине в 1942 г. Сунь Фо напомнил, что пятьдесят лет назад Китай был сильным государством и занимал достойное место в мире. Ни одна из иностранных держав не осмеливалась презрительно смотреть на Китайское государство. Но после поражения Китая в войне 1894-1895 гг. Япония начала проводить в отношении его такую же политику, как и западные империалистические державы (88, с. 165).

В выступлении по случаю 6-ой годовщины войны сопротивления против японских агрессоров 7 июля 1943 г. Сунь Фо попытался объяснить, почему Япония представляет угрозу для мира во всем мире. С его точки зрения, для разрушения японской военной машины необходимо фундаментально искоренить милитаристское воспитание в Японии. Впечатление, что японский народ любит воевать, объясняется не врожденными чертами этой нации, а результатом образования. При этом Сунь Фо ссылаясь на книгу американского посла в Японии М. Грю «Отчеты из Японии». Тот, в частности, писал, что японские дети с раннего детства слушали про войну. Причем им внушалась мысль, что самое большое счастье умереть на поле боя. Именно благодаря такому воспитанию Япония стала представлять опасность для всего мира, делал вывод Сунь Фо (88, с. 187)⁴⁰.

Позицию сопротивления Японии занимали в то время и видные китайские дипломаты — Гу Вэйцзюнь, Ван Чжунхуэй, Ши Яньцзи, Ло Вэньган и Го Тайци. Достоинно и аргументированно они защищали суверенные права Китая на международных конференциях, в Лиге Наций и на двусторонних переговорах. Их взгляды отчетливо выразил Го Тайци, заявивший, что вся на-

ция должна подняться как один человек и сражаться с японскими «бандитами» до полного уничтожения, обеспечив тем самым свое существование (86, с. 101; 440, с. 272).

За организацию сопротивления Японии выступали и некоторые партийные группировки, в частности «Общество возрождения» («Общество синерубашечников», — «Фусиншэ»), созданное Чан Кайши в марте-апреле 1932 г. «Фусиншэ» было решительно настроено против Японии. В его программе говорилось, что японский империализм — извечный враг китайского народа, и если не уничтожить японский империализм, то он уничтожит Китай. Поэтому организация сопротивления Японии есть «важнейшая и священная задача Гоминьдана» (461, с. 78). После 1934 г. «Фусиншэ» стало предметом беспокойства для японцев в Северном Китае и Маньчжурии. Члены общества развернули активную антияпонскую деятельность, совершали убийства высокопоставленных японцев и маньчжурских чиновников, китайских предателей, организовывали антияпонские отряды в Маньчжоуго и руководили бойкотом японских товаров (389, с. 22; 443, с. 15; 461, с. 332).

Антияпонскими настроениями отличалась и группировка «Вампу», состоявшая в основном из офицеров, окончивших военную академию в Хуанпу, начальником которой в свое время был Чан Кайши.

Члены группировки «Си-Си»⁴¹ также были против соглашения с японцами, выступали за решительное сопротивление агрессии и принимали довольно активное участие в антияпонском движении (389, с. 21).

В то время, как китайская армия с августа по октябрь 1938 г. вела изнурительные бои за Ухань, некоторые ведущие политические деятели Гоминьдана, несогласные с политикой Чан Кайши, предприняли попытку решить китайско-японский конфликт другим путем, организовав так называемое «мирное движение». Его лидером стал Ван Цзинвэй⁴².

Начало войны было для Ван Цзинвэя разочарованием и источником беспокойства (438, с. 44). Он считал объявление Нанкином войны Японии «фантастической политикой» без шансов на успех и грозящей экономическим крахом (241, с. 108; 430, с. 152). По его словам, Китай не имел материальной базы для оказания сопротивления японцам. Реальная проблема, стоявшая перед страной, повторял он, — это не проблема сопротивления японской агрессии, а проблема «национального сохранения». Весь

народ должен был понять, что борьба идет за его «национальное существование». Условия 1938 г. напоминали Ван Цзинвэю ситуацию, существовавшую 300 лет назад, когда династия Мин подошла к своему трагическому концу. Ван отвергал пример минских генералов, призвавших к сопротивлению маньчжурам, в результате чего была потеряна страна. Тем не менее Ван Цзинвэй признавал агрессивный характер действий Токио и поэтому он, как и Чан Кайши, называл японцев агрессорами. Ван подчеркивал, что Япония нарушает не только территориальную и административную целостность Китая, его суверенные права, но и многие международные соглашения. При всем том Ван Цзинвэй продолжал настаивать на своей «теории мира». Если китайцы не могли победить японцев на поле боя, то они смогли бы превзойти их в дипломатических маневрах за столом переговоров. Отвергая политику сопротивления, Ван хотел видеть японских лидеров в более лучшем свете, чем они были на самом деле. По этой причине их пути с Чан Кайши кардинально разошлись фактически с конца 1935 года.

Свою так называемую «теорию мира» Ван изложил в статье «Мой основной взгляд на китайско-японские отношения», опубликованной в июле 1939 г. в шанхайской газете «Чжунхуа жибао». Статья начиналась с тезисов: «Япония — самая сильная держава», «Без Японии не было бы Восточной Азии». При этом автор утверждал, что Китай тоже мог бы стать сильным государством, так как имеет тысячелетнюю историю, большую территорию и многочисленное население. Если процветание и возвышение Китая будет соответствовать интересам Японии, то она будет содействовать его усилению и станет его другом. В противном же случае она будет препятствовать этому и станет врагом Китая. С точки зрения Ван Цзинвэя, процветание Китая может быть выгодным для Японии только в том случае, если Китай будет проводить единый с ней курс в области внешней политики и обороны на принципах равенства и взаимного благоприятствования для обеспечения экономического сотрудничества. Между тем китайско-японские отношения на протяжении нескольких десятков лет не улучшались, а с каждым днем обострялись потому, что Япония считала Китай рассадником антияпонских настроений, что и привело к событиям 18 сентября 1931 г. Со своей стороны Китай считал, что именно агрессивность Японии вызывала антияпонские настроения. Японцы полагали, что для улучшения отношений Китай должен отказаться от своей по-

Ван Цзинвэй

литики «с помощью варваров управлять варварами». Китайцы же требовали отказа Японии от «злых умыслов», т. е. агрессивных планов в отношении Китая (103, с. 278).

Поскольку Япония заявляет, что хочет протянуть руку и осуществить тесное сотрудничество во имя совместной цели, убеждал соотечественников Ван Цзинвэй, то Китай не должен от него отказываться, ибо «после драки братья должны помириться» (103, с. 279)⁴³.

Восприятие Японии Ван Цзинвэем базировалось на идеологии паназиатизма. Основные положения этой идеологии были сфор-

мулированы в последних выступлениях Сунь Ятсена в ноябре 1924 г. в Кобэ⁴⁴. На протяжении всей его (Суня. — *авт.*) жизни, подчеркивал Ван Цзинвэй, китайско-японские отношения пережили серьезные испытания, но основное представление Сунь Ятсена о Японии не менялось. Сунь, утверждал Ван, придавал большое значение китайско-японским отношениям и помощи, которую ему оказывала Япония.

В выступлении 28 ноября 1939 г. «Теория и практика 3-х принципов Сунь Ятсена» Ван Цзинвэй особо выделил ряд моментов в политике Суня в отношении Японии. Хотя Сунь Ятсен и критиковал Японию, но его критика, как отмечал Ван, сочеталась с надеждой, что Япония будет сотрудничать с Китаем, и обе страны станут друзьями, а не врагами. По мнению Ван Цзинвэя, самый глубокий, далеко идущий смысл имеют слова Сунь Ятсена о тесной связи Китая и Японии, о том, что «без Японии нет Китая, без Китая нет Японии». Китай и Япония — страны одной расы и одной культуры, и как братья должны сотрудничать и помогать друг другу в деле возрождения общего дома в Азии. Сотрудничество двух стран, утверждал Сунь, — суть решения всех азиатских конфликтов (102, с. 212—215)⁴⁵. Именно эти тезисы Сунь Ятсена и брал на вооружение Ван Цзинвэй, пытаясь доказать взаимовыгодность сотрудничества Китая и Японии,

особенно при проведении единого внешнеполитического курса, сотрудничестве в области экономики и обороны.

Китай, по словам Ван Цзинвэя, должен был разделить с Японией ответственность за порядок в Восточной Азии. Для этого Китай должен стать сильным, добиться свободы и равенства в международном сообществе. Вслед за Сунь Ятсеном Ван повторял кардинальную мысль — поскольку после революции Мэйдзи Япония стала сильным и передовым государством, она должна помочь Китаю в его трудной борьбе за национальную независимость (102, с. 215—217).

Мысль о японской помощи была выражена и в других его выступлениях, в частности, в известном под названием «Совместное движение вперед» (1 января 1940 г.). Долг Японии как передового государства, заявлял Ван, помочь отстающему. Он призвал своих соотечественников идти вперед рука об руку с Японией, поскольку у них общая цель и основа для существования и процветания (102, с. 225, 226). Задача Ван Цзинвэя, отмечал западный исследователь Бойл, заключалась в насаждении паназиатизма Сунь Ятсена среди китайцев. Однако Япония в 1940 г. была уже не той страной, которая была дружественно настроена по отношению к Сунь Ятсену и оказывала ему помощь в подготовке революции в первые годы XX века (436, с. 344). Поэтому все ораторское и полемическое искусство Вана, как и его «теория мира» повисали в воздухе.

О восприятии Ван Цзинвэем Японии и китайско-японских отношений дает представление его статья «Китай и Восточная Азия», опубликованная в октябре 1939 г. Ван характеризовал Японию как одно из сильнейших государств Восточной Азии, превосходившее Китай в экономическом, военном и культурном отношении. Без Японии, заявлял он, не может быть Восточной Азии (103, с. 219). Этот статус, по его словам, давал Японии право на руководящую роль в построении «нового порядка в Восточной Азии», а другие государства этого региона должны относиться к Японии как к старшему брату и принимать все ее указания, т. е. признать ее господствующее положение. Ван Цзинвэй предлагал японцам специально поехать в Китай и помочь превратить его в процветающее государство. Только тогда, по его словам, можно было надеяться на улучшение китайско-японских отношений (103, с. 222). Ван Цзинвэй заявлял: «Мы постоянно говорим о желании стать партнером Японии, но этого достичь нелегко, ибо Япония — передовая, а Китай — отсталая

страна». По его мнению, китайцы плохо трудились и не смогли сделать свою родину равноправным партнером передовых стран (103, с. 227).

Хотя до войны, отмечал Ван Цзинвэй, Китай был самостоятельным суверенным государством, китайцы заимствовали «жизненную силу» у японцев, англичан, американцев, французов и других народов. Но особенно много «жизненной силы» китайцы получили от Японии. Это нельзя забыть. Поэтому сейчас, считал он, китайцы должны надеяться на помощь Японии (297, 1976, № 1, с. 72).

Разразившаяся японо-китайская война, по словам Вана, есть следствие конфликтов между Китаем и Японией на протяжении предшествующих десятилетий. Если Китай будет говорить только об агрессивности Японии, а Япония — об антияпонской политике Китая, то решение спорных вопросов, считал он, вряд ли будет найдено. Поскольку военный конфликт между Китаем и Японией оказывает неблагоприятное влияние на «процветание Восточной Азии», на «стабильность и порядок в Тихоокеанском регионе», Ван предлагал и Токио, и Нанкину сделать все возможное для заключения мира (103, с. 277, 279). Обращаясь к китайцам, Ван Цзинвэй призывал их упорно трудиться, чтобы превратить Японию из врага в друга. В этом он видел свою главную задачу.

30 декабря 1939 г. Ван подписал соглашение с Японией, пойдя на уступки Токио. Последние были настолько велики, что даже его сторонники Гао Цзунъю⁴⁶ и Тао Сишэн посчитали недопустимым подписание подобного документа, предали его гласности и порвали с Ван Цзинвэем⁴⁷. Однако это не остановило сторонников «мирного движения». В январе 1940 г. в Циндао они провели совещание ряда членов ЦИК Гоминьдана, сотрудничавших с оккупантами, и разработали предложения о «воссоздании» гоминьдановского правительства. 22 января 1940 г. в Циндао Ван заявил, что «движение за мир и спасение нации» на оккупированных японцами территориях возникло из общих и возвышенных желаний создать «Великую Азию». Об этом, по его мнению, мечтал покойный Сунь Ятсен, основываясь на твердой вере о невозможности существования обеих стран без установлении мира между ними (343, с. 537).

В условиях затяжной войны и нежелания правительства Чан Кайши капитулировать правящие круги Японии, искавшие пути решения «китайской проблемы», пошли на создание альтерна-

тивной гоминьдановской государственности. 30 марта 1940 года было торжественно объявлено об образовании «центрального правительства» в Нанкине. Исполняющим обязанности его председателя стал Ван Цзинвэй. В заявлении по случаю этого «знаменательного события» он сообщил о начале «новой эры» в истории китайско-японских отношений, ибо отныне они будут основываться не на вражде, а на дружбе (343, с. 537). Китай и Япония, подчеркивал Ван, в будущем должны иметь общую цель для ликвидации прошлых конфликтов и установления дружеских отношений. Обе страны должны вместе идти вперед и обеспечить условия для совместного существования и процветания. При этом Ван, как и другие гоминьдановские деятели, не преминул отметить общие моменты в истории двух государств. Расовая общность, географическая и культурная близость обеих стран с его точки зрения, должны были способствовать их сближению (102, с. 829; 232, с. 299).

Ван Цзинвэй пытался объяснить проводимую им политику сотрудничества с Японией ссылками на исторические прецеденты, когда сотрудничество с врагами в военное время ставилось в один ряд с сопротивлением им. Так, он сравнивал себя с Чжан Чжидуном и Ли Хунчжаном в период движения ихэтуаней в 1900 г., проводившими соглашательскую политику в отношении западных империалистов (436, с. 355, 356).

Ван подчеркивал, что ради достижения мира он пожертвовал своим «добрым именем» и «блестящим прошлым», чтобы «воспользовавшись теми преимуществами, которые дает нам нехватка осторожности у врага, возвратить потерянную территорию и объединить бездомный народ» (436, с. 351, 352)⁴⁸. Действительно, на переговорах с японцами в конце 1937 г. и в мае и августе 1939 г. Ван пытался поставить на обсуждение вопросы, решение которых в той или иной степени соответствовало бы интересам Китая. Так, Ван предложил японцам уважать Китай как суверенное государство, ликвидировать существовавшие марионеточные правительства, не прикреплять к создаваемому им «центральному правительству» японских советников и вывести японские войска с китайской территории (241, с. 96; 469, с. 621). Принятие подобных требований противоречило планам японских правящих кругов в отношении Китая. К тому же восприятие Ван Цзинвэя самими японцами как в правительственных, так и в военных кругах не было однозначным. На протяжении 1938-1940 гг. Ван Цзинвэй не получил в полном объеме поддержку японского

правительства или японской армии. Даже после создания в 1940 г. нанкинского правительства во главе с Ваном у некоторых японских официальных деятелей, в частности Коноэ, оставались серьезные сомнения в целесообразности его признания и установления с ним контактов. Они считали, что любое окончательное решение «китайской проблемы» может быть достигнуто только с Чан Кайши. Ван, по словам китайского историка Ши Фэна, в глазах японцев был «приказчиком второго или третьего сорта», своего рода «мостиком к Чунцину», поскольку у него не было ни сфер влияния, ни армии (297, 1975, № 12, с. 78)⁴⁹.

Правящие круги в Токио искали сотрудничества с ориентированными на дружбу с Японией «правительствами», чтобы создать условия для окончательной победы над Китаем. Но перед лицом существовавшего национального правительства в Чунцине и партизанской борьбы эти «правительства» были неспособны функционировать. Когда японские завоеватели входили в китайские города и устанавливали там свою власть, они были чужестранцами, удерживавшими всего лишь «острова» в «громадном море» Китая (511, с. 276).

Сам Ван Цзиньвэй неоднократно вспоминал о трудностях переговоров с японцами, причем подчеркивал, что японские самураи отнюдь не были его друзьями (102, с. 614). После создания «нанкинского правительства» он обнаружил, что общаться с японцами не так-то просто (297, 1976, № 1, с. 72). Когда кто-нибудь из сторонников Вана жаловался ему на оскорбления со стороны японцев, он горестно вздыхал и говорил, что Китай — слабая страна и у китайцев нет воли к победе⁵⁰.

Правящие круги Японии по-настоящему переключили внимание на Вана лишь после провала планов молниеносной войны и отказа Чан Кайши от заключения мирного соглашения. На вопрос, был ли Ван Цзиньвэй марионеткой в руках японцев, нельзя ответить однозначно. Сам он отрицал этот факт (подр. см. 297, 1976, № 1, с. 66).

При анализе причин капитуляции Ван Цзиньвэй китайские историки учитывают сложный клубок противоречий как внутри страны, так и на международной арене. Одной из причин, толкнувшей Ван Цзиньвэй на разрыв с Чан Кайши и переход на сторону японцев, явилась, по их мнению, его борьба за власть с Чан Кайши. Ван был честолюбивым политиком с большими амбициями и острым желанием стать единовластным лидером⁵¹.

В число сторонников Ван Цзинвэя входили такие влиятельные политики как Чжоу Фухай, Чэнь Гунбо и Сю Шихуэй. Вслед за Ваном они заявляли, что Япония являлась сильным государством с высоко развитой промышленностью, а Китай же оставался отсталым в экономическом отношении государством, только еще стремящимся стать вровень с уже сильной и процветающей Японией. Хотя сопротивление Китая, отмечали они, может создать трудности для Японии, но пока она это почувствует, китайская нация может погибнуть. Поэтому, подчеркивали сторонники Вана, поддерживать войну сопротивления, бороться за окончательную победу не что иное как «химера», «краснобайство» и «безответственность» (241, с. 183).

Среди видных сторонников Вана выделялся Чжоу Фухай — член ЦИК Гоминьдана, глава Отдела пропаганды, впоследствии представитель и начальник штаба «движения за мир»⁵². Чжоу сознательно оставил Чунцин, так как имел свой взгляд на возможность политического сотрудничества с Японией, объясняемый им историческими прецедентами (518, с. 314). Чжоу осуждал Чан Кайши за отсутствие «мудрости в переговорах с восточным соседом» (518, с. 317). Немаловажную роль в его решении покинуть Чунцин сыграли его собственные амбиции, поскольку на службе у Чан Кайши он не смог реализовать свои личные планы. Организацию «мирного движения» Чжоу рассматривал как своего рода оппозицию власти Чунцина.

Другой влиятельный участник «мирного движения» Чэнь Гунбо свои взгляды на Японию и китайско-японские отношения изложил в статье «Как можно обеспечить продолжительный мир» (1940 г.). В ней Чэнь делал акцент на исторической и культурно-расовой общности двух государств и народов. Чэнь выражал удивление, что Китай и Япония разорвали двусторонние отношения, проявив взаимную враждебность и пренебрежение. По его мнению, источником вражды и презрения явилась зависть. В Китае полагают, писал он, что Китай и Япония — братья, и у них раньше была одинаковая трагическая судьба. Но Япония после реформы Мэйдзи стала сильной, а Китай потерпел поражение. Япония стала проявлять в отношении Китая высокомерие, перестала помогать «слабому брату», всеми силами имитировала европейско-американскую культуру и старалась забыть своего «старшего брата». В связи с такой политикой, считал Чэнь, естественным стало углубление в Китае ненависти не только к японцам, но и ко всем иностранцам вообще.

С точки зрения Чэнь Гунбо, в течение более чем двухлетней войны оба государства поняли, что у Китая нет уверенности в окончательной победе, а у Японии — в возможности покорения Китая силой. Оба «уставшие до изнеможения» государства образумились и осознали необходимость установить продолжительный мир. Однако последний, подчеркивал Чэнь, возможен только при условии сохранения Китая как единого суверенного государства (см. 102, с. 234-237).

Чэнь считал, что после провозглашения Центрального правительства в Нанкине в марте 1940 г. Китай стал свободным и равноправным государством (102, с. 834-836). В этом Чэнь пытался убедить и своих соотечественников.

Характер отношений между «нанкинским правительством» и Токио изменился после начала Тихоокеанской войны. «Правительство» Ван Цзинвэя объявило войну США и Англии, т. е. превратилось в союзника Японии. Чжоу Фухай и Чэнь Гунбо объясняли это решение надеждой объединить Северный и Южный Китай, получить больше независимости и потребовать от Японии уважения китайского суверенитета, невмешательства во внутренние дела и отказа от прав экстерриториальности (103, с. 406, 407). Начав войну на Тихом океане, японское правительство предприняло попытки для привлечения «правительства» Ван Цзинвэя к участию в военных действиях. 9 января 1943 г. между Токио и Нанкином было заключено новое соглашение, заменившее собой неравноправное соглашение 1940 г. Данный документ предусматривал возвращение Нанкину селтльментов, отмену прав экстерриториальности и других унижительных для Китая ограничений. Само же выполнение условий соглашения откладывалось до окончания войны.

Ван Цзинвэй и его сторонники также предприняли ряд шагов с целью добиться большей независимости от японцев. Так, они не спешили отправлять свои войска в район боевых действий и создавали препятствия японцам в эксплуатации китайских ресурсов. Созданная «нанкинским правительством» армия численностью 600 тыс. в конце Тихоокеанской войны стала угрозой для самой Японии. К тому же Чжоу Фухай поддерживал контакты с Чан Кайши и даже получал инструкции из Чунцина.

«Движение за мир» не рассматривалось его сторонниками как предательское, так как оно было призвано изменить политику Японии в отношении Китая. Суть этого курса заключалась в замене «вооруженного сопротивления» «переговорами» (297, 1976,

№ 1, с. 66)⁵³. Используя в новой интерпретации концепцию паназиатизма Сунь Ятсена, Ван и его сторонники вели переговоры с Японией для избавления Китая от «наказания войной». «Народ одной желтой расы не должен иметь ссор внутри» (518, с. 317), считали в Нанкине, понимая под народом «одной желтой расы» и китайцев и японцев.

* * *

Что же касается образа самого Китая в Японии в 30-40-х годах, то он был достаточно противоречивым. С одной стороны, японцы сохранили уважение к Китаю, как к центру древней цивилизации, но с другой, не могли не видеть его слабостей. Самые сильные эмоции, вызываемые Китаем у японцев, — это разочарование, даже уныние из-за пугающей их слабости этого государства в системе Восточной Азии. Китай воспринимался японцами как страна, утратившая свой национальный дух, саму суть своего национального развития и поэтому неспособная, как отмечалось ранее, противостоять давлению сильных западных держав, несущих в Азию «чуждую цивилизацию». Между тем в конечном счете японцы не сумели объективно оценить ситуацию в Китае в 30-х годах. В Токио не заметили происшедших в Китае изменений, которые должны были бы заставить их отказаться от своей позиции пренебрежения⁵⁴. Одержимые фанатичной идеей о необходимости оказания «помощи Китаю» в противостоянии западным державам, они прибегли к вооруженным действиям, не задумываясь над вопросом, хочет ли Нанкин этой помощи (436, с. 341). Японская экспансия в Китае осуществлялась под флагом идей паназиатизма, усиленно пропагандируемых в эти годы японскими правящими кругами и внедряемых в массовое сознание. Китай и Маньчжоуго должны были принести в мир «братство», т. е. «восемь углов под одной крышей». В создаваемой японцами «сфере процветания» первое место после самой Японии отводилось Китаю. Претворение в жизнь японских идей паназиатизма означало для всех народов, принявших «освобождение» из рук Японии, необходимость стать членами большой конфуцианской семьи с доминирующей ролью Японии. Борьбу Японии за установление монопольного господства в Китае ее правящие круги маскировали особыми отношениями между Китаем и Японией, поскольку китайцы и японцы принадлежали к одной и той же расе и имели общую культуру. В своем соперничестве с другими державами за влияние в

Китае японцы были убеждены, что у них есть право чувствовать себя в этой стране как у себя дома (459, с. 2). Апогея эта политика достигла в 30—40-х годах.

Через несколько недель после начала войны будущий министр иностранных дел Японии Мацуока Есукэ в беседе с иностранным корреспондентом так характеризовал отношения между Китаем и Японией. Эти две страны, сказал он, — два брата, получившие в наследство большой дом, называемый Восточной Азией. Несчастья довели их до глубокой нищеты. Старший брат, бездельник, превратился в наркомана и мошенника, а младший брат, худой, но сильный и честлюбивый, все-таки мечтал вернуть обратно в старый дом былую славу. Он продавал газеты на углу улицы и много работал, чтобы поддерживать дом. Старший брат обманул младшего и похитил его скудные сбережения. Младший брат в сильном гневе избил старшего, пытаясь внушить ему чувство стыда и пробудить в нем гордость за славные традиции своего дома. После долгих ссор младший брат, наконец, вступил в открытый бой (459, с. 3).

Чувства превосходства и пренебрежения в отношении Китая были наиболее характерны для представителей японских военных кругов. Так, начальник японской ставки в Северном Китае генерал Сакаи Ри писал в 1937 г., что Китай — это «общество бандитов». Китайский народ он характеризовал как «скопище бактерий, кишаших в мировой цивилизации» (436, с. 341)⁵⁵.

Намного сложнее было мнение другого армейского лидера — генерала Угаки Кадзусигэ, занимавшего ответственные посты в министерстве обороны и генеральной ставке, бывшего важной политической фигурой в предвоенной Японии и министром иностранных дел в мае 1938 г. По его оценке, китайцы слишком скупы как индивидуумы, чтобы заботиться о судьбе государства и еще меньше они хотели заботиться о будущем их расы. Угаки считал китайцев чрезмерно высокомерными и эгоцентричными. Каждая уступка тщеславию китайцев, по его мнению, увеличивала их сопротивление японцам. Генерал утверждал, что китайцы проявляют слабость при столкновении с силой. Если же они и сопротивляются, то недолго, и это не дает японцам повода для беспокойства. Китайские лидеры, по его словам, слишком расчетливы. Какие-либо шаги они предпринимают только для сохранения политических позиций и увеличения благосостояния (517, с. 203, 204). Его взгляд на китайскую культуру отличался от взглядов многих его товарищей по службе, так как он не

был знаком с китайской классикой. По мнению Угаки, было бы ошибкой утверждать, что для японцев легче быть с китайцами в хороших отношениях, поскольку китайцы относятся к той же расе, как и японцы, пишут одними и теми же иероглифами. Между тем в других областях — питании и поведении в быту — они, отмечал он, больше похожи на живущих в западных странах, чем на японцев. В последующем генерал пришел к выводу, что культурная и расовая общность Китая и Японии создает возможность поддерживать добрососедские двусторонние отношения.

Угаки отмечал, что лидеры и народ Китая не отличались характеристиками, стимулировавшими его сопротивление великим державам. Поэтому, с его точки зрения, в обозримом будущем Китай не сможет стать самостоятельным государством, Япония должна взять на себя функцию защиты Китая от западных держав, поддерживая сотрудничающих с ней китайских лидеров. Он обвинял китайцев в том, что в отношениях с японцами они, якобы, не учитывают таких важных факторов, как расовая и культурная общность. Тем не менее генерал не исключал возможности установления сотрудничества с Китаем в вопросе сохранения мира, но при руководстве со стороны Японии (517, с. 205).

Особенно резко в адрес Китая и правительства Чан Кайши выступал командующий японскими силами в Северном Китае генерал-майор Тада. По его мнению, китайцы — это нация, которая больше всего ценит свое «лицо». Считая, что японцы помогли Китаю избежать раздела «белыми империалистами», он обвинял китайцев в неблагодарности (имея в виду состояние китайско-японских отношений, начиная с середины 30-х годов). С точки зрения этого японского генерала, китайские лидеры, требуя отмены специальных прав Японии в Китае, проповедовали эгоистические идеи. В Нанкине, по мнению генерала, не могли понять взаимосвязь существования двух стран. Если принять во внимание международную этику и моральные обязательства в отношении своего соседа, то такую позицию, считал Тада, невозможно простить (570, 1935, т. 74, № 9, с. 308).

Большой ошибкой, подчеркивал Тада, было деление китайских лидеров на «прояпонскую фракцию» и «американо-европейскую фракцию». По сути существовала только одна «фракция», именуемая некоторыми японцами «китайской фракцией для китайцев». Тада считал наносящими вред Японии попытки обес-

печить китайско-японское сотрудничество через «прояпонских профессионалов». Генерал призывал изучить причины отказа Гоминьдана и Чан Кайши от совместных действий с Японией (570, 1935, т. 74, № 9, с. 309). По словам японского генерала, Чан Кайши и его сторонников следует рассматривать как врагов. Пока они господствуют в Китае, нет никаких возможностей для установления дружественных отношений между государствами (570, 1935, т. 74, № 9, с. 311). Тада оправдывал отношение японцев к Китаю с позиции превосходства и использования силы. Континентальную политику Токио он считал миссией, порученной Японии богом, и начавшаяся война была для Тада началом расовой войны за эмансипацию составляющего большую часть человечества «цветного народа» от порабощения западными державами и США (458, с. 228).

Позицию превосходства в отношении Китая разделяли и представители японских дипломатических кругов. Так, Мацуока Есукэ в своем выступлении на заседании Лиги Наций в Женеве утверждал, что Китай не являлся организованным государством в современном смысле слова, а был всего лишь конгломератом военных группировок, каждая из которых стремилась к контролю над определенной территорией (567, с. 56; 570, 1932, т. 69, № 47, с. 162).

В Японии однако имели место и другие представления о Китае. Так, известный специалист по Китаю, глава азиатского бюро японского МИД'а Исии Итаро положительно оценивал деятельность гоминьдановского правительства. Не вызывало сомнения, подчеркивал Исии Итаро, что «национальное возрождение» Китая было связано с именем Чан Кайши. Именно он один пользовался доверием народа. Требование отставки Чан Кайши нанесло бы большой вред делу Японии и могло вызвать еще большее сопротивление китайского народа. В течение слишком долгого времени японцы презирали Чана как ненавистного врага, который использовал Японию как «инструмент для объединения нации». По мнению Исии Итаро, Япония упустила свой шанс, когда в 1935 г. министром иностранных дел в Китае стал Чжан Цюнь, а Чан Кайши направлял секретно к Угаки, личному другу Чжан Цюня, своих представителей для урегулирования отношений с Токио. Именно японцы, по словам Исии Итаро, практически загнали Чана в угол, и тот был вынужден заявить, что Китай «достиг предела своего терпения» (подр. см. 436, с. 153-155). Японии придется пожалеть о совершенной ошибке.

Один из советников Коноэ Озаки Хотцуми в 1938—1939 гг. считал, что китайский народ имеет неограниченную способность к сопротивлению. Поэтому война могла бы закончиться только в том случае, если Япония будет считаться с интересами националистов-гоминьдановцев (436, с. 140). В окружении Коноэ многие считали, что использование силы не решит «китайской проблемы». Об этом писал один из представителей японских интеллектуалов известный философ и журналист Мики Киоси. Огромный Китай, по его словам, не мог быть оккупирован, поэтому он осуждал использование Японией силы и настаивал на отказе Японии от навязывания своих идей Китаю.

Однако правящие круги Японии не отличались дальновидностью, что и привело к провалу задуманной ими миссии по «спасению Китая» и созданию под своей эгидой «сферы процветания» Восточной Азии. Китай сумел сохранить свой суверенитет.

Генерал У Течэн, член чунцинского правительства, заявил, что японские политические и военные службы в Китае собрали много сведений о численности китайской армии, ее слабости, коррупции в Китае, но для них остался неизвестным такой факт, что Китай — это нация. Они следили за неудачами, постигавшими китайскую революцию, но не смогли по достоинству оценить ее результаты, не уяснили, что не смогут победить Китай.

Один из западных исследователей подчеркивал, что с момента образования японской нации на протяжении двух тысячелетий отношения Китая и Японии характеризовали соединенные вместе любовь и ненависть (459, с. 1). В период войны ненависть достигла критической отметки, что принесло много страданий и китайскому, и японскому народам.

15 августа 1945 г. в обращении к китайской армии по случаю победы над Японией, Чан Кайши, проявив большое гражданское мужество, призвал солдат и офицеров не мстить японцам, следовать евангельской заповеди о любви к врагам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Образ» Японии в глазах Китая складывался в процессе длительной эволюции сложных отношений двух стран и отличался весьма неоднозначным и более противоречивым характером по сравнению с его японским аналогом. Существенную роль в его формировании играли китайско-японская культурно-расовая общность, динамичный прогресс Японии и постепенное расширение масштабов японского политического и военного давления на Китай.

Хотя восприятие Японии на элитарно-идеологизированном уровне общественного сознания Китая было более конъюнктурным и менее подверженным инерционности мышления, то общее, что роднило его с уровнем обыденного сознания, это — утилитарное отношение лиц китайской национальности к Японии, что прослеживается в течение всей истории китайско-японских отношений в новое и новейшее время. Подобный прагматизм, пронизывающий все пласты общественного сознания китайцев, получил, как полагают авторы, новое подтверждение на конкретном историческом сюжете развития отношений двух социумов.

Проделанный анализ свидетельствует о том, что восприятие и китайцев и японцев как продуктов общей конфуцианской культуры не было свободно от проявления особого рода великодержавия и ксенофобии. Так, традиционный подход к Японии со стороны китайской феодально-консервативной элиты характеризовался отношением к ней как к «варварскому» социуму, который, заимствовав китайские культурные ценности, на определенном этапе искажил их в погоне за атрибутами западной цивилизации. С другой стороны, чувство уважения и почтительности Японии к Китаю как уникальному культурному колоссу к концу нового времени трансформировалось в высокомерие и превосходство по отношению к народу, который, по мнению

определенных японских кругов, погряз в старых формах общественного бытия и оказался неспособным воспринять плоды современной цивилизации.

В последние десятилетия XIX в. наряду с традиционно-консервативным подходом получил развитие новый взгляд на Японию, характерный для представителей прогрессивных общественных сил Китая. Для многих представителей прогрессивной китайской интеллигенции Япония эпохи Мэйдзи явилась образцом прогресса, быстрой и динамичной модернизации социально-экономической и политической систем, своего рода феноменом превращения из отсталой и зависимой азиатской страны в сильное и процветающее государство. Данное восприятие было основано в значительной степени на эмоциональном отношении к стране «Восходящего солнца», на субъективном понимании характера культурно-исторических традиций и межгосударственных связей с акцентом на расовой и культурной общности китайского и японского народов, то есть неизменно окрашивалось в националистические тона. В рамках такого подхода Япония воспринималась равно и как агрессивная, милитаристская держава, угрожающая китайской государственности, но и как «надежда Азии», как страна, бросившая вызов колонизаторам белой расы и заставившая их уважительно относиться к азиатским народам. В частности, в суньятсеновской доктрине панasiatизма решающее значение отводилось сотрудничеству Китая и Японии — «наций одной расы и одной культуры», подчеркивался особый характер отношений, связывающий судьбы двух стран.

Таким образом, на рубеже новейшей истории для китайского восприятия Японии характерной являлась тесная связь компонентов позитивного и негативного порядка, их тесное соседство друг с другом, а часто и прямое вытекание одного из другого. Так, чувство расовой общности двух стран, помноженной на общность культурно-исторической традиции, было тесно связано и с чувством китайского превосходства над Японией. С другой стороны, с чувством уважения и восхищения Японией, желанием подражать динамизму ее социально-экономического и политического прогресса непосредственно соседствовало насто-роженное отношение к ней как государству, превратившемуся в серьезную угрозу для Китая. Хотя степень доминирования и акцентировки перечисленных выше компонентов отношения к

Японии в различных слоях китайской общественности была разной, представляется, что все они, хотя и в различных сочетаниях, присутствовали на всех уровнях общественного сознания. Сложное сочетание позитивных и негативных моментов в китайском «образе» Японии, выявившихся на стыке XIX—XX вв., характерно, по мнению авторов, и для сегодняшнего восприятия Японии в Китае.

Расширение масштабов японской экспансии в Китае после предъявления «21 требования» и рост китайской националистической реакции, которая постепенно приобрела ярко выраженный антияпонский характер, стали решающими факторами, оказавшими воздействие на китайское восприятие Японии на последующем этапе (1915—1945 гг.). Конечно, и в эти годы на различных уровнях общественного сознания отражалось различие классовых подходов к Японии. Чрезвычайная наглость, надменность японцев по отношению к китайцам, изощренные и унижительные формы эксплуатации на японских предприятиях в Китае, наконец, особая жестокость, проявленная японскими агрессорами в годы войны, формировали в пробуждающемся сознании широких народных масс, которые, естественно, в первую очередь сталкивались со всеми этими явлениями, явно негативный облик Японии как «империалистического злодея», который, по словам С. Фицджеральда, «стремился максимально ослабить Китай, чтобы незаконно захватить его ресурсы» (467, с. 77). От слепой ксенофобной ненависти вообще к «заморским дьяволам», в том числе и к японцам, массовое сознание за эти годы шагнуло к восприятию японцев как наиболее жестоких и агрессивных представителей внешнего мира. Чувства вражды и ненависти к японским захватчикам (причем, явно большие по сравнению с аналогичными чувствами, которые китайцы испытывали к западным колонизаторам), получив дополнительный импульс в период японо-китайской войны 1937—1945 гг., оказались доминирующими на уровне массового сознания. Характерно, что позитивные компоненты восприятия Японии (культурно-расовая общность и т. п.), которые на идеологизированном уровне были отправными моментами различных паназиатских доктрин, в данном случае вызывали прямо противоположную рефлексию, усиливали негативное восприятие Японии (по принципу — «враг в общей семье хуже внешнего врага»; если японцы, принадлежавшие к одной с китайцами расе,

которой китайцы «подарили» свою культуру, так ведут себя по отношению к Китаю, тем большую ненависть они заслуживают с его стороны). Эти чувства в сочетании с ощущением Японии как источника серьезной опасности для Китая оказались достаточно устойчивыми компонентами китайского массового сознания в период японо-китайской войны. С другой стороны они подогревались комплексом презрения и шовинистического превосходства по отношению к китайцам, культивируемым японскими правящими кругами в годы войны¹.

Более сложным и противоречивым было в эти годы восприятие Японии на идеологизированном уровне общественного сознания. Следует отметить, что в национализме Сунь Ятсена, а в дальнейшем и других теоретиков Гоминьдана (Ху Ханьминя, Дай Цзитао), сквозь призму которого они воспринимали Японию, важное место занимали идеи о мессианской роли Китая, об исключительности принципа *ван-дао*, с которым они связывали идею превосходства китайской нации над другими нациями мира.

Хотя негативный стереотип отношения к Японии как агрессору в период японо-китайской войны превалировал среди лидеров и теоретиков Гоминьдана, он не был типичен для всех группировок господствующих классов. Широкая пропагандистская кампания, развернутая Японией в конце 30-х — начале 40-х гг. в защиту желтой расы против «империализма белой расы» и подкрепленная конкретными мерами по созданию на расовой основе союза восточно-азиатских государств — «сферы процветания Восточной Азии», имела некоторое влияние и среди китайских националистов, боявшихся в первую очередь возрастающего влияния КПК. Иллюзии о возможности при содействии Японии укрепить национальную независимость имели хождение в кругах Гоминьдана, хотя преобладающее влияние в нем принадлежало сторонникам сопротивления, которых не устраивала роль Китая как подчиненной силы в восточно-азиатском «сопроцветающем сообществе».

В послевоенный период процесс взаимного изменения оценочных социально-психологических стереотипов как в Китае, так и в Японии был продолжительным и сложным. Его эволюция происходила на фоне кардинальных социально-экономических и политических сдвигов в обеих странах и в мире в целом — победы народной революции в Китае, остававшемся в 50-х

годах на платформе союзнических отношений с мировым социализмом, бурного послевоенного экономического роста Японии, наконец, начавшегося в 60-е годы процесса внешнеполитической переориентации китайского руководства. В период «холодной войны» социально-психологические стереотипы «взаимовидения» оказались теснейшим образом связаны с политикой, формировались под ее непосредственным влиянием и в свою очередь непосредственно воздействовали на нее.

В 50-х годах общественное мнение в Китае, формирующееся в значительной степени под воздействием официальной пропаганды, воспринимало Японию прежде всего как угрозу национальной безопасности страны. Такого рода подход подогревался не только и не столько воспоминаниями об агрессивности японского милитаризма, но прежде всего партнерством Японии с американским империализмом, который, опасаясь дальнейшего роста освободительной борьбы народов Азии, встал на путь ее превращения в военно-стратегический плацдарм США в азиатско-тихоокеанском регионе. Япония в восприятии китайцев принадлежала к враждебному лагерю, возглавляемому империализмом США, была связана с ним «договором безопасности» и демонстрировала свою враждебность официальным непризнанием Китая и другими недружелюбными актами, например, подписанием мирного договора с правительством Чан Кайши на Тайване, оказанием помощи США в агрессии против народов Индокитая, нормализацией отношений с Южной Кореей и т. п. Даже в 60-х гг., когда лидеры КНР приступили к переориентации своего курса и соответственно претерпела изменение и их «японская политика», официальная китайская пропаганда продолжала в определенной степени поддерживать в народе этот негативный стереотип².

Выявившийся в 60-х гг. новый подход к Японии со стороны китайского руководства был связан с ростом националистических настроений в КНР. Отныне значение Японии преимущественно стало определяться уровнем развития ее материально-технической базы, военно-промышленным потенциалом и возрастающей активностью в азиатско-тихоокеанском регионе, где прежде всего сосредоточились внешнеполитические усилия китайского руководства. Китайцы в это время смотрели на Японию, как считает Д. Барнетт, со «смешанным чувством вражды, зависти и восхищения» (429, с. 122). По мере переориентации

внешней политики КНР аргументация в пользу установления взаимопонимания с Японией приобретала все более явный националистический и антисоветский характер.

На стереотипы восприятия Китая правящими кругами Японии в послевоенный период, безусловно, влияли успехи его экономического строительства и рост политического влияния в мире. Поражение Японии во второй мировой войне и превращение Китая в важный фактор международных отношений поколебали высокомерное отношение японских правящих кругов к своему восточноазиатскому соседу. На восприятие Китая как угрозы для Японии наиболее консервативными кругами правящего лагеря в 50-е годы влияли, по мнению западных авторов, такие предпосылки, как военно-политический союз КНР с СССР, его участие в «корейском конфликте», связи КПК и КПЯ и т. п.³

Решающее воздействие на изменение этого подхода к Китаю оказала переориентация внутренней и внешней политики КНР. Под воздействием этого факта в правящих кругах Японии начало набирать силу иное «видение» Китая, характеризующееся отношением к нему уже не как к «коммунистическому», а как к «националистическому» государству, добившемуся независимости и национального возрождения, с нотками сочувствия, понимания его «нужд и даже призывами «осознать вину» перед «братской азиатской страной». Что касается китайского руководства, то оно широко использовало свои возможности, чтобы непосредственно влиять на общественное мнение Японии в благожелательном для себя духе, поощряя развитие подобных настроений в определенных общественных кругах Японии, — явление уникальное для послевоенных отношений двух стран⁴.

Нормализация американо-китайских и японо-китайских отношений в 1972 г. и затем приход к власти в Китае нового руководства ускорили формирование прагматического подхода обеих стран друг к другу. Их нынешнее восприятие прежде всего включает осознание важности взаимодействия двух социумов, несмотря на различие их социально-экономических и политических моделей. Для правящих кругов Китая расчеты состоят прежде всего в стремлении использовать японский технико-экономический потенциал и укрепить свои внешнеполитические позиции. Китайское руководство стремится дать понять японским правящим кругам, что без сотрудничества с Китаем, в про-

тивовес ему у японского монополистического капитала нет будущего в Азии, что Китай может быть либо опасным противником Японии, либо его надежным партнером.

Сегодняшний стереотип восприятия Японии в Китае, сформировавшийся на базе культурно-исторических традиций, расовой общности и трудных политических отношений за последние сто лет своеобразно аккумулирует сложный комплекс противоречивых чувств, настроений и эмоций. В нем тесно соседствуют: ощущение собственного величия, выросшей мощи и значимости для Японии и одновременно понимание огромной технико-экономической отсталости Китая в сравнении со своим восточноазиатским соседом; память о прошлой агрессивной политике Японии, связанное с этим настороженное к ней отношение и явное тяготение к Японии, азиатской стране, ставшей крупнейшей индустриальной державой капиталистического мира, от которой можно получить экономическую помощь и поддержку.

Безусловно, нынешние реалии влияют на расстановку акцентов в этом стереотипе, выдвигая на первый план, как нам представляется, китайский прагматизм в подходе к Японии. Д. Барнетт отмечает, например, что в отличие от японцев в сегодняшних китайских взглядах на Японию присутствует мало сентиментальности⁵. Китайское руководство, используя пропагандистские и другие средства, стремится активно воздействовать на массовое сознание и формировать его в соответствии с трезвым расчетом своей политики. Традиции культурно-исторической общности и расово-националистический подход к Японии, хотя по-прежнему используются Пекином в политических целях, однако отходят на второй план, заслоняясь сознанием того реального факта, что Япония превратилась в ведущую державу, политически и экономически тесно связанную с Западом и обладающую реальным, прежде всего экономическим весом на региональных и глобальных уровнях.

Ощущение, что Япония представляет реальную угрозу для Китая стало постепенно исчезать, однако на смену ему не приходит доверие, как к другу. Определенные опасения, что ее экономическое влияние может перерасти в политическое и даже военное, как нам представляется, сохраняются⁶. Китай проявляет сегодня большую гибкость в отношениях с Японией, признав

свою экономическую отсталость и проявляя желание учиться у своего высокоиндустриального соседа.

В Японии, в свою очередь, крепнет ощущение, что она должна взять на себя значительную долю ответственности за дальнейший прогресс Китая. Такого рода подход, окрашенный в значительной степени в эмоциональные тона, лишен, по мнению ряда западных авторов, комплекса «низший — высший». Нынешний тип взаимодействия двух социумов, справедливо подчеркивает один из западных политологов, не имеет прецедента в истории отношений Китая и Японии⁷.

Безусловно, на нынешнем этапе можно наблюдать сближение социально-психологических и политических стереотипов «взаимовидения». Вместе с тем, нельзя исключить, что в случае изменения политической конъюнктуры, прежде всего в Китае, и, как следствие, возможного обострения китайско-японских отношений, наружу снова могут выйти негативные компоненты восприятия Японии, которые, находясь сегодня на заднем плане, тем не менее живы в сознании нынешнего поколения.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

- ¹ Иероглиф «*во*» дословно означает карлик, лилипут (прилагательное — безобразный, уродливый). Это название в отношении Японии (*во го*) и японцев (*во жэнь*) сохранилось в китайских источниках вплоть до падения династии Тан. Начиная с X в. Японию начали именовать «жибэнь».
- ² Легенда о Сюй Фу, отправившемся во времена Цинь на поиски небожителей и поселившемся в Японии, где якобы и находится его могила, нашла отражение во многих китайских исторических хрониках и подробно анализируется в работе китайского историка Ван Цзиу (104, с. 9—18). О многократных безуспешных попытках достичь заветных островов, населенных бессмертными святыми, у которых имелся эликсир бессмертия, рассказывается в главе 28 «Исторических записок» Сыма Цяня (79, т. 4, с. 161, 171, 178, 184, 186, 192).
- ³ Вопрос об установлении первых контактов между Китаем и Японией является предметом дискуссий среди китайских историков (275, с. 62).
- ⁴ Сравнительный анализ уровней развития двух стран в тот период принят в работах: 276; 427.
- ⁵ В японском древнем памятнике «Нихонги» («Анналы Японии», 720 г.) сообщается, например, о прибытии в начале V в. из корейского княжества Пэкче (по-японски — Кudara) многочисленного китайского рода, названного в источнике родом Хата (в дальнейшем — Уцумаса). (В «Нихонги» даже указывается его численность — 18670 человек, — может быть и преувеличенная, но свидетельствующая о многочисленности рода). Другим крупным переселением был переход в Японию тоже китайского рода Ати-но оми с сыном. Японские хроники отмечают, что тем самым был дан сильный толчок развитию в Японии шелководства; многие потомки китайских переселенцев в дальнейшем заняли должности «царских писцов» и историографов.
- ⁶ Из Кореи в Японии появились представители народа, у которого уже было сравнительно высокоразвитое ремесло, хорошее знакомство с иероглифической письменностью, знание китайской политической и морально-философской литературы и т. д. Некоторым из них было поручено воспитание царских детей, в частности, обучение их китайской грамоте.
- ⁷ Этот процесс подробно рассматривается, в частности, в упомянутой работе Ван Цзиу (104). См. также: 210, с. 2—5.

- ⁸ Об обмене посольствами между Китаем и Японией в VII—IX вв. более подробно см.: 104, с. 82—83; 112, т. 1, с. 7—14; 208, с. 91; 274, с. 130.
- ⁹ О заимствовании Японией «китайской модели» (в периоды Суй и Тан) подробно см.: 511, с. 277—279, 282—286.
- ¹⁰ Еще Сётоку-тайси выступил не только как активный строитель буддийских храмов (через три года после его смерти в 624 г. в Японии насчитывалось 46 буддийских храмов), но и как горячий приверженец новой религии и ее проповедник. В истории буддийской церкви он занял положение «апостола» — просветителя Японии (369, с. 68).
- ¹¹ Как отмечает Ю. Л. Кроль, в древней китайской философии (ханьская школа) дуальной структуре микрокосмоса была аналогична дуальная структура макрокосмоса; древние оппозиции «центр — периферия», «внутреннее — внешнее», «Китай — варвары» также были интерпретированы в духе универсального представления о двух мировых началах — силах *инь* (темное начало) и *ян* (светлое) (370, с. 17).
- ¹² Понятие «сяо гуйцзы» более универсально и использовалось не только по отношению к японцам.
- ¹³ Авторы далеки от мысли механически переносить на Китай западноевропейскую систему «сюзерен — вассал» и идентифицировать ее с внешнеполитической конструкцией «Китай — варвары», «гегемон — данники» — специфическим продуктом восточно-азиатского феодализма. Вместе с тем условное использование в данном случае европейских понятий кажется им более удачным, нежели выражение «данническая система», поскольку в первом случае лучше передается чисто нормативная сторона отношений, прежде всего ритуал уважительной почтительности.
- ¹⁴ Отряды из лиц японского, корейского и китайского происхождения, контролируемых феодалами Южной Японии и занимавшихся торговлей и грабежами. В результате их действий минские императоры были вынуждены принять меры по укреплению обороны морских границ, издать указ о запрещении торговых отношений с теми японскими купцами, которые не имели соответствующих разрешений (лицензий) от китайских властей, и даже в конце концов прекратить официальные связи с Японией. Более подробно о набегах японских пиратов см.: 60, с. 280, 301, 305, 306, 311; 367, с. 103—107; 546; 561, с. 11.
- ¹⁵ Л. И. Думан отмечает, что «в различные периоды истории Китая пожалование грамот на управление и присвоение титулов, как правило, было чисто символическим актом и не имело реального значения... Единственно, что выражал акт пожалования, — это стремление китайских императоров подчеркнуть свой сюзеренитет над иностранными правителями, которых китайские правители по традиции считали вассалами своей страны» (334, с. 207). Следует отметить, что вопрос о характере китайско-японских отношений в период средневековья, точнее проблема статуса Японии во взаимоотношениях с Китаем, не получила однозначного решения среди исследователей. В частности, многие китайские авторы (например, Ван Итун, Ван Цзиу, Ван Юньшэн) считают, что на определенных этапах существовала реальная политическая зависимость Японии от Китая, выражавшаяся, в частности, в признании японскими

правителями данью тех даров, которые отправлялись ко двору китайских императоров.

- ¹⁶ По нашему мнению, эпизод 1597 г. с китайским послом мог быть использован лишь как предлог для очередного похода сёгуна. Истинные мотивы, безусловно, были иными.
- ¹⁷ Негативное отношение к китайской цивилизации проявлялось среди японских интеллектуалов еще в XIII в. (463, с. 50).
- ¹⁸ Например, уже культура двора могущественного аристократического рода Фудзивара, представители которого в IX—XIII вв. стали фактическими правителями страны, хотя и содержала много китайских элементов, была, по выражению американских исследователей, «почти полностью свободна от каких-либо новых усилий имитировать китайский путь» (465, с. 353).
- ¹⁹ Т. П. Григорьева подметила, в частности, что «Япония знала смену правящих самурайских домов, но не знала смены императорских династий. Как ни номинальна была власть императора во времена сёгуната, его личность была неприкосновенна» (329, с. 101).
- ²⁰ Л. И. Думан справедливо отметил это, касаясь соответствующего утверждения авторов «Хоу Хань шу» (334, с. 204).
- ²¹ Ее сторонники, пишет В. Н. Горегляд, «стремились путем изучения древней японской литературы и истории выявить исконное начало в культуре своей страны, «очистить» эту культуру от всех иноземных наслоений и найти в ней рациональное зерно для воспитания в массах благородства мыслей и для управления государством» [327, с. 241—242].

Глава 2

- ¹ Сходство феодализма в Европе и Японии, как известно, констатировал еще К. Маркс: «Япония с ее чисто феодальной организацией землевладения и с ее широко развитым мелкокрестьянским хозяйством дает верную картину европейского средневековья» (376, с. 729, прим. 192).
- ² Япония раньше Китая встала на путь изоляции от западного влияния, хотя несколько позже его вступила в контакты с первыми европейцами (португальцы появились у побережья Китая в 1515 г., на Японских островах — в 1543 г.). (Отметим, что первые сведения о Западе пришли в Японию через Китай и на китайском языке — см. 372, с. 51). Мероприятия по изоляции Японии начали проводиться с конца XVI в. (первый указ против христиан-миссионеров был издан в 1587 г.). Рядом указов 30-х гг. XVII в. (последний был издан в 1639 г.) сёгун Иэмицу завершил изоляцию страны от внешнего мира, не только закрыв въезд в Японию для иностранцев (характерно, что этот запрет не распространялся на китайских и голландских купцов), но и окончательно запретив японцам под страхом смертной казни покидать страну (более подробно см. 324, с. 69—73). Изоляционистские мероприятия китайских властей относятся к XVIII в. В 1724 г. император Канси запретил деятельность в стране католических миссионеров. Позже, в 1757 г., опасаясь активности западноевропейских купцов, цинский двор запретил

инострannую торговлю вдоль китайского побережья, сохранив ее лишь в одном Гуанчжоу (ее разрешалось вести только через гильдию китайских купцов-монополистов «Гунхан» («Кохонг») под контролем императорского уполномоченного. Изоляция Китая и Японии от европейской культуры и цивилизации отрицательно сказалась на развитии обеих стран.

- 3 В отличие от Китая японская политика изоляции страны от внешнего воздействия не была столь полной. Отражая специфику внутривосточной борьбы, самоизоляция не закрывала полностью доступ в Японию европейской науке, техническим достижениям и прогрессивным идеям, которые брала на вооружение антисёгунская оппозиция (372, с. 46, 51—52).
- 4 В данном случае мы рискуем применить к Японии первой половины XIX в. выражение «формационный надлом», которое О. Е. Непомнин использовал в отношении Китая второй половины XIX в.
- 4а Самурайские школы в поздний период правления Токугава подготовили хорошую почву для восприятия научных достижений Запада, а их выпускники сыграли важную роль в революции Мэйдзи (372, с. 61—62).
- 5 Второй раз в истории Японии (вспомним восприятие «китайской модели» в VII—IX вв.) внешний фактор сыграл роль стимулятора, приведшего в действие сложный механизм трансформации и адаптации внешнего воздействия. Во второй половине XIX в. почва для этого была подготовлена развитием капиталистических отношений в недрах японского общества в предшествующий период. В процессе адаптации западных ценностей под лозунгом «японская душа — европейские знания» японцы смогли не оторваться от своих традиционных основ. В ходе исторической эволюции, пишет А. Н. Мещеряков, «Япония выработала механизмы адаптации информации, а не ее распространения, в то время как внешний мир развил в себе скорее способность к распространению собственных ценностей, а не усвоению чужих. Поэтому революционные по своей глубинной сути преобразования получили имя и имидж не «революции» (тотального отрицания традиционных установок), а «обновления», «реставрации» (378, с. 21, 49—50).
- 6 Отметим попутно точку зрения некоторых западных исследователей, в частности, Т. Ли (501), которые пытаются, следуя за концепциями Дж. Фэрбенка и Е. Рэйшауера, объяснить успех модернизации Японии в первую очередь ее военной традицией, постоянством основных элементов традиционного японского общества, значительным числом руководителей, «которые отличались умом и способностями» и т. п. Отмеченные автором этническая и лингвистическая однородность японского общества, относительно высокая степень грамотности населения сыграли, на наш взгляд, благоприятную роль в процессе капиталистической эволюции Японии.
- 7 Более подробно см.: 338, с. 138—139; 369, с. 189—190.
- 8 Кисидо Гинко посетил Китай в последние годы режима Токугава. Позднее, в 1874 г., он сопровождал японскую военную экспедицию на о. Тайвань и сделал запись в своем дневнике: «Почему бы Японии не

покорить Китай сейчас?» «За несколько лет, — отмечает С. Это, — позиция Кисида изменилась полностью» (463, с. 51).

- ⁹ В период реставрации императорской власти в Японии конфуцианство как сильное и организованное учение теряет свое значение в политической жизни страны (см. 544, с. 41). Причин здесь несколько: конфуцианство являлось официальной идеологией в период Токугава, а потому особенно рьяно подвергалось критике со стороны последователей нового режима, выдвигавших в противовес ему идеи синто; оно активно выступало против западных идей; многих ученых-конфуцианцев, ранее игравших видную роль в жизни страны, не осталось в живых и т. п. Однако несмотря на пассивную роль, которую в дальнейшем играли приверженцы конфуцианства в сфере практической политики и идеологии, его идеи по-прежнему сохранялись в общественной жизни, прежде всего в области социально-этических проблем (отметим, например, принцип беспрекословного подчинения низшего высшему).
- ¹⁰ Один из зачинателей социалистического движения Японии Котоку Дэн-дзиро (Сюсуй) (1871—1911) в своем трактате «Империализм — чудовище XX века» (в 1902 г. был издан в переводе на китайский язык в Шанхае) специально отмечал, что эти настроения начали широко распространяться на фоне японских побед над Китаем, достигнув уровня, никогда не известного ранее в японской истории (488, с. 153).
- ¹¹ Характерно, что в созданной в 1861 г. Канцелярии по общему управлению делами различных стран (сокр. Цзунли ямэнь) не было специального отдела, который бы ведал отношениями с Японией. Впоследствии чиновничий аппарат Канцелярии состоял из пяти отделов: Англии, Франции, России, США и морской обороны. Связями с Японией занимались чиновники русского отдела.
- ¹² Со второй половины XVI в. после интенсивных набегов японских пиратов на китайское побережье и походов сёгуна Тоётоми Хидэёси в Корею официальные отношения между Китаем и Японией были прерваны.
- ¹³ В 1863—1864 гг. имели место такие вооруженные акции западных держав, как высадки английских и французских войск в Иокогаме, бомбардировка английским флотом порта Кагосима, обстрел города Симоносэки объединенной эскадрой США, Англии, Франции и Голландии.
- ¹⁴ Одним из первых, еще в середине 50-х гг., в Японии побывал Ло Сэнь, уроженец Гуандуна, переводчик на борту американского корабля из эскадры commodora Перри. «Японские дневники» («Жибэнь жицзи») Ло Сэня (51, с. 29—46), опубликованные в Сянгане в 1854—1955 гг., дают представление о восприятии китайцами Японии накануне «реформ Мэй-дзи» (100, с. 52—53).
- ¹⁵ После подписания китайско-японского договора 1871 г. о дружбе и торговле стороны договорились об обмене постоянными представительствами. Японское посольство в Пекине было создано в 1874 г. (первым японским посланником в Китае стал С. Янагивара). Китайское посольство в Японии было учреждено только три года спустя, в 1877 г. До начала японо-китайской войны 1894—1895 гг. посланниками китайского правительства в Токио были Хэ Жучжан, Ли Шучан, Сюй

Чэнцзу, Ли Цзинфан (приемный сын Ли Хунчжана, подписавший впоследствии вместе со своим отцом Симоносекский договор) и Ван Фэн-цао. В 80-х годах в Нагасаки было учреждено консульство во главе с Юй Тэном.

- 16 Многие из этих материалов были опубликованы в КНР, в частности, в одном из сборников специального сериала «Прорыв в современный мир. Китайские путешественники до 1911 г. («Цзоу сянь шицзе цун-шу»)» (см. 51).
- 17 «Японская мозаика в стихах» — цикл стихотворений Хуан Цзунсяня о различных сторонах жизни японцев — была опубликована в 1880 г. в Гонконге при содействии Ван Тао, с которым Хуан познакомился в Японии весной 1879 г. «Трактат о Японии» был написан в 1879—1887 гг. и опубликован в начале 90-х годов сначала в Японии, а затем в Китае. Заново отредактированное автором издание «Трактата» вышло в 1898 г. в Шанхае при содействии реформаторов. Более подробно о Хуан Цзунсяне см.: 234; 280; 300; 493.
- 18 Именно так он интерпретировал легенду из «Хоу Хань шу», согласно которой некий Сюй Фу, даосский отшельник, бежал в Японию с 3000 мальчиков и девочек, чтобы спастись от тирании Цинь. Они поселились в районе Кумано и стали прародителями японской императорской семьи.
- 19 Известный китайский сановник и ученый-конфуцианец, представитель хунаньской феодально-помещичьей клики, в 1877 г. возглавил первую китайскую постоянную дипломатическую миссию за границей (в Англии и Франции). В докладах трону подчеркивал, что традиционное отношение к Западу как «варварскому» окружению Китая наносит ущерб его государственным интересам (см. 107; 243).
- 20 В 1867 г. эти опасения высказывал великий князь Гун, занимавший в то время пост главы Цзунли ямэня. Сановник Гуй Вэньцань, выражая беспокойство по поводу посылки японских студентов за границу, считал, что это может укрепить связи Японии с Западом и усилить ее позиции по сравнению с Китаем.
- 21 Для Китая это был острый и болезненный вопрос. Созданное в 1859 г. по настоянию англичан Управление императорскими морскими таможнями Китая, которое ведало всей внешней торговлей империи, практически контролировалось иностранцами. В 1875 г. в китайских таможнях служило 348 иностранцев, а к 1895 г. — 770, преимущественно англичан. В 1863—1909 гг. бессменным генеральным инспектором и фактическим хозяином китайских морских таможен был англичанин Р. Харт.
- 22 В этой связи нам представляется необоснованным утверждение западных авторов о том, что сторонники политики «усвоения заморских дел» стремились использовать в качестве образца «японскую модель» (475, с. 342). Однако в современной китайской литературе предпринимаются попытки установить связь между политикой «усвоения заморских дел» и «реформами Мэйдзи» (см. 180, с. 45—50; 302, с. 43—49). В данном случае интересно высказывание одного из участников движения Го Сунтао, который призывал всех уехавших на учебу в Европу основное внимание

уделять изучению не военного дела, а экономики и научно-технических достижений, как это делают японцы (107, с. 66).

- 23 Го Сунтао, Ли Минчжуань и др., соглашаясь с мнением Ли Хунчжана по поводу усиления Японии, все же не рисковали делать столь крайние выводы. По их мнению, в будущем Япония могла бы стать лишь потенциальным соперником Китая.
- 24 Всего за год до этого, в 1870 г. цинские сановники отвергли японское предложение заключить торговый договор между двумя странами. Помимо ссылок на отсутствие у японского представителя Янагивара официальных полномочий, китайский отказ мотивировался тем, что «торговля и без того ведется», что «в обстановке взаимного доверия торговать можно и без договора». Немаловажную роль сыграло то обстоятельство, что некоторые чиновники Цзунли ямэня упорно отказывались видеть в Японии самостоятельного партнера и по-прежнему рассматривали ее как «вассала» Китая (подробно см.: 112, т. 1, с. 29—33).
- 25 Нам трудно согласиться с мнением Ван Цзиу и М. Дженсена, которые рассматривают период начала 70-х гг. XIX в. как характеризующийся стремлением Японии установить добрососедские отношения с Китаем и, более того, как «период значительного расцвета дружбы между Японией и Китаем» (104, с. 192; 488, с. 17). Факты свидетельствуют как раз о нарастающем давлении Японии на Китай и говорить о какой-либо «дружеской гармонии» в их отношениях в эти годы нет никаких оснований.
- 26 Архипелаг Люцю (Рюкю) (главный остров — Окинава) в течение многих столетий был источником территориальных споров в японо-китайских отношениях. Со второй половины XIV в. правители островов признавали себя зависимыми то от китайских императоров, то от соседних японских княжеств (в частности, княжества Сацума), получая, таким образом, двойную инвеституру от Китая и Японии (более подробно см.: 541, с. 426).
- 27 В декабре 1871 г. у юго-восточного побережья Тайваня потерпело крушение судно, принадлежащее Рюкю. Местные жители напали на экипаж и убили несколько моряков.
- 28 «Силы Японии увеличиваются с каждым днем, — писал Ли Хунчжан, — и планы у нее обширные. Она уже свысока смотрит на Китай и зарится на Тайвань. Япония становится вечной мукой для Китая» (цит. по: 202, с. 61).
- 29 Выходящая в Шанхае английская газета писала по этому поводу следующее: «Если это признание независимости и равенства Японии и не было равнозначно отказу империи от принципа подхода к японцам как сюзерена к вассалу, оно по меньшей мере свидетельствовало об отказе от высокомерных претензий на верховенство и понимание, что и в этой части мира наступила новая эра» (цит. по: 314, с. 403).
- 30 Канхваский японо-корейский договор о «дружбе и торговле» обязывал Корею предоставить японским гражданам право экстерриториальности и консульской юрисдикции, открыть несколько портов для торговли с Японией и предоставить ей ряд других привилегий. Подписанные вскоре

(в августе 1876 г.) дополнительные соглашения широко открыли двери для японской политической и экономической экспансии в Корею (112, т. 1, с. 134—137).

- 31 Тайная рекомендация, переданная Ли Хунчжаном корейскому правительству, состояла в следующем: «Прибегать к политике удержания врага руками самого врага, заключить договоры с западными державами, чтобы тем самым сковать Японию» (цит. по: 414, с. 361).
- 32 Характерно, что в докладах трону китайских дипломатов из Токио ни разу не упоминался кто-либо из японских военачальников, даже на уровне, скажем, Ямагата Аритомо.
- 33 Готовясь к мирным переговорам, цинское правительство организовало опрос высших провинциальных чиновников: заключить мир с Японией или продолжать войну. Две трети отвечавших на запрос высказались в пользу мира, но при условии, что Япония ограничит свои требования контрибуцией. В случае предъявления территориальных притязаний большинство стояло за продолжение войны (335, с. 101).
- 34 Планы сторонников войны, которые выступали с позиций «почитания императора и изгнания чужеземцев», основывались главным образом на иллюзорных надеждах использовать внешние силы, в частности Англию. Так, уже после падения Вэйхайвэя один из приближенных императора Чжи Жуй в докладе трону предлагал в союзе с Англией «покарать японцев, используя в качестве приманки для англичан 20—30 млн. лянов». Наместник провинции Хунань и Хубэй Чжан Чжидун настаивал на том, чтобы при помощи «английского займа в 15 млн. лянов купить 3—4 броненосца, нанять 5 тыс. иностранных солдат, ударить с Тихого океана в тыл Японии и заставить ее замеситься в панике» (цит. по: 414, с. 399—400). Эти планы не имели под собой никакого реального основания.
- 35 Так, в мае 1898 г. в ответ на открытие по Симоносекскому договору порта Шаши (пров. Хубэй) его население разгромило японское консульство. В июне 1900 г. после вступления отрядов ихэтуаней в Пекин был убит секретарь японской миссии Сугияма Хин. В связи с этим инцидентом после подавления восстания ихэтуаней японское правительство, стремясь уязвить национальные чувства китайского народа, потребовало от Цинов направить в Японию специальное «извинительное посольство» (345, с. 22, 202, 328).
- 36 В своих мемуарах Ли Хунчжан приводил слова члена императорской фамилии князя Цина, адресованные ему перед поездкой в Японию: «Вы развязали войну, теперь посмотрим, сможете ли Вы урегулировать отношения с Японией без унижения Китая перед японскими собаками» (86, с. 112).
- 37 По свидетельству М. Муцу, японские послы не поддались таким речам, хотя им интересно было наблюдать за попытками Ли Хунчжана обрисовать положение дел в таком ракурсе, при котором поражение Китая не выглядело бы столь унижительным.
- 38 Первоначально японское правительство выражало готовность взять исключительно на себя миссию по ликвидации антиимпериалистического

восстания в Китае, намереваясь направить туда 30-тысячную армию. Встретив противодействие России и Германии и опасаясь международных осложнений, оно отказалось от своих первоначальных намерений. Тем не менее отправленный в Северный Китай японский отряд (10 тыс. солдат под командованием генерала Ямагути) был самым многочисленным по сравнению с карательными отрядами других участников интервенции, став главной (около 50%) и наиболее боеспособной силой союзных войск (см. 345, с. 314). Параллельно с участием в совместной с западными державами агрессии против Китая, Япония в августе 1900 г. подготавливала сепаратную интервенционистскую акцию в пров. Фуцзянь, от которой она была вынуждена отказаться в связи с изменением международной ситуации на Дальнем Востоке (487, с. 99—102).

Глава 3

- ¹ Приведенное высказывание М. Дженсена не совсем точно, как нам представляется, передает диалектику нового восприятия Японии. Во-первых, не весь Китай стал «восхищаться» Японией. Наиболее консервативные круги господствующего класса, судя по всему, не изменили традиционного подхода к Японии, добавив к нему лишь свое озлобление и ненависть. Во-вторых, новый ракурс подхода к восточно-азиатскому соседу не был полностью оторван от старых, традиционных представлений, ставящих в центр воспринимаемого мира Китай, включавших и ощущение общности двух социумов (расовой, исторической, культурной), но одновременно и чувство превосходства Китая над Японией.
- ² В этой связи нам кажется чрезмерным преувеличением вывод Ли Дуя, что уже на том этапе жесткие условия Симоносекского мира «посеяли семена ненависти между двумя странами на несколько десятилетий в будущем», что «начиная с 1895 г. китайский национализм был направлен в первую очередь против Японии нежели какой-либо другой иностранной державы» (505, с. 420). Скорее и ненависть к Японии как агрессору, вышедшую на уровень общенационального чувства, и, соответственно, антияпонскую направленность китайского национализма правомернее отнести к ситуации, сложившейся после предъявления Японией «21 требования» в 1915 г.
- ³ Кан Ювэем в 1895—1896 гг. были серьезно проработаны такие японские книги, как «Политическая история Мэйдзи», «История Мэйдзи», «История 30 лет», которые впоследствии были использованы в качестве справочного материала для написания собственных работ (98, с. 166).
- ⁴ В памфлете «Гун Жи цэ» («Политика наступления на Японию»), составленном в начале 1895 г., Кан Ювэй писал: «Нам необходимо воевать, тогда мы добьемся мира. Мы должны стремиться первыми нанести удар Японии, лишь таким путем мы обеспечим свою безопасность» (цит. по: 409, с. 90). Аналогичную точку зрения выражал и другой лидер реформаторского движения Лян Цичао, который выступал против заключения мира с Японией, призывая правительство занять более твердую позицию в отношениях с ней (564, с. 6).
- ⁵ Очевидно, это утверждение понадобилось Кан Ювэю, чтобы повысить свой авторитет в глазах императора. Маловероятно, что уже в 70-х годах

он был лично знаком со многими японскими работами. Информация о Японии в тот период была все же чрезвычайно ограниченной. Свою первую работу о Японии «Записки о реформах в Японии» («Жибэнь бянь чжэн цзи») он начал писать только в 1886 г.

- 6 Большое внимание в этой пропаганде уделялось переводу японских книг. Кан Ювэй еще в 1886 г. предложил Чжан Чжидуну организовать перевод японских книг, строил планы о создании «Общества по переводу японских книг» (такое специализированное бюро удалось создать только в 1897 г.). По мнению китайских авторов, повышенное внимание реформаторов к переводу японских книг объяснялось тем, что они пытались учиться у Запада через Японию. В Японии к тому времени было переведено уже большое количество книг западных авторов. Из этих книг китайцы черпали сведения о западных реформах, которые послужили основой для японских преобразований. Результаты деятельности реформаторов по переводу японских книг сказались уже в начале 1900-х годов: с 1902 по 1904 г. с японского языка была переведена 321 книга (подробнее см.: 159, с. 57—65).

- 7 В литературе часто фигурирует сокращенное название этой работы — «Исследование реформ в Японии» («Жибэнь бянь чжэн као»). В разгар движения за реформы (летом 1898 г.) Кан Ювэй по частям передал императору Гуансюю рукопись своей книги. Позднее в «Автобиографии» Кан Ювэй писал: «Вся работа составила 12 цзюансей, а вместе с указателем и хронологией 14 цзюансей. Каждая японская реформа детально разбиралась и критиковалась мною в этой книге. Здесь же я указывал, как нужно будет проводить эти реформы в Китае, и детально объяснял различные мероприятия. Едва я успевал закончить одну часть, как император приказывал переслать ее во дворец; получив требуемое, император начинал торопить с написанием следующей части... Я ежедневно работал над составлением очередных глав своей книги, и, издавая те или иные указы, император широко пользовался моими примечаниями и рекомендациями по поводу японских реформ» (цит. по 409, с. 205).

Долгое время эту работу Кана считали потерянной. Один из его учеников, Чжан Бочжэн, в биографии своего учителя («Наньхай Кан сяньшэн чжуань») выдвинул версию, что она была уничтожена в период подавления движения за реформы. В течение многих лет этот факт не оспаривался в научных кругах (см., например. 409, с. 205). Однако в последние годы было установлено, что рукопись несколько десятков лет пролежала в архиве императорского дворца Гугун. В 1947 г. она была микрофильмована американским ученым М. Райт. Позднее, используя эту микроплёнку, тайваньский ученый Хуан Чжанцзянь опубликовал работу Кан Ювэя в сборнике «Подлинные меморандумы Кан Ювэя, 1898» («Кан Ювэй усюй чжэнь цзоу и». Тайбэй, 1974 г.). В 1976 г. труд Кан Ювэя был опубликован и в Японии (о судьбе работы подробно см.: 98, с. 165—178; 172, с. 44—46).

Исследование Кан Ювэя состоит из 12 томов, предисловия, послесловия и комментариев и охватывает период 1868—1890 гг. В 1890 г. была введена японская конституция. Этому событию Кан Ювэй придавал, судя по всему, особое значение, видя в нем апофеоз политических преобра-

зований в Японии. Работа Кан Ювэя в последние годы являлась предметом глубокого анализа в статьях китайских историков Ван Сяоцзю (98; 100), Люй Фанхэ, Люй Цзинлиня (172) и других.

- ⁸ В 1897 г. Кан Ювэй издал в Шанхае «Каталог японских книг» («Жибэнь шу мучжи»), содержащий библиографические данные о 7 тыс. японских книг (в том числе переведенных с западноевропейских языков) по различным отраслям знаний: естествознанию, политике, сельскому хозяйству, промышленности, торговле, образованию, военному делу, законодательству — всего 15 томов. Ко всем разделам «Каталога» был дан подробный комментарий. Особое внимание Кан Ювэй обращал на систему законодательства (159, с. 60, 61; 230, с. 59, 60).
- ⁹ Шэнь-нун («божественный земледелец») — в древнекитайской мифологии один из центральных культурных героев, с именем которого связывается начало земледелия, мудрый правитель. По преданию его считают также первым «фармакологом».
- ¹⁰ Это подчеркивается в современной китайской и западной литературе. Так, Ф. Вонг отмечал, что Кан Ювэй на основе исследований органов правления в западных странах и Японии пришел к выводу, что сила Японии объясняется принятием конституционной монархии и что Китай мог бы достичь такого же могущества, если бы последовал ее примеру (564, с. 21; см. также: 98; 99; 172).
- ¹¹ А. Г. Крымов отмечал в своей работе, что Кан Ювэй предлагал также ввести систему местного управления по типу японских муниципалитетов. Кроме того, Кан Ювэй считал необходимым еще до опубликования конституции учредить верхнюю палату, где собрались бы мудрейшие и ученейшие государственные советники, по образцу верхней палаты в Японии (371. с. 22—23).
- ¹² Сакамото Рёма (1835—1867) — видный деятель антисёгунского движения.
- ¹³ Эта мысль, как мы увидим, присутствует и в работах Сунь Ятсена.
- ¹⁴ Современные китайские авторы подчеркивают патриотические взгляды Чжан Цзяня (подробнее см.: 292, с. 17—21).
- ¹⁵ О большом влиянии «реформ Мэйдзи» на движение за реформы в Китае см. также: 133, с. 66; 147, с. 79; 283, с. 561.

В научных кругах дискутируется вопрос, в какой степени происходило заимствование реформаторами японского опыта. В литературе существуют две точки зрения по этому вопросу. С. Л. Тихвинский, в частности, подчеркивал, что не может быть и речи о слепом копировании реформаторами «реформ Мэйдзи»: целый ряд конкретных мероприятий, которые Кан Ювэй предлагал осуществить в Китае, лишь отдаленно напоминали их японский аналог (см. 409). В свою очередь, китайский историк И Сяньши утверждает, что Кан Ювэй механически заимствовал японские методы. При этом он ссылается на предложение Кан Ювэя по образцу Японии создать государственный банк и выпустить бумажные деньги. Подобные мероприятия, по мнению И Сяньши, нельзя отнести к числу успешных преобразований, поскольку выпуск японским правительством на началь-

ном этапе «реформ Мэйдзи» в большом количестве неконвертируемой валюты имел неблагоприятные последствия в области как политики, так и экономики (133, с. 69).

На наш взгляд, следует отметить, что увлеченные идеей осуществления на китайской почве японского опыта европеизации, реформаторы часто некритически воспринимали ряд неудачных мероприятий правительства Мэйдзи, предлагая и их реализовать в ходе будущих реформ в Китае. На одно из них, в частности, указал И Сяньши. Но главное все же состояло не в этом. Реформаторам было важно «подвинуть» правящие верхи на проведение широких и радикальных преобразований, вдохновив их примером Японии. Реализация же программы реформ на китайской почве, несомненно, выявило бы их специфику.

- 16 В процессе разработки плана проведения реформ в Китае Кан Ювэй, помимо «Исследования реформ в Японии», написал «Записки о разделе и гибели Польши» («Полань фэн ме цзи»), «Исследование реформ во Франции» («Фаго бянъ чжэн као»), «Исследование реформ в Германии» («Дэго бянъ чжэн као»), «Исследование реформ в Англии» («Инго бянъ чжэн као»), «Записки об ослаблении и гибели Турции в результате консерватизма» («Тулуцзю шоуцзю сяожо цзи»), «Записки о французской революции» («Фаго гэмин цзи»), «Записки о реформах российского царя Петра Великого» («Э хуан Да Бидэ бянъ чжэн цзи») (172, с. 44).
- 17 Прогрессивная роль движения реформаторов, по мнению И Сяньши, заключалась в следующем. Во-первых, они ясно показали, какую опасность таит в себе политика изоляционизма, подчеркивали необходимость покончить с зазнайством и учиться у других государств. Кан Ювэй в записке «Прошу расширить перевод японских книг и направлять студентов на учебу за границу» («Цин гуанцзэ жибэнь шу пай ю сюэ чжэ») писал: поражение Китая в войне с Японией не означает, что она победила Китай в военном отношении; поражение Китая — результат политики изоляционизма. В современном быстро развивающемся мире, подчеркивал Кан Ювэй, отстающий всегда будет бит. В то время, когда мощные державы конкурируют друг с другом в области политики, экономики и культуры, все знания переходят от одной страны к другой и все оказываются в одинаковом положении, поэтому есть возможность оказаться на одном уровне со всеми. Во-вторых, пропаганда реформаторами успешного опыта Японии значительно расширила кругозор представителей интеллектуальных слоев. В-третьих, реформаторы в процессе изучения опыта «реформ Мэйдзи» помимо заимствования научно-технических достижений пытались в какой-то степени преобразовать по образцу западных стран государственный строй Китая (см. 133, с. 66—69).
- 18 В ряде своих работ начала 900-х гг. Лян Цичао, в частности, пропагандировал идею «сознательного (читай — контролируемого), бескровного разрушения» по типу реформ Мэйдзи в Японии, для того чтобы избежать разгула кровавой анархии в ходе «естественного разрушения». По его мнению, разрушение, осуществляемое «гуманными и осмотрительными людьми», привело бы к стабилизации политической обстановки в

Китае, как это произошло, согласно его представлениям, в Японии. где «разрушение умиротворило разрушение и в зародыше ликвидировало внутреннюю смуту в стране» (25, с. 154—155, 157). (Более подробно об идее разрушения у Лян Цичао см. 311, с. 56—63).

- 19 Фань Вэньлань отмечает, что осенью 1898 г. во время пребывания Ито Хиробуми в Пекине на имя императора поступила петиция с просьбой сделать японского деятеля премьер-министром Китая. По его мнению, «в своем доверии к Японии реформаторы доходили почти до того, что готовы были объявить Китай вассалом Японии» (414, с. 467). Точку зрения Фань Вэньланя разделяет и Ван Сяоцю, утверждающий, что Кан Ювэй питал иллюзии в отношении японского империализма и возлагал большие надежды на заключение секретного союза с Японией и Англией (99, с. 78).
- 20 Позже Кан Ювэй писал в своей «Автобиографии», что в период движения за реформы он выступал против вмешательства иностранцев во внутренние китайские дела. Характерно, что он обратился к бывшему японскому премьеру Ито Хиробуми, находившемуся в сентябре 1898 г. в Пекине с частным визитом, только в критический для реформаторов момент с просьбой воздействовать на Цыси и изменить ее отношение к императору (см. 409, с. 223).
- 21 Примечательно, что устав основанного реформаторами Союза защиты государства (Бао го хуэй) (апрель 1898 г.) в первую очередь призывал его членов постоянно помнить о национальном позоре, который принесли Китаю война с Японией 1894—1895 гг. и Симоносекский мирный договор. В своем выступлении перед организаторами Союза Кан Ювэй специально затронул вопрос о стремлении Японии прибрать к рукам китайскую провинцию Фуцзянь (см. 409, с. 164, 166).
- 22 Внешнеполитическая ориентация реформаторов в тот период в значительной степени определялась международной обстановкой. После японо-китайской войны маньчжурское правительство начало придерживаться в вопросах внешней политики курса на сближение с Россией и даже в июне 1896 г. заключило с Россией секретный оборонительный союз против Японии. Считая, что поддержка со стороны царской России укрепляла позиции консервативного лагеря во главе с Цыси, реформаторы выступали против политики сближения с Россией и активно рекомендовали молодому императору в противовес прорусской ориентации консерваторов взять курс на сближение с молодой дальневосточной державой — Японией и с ее помощью добиться расположения Англии.
- Отметим, что распространенный среди реформаторов тезис о союзе Китая с Японией против царской России и западноевропейских держав еще в 1896 г. пропагандировался в статье молодого Чжан Тайяня «Страны Азии неразрывно связаны друг с другом», помещенной в шанхайском органе реформаторов — журнале «Ши у бао» (см. 371, с. 63).
- 23 Японская пропаганда расовой паназиатской солидарности в конце XIX — начале XX вв. в значительной степени имела и антирусскую направ-

ленность, что совпадало с антирусскими настроениями, распространенными в реформаторской среде. В написанной в 1901 г. биографии Кан Ювэя Лян Цичао в следующих словах характеризовал взгляды своего учителя, мечтавшего, судя по всему, о создании широкого международного союза с участием Китая, Японии и ведущих западных держав против царской России, в которой реформаторы видели главную внешнеполитическую опору режима Цыси: «Учитель считает, что спустя десять или двадцать лет после проведения реформ народ станет богатым, а государство — могучим, тогда можно заняться военным делом. А когда (у нас) укрепится армия, мы призовем Англию, Францию, Америку, Японию и отбросим сильную Россию. В результате лишь одного сражения (Китай) станет гегемоном. Тогда и настанет на земном шаре эра Великого Единения (Датун)» (24, с. 83).

- 24 Показательно, что точка зрения автора этой доктрины о появлении в скором времени в Китае выдающегося героя, который и возглавит борьбу против иностранной агрессии (именно ему должна помочь Япония), совпадала с представлением реформаторов о ведущей роли в истории героев, рыцарей, призванных единолично искоренять общественное зло.
- 25 Один из лидеров правого крыла реформаторов Сюй Цин во время пребывания в Японии стал членом этого общества, призывая вступить в него и других китайцев.
- 26 В частности. Тан Цайчан, который пропагандировал в своих работах желательность союза Китая с Японией и Англией, приветствовал деятельность японского «Общества возрождения Азии» (он называл его «Обществом возрождения справедливости в Азии») и предлагал учредить в пров. Хунань его филиал. Выдвигая тезис об «общности существования» двух стран, Тан Цайчан рисовал утопическую картину теснейшего экономического и политического сближения (по существу слияния) Китая и Японии. В статье «Поговорим о дружбе с Японией и англо-японском союзе» он писал: «Как добиться союза с Англией? С помощью Японии. Как добиться союза с Японией? С помощью науки. Через общность науки объединимся с Японией, через общность с Японией объединимся с Англией и будем господствовать на всех морях. Тогда хотя сильная Россия и хитра, она не решится, однако, дать волю своим желаниям расширить границы» (см. 414, с. 466).
- 27 Кан Ювэй прибыл в Японию в октябре 1898 г., предварительно получив через японского консула в Сянгане личное приглашение японского премьер-министра Окума для обмена мнениями относительно планов объединения народов Восточной Азии. Непосредственное участие в организации бегства из Китая в Японию Кан Ювэй и Лян Цичао принимали Хираяма Сю и Миядзаки Торадзо, более известные в литературе по своим связям с китайскими революционерами в 1896—1900 гг.
- Причины поражения движения за реформу до настоящего времени продолжают оставаться предметом научных дискуссий. Так, Хуан Мяньцзун и Ху Юншу отдают приоритет внешним факторам, считая, что развитие событий на международной арене не благоприятствовало проведению реформ в Китае. В конце 60-х годов XIX в. державы были заняты

решением своих внутренних проблем и не вмешивались в проведение реформ в Японии, более того, Англия, стремившаяся в то время превратить Японию в свой «форпост» на Дальнем Востоке, оказала поддержку в претворении в жизнь «реформ Мэйдзи». В конце же 90-х годов державы в значительной степени уже были вовлечены в острую борьбу за захват колоний. Хотя Англия и Япония и проявляли интерес к движению за реформы в Китае, но их позицию можно было бы определить как своего рода зондирование обстановки (подробнее см.: 233, с. 95—101).

Другой китайский историк, Чжан Фэнци, придерживается иного мнения, утверждая, что империалистические державы не создавали препятствий для проведения реформ в Китае, а Англия и Япония даже оказывали поддержку реформаторам. Главная причина неудачи китайских реформаторов, по мнению Чжан Фэнци, кроется во внутренней обстановке в Китае. Он считает, что хотя накануне «реформ Мэйдзи» и движения за реформы в Китае главное место в экономике обоих государств занимало натуральное хозяйство, однако неравномерное развитие Китая привело к тому, что распад его натурального хозяйства проходил медленнее, чем в Японии, соответственно не произошло и больших изменений в феодальной господствующей верхушке. Китайское общество, утверждает Чжан Фэнци, накануне движения за реформы ни в политическом, ни в экономическом, ни в классовом отношении не было готово к изменению государственной системы, и в любой области господствующее положение по-прежнему занимали феодальные силы (подробнее см.: 264, с. 20—26).

- ²⁸ Гораздо ближе подходит к истине, как представляется, другой западный автор, — В. Ван, который отмечает, что реформаторов нельзя считать прояпонски настроенными деятелями. По его мнению, их воинственный национализм носил «реактивный характер» (был реакцией на экспансию Запада) и стимулировался теми же факторами, которые в свое время заставили японцев «срочно учиться у Запада» (см. 561а, с. 6).
- ²⁹ Кан Ювэй так и не получил желанной помощи от Японии в целях реставрации власти Цзай Тяня. В декабре 1899 г. японские власти даже запретили ему въезд в страну как одиозной фигуре.
- ³⁰ Шан Минсюань называет цифру 13 тыс. В последующие годы численность китайских студентов в Японии начала снижаться. Более подробно о китайских студентах в Японии см.: 474; 476. По сведениям китайских авторов с 1896 по 1937 г. в Японии побывало более 50 тыс. китайских студентов (274, с. 274).
- ³¹ По оценке Г. Шифрина примерно половина китайских студентов в Японии субсидировалась правительством или местными властями (540, с. 89). Многие из них учились в японских военных школах. Характерно, что в 1907 г. представитель цинского двора в Токио одобрял поступление китайцев в японские военные академии, заявляя, что японское военное образование делает акцент на лояльности, патриотизме и подчинении старшим, что, по его мнению, блокирует возникновение оппозиционных настроений в армейской среде (561, с. 31).

- ³² По оценке западного исследователя Ф. Хуана только в 1903 г. было опубликовано более 200 книг, переведенных с японского языка; в 1902 и 1905—1907 гг. в среднем ежегодно выходило по 50 книг (482, с. 43, 44). Перевод японской литературы, по мнению исследователя, был связан с заимствованием из японского языка специальных слов и терминов, относящихся к соответствующим дисциплинам и вошедших в современную китайскую лексику.
- ³³ Подплывая к берегам Японии на японском корабле, Лян заявил: «Здесь земля незаурядных людей, имеющих общую с нами культурную и расовую основу» (561, с. 30).
- ³⁴ Чжан Хао подчеркивает высокую степень японского влияния на Лян Цичао, связывая, например, концепцию Ляна о «разрушении» с некоторыми взглядами Ито Хиробуми, которые автор трактует как «деструктивизм» (442, с. 144).
- ³⁵ Характерно, что все эти годы Лян Цичао находился под постоянным наблюдением японских властей. В японских архивах содержатся почти ежедневные отчеты специальных агентов о его деятельности (442, с. 142).
- ³⁶ И тот, и другой в это время активно сотрудничали с китайскими революционерами.
- ³⁷ Ф. Хуан отмечает в своей работе националистическую рефлексию Лян Цичао под влиянием перевода одной из японских политических новелл 1900 г., в которой Китай изображался как олицетворение всего отсталого и загнивающего, а Япония — как динамичный и процветающий лидер паназиатского содружества (482, с. 52). Патриотический настрой Лян Цичао достаточно определенно проявился в 1897 г., когда он выступил со статьей «О притеснении китайцев японцами», протестуя против дискриминации японских властей в отношении китайских граждан в Нагасаки, Кобе, Осака и других городах.
- ³⁸ Японское правительство отказалось от использования этого термина в официальных отношениях только после специального дипломатического представления Китайской республики в 1930 г. Однако он использовался в японской литературе вплоть до конца второй мировой войны (более подробно см. в главе 5).
- ³⁹ После русско-японской войны представители правящих кругов также предприняли шаги с целью изучения преобразований в Японии, в частности, ее конституции. В 1906 г. по указанию императрицы Цыси в Японию была направлена миссия, состоящая из маньчжурских и китайских сановников. Подробно см.: 243, с. 51; 444, с. 285; 452, с. 226.
- ⁴⁰ В 1904 г. Чжан Цзянь субсидировал издание переведенной на китайский язык японской конституции 1889 г., а также переводов книг японских авторов: «Принципы японской конституции», «История японского парламента» и других материалов. Часть тиража была специально разослана различным сановникам с целью склонить их к поддержке введения конституции в Китае. «Принципы конституции», провозглашенные правящими кругами Китая в 1908 г., имели много общего с японской конституцией 1889 г.

- ⁴¹ Позднее, в 1917 г., подчеркивая значение преобразований в Японии для развития китайского самосознания, Сунь Ятсен писал: «...Нас пробудили реформы, осуществленные нашим восточным соседом» (77, с. 281).
- ⁴² По мнению Сунь Ятсена, «первопричина богатства и могущества, основа управления государством» на Западе состояла в том, что «люди там имеют возможность полностью проявлять свои таланты, земля может приносить наибольшую пользу, вещи могут находить исчерпывающее применение, а товары — беспрепятственно обращаться» (75, с. 46).
- ⁴³ Буржуазные революционеры надеялись, что изменения в политическом строе, прогресс науки и производства дадут возможность Китаю развиваться так, что «скачок — и мы сравнимся с Японией, еще скачок, и мы встанем наравне с западными державами» (см. 328, с. 82. Эта же мысль отмечена и В. Н. Никифоровым — см. 385, с. 47).
- ⁴⁴ Сунь Ятсен отметил этот факт в «Программе строительства государства» (в разделе «Духовное строительство», написанном в 1918 г.). «Я направился в Японию, — писал Сунь Ятсен (он имеет в виду свой второй приезд туда в августе 1897 г.), — потому что там, ближе к Китаю, было легче находиться в курсе событий и удобнее организовать нашу работу» (77, с. 230).
- ⁴⁵ Инукаи Ки (Цуёси) (1856—1932) — видный японский политический деятель. С 1896 г. входил в основанную Окума «Прогрессивную партию» (симпото), которая в 1910 г. была преобразована в Национальную партию (кокуминто). В приводимой цитате Сунь Ятсен называет партию симпото ее позднейшим наименованием.
- ⁴⁶ Создзима Танэоми (1828—1905) — министр иностранных дел Японии в 70-х гг. XIX в. В 1873 г. он посетил Китай и вел переговоры с Ли Хунчжаном по поводу о-вов Люцю (Рюкю).
- ⁴⁷ Шан Минсюань называет более 30 японцев, связанных в то время с Сунь Ятсеном (см. 296, с. 49—50).
- ⁴⁸ «Общество черного океана» было создано в 1879 г. самураями — участниками мятежей 70-х годов. Один из организаторов общества, Тояма Мицуру, стал впоследствии лидером наиболее реакционных и агрессивных кругов Японии. В 1901 г. вместе с Утида Рёхэй он основал ультрашовинистический «Союз черного дракона». Характерно, что связи этих деятелей с Сунь Ятсеном продолжались даже тогда, когда официальный Токио лишил его своей поддержки. В конце июля 1905 г. на собрании в штаб-квартире этой организации произошло организационное оформление Тунмэнхуэя (Объединенного союза).
- ⁴⁹ Ямада погиб во время хуэйчжоуского восстания 1900 г., сорванного из-за вероломства японских властей. Впоследствии Сунь Ятсен назвал его «первым из иностранцев — борцов за справедливость, кто отдал свою жизнь во имя идеалов Китайской Республики» (72, с. 233).
- ⁵⁰ Сунь Ятсен сравнивал Миядзакю с легендарным японским рыцарем, который участвовал в борьбе за утверждение династии Тан в Китае в VII в.
- ⁵¹ Любопытна сама по себе проводимая Сунь Ятсеном аргументация японских сторонников раздела Китая, которая может рассматриваться не

только как отражение тогдашних настроений японских шовинистических кругов, но в определенной степени и его собственных (повторяем — в определенной степени, без одобрения конечного вывода, который приведен выше): «Цинское правление пришло в упадок, всюду процветает невежество, у людей отсутствует патриотизм. Так как Китай, страна с огромной территорией и 400-миллионным населением, длительное время был закрыт для иностранной торговли, плоды европейской цивилизации сначала попали в Японию. Цинское правительство разложилось и подкуплено Россией, оно не способно к самоусилению и терпит одно поражение за другим... В настоящее время великие державы уже разделили Китай на сферы влияния. В этом смысле раздел уже состоялся. О сохранении какой целостности может идти речь?» (39, с. 598).

- 52 Сунь Ятсен прибегал к сравнению Японии с Англией и в ряде других своих работ, например, в лекциях о «трех народных принципах» (1924 г.).
- 53 Запись этой беседы была опубликована в одном из номеров специального сборника революционной прессы, который под названием «Дух императора Хуанди» («Хуанди хунь») издавался в Шанхае (см. 30, т. 1. ч. 2. с. 751).
- 54 Характерно, что колебания в сторону либерализма у некоторых представителей революционного лагеря незамедлительно сказывались и на их менее идеализированном и более трезвом подходе к Японии. Чэнь Тяньхуа, например, считал, что в настоящее время союз с Японией для Китая означал бы только японский протекторат. Сбиваясь на программу «самоусиления», он выступал за китайско-японский союз только после того, как Китай обновит политическую систему, в течение десяти лет подготовит армию в 500 тыс. человек, увеличит водоизмещение своих военных кораблей на 200 тыс. тонн и построит 100 тыс. ли железных дорог (см. 386, с. 227). Явный упор на планах усиления Китая по образцу Японии делался и редакцией революционного журнала «Эрши шицзи чжи Сина» («Китай XX века»), выпущенного усилиями Сун Цзяожэня летом 1905 г. Журнал пропагандировал тезис: чтобы добиться уважения в мире, Китай должен стать сильным, как Япония.
- 55 Переход Японии к поддержке цинского правительства и, соответственно, ее явное охлаждение к китайским революционерам, последовало после того, как маньчжурское правительство согласилось со всеми условиями русско-японского Портсмутского мирного договора от 5 сентября 1905 г., касавшимся Китая. В январе 1906 г. были ратифицированы китайско-японский Пекинский договор и дополнительное соглашение о Маньчжурии, по которому цинское правительство предоставило Японии ряд исключительных прав и льгот в Северо-Восточном Китае. Портсмутский и Пекинский договоры открыли японским империалистам путь к дальнейшей экспансии в Южную Маньчжурию (112, т. 4, с. 214—223).
- 56 Весьма характерен жест японского правительства, которым оно сопроводило высылку Сунь Ятсена из Японии — ему был вручен чек на 5 тыс. иен. Как отмечает Дж. У. Сунь Ятсен, якобы, выразил понимание сложной позиции японского правительства и расценил этот акт как демонстрацию, по крайней мере, уважения к его персоне (см. 565, с. 104). (По оценкам М. Джессена, ссылающегося на японские источники, японс-

кая денежная помощь Сунь Ятсену и его сторонникам до 1911 г. составила 250 тыс. иен. — см. 487, с. 141).

- ⁵⁷ Как отмечает М. Дженсен, после 1907 г. «сердечность Сунь Ятсена по отношению к Японии уменьшилась, и образ дружественного японского правительства постепенно заслонился другим — образом Японии как опасной империалистической державы» (487, с. 174).
- ⁵⁸ В Японии немногочисленные энтузиасты организовывали митинги, создавали различные общества (например, Общество дружественных соседей и др.) с целью мобилизации общественного мнения в поддержку китайской революции и оказания влияния на политику японского правительства и деловых кругов. Был организован сбор средств для закупки и отправки в Китай оружия для революционеров-повстанцев, однако попытка одного из либеральных деятелей (Инукаи Ки), связанного с Сунь Ятсеном, наладить снабжение революционеров японским оружием окончилась неудачей (487, с. 142).
- ⁵⁹ По приезде в Нанкин Г. Ли заболел и вскоре умер.
- ⁶⁰ В то время Сунь Ятсен официально занимал должность генерального директора Бюро по строительству железных дорог в Китае.
- ⁶¹ Многие идеи, высказанные Сунь Ятсеном во время визита в Японию, нашли отражение в его последующих статьях и выступлениях, прежде всего в лекциях 1924 г. о национализме.
- ⁶² Весной 1913 г. через японского генерального консула в Шанхае Сунь Ятсен предлагал заключить китайско-японский союз в случае победы революционного Юга над Юань Шикаем (причем одним из предложенных им вариантов предполагалось создание правительства на Юге с признанием его Японией). Однако этот план не встретил поддержки среди сторонников Сунь Ятсена.
- ⁶³ Летом 1913 г. во время возобновившейся в Китае гражданской войны в Нанкине пострадали три японца. Японские шовинистические круги потребовали даже организации военной интервенции, чтобы «наказать» Китай.
- ⁶⁴ Письмо Сунь Ятсена к Окума было обнаружено среди бумаг последнего и впоследствии опубликовано его биографом И. Ватанабэ. Подробное изложение письма см.: 112, т. 6, с. 28; 408, с. 189—191; 488, с. 211; 540, с. 179.
- ⁶⁵ В этот период Юань Шикай усилил свои атаки против Сунь Ятсена, рассчитывая использовать его контакты с японцами и подорвать авторитет Суня. В канун принятия «21 требования» в Китае усилилась инспирированная правительством пропагандистская кампания против Сунь Ятсена с обвинениями его в проведении прояпонской деятельности (см. 408, с. 186—188).

Глава 4

- ¹ «Министр иностранных дел не скрыл от меня вчера своих опасений, что, несмотря на торжественное обещание, Япония не вернет Циндао Китаю», — сообщал в Петербург русский поверенный в делах в Пекине

- 18 августа 1914 г. о впечатлении, которое произвел в китайских правительственных кругах японский ультиматум Германии.
- 2 На Парижской мирной конференции член китайской делегации Гу Вэйцзюнь (Веллингтон Ку), мотивируя требование возвращения Китаю Шаньдуну, в числе аргументов выдвигал и такой: провинция является колыбелью китайской культуры, родиной Конфуция и Мэн-цзы, «священной землей для каждого китайца» (см. 66, с. 47).
 - 3 В октябре 1912 г. Лян Цичао после четырнадцатилетней эмиграции вернулся из Японии в Китай и включился в активную политическую деятельность. В 1913—1915 гг. он занимал различные посты в правительственном аппарате Юань Шикая.
 - 4 Характерно, что в сентябре—октябре 1914 г. члены японской шовинистической организации «Союз черного дракона» составили секретную записку на имя правительства, которая предусматривала установление полного политического и экономического контроля Японии над Китаем. Основные положения этой записки в дальнейшем были конкретизированы в «21 требовании». Члены союза выступали против поддержки режима Юань Шикая и призывали японское правительство сделать ставку на оказание всемерной помощи антиюаньшикаевской оппозиции, чтобы поставить у власти правительство, целиком зависимое от Японии (227, с. 136).
 - 5 Так, выступая перед журналистами, японский премьер Окума заявил, что если Китай захочет восстановить монархию и вернуться к той же форме правления, какая существует в Японии, правительство готово одобрить этот план (469, с. 58).
 - 6 Численность японских вооруженных сил в Маньчжурии к этому времени составляла 20 тыс. солдат, на Шаньдунском полуострове — 30 тыс. (526, с. 101). Японские войска были расквартированы также в районе Тяньцзиня и Дагу, то есть в непосредственной близости от китайской столицы.
 - 7 В мае 1915 г. Юань Шикай принес официальное извинение японцам за крупный антияпонский инцидент, происшедший в Ханькоу, а в июне он демонстративно сместил губернатора Хунани Лю Синьюаня, который проявил неповиновение указу о запрещении бойкота японских товаров.
 - 8 Ряд авторов склонны считать его даже «беспрецедентным», видя в нем «демонстрацию зарождающегося национализма» (452, с. 272).
 - 9 Этот факт отмечают многие историки. Так, Ли Шиюз пишет, что Сунь Ятсен и многие его сторонники вообще не выразили в тот момент какого-либо мнения по поводу японских требований (151, с. 198). В свою очередь Г. Шифрин считает, что Сунь Ятсен был «крайне осторожен в своем возмущении «21 требованием»» (540, с. 187).
 - 10 Большинство исследователей в настоящее время считает доказанным, что предложения, которые делались Сунь Ятсеном японскому правительству, действительно имели место. Вряд ли правы историки, которые называли это лишь домислом юаньшикаевской пропаганды (см., например: 408, с. 187, 188).

- ¹¹ В 1963 г., когда Г. Шифрин брал интервью в Японии у 94-летнего Кухара, последний смог продемонстрировать ему часть расписок Сунь Ятсена, заявив, что всего он дал Суню 2 млн. иен. Отметим, что до 1911 г. Сунь Ятсен и его сторонники получили от японцев 250 тыс. иен. «Игра» становилась масштабнее, соответственно повышались и ставки.
- ¹² Мнение о полном прекращении всяких отношений Сунь Ятсена с японскими политическими деятелями на том этапе высказывал в свое время С. Л. Тихвинский (см. 408, с. 191, 192).
- ¹³ Патриотические, антиимпериалистические настроения Хуан Сина проявились еще в период Суньхайской революции, когда он заявил о себе как активный противник мобилизации средств для революционной партии за счет займов из-за рубежа, а также «уступок китайских владений ради торжества революции» (70, с. 263). С этих позиций он решительно возражал против планов Сунь Ятсена использовать японскую помощь в обмен на значительные уступки Японии, усматривая в этом серьезную угрозу ущемления суверенитета страны.
- ¹⁴ По прибытии в США Хуан Син пытался встретиться с президентом Вильсоном, чтобы убедить его в необходимости выступить против японской агрессии в Китае. Однако Вильсон отказался принять Хуан Сина.
- ¹⁵ После опубликования своей статьи о преждевременности установления монархии Лян Цичао был вынужден бежать из Пекина на японскую концессию в Тяньцзине. 18 декабря 1915 г. он прибыл в Шанхай, а в марте 1916 г. при содействии японцев добрался до Гуанси. В свою очередь Цай Э во второй половине декабря при содействии тех же японцев нелегально прибыл в Юньнань.
- ¹⁶ Цзэн Чуньсюань — бывший наместник Южного Китая при Цинах. После объявления о восстановлении монархии установил связи с деятелями «Прогрессивной партии» и примкнул к антимонархическому движению.
- ¹⁷ Более подробно см. 66, с. 177—192, 193—196, 345. Японофильство Цао Жулина характеризует, например, такой факт. Накануне предъявления японского ультиматума по поводу «21 требования» он специально прибыл в японское посольство с заявлением о том, что статьи пятой группы могут быть приняты Китаем. Как иронически замечает автор памфлета против Цао, тот «проявил особую смелость, поскольку условия пятого пункта были сняты в последнем ультиматуме самими японцами» (66, с. 182).
- ¹⁸ Антияпонские настроения Дуань Цижуя проявились в период предъявления «21 требования». Когда 8 мая 1915 г., на следующий день после получения японского ультиматума, Юань Шикай собрал членов своего кабинета и заявил о готовности принять японские требования, против высказался только один человек — военный министр Дуань Цижуй, который предложил организовать сопротивление Японии, включая вооруженную борьбу. После 9 мая 1915 г. Дуань демонстративно подал в отставку (543, с. 40).
- ¹⁹ Нисихара Камэйдзо, один из руководителей полуправительственных корейского и тайваньского банков, прибыл в Китай как доверенное лицо премьера Тэраути. Он был наделен особыми полномочиями вплоть

до определения условий банковских соглашений и права непосредственно предоставлять займы. Контрагентом Нисихара в большинстве случаев выступал Цао Жулинь. Более подробно о займах Нисихара см. 66, с. 184—189; 257, с. 95—98.

- 20 Г. Шифрин оценивает японскую финансовую помощь правительству Дуань Цижуя в 100 млн. долларов (540, с. 194).
- 21 В феврале 1918 г. Танака через Чжан Цзунсяна предложил пекинскому правительству военный союз в связи с «опасной обстановкой в Сибири». Пекинские власти соглашались, только хотели ограничить его срок окончанием первой мировой войны. Однако японцам удалось навязать свои условия. 25 марта 1918 г. состоялся обмен нотами по поводу японо-китайского военного сотрудничества, а 16 и 19 мая 1918 г. были подписаны соответствующие соглашения о совместных действиях армии и флота. Согласно достигнутой договоренности японским сухопутным и военно-морским силам было разрешено действовать на китайской территории, местные власти должны были оказывать им содействие (см. 543, с. 49; 557, с. 27).
- 22 Выступая 8 декабря 1917 г. перед слушателями императорской академии с лекцией «Современные стратегические теории», Угаки заявил, что Япония является главным фактором сохранения независимости азиатских народов и поэтому должна поднять знамя священной борьбы как против европейского и американского деспотического капитализма, так и против катящейся на Восток волны русского большевизма особенно. Именно Япония, подчеркивал он, призвана выполнить миссию объединения и сплочения азиатских народов, закрыть путь в Азию европейскому деспотическому капитализму и уничтожить русский большевизм (424, с. 82).
- 23 В. Мортон считает взгляды Найто Торадзиро типичной реакцией японского консерватора на политический хаос в Китае после революции 1911 г. Как бы там ни было, они находили свое место в том шовинистическом подходе к Китаю, который японские правящие круги проталкивали в общественное сознание.
- 24 Дневник Ван Гунби впервые был опубликован в Шанхае в ноябре 1919 г.
- 25 Автор неоднократно подчеркивает, что действия полицейских одобряла и поддерживала толпа. Описывая, в частности, жестокую расправу над китайскими студентами в Токио 7 мая 1919 г., он отмечает, что «несколько сот полицейских поддержали проходившие мимо японцы», «японцы в трамваях и даже женщины, указывая на них пальцами, бранились, обзывали «рабами», «пороссячими хвостами» (66, с. 173, 174).
- 26 «Приобретя Циндао, — писал Ван Гунби, — они (т. е. японцы, — авт.) готовились уже к роли хозяев Восточной Азии, им казалось, что, избивая людей, которых они уже считали своими рабами, они осуществляют свои хозяйские права. Да и что, по их мнению, могли сделать эти второсортные китайцы, которые у себя дома грызутся между собой на радость другим» (66, с. 175). В Китае в те годы существовало убеждение, что агрессивный курс японских правящих кругов «поддерживает большинство японского народа» (66, с. 332).

- ²⁷ Ван Гунби, в частности, описывает унижительную сцену раздевания китайских студентов в полицейском участке. В ответ на протесты («У нас свои обычаи, — заявили студенты, — мы не можем, как вы, обнаженными предстать перед посторонними») полицейский взревел: «О каком костюме и о каких обычаях могут говорить какие-то китайцы!» Во время разгона демонстрации китайских студентов в Токио 7 мая 1919 г. полиция стремилась отобрать у демонстрантов китайский государственный флаг. «Некто Гун продолжал, однако, крепко держать государственный флаг Китая, — пишет Ван Гунби. — Японские полицейские набросились на него, но отобрать флаг смогли только после того, как он потерял сознание, упав с разбитой головой. На помощь товарищу бросился студент У с криком: «Не оскверняйте государственный флаг Китайской Республики!», но тут же был сбит с ног полицейским, цинично замечившим: «Какая еще там Китайская Республика?»» (66, с. 166, 173).
- ²⁸ По мнению Это Синкити, такой курс стимулировался неудовлетворенностью Японии внутренним развитием Китая и ее военным превосходством над ним (463, с. 53).
- ²⁹ В обстановке нарастания шовинистических настроений степень реализации агрессивного курса в отношении Китая непосредственно влияла на судьбу японских кабинетов. Как отмечает С. Это, в период между двумя мировыми войнами 9 из 18 японских кабинетов, начиная с кабинета Вакацуки Рэйдзиро (1926—1927 гг.), потерпели крушение из-за способности «адекватно решить китайский вопрос» (463, с. 53), то есть в соответствии с требованиями наиболее агрессивно настроенных кругов японского правящего класса.
- ³⁰ Их оппоненты (милитаристы из южной и чжилийской группировок, многие политические и общественные деятели, в том числе Сунь Ятсен), наоборот, выступали против вовлечения Китая в войну, считая, что эта акция приведет к усилению связей пекинского правительства с Японией и в целом будет использована им для укрепления своих военно-политических позиций. Иного мнения придерживались, в частности, Лян Цичао и представители руководимой им «Исследовательской группировки», которые были активными сторонниками вступления Китая в войну. По мнению Ляна (он входил в кабинет Дуань Цижуя в качестве министра финансов) такой шаг мог бы укрепить позиции Китая на международной арене и упрочить его финансово-экономическое положение (см. 448, с. 135). Называя Лян Цичао главным архитектором курса Дуань Цижуя, американский исследователь Шао Сипин, на наш взгляд, явно преувеличивает влияние Ляна на политику пекинского правительства и игнорирует его антияпонские настроения (543, с. 42). В этой же связи трудно согласиться и с китайским историком Ху Шэном, который считает, что в правительстве Дуань Цижуя Лян в целом проводил японофильский курс (227, с. 151—152). Являясь советником китайской делегации на Парижской мирной конференции, Лян Цичао стоял на патриотических позициях, активно выступал за возвращение Шаньдуна. В своей телеграмме (9 мая 1919 г.) из Парижа он приветствовал начавшееся в Пекине патриотическое движение студентов, подчеркивая, что

«гнев учащихся Пекина по поводу итогов мирной конференции справедлив». Лян Цичао призывал правительство «прислушаться к мнению народа, не упускать благоприятного случая и не дать иссякнуть народному энтузиазму» (66, с. 46).

- 31 На конференции наиболее активно с националистических позиций выступали представители Юга (Гу Вэйцзюнь, Ван Чжэнтин). Глава китайской делегации — представитель Севера Лу Чжэнсян (его имя было связано с капитуляцией Китая перед «21 требованием» Японии) занимал более умеренную позицию, хотя вряд ли можно считать ее соглашательской (66, с. 345). Еще по пути в Париж Лу выступил с заявлением о намерении добиваться возвращения Шаньдуна, а также восстановления тарифной автономии и отмены экстерриториальности. От имени возглавляемой им делегации в Париже были выдвинуты такие бескомпромиссные документы, направленные против экспансионистской политики Японии в Китае, как заявление о незаконности соглашений, навязанных Китаю на основе «21 требования», а также меморандум «Вопросы для пересмотра», в котором фактически выдвигалось требование ликвидации полуколониального статуса Китая (499, с. 204, 205; 532, с. 68—72). 6 мая 1919 г. Лу Чжэнсян заявил протест против статей Версальского договора, касавшихся Шаньдуна, выразив глубокое разочарование как делегатов, так и всей китайской нации решениями конференции, которая не посчиталась ни с Правом, ни со Справедливостью, ни с требованием безопасности Китая. Под влиянием патриотического подъема в стране китайская делегация отказалась поставить свою подпись под Версальским договором, который санкционировал передачу Японии германских прав и привилегий в пров. Шаньдун (на имя китайской делегации поступило более 7 тыс. телеграмм от общественных организаций и частных лиц с единодушным требованием отвергнуть грабительские притязания Японии).
- 32 Отголоски событий, остро волновавших китайское общество, в какой-то степени докатывались и до китайской деревни (см., например, 66, с. 128, 129), хотя уровень сознания китайского крестьянства продолжал оставаться крайне низким, и оно было далеко от каких-либо конкретных представлений о характере японской политики и реальной угрозе Китаю. Тем не менее, примитивно-традиционалистское восприятие им японцев как «восточных варваров», которые подняли бунт в Поднебесной и угрожают ее спокойствию, в целом, как представляется, вписывалось в общенациональную картину негативного восприятия Японии и возмущения проводимым ею курсом.
- 33 Пример захваченной японцами Кореи активно использовался участниками «движения 4 мая» как напоминание о том, какая жалкая судьба ждет Китай, если не пробудить народ и не поставить заслон японской агрессии. Во многих документах движения проводилась мысль: Китаю угрожает опасность стать «второй Кореей», судьба Кореи — урок для китайцев и, если уступить японцам в шаньдунском вопросе, 400-миллионный народ будет порабошен так же, как корейцы, и «потомки будут томиться в вечном рабстве». В обращении пекинских учащихся президен-

ту Сюй Шичану подчеркивалось, что в отношении Китая японцы применяют те же коварные методы, которые они испытывали ранее в отношении Кореи. Таких японофилов, как Цао Жулинь сравнивали с Ли Ван Йоном, главой корейского марионеточного правительства, подписавшего в августе 1910 г. договор об аннексии Кореи Японией (см. 66, с. 189, 207, 250, 302).

- ³⁴ Фраза «Гибель Шаньдуна — гибель всего Китая», прозвучавшая в манифесте пекинских учащихся 4 мая 1919 г., в тех или иных вариантах («стране угрожает катастрофа», «над страной нависла угроза иностранного порабощения», «родина на краю гибели» и т. п.) повторялась в многочисленных документах того периода. Например, в телеграмме У Пэйфу южным милитаристам также подчеркивалось, «что вопрос о Циндао — вопрос о жизни и смерти нашей страны». Подписание Версальского договора на японских условиях У Пэйфу считал равносильным самоубийству (66, с. 221, 273, 301, 328). С резкой критикой решений Парижской конференции выступил Лян Чичао (254, с. 190—236). Характерно, что во время патристических манифестаций в мае — июне 1919 г. типичным было использование белых флагов и белой одежды (белый цвет в Китае считается символом траура).
- ³⁵ К 1925 г. на японских текстильных предприятиях в Шанхае работало уже 60 тыс. рабочих — примерно 30% всех занятых в этой отрасли.
- ³⁶ У Пэйфу имел в виду процесс объединения Китая в конце III в. до н.э. под властью сильного княжества Цинь, которое покорило шесть других княжеств — Хань, Вэй, Чжао, Янь, Ци и Чу, уничтожив их самостоятельность. Ссылки на исторические примеры, неоднократно используемые в китайской политической публицистике тех лет, — лишнее доказательство восприятия текущих событий сквозь призму исторической традиции.
- ³⁷ С тезисом «правительство изменило своему долгу перед народом» на этом этапе выступали и представители отдельных региональных группировок господствующего класса. У Пэйфу, в частности, считал, что в этих условиях военным «стыдно сидеть сложа руки и наблюдать, как над нами вершится насилие, и не помочь дипломатам предотвратить отторжение земель» (66, с. 328). В этот период предпринимательские круги продемонстрировали активную заинтересованность в создании правительства национального единства, способного отстаивать государственный суверенитет и защищать их интересы. Выражая это мнение, шанхайская газета «Чжунфа синьхуабao» писала: «Китайский народ желает нового правительства, которое защитило бы его интересы внутри страны и достойно представляло бы его перед другими народами». Газета обрушилась на кабинет Дуань Цижун (которая «самонадеянно мнит себя хозяином Китая, нарушает мир на Дальнем Востоке, вступила в сговор с Японией и готовит новую мировую войну») и призывала западные державы «помочь китайцам покончить с господством в Пекине и в других местах прояпонской клики» (66, с. 147).
- ³⁸ Многочисленные займы на железнодорожное строительство, заключенные пекинским правительством с японцами в 1917—1918 гг. китайская

общественность связывала с японофильской деятельностью Цао Жулиня, министра путей сообщения в правительстве Дуань Цижуя. В одном из памфлетов против Цао (был опубликован в июне 1919 г. под псевдонимом Юэдун Сяньхао), в частности, говорилось, что эти займы «дают возможность хищникам (т. е. японцам, — *авт.*) грабить, опустошать Китай» (66, с. 189).

- 39 Конечно, социально-политические пружины, которые приводили в действие механизм антияпонской националистической реакции, были различны в разных социальных слоях китайского общества. Китайская буржуазия, например, особенно мануфактурная и мелкая, постоянно страдала от иностранной (в частности, японской) конкуренции, но вместе с тем ее предпринимательство было тесно связано с успехами иностранного (того же японского) сектора (см. 405, с. 74). В «движении 4 мая» 1919 г. имущие слои выступили с протестом против японской экспансии, поддержали патриотическое возмущение масс и вместе с тем стремились не допустить широкого размаха их социально-политической активности. Опасения, что низшие слои населения «выйдут из оцепенения» (Чжан Цзянь), что народные выступления «выйдут из берегов» и разлив массового возмущения создаст «угрозу наводнения», естественно, ограничивали рамки патриотической активности имущих слоев (66, с. 245, 333). По словам Дай Цзитао, перспектива перерастания патриотических забастовок в Шанхае во всеобщую городскую забастовку (июнь 1919 г.) «сильно беспокоила почти всех образованных людей города. Все это время только и думали, как бы отговорить рабочих от забастовки». По мнению «образованных людей», которое приводит Дай Цзитао, «такая забастовка неорганизованных, темных и неопытных людей... не только опасна, но невыгодна и самим рабочим» (66, с. 290, 291).
- 40 Позднее в беседе с американскими конгрессменами (август 1920 г.) Сунь Ятсен подчеркивал, что «новые японские планы вовлечения Китая в войну под протекторатом Японии» вызвали его возмущение и решительный протест (36, с. 885).
- 41 Вместе с тем авторы не располагают данными, свидетельствующими о том, что Сунь Ятсен в тот период настаивал на необходимости бойкота японских товаров и разрыве экономических связей с Японией (см. 151, с. 236).
- 42 В принципе такая форма угрозы, адресованная японцам, не типична для Сунь Ятсена. В отношении Японии он чаще всего прибегал к методу убеждения, хотя использование межимпериалистических противоречий всегда составляло важную сторону его политической деятельности.
- 43 По мнению А. И. Кобзева, концепция Сунь Ятсена «действие легко, знание трудно» явилась прямым следствием его знакомства с западной культурой (см. 368, с. 196).
- 44 Характерно, что, выступая в Японии, Сунь Ятсен подчеркивал, что огромная надежда у всех азиатских народов появилась «после того, как Япония стала независимой страной Восточной Азии» (34, с. 1023).
- 45 Накануне переговоров с северными милитаристами Сунь Ятсен стремился заручиться поддержкой Японии. В 1924 г. в Токио был направлен

начальник штаба армии гуанчжоуского правительства генерал Ли Лецзюнь вместе с японским офицером, который служил советником при Сунь Ятсене (540, с. 263). Не случайно, что маршрут поездки самого Суня в Пекин для переговоров с пекинским правительством пролегал через Японию. Однако японские правящие круги, делавшие ставку на Чжан Цзолия и Дуань Цижуя, остались глухи к призывам Сунь Ятсена. Японское правительство игнорировало его приезд, не пригласив даже приехать в Токио. Инукаи Ки (Цуёси) направил на встречу с Сунем своего представителя, переговоры с которым не имели каких-либо реальных последствий (296, с. 307; 540, с. 264).

Глава 5

- ¹ Идея Северного похода, ставившего своей целью объединение Китая под властью Гоминьдана, принадлежала еще Сунь Ятсену и была чрезвычайно популярна в партии. Однако реальные условия для претворения в жизнь этой идеи появились только к лету 1926 г. 9 июля Национально-революционная армия (НРА) под командованием Чан Кайши выступила в поход.
- ² Япония занимала важное место в его жизни и политической деятельности. Чан Кайши получил военное образование в этой стране, имел много друзей среди японцев, с которыми поддерживал тесные связи, в том числе с членом «Общества черного дракона» Тойяма (своим поборником). Во время прохождения практики в японской армии (19-й полк 13-й дивизии полевой артиллерии) молодой Чан с восторгом наблюдал, как японские военнослужащие безропотно исполняли приказ командира. Солдат-фанатик, готовый в любую минуту пожертвовать своей жизнью во имя императора, становился примером для подражания. Уже тогда Чан и его сверстники задавали вопрос, в чем сила японской армии. По их мнению, в беспрекословной дисциплине, в твердости политического духа и высоком техническом уровне (319, с. 10). О годах учебы и жизни Чан Кайши в Японии см. 129; 305; 528; 556.
- ³ Также как Сунь Ятсен, Чан Кайши начал свое пребывание в Токио с обращения к японскому народу. В этом заявлении Чан предлагал обсудить планы завершения китайской революции и достижения двустороннего согласия для претворения в жизнь теории совместного существования и процветания двух народов, связанных культурной и расовой общностью (284, т. 2, ч. 1, с. 147; 58, с. 22).
- ⁴ Большое внимание реформам Мэйдзи уделяет и современная историография КНР. Об этом свидетельствуют опубликованные в 80-х годах статьи Ли Тинцзюня, Чжу Шоужэня, Кун Фанмина и др., в которых рассматривались различные аспекты японских преобразований (реформа системы образования, промышленная и научно-техническая революция и т. д.). Китайские авторы единодушно признают, что японские реформы были успешно осуществлены и способствовали превращению Японии в экономически развитую державу. В их работах выделялись те факторы, которые обеспечили стремительное продвижение Японии по пути капиталистического развития. Вместе с тем китайские историки

высказывают и некоторые критические замечания относительно мероприятий, осуществленных японским правительством после 1868 г. (подр. см.: 356, с. 33—37).

- 5 После прихода Чан Кайши к власти наиболее благоприятно развивались отношения с Германией, которая уже в период Северного похода оказывала помощь китайскому лидеру и его сторонникам. Они рассматривали Германию как образец для проведения модернизации и как потенциальный источник получения большой экономической и военной помощи, которая была им крайне необходима для выполнения своей главной задачи — построения экономически сильного и политически независимого Китая. (Подр. см.: 359; 560).
- 6 Период «национальной реконструкции» в Китае Чан Кайши часто сравнивал с реформами Мэйдзи. В этом же ключе он, в частности, обратился к миссии японских промышленников, посетивших Китай в марте 1937 г. Генералиссимус призывал их отнестись с симпатией к усилиям китайцев модернизировать экономику своей страны (569, 1937, т. 1, № 10, с. 468—470).
- 7 Чан Кайши подчеркивал заслугу Дай Цзитао в исследовании характера сословия самураев в истории японского общества. Китайцам, получавшим образование в Японии, японские власти не разрешали посещать лекции по этой теме, которые читались в учебных заведениях Японии. Это были закрытые занятия, хотя, по мнению Чан Кайши, не было необходимости их засекречивать. Эти так называемые «особые учебные планы», отмечал Чан, включали обсуждение истории, географии, политики, экономики, военного дела, социальных вопросов.
- 8 Как отмечает биограф Чан Кайши Х. Тонг, он настаивал на необходимости воспитания в этом духе китайских лидеров, т. к. считал такое воспитание важным для возрождения китайской нации и для успешного выполнения тех задач, которые сумела решить Япония (556, с. 546).
- 9 Чан Кайши неоднократно обращал внимание своих соотечественников на японский патриотизм. В одном из своих выступлений он привел эпизод из русско-японской войны. Во время боев за Порт-Артур (Люйшунь) японцы хотели блокировать морской порт и закрыть дорогу русским солдатам, но для этого было необходимо взорвать большое количество кораблей. Японское командование колебалось с отдачей такого приказа, ибо это было связано со смертью 9 человек. Однако для выполнения этого задания нашлись сотни добровольцев (536, т. 2, с. 158).
- 10 Ссылаясь на пример Японии, Чан Кайши часто призывал китайских офицеров учить солдат ненависти к врагу (подробнее см. 536, т. 2, с. 218).
- 11 В интервью Миясаки, корреспонденту газеты «Осака Асахи» в Кулине, Чан Кайши заявил: «Мы всегда восхищались вашим народом за быстрый прогресс, достигнутый им в процессе проведения реформ Мэйдзи и уважали его за такие качества, как патриотизм, почтительность к родителям, учтивость, обходительность и т. д.» (570, 1935, т. 7, № 13, с. 422).
- 12 Последний был побратимом Чан Кайши. Они вместе учились в военной школе в Баодине, потом — в подготовительной академии в Токио и

вместе проходили практику в артиллерийском полку. Чжан Цюнь поехал учиться в Японию, чтобы понять, как она стала сильным и богатым государством. Стремясь получить современное военное образование и новые знания в военной области, он намеревался применить их для «спасения Китая» (58, с. 10). После начала Синьхайской революции Чжан вернулся в Китай, а после поражения «второй революции» (1913 г.) он нашел убежище в Японии, где продолжил военное образование. В 1917 г. он неоднократно бывал в Японии, в частности, как корреспондент гоминьдановских газет. В 1927 г. он сблизился с Чан Кайши и даже сопровождал его в поездке в Токио для встречи с японским премьер-министром Танака. Чжан Цюнь имел многочисленные контакты с представителями политических, экономических и культурных кругов Японии, причем многие японцы также считали его своим другом (58, с. 1-3).

- 13 Так называемая Восточная конференция состоялась 27 июня — 7 июля 1927 г. в Токио с участием представителей военных и дипломатических кругов высокого ранга. На ней была рассмотрена и принята программа поэтапного осуществления широкой японской экспансии в Китае и на Азиатском континенте в целом. В докладе на заключительном заседании Г. Танака провозгласил основным принципом японской политики обеспечение «мира» в Восточной Азии и достижение «сопроцветания» Японии и Китая. Он четко разграничил понятия «собственно Китай», Маньчжурия и Внутренняя Монголия. Доклад давал ясно понять, что Япония не допустит распространения на Маньчжурию и Внутреннюю Монголию движения за объединение Китая, так как эти районы имеют важное значение для «национальной обороны» и «национального существования» Японии. Материалы конференции были положены в основу секретного «Меморандума об основах позитивной политики в Маньчжурии и Монголии», представленного 25 июля 1927 г. императору (304, с. 111, 112).
- 14 Чжан Сюэлян был введен в состав нанкинского правительства и назначен командующим Северо-восточной армией и заместителем главнокомандующего всеми сухопутными, воздушными и морскими силами Китая (361, с. 45). В отличие от многих китайцев, занимавших высокие официальные посты, он получил военное образование не в Японии, а в Китае: закончил Фэньтяньскую военную академию.
- 15 Так, Чжан Сюэлян не проявил желания выполнять контракты на строительство железных дорог в Маньчжурии, заключенные в мае 1928 г. под давлением японцев (475, с. 336; 500, с. 303).
- 16 Западные и японские исследователи оценивают политику, проводимую Чжан Сюэляном в отношении Японии, как проявление китайского национализма. Это выражалось, по их мнению, в систематическом игнорировании японских договорных прав в Маньчжурии, определенных Портсмутским договором 1905 г. (527, с. 37—39; 551, с. 341).
- 17 Китайские историки Ван Вэйли, Ма Чжунлянь, Ху Шэн и другие отмечают, что агрессия японского империализма в Китае является не случайно возникшим инцидентом, носящим местный характер, а давно спланированной акцией, исторические корни которой уходят в глубь

XVI в. Еще во времена сёгуната один из выразителей интересов японских самураев указывал на необходимость усилить военную подготовку и захватить территорию Северо-Восточного Китая. В начале периода реформ Мэйдзи была выдвинута концепция «Китай и Корея — жизненная линия Японии» и японские правящие круги взяли курс на экспансию как в области политики, так и экономики, что впоследствии нашло отражение в меморандуме Танака (93, с. 46, 47; 178, с. 4).

- 18 В последние годы в научных кругах КНР высказывалось мнение, что вторжение японских войск в Маньчжурию следует считать началом антияпонской войны. (См. 93, с. 46—54; 96, с. 5; 136, 1991, № 1, с. 148).
- 19 За антияпонскую деятельность в 1935 г. японцы арестовали 100 человек известных деятелей в Северном Китае, в том числе штабного офицера 29-й армии Сюан Шиси, главу 2-го департамента Бюро социальных дел муниципалитета в Тяньцзине Ли Мина, профессора Ян Ичжоу, декана коммерческого и правового колледжа в Тяньцзине Лю Ювэня и др. Китайский МИД 11 ноября 1935 г. выступил с протестом, заявив, что аресты китайских граждан на китайской территории являлись серьезным нарушением китайского суверенитета, а также нарушением международных законов (570, 1935, т. 74, № 11, с. 369). Японцы прибегали к арестам и заключению в тюрьму учителей, которые выступали против японской программы образования. Согласно сообщению из Бэйпина 30 ноября 1935 г. японские жандармы посетили Национальный Бэйпинский университет и «пригласили» доктора Цзян Молина посетить японские военные казармы якобы для получения интервью. На самом же деле он получил выговор от японского офицера за проявление антияпонских настроений. Профессор отклонил приглашение японцев посетить Дальний и Маньчжурию в качестве гостя штабных офицеров Квантунской армии (570, 1935, т. 75, № 1, с. 6).
- 20 Молодые годы Лу Синя прошли в Японии. В марте 1902 г. он был направлен за казенный счет для продолжения образования. Два года он провел в Токио, где изучал японский язык, затем поступил в медицинский колледж в Сэндае (515, с. 2). Одной из причин его стремления стать врачом было желание помочь делу преобразования страны: однажды Лу Синь прочитал о немалой роли европейской медицины в деле модернизации Японии (401, с. 24).
- В конце концов он бросил учебу и занялся литературной и революционной деятельностью. Лу Синь изучал нравы, обычаи, национальные черты, науку, культуру, медицину, искусство Японии, контактировал со многими японскими учеными (156, с. 74—77). Он прожил в Японии с 1902 по 1929 г.
- 21 Об оскорблениях китайских студентов японцами рассказывают и другие авторы, в частности Хуан Ай (417, с. 23).
- 22 Произведения Лу Синя переводили на японский язык уже в 1927 г. Сам Лу Синь написал много статей на японском языке, которые публиковались в японских газетах. Им было переведено 65 книг с японского языка, чтобы дать возможность своим соотечественникам лучше понять ситуацию в Японии и не повторять ее ошибки (156, с. 34).

- ²³ В июне 1913 г. он выдержал вступительные экзамены и был принят в Высшую школу № 1 в Токио, где вместе с другими китайскими студентами в течение года изучал японский язык, а затем 3 года учился в Высшей школе № 6 в Окаяма на медицинском факультете (375, с. 7). Китайские патриоты, жившие в Японии, стремились разоблачить ее экспансионистскую политику по отношению к Китаю. Вместе со своими однокашниками Го Можо в 1919 г. организовал в японском городе Фукуока подпольное общество «Ся Шэ» (Лето). Они переводили на китайский язык материалы японской периодической печати, касавшиеся захватнических планов Японии. Затем эти переводы с соответствующими комментариями размножались на стеклографе и рассылались в учебные заведения и учреждения Китая как материал для антияпонской пропаганды (375, с. 15).
- ²⁴ Вокруг журнала «Independent Critic» группировались ведущие китайские ученые-интеллектуалы. Все они сохраняли интерес к формированию китайской политики и верили в возможность сыграть свою роль в этом процессе. В группу входили известные геологи Вэн Вэньхао и Тин Вэньцзян, ведущие историки Цзян Тинфу и Фу Сунянь, политик Чэн Цимай, социолог У Цзинцзяо и др..
- ²⁵ В связи со сложной политической ситуацией в Китае Ху Ши в апреле 1927 г. прибыл в Японию для переговоров с японскими лидерами. Его друг Тин Вэньцзян посоветовал ему подольше остаться в Японии и поближе познакомиться с ее народом, поскольку японцы должны были, по его мнению, сыграть большую роль в жизни китайцев (472, с. 222). Ху Ши, однако, не знал японского языка и через три недели вернулся в Шанхай.
- ²⁶ Большой заслугой Ху Ши во время нахождения в США в качестве посла Китая является срыв заключения временного соглашения между США и Японией в ноябре 1941 г., которое в значительной степени ущемило бы китайские интересы (подр. см. 362, с. 80).
- ²⁷ Западный ученый Л. Истмен считает, что китайская реакция на японское вторжение была неоднозначной. Он отмечает, что в некоторых областях жизни китайцев наблюдалась удивительная степень мирного взаимодействия с «врагом». Чувства японцев и китайцев в отношении друг друга были очень противоречивы (например, создание коллаборационистского нанкинского правительства, частые «заигрывания» Чан Кайши на предмет заключения мирного договора). «Фронт», отделивший оккупированную зону Китая от неоккупированной в основном был иллюзорным и не мог хорошо охраняться. Сохранились торговля и почтовая служба, процветала контрабанда. Экономическая блокада районов, находившихся под властью Чан Кайши, практически отсутствовала (подр. см. 461, с. 275—277). Автор считает, что жестокость, проявляемая японцами в отношении китайцев, представляет исключение. Как правило, жизнь в районах, контролируемых японцами, протекала нормально.
- ²⁸ Даже дети Суна распевали патриотические песни о «маленькой Японии, которая боится китайских отрядов с большими ножами» (195, с. 109, 244).

- ²⁹ О героическом сопротивлении правительственных войск подробно рассказывается в воспоминаниях бывших гоминьдановских военачальников (см. 214, с. 456—459, 476).
- ³⁰ При взятии Шанхайгуаня японцы высадили десант, который за ночь уничтожил сотни мирных жителей, не щадя женщин, стариков и детей. Население на всем пути наступления японских войск в провинции Жэхэ бежало из деревень в недоступные для противника глубинные районы (396, с. 43).
- ³¹ Обвиненный Ван Цзинвэем в поражении китайской армии в Жэхэ Чжан Сюэлян ушел в отставку и уехал за границу. В Китай он вернулся в январе 1934 г. и был назначен заместителем главнокомандующего по борьбе с войсками КПК. После Сианьских событий, т. е. ареста Чан Кайши Чжан Сюэляном и Ян Хучэном в декабре 1936 г., содержался под домашним арестом (подр. см. 406, с. 139—178).
- ³² В ходе автономистского движения в Северном Китае японцы старались иметь дело с китайцами, принадлежащими к поколению начала 20-х годов, которые получали образование в Токио и хорошо знали японский язык, но они забывали, что спустя 25 лет эти люди могли сильно измениться. Наиболее решительную позицию в отношении японских действий в Северном Китае занял У Пэйфу, который категорически отвергал любые предложения Доихара и открыто называл японцев разбойниками с большой дороги, у которых нет моральных принципов.
- ³³ В 1904—1909 гг. Янь Сишань учился в военной Академии в Токио. Он вернулся в Китай, находясь под большим впечатлением японского прогресса. Вместе с тем период его пребывания в Японии совпал с развитием японского милитаризма, и, как и многие китайские патриоты, Янь не мог не осознавать опасность, нависшую над Китаем. В статье, написанной в 1915 г., Янь изложил свое понимание «милитаризма» с точки зрения материального и духовного факторов. Особенно его интересовал вопрос, что вкладывают японцы в понятие «дух нации» («Го-хунь»). В период строительства им нового порядка в своей провинции Шаньси в его многочисленных мероприятиях чувствовалось влияние японского милитаристского опыта, хотя, по его словам, целью проводимых им реформ было «обеспечение хорошей жизни для народа» (134, с. 232—235).

Во время маньчжурских событий 1931 года, отмечал Дж. Бойл, Янь Сишань публично осудил позицию пассивного сопротивления японцам нанкинскому правительству. Он принял активное участие в отражении японского вторжения в пров. Суйюань в 1936 г. По мнению представителей японских военных кругов, Янь Сишань больше, чем другие милитаристы в Китае, сочетал комплекс «любовь—ненависть» в отношении Японии. Этим и объясняются их последующие шаги, в частности, приглашение занять пост главы прояпонского правительства в Северном Китае. Генерал Танака был его другом с 1928 г., когда Япония поддерживала борьбу Яня с другими милитаристами. И хотя после событий 7 июля 1937 г. Янь Сишань пригласил в свою провинцию 8-ю армию, руководимую коммунистами, для совместной борьбы с японцами, пос-

- ледние не теряли надежд (вплоть до 1940 г.) перетасщить его на свою сторону (436, с. 311, 312).
- ³⁴ Неоднозначные отношения Сун Чжэюаня с японцами подробно рассматриваются в статьях: 179; 181; 266.
- ³⁵ Другой китайский провинциальный лидер Фу Цзои — глава правительства провинции Суйюань также исходил из национальных интересов. Свою политику он сформулировал так — «не быть нерешительным, не навлекать на себя неприятностей, не говорить жестких слов, не делать уступок». Придерживаясь осторожной и гибкой политики, Фу Цзои сорвал несколько акций японских военных в Суйюани. Общекитайскую известность, как отмечает С. Л. Тихвинский, он снискал благодаря патриотическому сопротивлению японской агрессии в Северном Китае (410, с. 68).
- ³⁶ Страна, говорил Чан Кайши о Японии, управляется группой высокомерных и невежественных молодых офицеров. Все дела в государстве реально контролируются министерством обороны (83, т. 1, с. 281).
- ³⁷ С точки зрения Чан Кайши, все духовные достижения и прогресс японской нации, полученные с момента революции Мэйдзи, оказались ликвидированными японскими милитаристами (83, т. 1, с. 357). В апреле 1939 г. китайский лидер в беседе с чунцинскими журналистами отнес Японию к числу второстепенных держав со смешанной цивилизацией — не восточной и не западной (83, т. 1, с. 167).
- ³⁸ О жестоких методах ведения войны рассказывается и в работах японских авторов (137, с. 58; 469, с. 557).
- ³⁹ Японские милитаристы, как считал Чан Кайши, изучали только историю реставрации Мэйдзи, западные книги по естественным наукам и истории войн за последние несколько сотен лет. Историю Китая они знали как историю упадка династий Юань и Цин. Вместе с тем, отмечал Чан, они глубоко изучили способы, применявшиеся монголами и маньчжурами для покорения китайцев. Между тем о «трех народных принципах», т. е. о высших принципах политики Китая, они ничего не знали (83, т. 1, с. 418-419).
- ⁴⁰ Однако не все члены гоминьдановского правительства поддерживали войну сопротивления. По словам посла СССР в Китае А. С. Панюшкина Кун Сянси, председатель исполнительного юаня, был противником войны с Японией и выступал за заключение мира с ней. Он мотивировал это тем, что «Сунь Ятсен творил революцию при помощи японцев. Среди японцев много хороших людей. Дружба между Китаем и Японией должна существовать. Эти две страны должны помогать друг другу, ибо другого пути нет». По мнению Кун Сянси, «события 18 сентября 1931 г.» произошли по вине Чжан Сюэяна, а в «инциденте в Лугоуцяо» в июле 1937 г., положившем начало японо-китайской войне, виноват командующий 29-й армией генерал Сун Чжэюань, который плохо относился к японцам. Кун Сянси считал, что если бы ему удалось заехать в Токио на обратном пути из Англии, куда он ездил на коронацию английского короля, «то лугоуцяоских событий наверняка не было бы». После начала японо-китайской войны Кун уговаривал Чана пойти на переговоры с японцами о прекращении военных действий и о заключении мира. Он рекомендовал Чан Кайши не выдвигать японцам особых требований.

Однако в отличие от Ван Цзинвэя Кун Сянси всячески маскировал свою прояпонскую позицию и не выступал с открытым забралом (см. 381, с. 83, 84; 138). Противником войны был также заместитель председателя исполнительного юань Чжан Цюнь.

- 41 Группировка «Си-Си» (руководители Чэнь Лифу и Чэнь Гофу), объединявшая партийную бюрократию Гоминьдана, была создана в 1927—1928 гг. С ее помощью контролировался центральный партийный аппарат Гоминьдана и партийная разведка (361, с. 246).
- 42 Жизнь Ван Цзинвэя, как и многих других деятелей Гоминьдана, с юных лет была тесно связана с Японией. С 1903 до 1906 г. он изучал политические теории, конституционное законодательство и японский язык в Токійском императорском университете. Пример быстро модернизированной страны, в 1905 г. победившей Россию, оказал на него сильное влияние. Занявшись переводом на китайский язык японских работ по политическим и экономическим проблемам, он познакомился с идеями политических мыслителей Запада (в переводах на японский язык) и начал пропагандировать идеи национализма. Перед окончанием университета Ван присоединился к революционному движению и вступил в Тунмынхуэй. В 1907 г. вместе с Сунь Ятсеном он уехал в Китай. (Политическую биографию Ван Цзинвэя см. 89; 430; 553). Вернувшись в Японию в 1909 г., Ван Цзинвэй издавал журнал «Миньбао» — печатный орган Тунмынхуэя, где состоял и членом редакции. Одна из его статей была посвящена анализу японской конституции. В статье «Гражданин нации» Ван подчеркивал быстрый прогресс, достигнутый Японией за сорок лет (Миньго, т. 4, № 1, с. 45). В то время Ван Цзинвэй находился под большим влиянием японского анархизма (436, с. 17) и разрабатывал планы покушения на принца-регента. В канун 1917 г. Ван снова вернулся в Китай. Активно участвовал во внутривнутриполитической борьбе, занимал важные посты в партии, в 1927 г. стал председателем Уханьского правительства, в дальнейшем возглавлял группу реорганизационистов в Гоминьдане (подробнее см. 89).
- 43 В статье «Искренность и ответственность перед лицом кризиса», опубликованной 4 августа 1937 г., Ван брал на себя инициативу и ответственность за заключение мира с Японией, поскольку Чан Кайши отверг подобное предложение японцев (241, с. 2).
- 44 По мнению Шифрина, именно эти выступления Сунь Ятсена о панasiatизме использовались Ван Цзинвэем для оправдания своего сотрудничества с Японией в 1940 г. (540, с. 265).
- 45 Как отмечают историки КНР, панasiatизм Сунь Ятсена стал теоретическим знаменем группировки Вана. Однако, по их мнению, панasiatизм Ван Цзинвэя потерял свою антиимпериалистическую окраску. Ван развил слабые стороны теории Сунь Ятсена, извратил революционную и антиинострannую сущность трех народных принципов (103, с. 224, 225). Он придавал большое значение надеждам и иллюзиям Сунь Ятсена о возрождении добрососедских отношений между Китаем и Японией. «Теория предательства» Вана, подчеркивают они, базировалась на специально отобранных высказываниях Сунь Ятсена, призывавшего народы Китая и Японии работать рука об руку во всех областях в целях достижения благосостояния обеих стран (102, с. 279, 280).

- ⁴⁶ Гао Цзунъю, глава азиатского бюро МИД'а, являлся инициатором «мирного движения», начатого зимой 1937—1938 гг. Как и многие китайцы, он получил образование в императорском университете в Токио и прекрасно владел японским языком (436, с. 170). После завершения своего образования за рубежом Гао вернулся в Китай, изучал политические науки в Нанкинском Центральном университете. Отдельные разделы его докторской диссертации по китайско-японской дипломатии были опубликованы в различных китайских газетах и журналах. Гао Цзунъю хорошо знал японцев. До войны и во время ее ему неоднократно поручали вести переговоры с японской стороной (102, с. 634).
- ⁴⁷ В приложении к договору содержались такие требования, как признание Маньчжоуго, экономическое сотрудничество с Японией и совместная борьба против коммунистов (469, с. 622).
- ⁴⁸ Историки КНР и некоторые западные исследователи достаточно критически относятся к объяснениям Ван Цзинвэя. Например, Дж. Бойл отмечал, что еще до создания своего правительства в Нанкине Ван шел на большие уступки Японии с точки зрения национальных интересов Китая. В частности, он согласился на приглашение японских советников и признал статус Маньчжоуго. Правда, Бойл признавал, что Ван вел переговоры с японцами, находясь в трудных условиях (тяжелая обстановка в стране, экономическая разруха, отсутствие армии) (436, с. 351). Ван Цзинвэй, занимавший высокое положение в Китае, отмечал Дж. Бойл, своей двусмысленной поддержкой Японии привел в замешательство собственный народ. Оценивая отношение японцев к правительству Ван Цзинвэя, Лайнбарджер, в частности, считал, что оно подвергалось меньшему контролю со стороны Японии, чем правительство Маньчжоуго (510, с. 203). В иностранной прессе были также намеки на проявляемую Ваном большую твердость в отношениях с японцами.
- ⁴⁹ В 1938—1940 гг. расчеты Ван Цзинвэя и его сторонников, что организованное ими «мирное движение» изменит решение правительства Чан Кайши о сопротивлении Японии, обеспечит переход на их сторону гоминьдановских лидеров, занимавших высокие посты, и поддержку колеблющихся милитаристов не оправдались.
- ⁵⁰ По свидетельству специалиста по Китаю из японского МИД'а Симизу Тозо, при появлении Ван Цзинвэя на официальных приемах японские дипломаты и офицеры не обращали на него никакого внимания (436, с. 349).
- ⁵¹ Причины капитуляции Ван Цзинвэя подробно исследовали историки КНР Цай Дэцзинь, Чэнь Цзяшань, Ши Фэн, Дин Сяньцзун, Вэнь Шаохуа и др. (подробно см. 357).
- ⁵² Чжоу Фухай познакомился с Ван Цзинвэем в 1924 г., но до 1937г. он скорее был человеком Чан Кайши (518, с. 328). Высшее образование получил в Японии, окончив в 1924 г. императорский университет в Киото (518, с. 306). В годы учебы государственные деятели эпохи Мэйдзи стали для Чжоу объектами подражания (518, с. 307). Большое влияние оказали на него взгляды японского экономиста Каваками Хадзима. Хотя за семь лет пребывания в Японии Чжоу не завел себе там личных друзей, боль-

шой интерес он проявлял к установлению контактов с японскими интеллектуалами, предполагая через них влиять на японское общественное мнение по вопросам китайско-японского сотрудничества.

- 53 Чжоу Фухай и Чэнь Гунбо утверждают, что Чан Кайши ничего не знал об их планах (241, с. 198, 199).
- 54 Очевидно в Японии, отмечает западный исследователь В. Мортон, еще не составили объективного представления о новом Китае. Этот вопрос обсуждался в японской прессе и одна из газет в редакционной статье утверждала, что новый объединенный Китай является ничем иным, как воздушным замком. В. Мортон характеризует взаимовосприятие китайцев и японцев следующим образом. Китайцы считают японцев вульгарными выскочками и неблагодарными учениками. В Китае широко распространена точка зрения, что Япония все хорошее и полезное взяла в прошлом из Китая. Существующая же там система воспитания способна готовить только солдат. По мнению японцев, китайцы — бесхарактерные солдаты с амбициями, профессиональные агитаторы и искусные болтуны. В Китае вместо качественной системы воспитания существует лишь необдуманый антияпонизм (521, с. 305).
- 55 Многие биографы Чан Кайши приводят любопытный эпизод из периода его учебы в военной академии в Баодине. Якобы преподаватель—японец на уроке сравнил китайский народ с бактериями, которые копошатся в большом куске грязи. Чан принял этот факт как оскорбление и предложил учителю сравнить японский народ с бактериями, но в меньшем куске грязи. Роберт Пейн подвергает этот рассказ сомнению и считает, что авторы таких работ хотели показать патриотические настроения Чана. Если бы такое случилось на самом деле, то преподаватель был бы немедленно уволен или избит (см. 528).

Заключение

- 1 Ряд западных авторов отмечают и некоторые новые аспекты в китайско-японских отношениях в 30—40-е годы. Так, С. Фицджеральд, бывший посол Австралии в Китае, в частности, считает, что продолжительная оккупация Японией обширных районов Китая обеспечила в тот период первый широкий контакт двух народов. Правда, он признает, что «это был самый неудачный тип контакта» и «колониальный опыт Японии в Китае из-за взаимных национальных предрассудков, которые уже характеризовали японо-китайские отношения в то время, был особенно горьким» (467, с. 77). Другой западный исследователь, Ч. Джонсон подчеркивает, что «было бы несправедливо интерпретировать влияние японо-китайской войны только с точки зрения жестокости». Он считает, что наследие войны имело еще и «идеологические измерения» (понимая под этим непосредственное познание китайского социума японцами, хотя и выступающими в тот момент в качестве агрессоров) и даже подчеркивает их «более важное значение для будущих контактов Японии и Китая, чем другие воспоминания о войне» (490, с. 715—716).
- 2 С. Фицджеральд, указывая на живучесть в китайской памяти воспоминаний о годах японской оккупации, обращает внимание на то, что даже после нормализации китайско-японских отношений в 1972 г. в КНР пер-

вое время еще демонстрировались фильмы об антияпонской войне, в которых неизменно присутствовал ярко отрицательный тип японского солдата: маленького роста, толстого, безобразного, неуклюжего в движениях, распутного и жестокого (467, с. 78).

³ «China Quarterly», 1974, N 60, Okt./Dec., p. 736.

⁴ Рассматривая различные компоненты социально-психологического восприятия Китая в послевоенной Японии, многие буржуазные авторы (С. Фицджеральд, Такэути Минору, Лэн Шаочжуань и др.) уделяют особое внимание комплексу «сентиментальных настроений», связанных с Китаем. Сюда они относят прежде всего чувство культурно-расовой общности и «комплекс вины» за ущерб, нанесенный Японией Китаю в период войны. С. Фицджеральд, в частности, отмечает, что продолжительное нахождение многих японских семей в Китае в период японской оккупации укрепило интерес Японии к этой стране в гораздо большей степени, чем к любой другой стране, которую они контролировали в военное время (467, с. 78). В этой связи Лэн Шаочжуань даже считает, что многие японцы, побывавшие в Китае в годы войны, долгое время испытывали «сильную ностальгию по этой стране». По его мнению, чувство культурно-расовой близости с китайским народом часто наполняло многих японцев гордостью за «возвышение» коммунистического Китая, несмотря на их неодобрение коммунизма. В совокупности эти чувства, особенно среди японской интеллигенции, способствовали осознанию необходимости что-то сделать, как-то помочь Китаю в его трудностях, чтобы ликвидировать плохую память о наследии прошлого и восстановить «традиционную дружбу» с китайским народом. Одновременно Лэн отмечает, что этот набор «сентиментальных настроений» усиливал восприимчивость японцев к пекинской пропаганде «азиатской солидарности» и «китайско-японской дружбы» (503, с. 106, 108). Что касается китайской стороны, то китайские официальные лица стремились активно формировать и закрепить «комплекс вины» Японии перед Китаем. Так, японским туристам при посещении Китая часто приводились свидетельства японских зверств в Китае, при этом подчеркивалось великодушие Китая, его моральное превосходство и стремление крепить дружбу двух народов. «Японцам, — отмечает С. Фицджеральд, — никогда не давали непосредственно почувствовать настроения горечи и ненависти, обуревающих, вероятно, многих китайцев при воспоминаниях о войне» (467, с. 79).

⁵ «Реалистические практические расчеты, — пишет Барнетт, — перевешивают другие факторы в формировании китайской политики в отношении Японии». При этом он не исключает, что нынешние лидеры КНР в подходе к Японии не чужды и «многих эмоций, которые своими корнями уходят в прошлое» (429, с. 122).

⁶ А. Уайтинг справедливо, на наш взгляд, считает, что историческое наследие 1894—1945 гг. продолжало и в 80-е годы оставаться тяжелым грузом в китайском восприятии Японии, бросая тень на перспективы отношений двух стран. Споры, по его мнению, будут сосуществовать с сотрудничеством (562, с. 200).

⁷ «Japan Times Weekly», 1981, Sept. 5.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. Ван Каньянь. Лунь Хуа минь и су чоу цзысян баоху чжифа (Народу Китая необходимо быстро организовать взаимную защиту). — Усуй бяньфа. Т. 3.
2. Гофу цюаньшу (Полное собрание сочинений Отца государства). Тайбэй, 1970.
3. Гу Вэйцзюнь. Хуйи лу (Мемуары Гу Вэйцзюня). т. 1. Пекин, 1983.
4. Дай Цзитао. Гоминь гэмин юй чжунго Гоминьдан (Национальная революция и китайский Гоминьдан). Т. 1. Шанхай, 1925.
5. Дай Цзитао. Дунфан вэньти юй шицзе вэньти (Восточный вопрос и мировые проблемы). Шанхай, 1928.
6. Дай Цзитао (Дай Тяньчоу) вэньци (Сочинения Дай Цзитао). Тайбэй, 1962.
- 6а. Дай Цзитао сяньшэн вэньцунь сюйбянь (Сочинения Дай Цзитао). Тайбэй, 1967.
7. Дай Цзитао. Жибэнь вэньти (Японский вопрос). — Дай Цзитао сяньшэн вэньцунь цзай сюйбянь (Сочинения Дай Цзитао, второе дополнение). Тайбэй, 1968.
8. Кан Ювэй. Цзин чэн Жибэнь Минчжи бянь чжэн као сюй (Предисловие к исследованию реформ в Японии в период Мэйдзи). — Усуй бяньфа. Т. 3.
9. Кан Ювэй. Цин гуаньцзэ Жибэнь шу пай ю сюэ чжэ (Прошу расширить перевод японских книг и направлять студентов на учебу за границу). — Усуй бяньфа. Т. 2.
10. Кан Ювэй. Цин тин гун ши у ши гай шэ бин сяо чжэ (Прошу отказаться от архаичных методов, изменить военную практику и создать военные школы). — Усуй бяньфа. Т. 2.
11. Кан Ювэй. Шан цин ди ди и шу (Первый доклад на имя императора). — Усуй бяньфа. Т. 2.
12. Кан Ювэй. Шан цин ди ди лю шу (Шестой доклад на имя императора). — Усуй бяньфа. Т. 2.
13. Кан Ювэй. Шан цин ди ди у шу (Пятый доклад на имя императора). — Усуй бяньфа. Т. 2.
14. Ли Дачжао. Сюаньцзи (Избранные произведения). Пекин, 1959.

15. Ли Сяопу. Жибэнь цзи ю (Записки о путешествии на Восток). — Цзоу сян шицзе цуншу.
16. Лян Жэньгун (Лян Цичао). Инь бин ши хэцзи. Вэньцзи (Собрание сочинений из кабинета Глотателя льда. Литературные сочинения. Т. 1—16). Шанхай, 1941.
17. Лян Цичао. Сюаньцзи (Избранные произведения). Шанхай, 1984.
18. Лян Цичао. Баодун юй вайго ганьшэ (Бунт и иностранная интервенция). — Синьхай гэмин цянй ши нянь цзянь шилунь сюаньцзи. Т. 2. Ч. 1.
19. Лян Цичао. Жи Э чжаньи гуаньюй гоцзи фа шан Чжунго чжи дивэй цзи гэчжун вэньти (Русско-японская война, положение Китая в системе международного права и некоторые разные вопросы). — Инь бин ши хэцзи. Вэньцзи. Т. 5. Ч. 15.
20. Лян Цичао. И цэй со вэй го ти вэньти чжэ (Особая постановка вопроса о государственном строе). Сюаньцзи.
21. Лян Цичао. Ли сяньфа и (Соображения по поводу введения конституции). — Инь бин ши хэцзи. Вэньцзи. Т. 2. Ч. 5.
22. Лян Цичао. Лунь Чжина дули чжи шили юй Жибэнь дунфан чжэнцэ (О реальных возможностях Китая в борьбе за независимость и восточная политика Японии). — Инь бин ши хэцзи. Вэньцзи. Т. 2. Ч. 4.
23. Лян Цичао. Ме го синь фа лунь (О новых методах уничтожения государства). — Инь бин ши хэцзи. Вэньцзи. Т. 3. Ч. 6.
24. Лян Цичао. Наньхай Кан сяньшэн чжунь (Биография учителя Кана из Наньхай). — Инь бин ши хэцзи. Вэньцзи. Т. 3. Ч. 6.
25. Лян Цичао. Синь минь шо (Учение об обновлении народа). — Синьхай гэмин цянй ши нянь цзянь шилунь сюаньцзи. Т. 1. Ч. 1.
26. Лян Цичао. Тундин цзуй янь (С болью формулирую обвинительные слова). — Сюаньцзи.
27. Ляо Чжункай цзи (Записки Ляо Чжункая). Пекин, 1963.
28. Ляо Шоухэн, Чэнь Сюэфэнь. Цзоу бянътун у кэ и шэ сюэ тан цзуншу гуань цзянь чжэ (Доклад с изложением нашего скромного мнения о необходимости изменить старую систему государственных экзаменов и обсудить вопрос о создании новых школ). — Усюй бянйфа. Т. 2.
29. Май Мэнхуа. Гунсы (Товарищество). — Усюй бянйфа. Т. 3.
30. Синьхай гэмин цянй ши нянь цзянь шилунь сюаньцзи (Избранные статьи, опубликованные за десятилетие, предшествующее Синьхайской революции). Сост. Чжан Нань, Ван Жэньчжи. Т. 1. Ч. 1—2. Пекин, 1960; Т. 2. Ч. 1—2. Пекин, 1963.
31. Сун Болу. Цзоу гай Ши у бао вэй гуаньбао чжэ (Доклад о преобразовании газеты «Ши у бао» в правительственный официоз). — Усюй бянйфа. Т. 2.
32. Сунь Чжуншань (Сунь Ятсен). Сюаньцзи (Избранные произведения). Т. 1—2. Пекин, 1956.
33. Сунь Ятсен. Вэй Чжун Жи цзяо шэ фу Бэйцзин сюэшэн шу (В ответ на обращение пекинских студентов по поводу китайско-японских переговоров). — Гофу цюаньшу.

34. Сунь Ятсен. Да Ячжоу чжуи (Принцип Великой Азии). — Гофу цюаньшу.
35. Сунь Ятсен. Жибэнь ин чжу Чжунго фэйчу бу пиндэн тяоюэ (Японии следует помочь Китаю ликвидировать неравноправные договоры). — Гофу цюаньшу.
36. Сунь Ятсен. Цзецзюэ Чжунго вэньти ды фанфа (Метод решения китайского вопроса). — Гофу цюаньшу.
37. Сунь Ятсен. Цзо го чжи цзи у (Экстренная задача спасения страны). — Гофу цюаньшу.
38. Сунь Ятсен. Цзюнь чжэнфу вэй бэйфан похуай сюаньянь (Северные милитаристы подрывают мир: манифест военного правительства). — Гофу цюаньшу.
39. Сунь Ятсен. Чжина баоцюань фэньгэ хэлунь (О сохранении целостности и разделе Китая). — Синьхай гэмин цянъ ши нянь цзянь шилунь сюаньцзи. Т. 1. Ч. 2.
40. Сунь Ятсен. Чжунго вэньти ды чжэнь цзецзюэ (Истинное решение китайского вопроса). — Сюань цзи. Т. 1.
41. Сунь Ятсен. Чжунго цунь ван вэньти (Вопрос жизни и смерти Китая). — Гофу цюаньшу.
42. Тай Цайчан. Лунь жэли (Об энтузиазме). — Усюй бяньфа. Т. 3.
43. Усюй бяньфа (Реформы 1898 г.). Т. 1—4. Шанхай, 1955.
44. Усюй бяньфа данъань шиляо (Исторические архивные материалы движения за реформы 1898 г.). — Лиши данъань. 1998, № 4.
45. Ху го вэньсянь (Документы движения в защиту Республики). Т. 1. Гуйчжоу, 1985.
46. Ху Ифэнь. Бяньфа цзы цзян шу (Доклад о реформах и самоусилении). — Усюй бяньфа. Т. 2.
47. Ху Ханьминь. «Миньбао» чжи лю да чжун (Шесть великих принципов «Миньбао»). — Синьхай гэмин цянъ ши нянь цзянь шилунь сюаньцзи. Т. 2. Ч. 1.
48. Ху Ханьминь сюаньцзи (Сочинения Ху Ханьминя). Тайбэй, 1959.
49. Хуан Цзунсянь. Жибэнь цза шиши («Японская мозаика в стихах»). — Цзоу сян шицзе цуншу.
50. Хуан Циндэн. Ду ю жици («Дневник о путешествии на Восток»). — Цзоу сян шицзе цуншу.
51. Цзоу сян шицзе цуншу (Прорыв в современный мир. Китайские путешественники до 1911 г.). Чанша, 1985.
52. Цзян Цзеши. Гэмин цзюго яньлунь цзи (Сборник выступлений Чан Кайши о революции и патриотизме). Б. м., 1938.
53. Цзян Цзеши. Чжунго чжи минъюнь (Судьбы Китая). [Б. м.], 1945.
- 53а. Цзян цзунтун цзуйдинь яньлунь сюаньцзи [Сб. речей и выступлений Чан Кайши (1959—1971 гг.)]. Тайбэй, 1971.
- 53б. Цзунтун яньлунь сюаньцзи (Сб. речей и выступлений Чан Кайши). Т. 1, 2. Тайбэй, 1956, 1962.

54. Цзян Цзунтун милу (Секретные документы президента Чан Кайши). Т. 9, 11. Тайбэй, 1977.
55. Чжан Тайянь. Бо Кан Ювэй шу (Опровержение Кан Ювэя). — Синьхай гэмин цян ши нянь цзянь ли лунь сюаньци. Т. 1. Ч. 2.
56. Чжан Цзицзы цзю лу. Чжуан цзи (Собрание сочинений Чжан Цзицзы (Чжан Цзяня) в девяти разделах. Специальные сочинения). — Т. 1. Шанхай, 1931.
57. Чжан Цзянь. Дай и тин лю гэ шэн гу куань чэн син нун гун шан у шу (Об организации акционерного капитала в провинциях для развития сельского хозяйства, промышленности и торговли). — Усуй бяньфа. Т. 2.
58. Чжан Цюнь. Во юй Жибэнь ци шинянь (Мои отношения с Японией на протяжении 70 лет). Тайбэй, 1980.
59. Чжан Чжидун. Цюань сюэпянь (Призыв к учебе). — Цзиндай Чжунго шиляо цункань (Сборник материалов по новой истории Китая). Сб. 9. Вып. 84—85. Тайбэй, 1966—1973.
60. Чжун Жи гуаньси ши цзыляо хуйбянь (Сборник материалов по истории китайско-японских отношений). Под ред. Ван Сянжуна и Ся Инюаня. Пекин, 1984.
61. Чжунго сяньдай сысян ши цзыляо цзяньбань («Собрание материалов по истории современной китайской мысли»). Ханчжоу, 1984.
62. Шэн Сюаньхуай. Шоу бянь Чжунго тун шан ин син цы ди кай шэ тин син чжэ (О порядке учреждения торговых банков в Китае). — Усуй бяньфа. Т. 2.
63. Юань Чань. И фу цзи юй шицзянь тяочэнь (Докладная записка с предложением еще раз обсудить насущные проблемы). — Усуй бяньфа. Т. 2.
64. Ян Ду. Сюй «Юсюэ и бянь» (От редакции журнала «Материалы, переведенные студентами за рубежом»). — Синьхай гэмин цян ши нянь цзянь шилунь сюаньци. Т. 1. Ч. 1.
65. Янь Фу. Цзю ван цзюэ лунь (Рассуждения о спасении от гибели). — Усуй бяньфа. Т. 3.
66. Движение 4 мая 1919 года в Китае. Документы и материалы. М., 1969.
67. Каталог гор и морей (Шань хай цзин). М., 1977.
68. Ли Дачжао. Избранные произведения. М., 1989.
69. Ли Дачжао. Письмо-предостережение почтенным гражданам всей страны. — Избранные произведения.
70. Синьхайская революция. 1911—1913 гг. Сборник документов и материалов. М., 1968.
71. Стимсон Г. Дальневосточный кризис. Воспоминания и наблюдения. М., 1938.
72. Сунь Ятсен. Избранные произведения. Издание второе, исправленное и дополненное. М., 1985.
- 72а. Сунь Ятсен. Записки о лондонских злоключениях. — Избранные произведения.
73. Сунь Ятсен. О движении «4 мая» (отрывок из «Письма к зарубежным членам гоминьдана»). — Избранные произведения.

74. Сунь Ятсен. Послание Инукаи Цуеси. — Избранные произведения.
75. Сунь Ятсен. Представление Ли Хунчжану. — Избранные произведения.
76. Сунь Ятсен. Принцип народного благоденствия и социальная революция. — Избранные произведения.
77. Сунь Ятсен. Программа строительства государства. — Избранные произведения.
78. Сунь Ятсен. Три народных принципа. Национализм. — Избранные произведения.
79. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 2. М., 1975. Т. 4. М., 1986.
80. Хрестоматия по истории средних веков. Т. 1. М., 1961.
81. Хэ Сяннин. Воспоминания о Сунь Ятсене. М., 1966.
82. Chiang Kai-shek. China's Destiny. N. Y., 1946.
83. Chiang Kai-shek. The Collected Wartime messages of generalissimo Chiang Kai-shek (1937—1945). V. 1—2. N. Y., 1946.
84. Ch'en Li-fu. The Storm clouds clear over China. The Memoir of Ch'en Li-fu (1900—1993). Stanford, 1994.
85. Foreign Relations of the United States for 1936 Diplomatic Papers. Vol. 4. Wash., 1954.
86. Li Hung-chang. Memoirs of the Viceroy Li Hung-chang. L., 1913.
87. Mutsu Munemitsu. Kenkenroku: A Diplomatic Record of the Sino-Japanese War, 1894-95. Tokyo, 1982.
88. Sun Fo. China Looks forward. N. Y., 1944.
89. Wang Ching-wei. China's Problems and their Solution. Shanghai, 1934.

Литература

90. Бань Су. Чжуншань чу ши хоу Чжунго люши нянь да шицзи (Хроника событий в Китае за 60 лет после рождения Сунь Ятсена). Шанхай, [б. г.].
91. Бу Гуйлинь. Чжан Цзянь юй Чжунго цзяюй цзинь дайхуа (Чжан Цзянь и модернизация системы образования в Китае). — Наньцзин шида сюэбао. 1993, № 1.
92. Бянь Чжифу, Ван Хунбинь. Чжан Сюэлян цзянцзюнь юй дунбэй канжи инъюнцзюнь (Генерал Чжан Сюэлян и северо-восточная антияпонская героическая армия). — Шэхуй кэсюэ цзикань. 1985, № 5.
93. Ван Вэйли, Гао Эринь. Лунь канжи чжаньчжэнды каньдуань (Поговорим о начале антияпонской войны). — Дунбэй шида сюэбао. 1986, № 3.
94. Ван Вэйюань. Лунь Чжан Сюэлян шици Дунбэй цзинцзиды фачжань (Экономическое развитие Северо-Востока при правительстве Чжан Сюэляна). — Ляонин дасюэ сюэбао. 1983, № 3.
95. Ван Есин. Сун Чжуншань дуй Чжунго цзинцзи цзиньдайхуа фачжань моши ды гоусян (Размышления Сунь Ятсена о модели модернизации китайской экономики). — Лиши данъань, 1998, № 1.
96. Ван Лэй, Ян Вэйхэ. Чжунго канжи чжаньчжэн шигао (История антияпонской войны в Китае). Т. 1. Ухань, 1984.

97. Ван Сянбао, Ван Сыфэй. Чжан Цзянь гоцзи сюэшу янь таохуй цзяньшу (Краткий обзор международной конференции по изучению деятельности Чжан Цзяня). — Миньго данъань, 1988, № 1.
98. Ван Сяоцю. Кан Ювэйды и бу вэй каньиньды чжуняо чжуцзо «Жибэнь бянь чжэн као» пинцзе (Анализ важной неопубликованной работы Кан Ювэя «Исследование реформ в Японии»). — Лиши яньцзю, 1980, № 3.
99. Ван Сяоцю. Усуй вэйсинь цицзянь Кан Ювэй чжэнфа чжунжан ды цзай таньтао (Еще раз о политической позиции Кан Ювэя в период «100 дней реформ»). — Шэхуй кэсюэ яньцзю. 1984, № 4.
100. Ван Сяоцю. Цзиньдай Чжун Жи циши лу (Краткое описание материалов по китайско-японским связям в новое время). Пекин, 1987.
101. Ван Фан. Цзянь лунь ханьцзы цзай Жибэньды бяньтянь (О процессе изменения китайских иероглифов в Японии). — Бэйцзин дасюэ сюэбао, 1997, № 2.
102. Ван Цзинвэй гоминь чжэнфу чэнли [Создание японскими империалистами марионеточного правительства Ван Цзинвэя в Нанкине (1939—1940)]. Сборник статей. Шанхай, 1987.
103. Ван Цзинвэй ханьцзянь чжэнцзюаньды синван (Взлет и падение про-японского марионеточного правительства Ван Цзинвэя). Сб. статей. Шанхай, 1987.
104. Ван Цзиу. Чжунго Жибэнь цзяотун ши (История взаимоотношений Китая и Японии). Сянган, 1963.
105. Ван Цзяньцзю. Шилунь Гоминьдан гэ пай дуй канжиды бутун тайду (Позиции разных группировок в Гоминьдане по вопросу сопротивления Японии). — Чжунго сяньдай ши. 1987, № 2.
106. Ван Ши. Чжан Чжидун юй вэйсинь юньдун (Чжан Чжидун и движение за реформы). — Наньцзин дасюэ сюэбао. 1980, № 4.
107. Ван Ши, Сунь Инсян. Лунь Го Сунтао ды ян у сысян (Взгляды Го Сунтао на политику «усвоения заморских дел»). — Наньцзин дасюэ сюэбао. 1981, № 3.
108. Ван Шэн. Шилунь бэйдай чжаньчжэн шицзи Жибэнь дуй Хуа чжэнци яньбянь ды юань ин (Причины эволюции японской политики в отношении Китая во время Северного похода). — Шэхуй кэсюэ чжаньсянь. 1996, № 6.
109. Ван Шэнпин. Жуцзя вэньхуа хэ сяньдайши чан цзинцзи фачжаныды гуанси (и Жибэнь вэйли) (Конфуцианская культура и развитие современной рыночной экономики (на примере Японии)) — Аньхуй дасюэ сюэбао. 1998, № 5.
110. Ван Юйпин. Чжунцунь шицзянь юй «цзю и ба» шибянь (Дело Накамуры и события 18 сентября 1931 г.). — Шисюэ сюэкань. 1983, № 1.
111. Ван Юйхуа. Чжан Тайянь дифан чжэнчжи сысян лун (Рассуждения Чжан Тайяня о политике местной администрации). — Лиши данъань. 1999, № 2.
112. Ван Юньшэн. Люши няньлай Чжунго юй Жибэнь (Китай и Япония за 60 лет. 1871—1931). Т. 1, 2, 4, 6, 7, 8. Пекин, 1980.

113. Вэй Хунюнь. «Бу дикан чжуи» фэньси (Анализ «политики несопротивления»). — Чжунго сяньдай ши, 1987, № 4.
114. Вэньши цзыляо сюаньбянь (История и культура. Специальный сборник, посвященный 50-летию патриотического движения 9 декабря 1935 г.). Пекин, 1985.
115. Гао Дэфу. Чжан Гунян и др. Фэн Юйсян юй гоминыцзюнь (Фэн Юйсян и национальная армия). — Нанькай сюэбао. 1982, № 2.
116. Гао Жуйцюань. Люэлунь цзиньдай чжунжи чжэсюэдысян гуаньсин (Взаимодействие современной китайской и японской философии). — Тяньцзинь шэхуй кэсюэ. 1999, № 4.
117. Гао Ликэ. Фуцзэюйцзи юй Лян Цичао цзиньдайхуа сысян бицзяо (Сравнение взглядов на модернизацию Лян Цичао и японского ученого Фукузавы). — Лиши яньцзю. 1992, № 2.
118. Гао Синцзу. Жибэнь гуаньюй Наньцзинь да туша шицзяньды чжэнлунь (Дискуссии в Японии о нанкинских событиях, декабрь 1937 г.). — Наньцзин дасюэ сюэбао. 1995, № 3.
119. Гао Синцзу. Наньцзин дашу цияцзянь жицзюнь цзай цзиньлу дасюэды баосин (Преступления японских солдат в институте Цзиньлу в период нанкинской резни). — Наньцзин дасюэ сюэбао. 1997, № 4.
120. Го Дациюнь. Цун «цзю и ба» дао «ба и сань» гоминьдан чжэнфу дуй Жи чжэнцэды яньбянь (Эволюция политики гоминьдановского правительства в отношении Японии, начиная с 18 сентября 1931 г. до 13 августа 1937 г.). — Лиши яньцзю, 1984, № 6.
121. Го Сюйин. Лунь Наньцзин гоминь чжэнфу шици гоминь данпай си доучжэн (Борьба фракций в Гоминьдане на протяжении нанкинского десятилетия). — Миньго данъянь. 1991, № 1.
122. Го Цзянлинь. Канчжань шициды У Пэйфу (Позиция генерала У Пэйфу в период антияпонской войны). — Сюэшу юэкань, 1981, № 9.
123. Го Чуанси. Цинь Хуа — жи цзюнь цзай Наньцзин да тушады цзай син бу жун то ша (Нельзя отрицать преступления, совершенные японцами в Нанкине). — Лиши данъянь. 1994, № 4.
124. Го Шию. Цзяу Чжунго чжаньбай сои (Выводы Китая из поражения в китайско-японской войне, 1894—1895 гг.). — Шэхуй кэсюэ чжаньсянь. 1997, № 1.
125. Гун Хэпин. Чжан Чжичжун цзянцзюнь цзай канжи чжаньчжэн шициды лиши цзюнь (Историческая роль генерала Чжан Чжичжуна в период антияпонской войны). — Ухань дасюэ сюэбао, 1991, № 5.
126. Гуаньюй усюй чжэнбянь эрсань шичжи гуань цзянь (О некоторых моментах движения за реформы 1898 г.). — Лиши данъянь, 1983, № 3.
127. Гэн Юнчжи. Сунь Чжуншань юй Лян Цичао гуань юй Чжунго сяньдайхуа ды сюаньцзе (Отдельные высказывания Сунь Ятсена и Лян Цичао о модернизации Китая). — Лиши яньцзю, 1990, № 5.
128. Дуань Юньчжан. 1923 нянь хоу Сунь Чжуншань юй Жибэньды гуаньси (Отношения Сунь Ятсена с Японией после 1923 г.). — Лиши яньцзю. 1993, № 2.
129. Дун Сяньгуан. Цзян цзунтун чжуань (Биография президента Цзян Цзеша). Т. 2. Тайбэй, 1960.

130. Дун Цайши. Люэлун Цзэн Гофань — Ли Хунчжан гуаньси (Об отношениях Цзэн Гофана и Ли Хунчжана в период проведения политики «усвоения заморских дел»). — Цзиньдай ши яньцзю. 1990, № 1.
131. Жэнь Сун. Чжан Цзолинь юй Жибэнь «Мань-Мэн телу цзю бу вэньти» каолюэ (О переговорах Чжан Цзолиня с Японией по вопросу строительства железных дорог в Маньчжурии и Монголии). — Ляонин дасюэ сюэбао. 1982, № 3.
132. И Лань. Лугоуцзю шибянь юй Чжан Чжичжун (Инцидент у моста Лугоуцзю и позиция генерала Чжан Чжичжуна). — Миньго данъань. 1990, № 2.
133. И Сяньши. Усуй бяньфа юй Минчжи вэйсинь (Движение за реформы 1898 г. в Китае и японская реставрация Мэйдзи). — Ляонин дасюэ сюэбао. 1980, № 6.
134. «И цзю и эр» — «и цзю эр ци» нянь Янь Сишань чжи пу сысян чутао (Изучение взглядов Янь Сишаня в период 1912—1927 гг.) — Цзиньдай ши яньцзю. 1998, № 1.
135. «И эр цзю юньдун» цзыляо (Материалы по истории «движения 9 декабря» 1935 г.). Т. 1. Пекин, 1981.
136. Канжи чжаньчжэн яньцзю (Исследование различных аспектов войны сопротивления). Сб. статей. Пекин, 1991, № 1; 1992, № 4.
137. Комата Юкио. Жибэнь суцзюнь цзичжэ цзянь-вэнь лу. Наньцзин да туша (Массовые убийства в Нанкине в период китайско-японской войны (1937—1945)). Пекин, 1985.
138. Кун Сянси цижэнь циши (Кун Сянси. Человек и его дела). Пекин, 1987.
139. Кун Янци. Чжан Чжидун юй Цинмо ли сянь бе лунь (Другой взгляд на Чжан Чжидуна и движение за конституцию в конце династии Цин). — Лиши яньцзю. 1993, № 1.
140. Лан Вэйчан. И цзю эр цинянь Цзян Цзэши юй Тянь Чжун хуэй таньды нэй жун цзи хоуго (Содержание и последствия беседы между Чан Кайши и Танака в 1927 г.). — Дунбэй шида сюэбао. 1988, № 5.
141. Ли Гунмин. Гуаньюй усуй бяньфа синды цзай таньтао (О характере реформ 1898). — Хунань шиюань дасюэ сюэбао. 1982, № 1.
142. Ли Жуьнцан. Чжан Тайянь юй чжун жи вэньхуа цзюлоу (Чжан Тайянь и китайско-японские культурные контакты). — Лиши чжиши. 1982, № 4.
143. Ли Жэнькай, Ляо Лижун. Цзинь эр ши няньлай Чжан Чжидун яньцзю (Изучение деятельности Чжан Чжидуна на протяжении 20 лет). — Цзиньдай ши яньцзю. 1998, № 4.
144. Ли Ибянь. Хуабэй шибянь фань гоминьдан чжэнфу дуй чжэнцэди бяньхуа (Изменение в политике гоминьдановского правительства в отношении Японии после событий в Северном Китае). — Миньго данъань. 1989, № 1.
145. Ли Кань. Цзяу чунци цзай сысян вэньсюэ линию иньци ды бяньхуа (Изменения в сфере идеологии и литературы, вызванные войной 1894—1895 гг.) — Цзиньдай ши яньцзю. 1984, № 5.
146. Ли Хуамин и др. «И эр ба» Шанхай канчжань даши цзи (Записки о боях в районе Шанхая 28 января 1932 г.). — Шэхуй кэсюэ, 1982, № 1.

147. Ли Хуасин, Чжан Говэй. Айгочжун юй цзиньдай Чжунго (Патриотизм и современный Китай). — Фудань дасюэ сюэбао, 1984, № 6.
148. Ли Цзиньцюань. Лунь усюй бяньфа хэ цинмо синь чжэн чжун Цыси (Новая позиция Цы Си в период проведения реформ в конце династии Цин). — Вэнь ши чжэ. 1999, № 1.
149. Ли Цзяньнун. Цзуй юэинь саныши нянь Чжунго чжэнчжи ши (Политическая история Китая за последние 30 лет). Шанхай, 1930.
150. Ли Цзячжэнь. Цзинань цансянь шилунь (О кровавом инциденте в Цзинани). — Цзиньдай ши яньцзю. 1985, № 5.
151. Ли Шиюэ, Чжао Шиюань. Сунь Чжуншань юй Чжунго минчжу гэмин (Сунь Ятсен и китайская демократическая революция). Шэньян, 1981.
152. Ли Шуан. Кан Ювэй Янь Фу бяньгэ сысян бицзю (Сравнительное исследование реформаторских взглядов Кан Ювэя и Янь Фу). — Лиши яньцзю, 1990, № 3.
153. Ли Шучэн. Жибэнь цзю юй цзин куан цзун шу (Модернизация японской системы образования). — Сюэси юй яньцзю, 1985, № 4.
154. Линь Цзяю. Сунь Чжуншань ды минцзу чжуи сысян юй шицзе хэпин (Идеология национализма Сунь Ятсена и мир во всем мире). — Вэнь ши чжэ. 1998, № 6.
155. Ло Чжитянь. Цзиньдай Хунань цюй ю вэнхуа юй усюй синьцзю чжи-чжэн (Борьба между новым и старым в период реформ и культура в провинции Хунань). — Цзиньдай ши яньцзю, 1998, № 5.
156. Лу Синь юй чжунжи вэнхуа цзюлю (Лу Синь и взаимодействие китайской и японской культур). Сб. статей. Чанша, 1981.
157. Лу Фан, Сун Дэлин. Цзяу чжань цянй Жибэнь цинь Хуа ходун юй Ли Хунчжан (Агрессивная политика Японии в отношении Китая накануне войны 1894—1895 гг. и Ли Хунчжан). — Дунбэй шида сюэбао. 1989, № 3.
158. Лугоу шибянь цянй хоуды Чжун-Жи вайцзю гуаньси (Китайско-японские дипломатические отношения до и после инцидента у Лугоуцяо). Тайбэй, 1966.
159. Лэ Чжэн, Хэ Юэфу, Чэнь Шэньлинь. Кан — Лян вэй синьпай юй цзиньдай Чжунго сян сифан сюэси гаочао ды синци (Реформаторская группировка Кан Ювэя и Лян Цичао и подъем движения «Учиться у Запада»). — Чжуншань дасюэ сюэбао. 1983, № 4.
160. Лю Госинь. Цици шибянь нянь Жибэньды Нэй мэн гунцзо цзици шибай (Провал сепаратистской деятельности Японии во Внутренней Монголии накануне «событий 7 июля»). — Цзиньдай ши яньцзю. 1986, № 2.
161. Лю Кунфу, Пан Лянчжи. Гуаньюй Кан Ювэй пинцзя вэньги (Критические заметки о Кан Ювэе). — Тяньцзинь шэхуй кэсюэ. 1993, № 6.
162. Лю Син, Шао Дэмэнь. Сунь Чжуншань вайцзю сысян цзяньлун (О внешнеполитических взглядах Сунь Ятсена). — Дунбэй шида сюэбао. 1991, № 5.
163. Лю Сюэчжао. Люэлунь Ли Хунчжанды дуй Жи гуань (О взглядах Ли Хунчжана на Японию). — Лиши яньцзю, 1990, № 3.

164. Лю Сюэчжао, Фан Далун. Цин мо Минь чу Чжунго жэнь дуй Жи гуань-ды яньбянь (Изменение взглядов китайцев на Японию в конце Цин — начале республиканского периода). — Цзиньдай ши яньцзю. 1989, № 6.
165. Лю Фусян, Чжао Шиюань. Синьхай гэмин ихоу Кан Лян сысян бицзяо яньцзю (Сравнение взглядов Кан Ювэя и Лян Цичао после Синьхайской революции). — Дунбэй шида сюэбао. 1984, № 3.
166. Лю Хуамин. Ван Цзинвэй паньго чутяо тан (О предательском бегстве Ван Цзинвэя). — Миньго данъянь. 1993, № 2.
167. Лю Цзе, Ма Цзя и др. Игэ циньхуа Жибэньды жици (Записки японского солдата в период войны в Китае). — Миньго данъянь. 1990, № 4.
168. Лю Цзяньу. Сун Чжэюань юй канчжань цзяньди Хуабэй чжэнцзюй (Сун Чжэюань и политическая обстановка в Северном Китае накануне войны сопротивления). — Дунбэй шида дасюэ сюэбао. 1988, № 5.
169. Лю Шихуа. Ли Хунчжан юй «Чжун Жи ихао тяогуй» ды тяньдин (Ли Хунчжан и подписание договора об урегулировании китайско-японских отношений). — Шэхуй кэсюэ сюэбао. 1997, № 1.
170. Лю Шэнцзян. «Вэнь цзин мифу лунь» жи бэнь чуань бэнь суйцзи (О книге японского буддийского монаха, написанной на китайском языке в эпоху Тан). — Нанькай сюэбао чжэсюэ шэхуй кэсюэбань. 1998, № 1.
171. Лю Янь. Чжунго вайго цзяо ши (История внешнеполитических отношений Китая). Тайбэй, 1962.
172. Люй Фанхэ, Люй Цзунминь. Гуаньйюй Кан Ювэй ды «Жибэнь бянь-чжэн као» (О работе Кан Ювэя «Исследование реформ в Японии»). — Лиши цзяосюэ. 1980, № 6.
173. Лян Ицюнь. Юань Шикай юй Жибэнь (Юань Шикай и Япония). — Лиши цзяосюэ. 1991, № 7.
174. Лян Ицюнь, Дин Цзиньцзюнь. Юань Шикай тучжи шици ды цайчжэн (Финансы в период правления Юань Шикая). — Миньго данъянь. 1991, № 1.
175. Ма Синго «Ши шо синь юй» цзай Жибэнь ды лючуань цзи инсян (Распространение и влияние в Японии трактата «Учение предков в новом звучании»). — Дунбэй шида сюэбао. 1989, № 3.
176. Ма Чжаньшань цзянцзюнь (генерал Ма Чжаньшань). Пекин, 1987.
177. Ма Чжунлянь. Канжи чжаньчжэн шихуа (История войны сопротивления). Пекин, 1983.
178. Ма Чжунлянь. «Цзю и ба» дао «ци ци» (К истории японской агрессии в Китае. От 18 сентября 1931 до 7 июля 1937 г.). Пекин, 1985.
179. Ма Чжэньду. Хуабэй дифан шилипай канжи тайду чжи бидун цзяо янь-цзю (Сравнительный анализ позиций группировок реальных сил в Северном Китае по вопросу сопротивления Японии). — Миньго данъянь. 1993, № 2.
180. Мао Цзянци. Чжан Чжидун юй ян у юньдун (Чжан Чжидун и политика «усвоения заморских дел»). — Сюэшу юэкань. 1984, № 11.
181. Мао Чэнхао. Сун Чжэюань. — Миньго данъянь. 1987, № 3.
182. Миньго гаоцзи цзянлин лечуань (Биографии деятелей высокого ранга республиканского Китая). Т. 3. Пекин, 1989.

183. Мо Чжаолян. Сун Чжуншань гуаньюй гоминь цзинцзи сяньдайхуа ды сысян (Сунь Ятсен о модернизации национальной экономики). — Чжуншань дасюэ сюэбао. 1979, № 4.
184. Мэн Сяньжэнь. «Во жэнь чуань» чжунды во юй юй юань као («Во жэнь чуань» как источник для исследования истории народа во). — Ляонин дасюэ сюэбао. 1990, № 4.
185. Мэн Сянцай. Лян Цичао чжуань (Биография Лян Цичао). Пекин, 1981.
186. Нью Даюн. Бэйфа чжаньчжэн шици Жи-Цзян гуаньсиды яньбянь (Отношения Японии и Чан Кайши в период Северного похода). — Чжунго сяньдайши. 1987, № 5.
187. Оу Чжэнвэнь. Ди эрцы шицзе дачжань иньсы «цзю и ба» шибянь вэй цидянь («События 18 сентября» как начало второй мировой войны). — Хэнань шида сюэбао. 1982, № 4.
188. Пань Ситин. Чжэн Гуйлин юй ди сыши балу канжи иунцзюнь (Чжэн Гуйлин и 48-я добровольческая армия сопротивления Японии). — Ляонин дасюэ сюэбао. 1985, № 1.
189. Синь Пин. Цин мо синь чжэн юй Чжунго сяньдайхуа цзинь чэн (Новая политика поздней династии Цин и китайская модернизация). — Шэхуй кэсюэ чжансянь. 1997, № 2.
190. Синьхай гэмин ши луньвэй сюань (Сборник статей по истории Синьхайской революции). Т. 1—2. Пекин, 1981.
191. Синьхай гэмин ши цункань (Сборник по истории Синьхайской революции). Т. 2. Пекин, 1980.
192. Су Цзунчжэ. Ван Цзинвэй баньго тоугу юань ин цзай шэн (Еще раз об исследовании причин капитуляции Ван Цзинвэя). — Миньго данъянь, 1993, № 3.
193. Сун Дэхуа. Усюй вэйсинь пай чжэнчжи ган линды цзай таньтао (Еще раз об изучении политической программы группировки реформаторов в период «100 дней реформ»). — Лиши яньцзю. 1985, № 5.
194. Сун Цзяожэнь сюэан (Кровавое убийство Сун Цзяожэня). Чанша, 1986.
195. Сун Чжэюань (Биография председателя Хэбэй-Чахарского Политического Совета Сун Чжэюаня). Цзинань, 1989.
196. Сун Чжэюань яньцзю (О деятельности генерала Сун Чжэюаня в период японской агрессии в Китае). Чэнду, 1987.
197. Сунь Исюэ. Дахуа гэсинь юй Чжунго вэньхуа (Реформаторское обновление и китайская культура). — Дунбэй шида сюэбао. 1981, № 3.
198. Сунь Чжуншань сяньшэн юй Жибэнь южэнь (Учитель Сунь Ятсен и японские друзья). Тайбэй, 1973.
199. Сюй Тайлай. Е пин ян у юньдун (К оценке политики «усвоения заморских дел»). — Лиши яньцзю. 1980, № 4.
200. Сюй Цзянь. Цзэн Гофань дуй цин дай сюань цзян чжиду ды гайгэ (Цзэн Гофань о реформе выборной системы в эпоху династии Цин). — Бэйцзин дасюэ сюэбао. 1993, № 3.
201. Сюй Цзяньмэй. Фуцзэюйцзи хэ Лян Цичаоды чжэнчжи гэсинь гуань бицзю (Сравнение взглядов Лян Цичао и японского ученого Фукузавы на политические реформы). — Бэйцзин дасюэ сюэбао. 1993, № 2.

202. Сюй Чэ. Лунь ян у пай чуаньбянь Чжунго цзиньдай хайцзюнь ды дунцзи (О мотивах, побуждавших группировку «усвоения заморских дел» создать современный флот в Китае). — Ляонин дасюэ сюэбао. 1983, № 6.
203. Сюй Шаоцин. Лунь ян у юндун шици. Чжунго синьши чжиши фэньцзы цюаньды синчэн (Формирование новых интеллектуалов в процессе движения за «усвоение заморских дел»). — Шэхуй кэсюэ чжаньсянь. 1996, № 6.
204. Тан Цисюэ. Лун ян у пай цзай сысян цзефан юньдун чжунды цзоюн (Роль группировки самоусиления в раскрепощении сознания в период движения за реформы). — Аньхуй дасюэ сюэбао. 1998, № 5.
205. Тан Чжицзюнь. Усуй шициды Чжэн Сяосюй цзи ци «жицзи» («Записки» Чжэн Сяосюя, участника движения за реформы). — Цзиньдай ши яньцзю. 1996, № 1.
206. Тань Цзихэ, Сюй Сюэчжу, Чжоу Юнчжан. Канчжань чуци Гоминьдан чжань чанды канчжань юй байтуй вэньти таньси (Эволюция политики Гоминьдана: от соглашательства к сопротивлению). — Чжунго сяньдай ши. 1987, № 8.
207. Тань Юймэ. Чжан Цзянь юй Чжунго цзиньдай цзяою (Чжан Цзянь и модернизация современной системы образования в Китае). — Лиши цзяосюэ. 1990, № 8.
208. То кэ Рэйноске. Жи Чжун цзяолю эрцяннь нянь (Два тысячелетия японо-китайских связей). Пекин, 1982.
209. Тянь Хуфу. Чжан Цзолинь чжуаньлюэ (Краткая история Чжан Цзолиня). — Ляонин дасюэ сюэбао. 1980, № 4.
210. У Аньлун. Жибэнь сишоу вайлай вэньхуа ды лиши гуаньча (История восприятия Японией иноземной культуры). — Нанькай сюэбао. 1987, № 4.
211. У Жулунь каоча Жибэнь сюэ чжишилия (Материалы по исследованию японской системы образования известного педагога поздней Цин У Жулуня). — Лиши даньгань, 1993, № 1.
212. У Мэйхуа. Шилунь «ци ци» шибянь цяньюэ Хуабэй шибянь (Северный Китай до «событий 7 июля»). — Чжунго сяньдай ши. 1987, № 8.
213. Усуй бьяньфа юй Чжунго сяньдай хуа дао лу битан (Записка о реформах 100 дней и путях модернизации Китая). — Вэньши чжэ. 1998, № 5.
214. Усуй вэйсинь юньдун янцзюды хуйгу юй цян чжань сюэшу цзо таньхуй цзуншу (Ретроспективный взгляд на исследование «движения за реформы» и изучение этого движения в будущем. Краткий обзор). — Цзиндай ши яньцзю 1998, № 5.
215. У Цзаныцзе. Цун да я юаньчжун цзоу сян шицзе датунчжуй (люэ лун Сунь Чжуншань ды гоцзи сысян). (Эволюция взглядов Сунь Ятсена от панasiatизма к космополитизму). — Цзиньдай ши яньцзю. 1997, № 3.
216. У Чуньмэй. Цзиньдай минцзу чжуй юй Лян Цичаоды синьмин сысян (Современный национализм и идеи Лян Цичао об обновлении народа). — Аньхуэй дасюэ сюэбао. 1998, № 4.

217. У Юэсин. Жибэнь Хуабэй чжугун цзюнь цзи ци цзинь Хуа синцзин (Действия дислоцировавшейся в Северном Китае японской армии). — Цзиньдай ши яньцзю. 1990, № 4.
218. Фу Цисюэ. Чжунго вайцзю ши (История китайской дипломатии). Т. 2. Тайбэй, 1973.
219. Фэн Юйсян. Канчжань шигэци (Сборник стихов и песен времен анти-японской войны). Б. м., 1945.
220. Хань И. Лунь си цзинь юньдун синчжи цзи лиши цзюнь (Особенности и историческая роль политики «усвоения заморских дел»). — Ляонин дасюэ сюэбао. 1984, № 5.
221. Ху Дэкунь. Жибэнь фадун «ци ци шибянь» юань сяньси (Анализ причин «событий 7 июля», спровоцированных Японией). — Чжунго сяньдай ши, 1987, № 2.
222. Ху Дэкунь. Цзоусян цюань мянь циньхуа чжаньчжэн чжилу «ци ци шибянь» баофа цянь жибэнь циньхуа чжэнцэ чутань (Агрессивная политика Японии накануне «событий 7 июля»). — Ухань дасюэ сюэбао. 1983, № 1.
223. Ху Дэкунь. «Цзю и ба» шибянь юй суйцзин чжэнцэ («События 18 сентября» и политика соглашения). — Ухань дасюэ сюэбао. 1979, № 3.
224. Ху Мин. Канчжань цяньси Ху Ши фань жи сысян таньвэй (Антияпонские взгляды Ху Ши накануне антияпонской войны). — Шэхуй кэсюэ чжаньсянь. 1996, № 3.
225. Ху Фэнсян. Эрши шицзи чу Жибэнь цзиньдай шисюэ цзай Чжунго ды чуаньбо хэ инсян (Пропаганда и влияние современного исторического опыта Японии в начале XX в. в Китае). — Сюэшу юэкань, 1984, № 9.
226. Ху Цидин, Чжан Ляньхун. Сун Цзинши гэнь юй «Наньцзин да туша» (Иванэ Мацуи и организованная им массовая резня в Нанкине). — Наньцзин шида сюэбао. 1993, № 3.
227. Ху Шэн. Дигочжуи юй Чжунго чжэнчжи (Империализм и политика Китая). Пекин, 1978.
228. Хуа Сун. Цзинянь и эрцзю юньдун у ши чжоунянь ганьянь (О 50-й годовщине «событий 9 декабря»). — Сюэси юй яньцзю. 1985, № 12.
229. Хуа Бин, Чжоу Вэйцян и др. Дифан шилипай юй Сиань шибянь (Группировки реальных сил и сианьские события). — Чжунго сяньдайши. 1987, № 1.
230. Хуан Ипин. Чжан Цзянь юй усюй вэй синь (Чжан Цзянь и движение за реформы). — Хуадун шифань дасюэ сюэбао. 1984, № 6.
231. Хуан Ифэн, Цзян Фэн. Яо цяндан ди пинцзя ян у юньдун ды цзицзи цзюнь (Необходимо соответствующим образом оценить позитивную роль политики «усвоения заморских дел»). — Лиши яньцзю. 1980, № 6.
232. Хуан Мэйчжэнь, Чжан Юнь. Ван Цзинвэй цзитуань панго тоуди цзи (Предательские действия прояпонской группировки Ван Цзинвэя). — Чжэнчжоу, 1987.
233. Хуан Мянцзун, Ху Юншу. Минчжи вэйсинь юй усюй бяньфа ды бицзю (Сравнение «реформ Мэйдзи» и движение за реформы в Китае в 1898 г.). — Сямэнь дасюэ сюэбао. 1981, № 2.

234. Хуан Цзунсянь юй цзиньдай Чжунго (Хуан Цзунсянь и современный Китай). Бэйцзин, 1987.
235. Хун Юйи. И цзю сань и — и цзю нянь гоцзи гуаньси цзяньши (Международные отношения в 1931—1939 гг. Исторический очерк). Пекин, 1980.
236. Хуэй Дэвань. Чжан Сюэлян цзянцзюнь иши (Деятельность генерала Чжан Сюэляна в 1931—1937 гг.). Шэньян, 1985.
237. Хэ Жоцзюнь, Лю Шэин. Усуй вэйсинь юньдун цзигэ вэньти ды цзай жэньчжи (О некоторых вопросах движения за реформы 1898 г.). — Хуанань шифань дасюэ сюэбао, 1983, № 4.
238. Ца Минцзэ. Цзяньпин «Айго цзянцзюнь Фэн Юйсян» (Аннотация книги «Генерал-патриот Фэн Юйсян»). — Миньго данъянь. 1988, № 2.
239. Ца Минцзэ. Цзяньпин «Айго цзянцзюнь Фэн Юйсян». — Миньго данъянь. 1989, № 4.
240. Цай Дэцзинь. Ван Цзинвэй цзитуань баньго тоу дидэ цянъцянь хоухоу (Вокруг измены и капитуляции группировки Ван Цзинвэя). — Цзиндай ши яньцзю. 1983, № 2.
241. Цай Дэцзинь, Ли Хуэйсянь. Ван Цзинвэй вэй гоминь чжэнфу цзиши (Хроника деятельности марионеточного правительства). — Пекин, 1982.
242. Цай Цзиньчжу. Цзинянь цзюу хайчжань 95 чжоу нянь сюэшу цзо таньхуэй шуяо (Научная конференция, посвященная 95-й годовщине морских сражений во время китайско-японской войны, 1894—1895 гг.). — Цзиньдай ши яньцзю. 1990, № 4.
243. Цзоу Бинчжун. Цин мо у дачэнь чжуань (Пять дипломатов конца Цин). — Лиши цзяосюэ. 1983, № 6.
244. Цзэн Лан, Янь Цзэхэ. Айгочжуи цзяоюйды чучуан — «ци ци» цянье фан Лугоуцяо (Патриотическое воспитание китайских солдат накануне «событий 7 июля» у Лугоуцяо). — Сюэси юй яньцзы, 1985, № 8.
245. «Цзю и ба» илай гонэй фэньюнь лу (О важнейших событиях в стране с момента японской агрессии 18 сентября 1931 г.). — [Б. м.], 1944.
246. «Цзю и ба» и «и эр ба» Шанхай цзюньминь канжи юньдун шилёо (Исторические материалы о сопротивлении армии и народа японским агрессорам, 18 сентября 1931—28 января 1932 г.). — Шанхай, 1986.
247. Цзян Фэн. Чжун Жи цзюу чжаньчжэн юй ян у юньдун (Китайско-японская война 1894—1895 гг. и политика «усвоения заморских дел»). — Сюэшу юэкань. 1985, № 6.
248. Цзян Цзешиды вэньчань уцзян (Гражданские и военные сановники Чан Кайши). Чжэнчжоу, 1989.
249. Цзяньку цзяньгоды шинянь (Трудное десятилетие). Сб. статей. Тайбэй, 1971.
250. Цзю Жуньмин. Лян Цичаоды Жибэньгуань (Взгляды Лян Цичао на Японию). — Цзиньдай ши яньцзю, 1996, № 1.
251. Ци Цичжан. Чжан Цзянь «дай моу гун тяо чэнь Чаосяньши и шу» каоси (Позиция Чжан Цзяня по вопросу статуса Кореи). — Цзиньдай ши яньцзю. 1996, № 1.
252. Цинь Гоцзин. Усуй бяньфа юй усуй бяньфа данъянь (Архивные материалы о реформах в Китае 1898 г.). — Лиши данъянь. 1998, № 2.

253. Цинь Цзяньцзюнь. «Ци цзюньцзы» ши цзянь даши цзи (Арест семи лидеров антияпонского движения). — Миньго данъань. 1988, № 2.
254. Цуй Чжыхай. Лян Цичао юй «У сы» юньдун (Лян Цичао и движение «4 мая»). — Цзиньдай ши яньцзю. 1997, № 1.
255. Цун «цзю и ба» дао «ци ци» шибянь (Китай в период с 18 сентября 1931 по 7 июля 1937 г. Воспоминания бывших гоминьдановских военачальников). Пекин, 1987.
256. Чан Чэн. Люэлунь Чжан Сюэлян цзянцзюнь (Поговорим о генерале Чжан Сюэляне). — Чжунго сяньдай ши. 1987, № 1.
257. Чжан Бофэн «Си юань цзекуан» юй Жи вань гоуцзе (Займы Нисихара и сговор анхуйской группировки милитаристов с Японией). — Лиши яньцзю. 1977, № 6.
258. Чжан Буюнь. Шилунь Тан дай Чжун Жи ванлай вэнь (К вопросу о китайско-японских связях в эпоху Тан). — Шэхуй кэсюэ, 1981, № 6.
259. Чжан Дэлян. Лун минцзу инсюн Чжан Сюэлян (О национальном гербе Чжан Сюэляне). — Ляонин дасюэ сюэбао. 1990, № 4.
260. Чжан Лили. Шиси цун «цзю и ба» дао Ухань лунсянь цянь жибэньды дуй Хуа чжэнцэ (О политике Японии в отношении Китая в период от «событий 18 сентября» и до падения Уханя). — Лиши цзяосюэ. 1985, № 3.
261. Чжан Ляньхун. Фэн Юйсян яньцзю ды хуй гу юй пингу (Ретроспективный взгляд и оценка исследований деятельности генерала Фэн Юйсяна). — Наньцзин шида сюэбао. 1995, № 3.
262. Чжан Пэнюань. Лян Цичао юй Цин цзи гэмин (Лян Цичао и революция в период правления Цин). Тайбэй, 1964.
263. «Чжан Сюэлян цзянцзюнь» цзяньцзе (Краткая аннотация книги «Генерал Чжан Сюэлян»). — Дунбэй шида сюэбао. 1989, № 3.
264. Чжан Фэнци. Дуй Минчжи вэйсинь хэ усюй бяньфа чэнбайды и дян каньфа («Реформы Мэйдзи» и движение за реформы 1898г.). — Куньмин шиюань сюэбао. 1982, № 2.
265. Чжан Цинцзюнь, Ци Жугао. Цзянь лунь Ван Цзинвэй цзитуаньды вэньхуа сюань чуань (О культурной пропаганде предательской группировки Ван Цзинвэй). — Миньго данъань. 1990, № 3.
266. Чжан Юйцин. Сун Чжэюань цзай ци цзи ци юй жижэнь чжи чжоусюань (Переговоры Сун Чжэюаня с японцами). — Тяньцзинь шэхуй кэсюэ, 1993, № 2.
267. Чжао Ган. Чжун Жи цзяюй гуаньси фачжань саньлунь (Дискуссия между Китаем и Японией по вопросам образования). — Дунбэй шида сюэбао. 1991, № 3.
268. Чжао Шиюань. Ян у юньдун юй вайцзяо (Политика «усвоения заморских дел» и внешняя политика). — Дунбэй шида сюэбао. 1986, № 1.
269. Чжоу И. Цзоусян канчжаньды дунбэй цзюнь (Путь к сопротивлению японцам, пройденный северо-восточной армией). — Чжунго сяндай ши, 1987, № 2.
270. Чжоу Чжэньган. Сяньдун чжань юй Чжан Цзычжун сюньго (Сражение у Сяндун и гибель генерала-патриота Чжан Цзычжуна). — Цзиньдай ши яньцзю. 1990, № 4.

271. Чжоу Чуаньжу. Усюй чжэбянь и вэнь (Новые данные о реформах 1898 г.). — Ляонин дасюэ сюэбао, 1980, № 4.
272. Чжу Жунхуа. Люэлун Чжан Цянь кайфанды синчэн цзи ци шисянь (О формировании экономических взглядов Чжан Цзяня и их претворение в жизнь). — Чжунго цзиньдай ши. 1987, № 8.
273. Чжу Чжиго, Цзян Лисинь. Лун Сун Цзяожэнь сяньчжэн сысян (Идеи Сун Цзяожэня о конституционном правлении). — Аньхуй дасюэ сюэбао. 1997, № 5.
274. Чжун Жи вэньхуа юй цзяолю (Взаимовлияние культур Китая и Японии). Т. 2. Пекин, 1985.
275. Чжун Жи гуаньси ши дисань цы сюэшу таолунь хуй цзуншу (Обзор материалов 3-го научного симпозиума по истории китайско-японских связей). — Лиши цзяосюэ. 1983, № 5.
276. Чжун Жи гуаньси и луьцун (Сборник по истории китайско-японских отношений). Шэньян. 1982.
277. Чжун Хуа Миньго ши (История республиканского Китая). Т. 2. Бэйцзин, 1987.
278. Чжун Чжоань. Усюй бяньфа чжун ды Гуанской хэ Канвэй (Император Гуансюй и Кан Ювэй в период движения за реформы 1898 г.). — Цзиньдай ши яньцзю. 1983, № 4.
279. Чжун Чжэньвэй. Шилунь Лян Цичао Синьхай гэмин цянь хоу ды гунго (Деятельность Лян Цичао до и после Синьхайской революции). — Хуанань шифань дасюэ сюэбао. 1983, № 4.
280. Чжун Шухэ. Хуан Цзунсянь цзи Жибэнь яньцзю (Хуан Цзунсянь и его исследование Японии). — Цзоусян шицзе цуншу.
281. Чжун Шухэ. Цзяу и цяньды Жибэнь гуань (Оценка Японии накануне 1894 г.). — Цзоу сян шицзе цуншу.
282. Чжунго сяньдай шигао, 1919—1949 (Новейшая история Китая (1919—1949)). Т. 1. Харбин. 1980.
283. Чжунго цзиньдай ши луьвэй цзи (Сборник статей по новой истории Китая). Т. 2. Пекин, 1979.
284. Чжунго цзиньдай дуйвай гуаньси ши цзыляо сюяньцзи, 1840—1949 (История международных отношений Китая в новое и новейшее время, 1840—1949), в 2-х т. Ч. 1. Шанхай, 1977.
285. Чжэн Цзяньшуань. Сунь Чжуншань юй гайлянпай (Сунь Ятсен и реформаторы). — Сюэшу юэкань. 1983, № 7.
286. Чжэн Цзыюй. Тань Чжун жи вэньжэньды цзэндаши (Связи между китайскими и японскими деятелями культуры). — Бэйцзин дасюэ сюэбао. 1991, № 5.
287. Чжэн Шоучжэн. Цзяу Фэндао хайчжань шибай цзежэнь цзай Ли Хунчжан (Об ответственности Ли Хунчжана за поражение в морском бою у Фэндао). — Тяньцзинь шэхуй кэсюэ. 1994, № 5.
288. Чэнь Гоцин. Сун Болу вэйсинь сысян танлюэ (Изучение взглядов Сун Болу на реформы). — Сибэй дасюэ сюэбао. 1984, № 3.
289. Чэнь Минчжун. Наньцзинь гоминь чжэнфу чэнли хоу чжи «цзю и ба» шибянь цяньды Цзян-Жи гуаньси (Отношения между Чан Кайши и

- Японией после образования нанкинского национального правительства и до событий 18 сентября). — Миньго данъань. 1987, № 1.
290. Чэнь Минчжун. «Цзю и ба шибянь» баофа чжи «Сунху (лу) тин чжанбань дин» цяньцзы ци цяньды Цзян-Жи гуаньси (Отношения между Чан Кайши и Японией в период от «событий 18 сентября» и до шанхайского соглашения о перемирии). — Миньго данъань. 1988, № 2.
291. Чэнь Минчжун. Шилунь «и цзю сань у и цзю сань лю» нянь чжун жи хуэйтан (Китайско-японские переговоры в 1935—1936 гг.). — Миньго данъань. 1989, № 2.
292. Чэнь Найлинь. Шилунь Чжан Цзянь ды айго сысян (О патриотических взглядах Чжан Цзяня). — Наньцзин дасюэ сюэбао. 1983, № 2.
293. Чэнь Сици. Тунмэнхуй чэнли цянь ды Сунь Чжуншань (Сунь Ятсен до образования «Объединенного союза»). Гуанчжоу, 1957.
294. Чэнь Цзин. Вэй Лихуан юй Хуабэй каньчжань (Вэй Лихуан и война сопротивления в Северном Китае). — Лиши данъань, 1992, № 4.
295. Чэнь Чжаньянь. Кан Лян цзай лян гуанды цинь ван хуадун (Деятельность Кан Ювэя и Лян Цичао по составлению петиций на имя императора в провинциях Гуандун и Гуанси). — Бэйцзин дасюэ сюэбао. 1992, № 6.
296. Шан Минсюань. Сун Чжуншань чжуань (Биография Сунь Ятсена). Пекин, 1981.
297. Ши Фэн. Ван Цзинвэй майго цзи (Записки о предательской деятельности Ван Цзинвэя). — Сюэси юй пипань. 1975, № 12; 1976, № 1.
298. Ши Чжэньдин. Гофу вайцзяо чжэнцэ (Внешняя политика Отца государства). Тайбэй, 1966.
299. Ши Чжэньдин. Цзунтун вайцзяо сысян юй шицзянь янь (Внешнеполитическая доктрина и политика Чан Кайши). Тайбэй, 1966.
300. Шэн Банхэ. Хуан Цзунсянь юй Жибэнь минчжи шисюэ (Хуан Цзунсянь и «реформы Мэйдзи»). — Хуадун шифань дасюэ сюэбао. 1984, № 5.
301. Шэнь Вэйбинь. Вэй цзиньдай Чжунго гэсинь пай цзюйда хуасян и пин «Кан Ювэй да чуань» (Портрет Кан Ювэя, ведущего реформатора Китая в новое время). — Лиши яньцзю, 1990, № 2.
302. Шэнь Цзинжу. Усюй бяньфа юй Жибэнь (Реформы 1898 г. и Япония). — Лиши яньцзю. 1954, № 6.
303. Шэнь Цзяшань. Ван Цзинвэй панго тоуди юань инь тантао (О причинах предательства Ван Цзинвэя). — Ханчжоу дасюэ сюэбао. 1982, № 2.
304. Шэнь Юй, Се Сюэтао. Цзячжун вай цзяоды дуй Хуа чжэнцэ (Китайская политика и дипломатия Танака). — Лиши яньцзю. 1988, № 1.
305. Ян Шубяо. Цзян Цзеши чжуань (Биография Чан Кайши). Бэйцзин, 1989.
306. Ян Тяньши. Цзюсань у нянь гоминьдан нэйды дао Ван ин хуиньчао (Недовольство среди членов Гоминьдана политикой Ван Цзинвэя). — Цзиньдай ши яньцзю, 1996, № 1.
307. Янь Чжилян, Ли Лунгэн. Синь бянь цюаньжи чжи у нянь чжи сяосюэ лиши кэбэнь (ся цэ) ды шомин (Разъяснение по поводу новой редакции учебника по истории для начальной школы, ч. 2). — Лиши чжиши, 1982, № 2.

308. Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1980.
309. Антиповский А. А. Раннее творчество Лао Шэ. М., 1967.
310. Березный Л. А. Буржуазные историки о различиях в общественном развитии Японии и Китая в XIX веке. — сб. «Вопросы истории стран Азии». Л., 1965.
311. Борох Л. Н. Общественная мысль Китая и социализм (начало XX века). М., 1984.
312. Борох Л. Н. Союз возрождения Китая. М., 1971.
313. Борох Л. Н. Сунь Ятсен о проблеме ускоренного развития Китая. — «Народы Азии и Африки», 1976, № 5.
314. Бурлингас И. Я. Китай и Япония. — сб. «Китай и соседи в новое и новейшее время». М., 1982.
315. Виноградова Н. А. Скульптура Японии, III—XV вв. М., 1981.
316. Войтинский Г. Японская агрессия и Китай. — «Тихий океан». 1937, № 3—4.
317. Воробьев М. В. Культурная диффузия в Азии и Танский Китай. — Четырнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1983.
318. Воробьев М. В. Китайский источник о быте и нравах японцев в первые века нашей эры. — Двадцать вторая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 1. М., 1991.
319. Воронцов В. Судьба китайского Бонапарта. М., 1989.
320. Врядий С. Ю. Новые китайские публикации о Линь Цзэсюе. — Двадцать первая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1990.
321. Врядий С. Ю. Линь Цзэсюй. Владивосток, 1993.
322. Врядий С. Ю. Влияние произведений прогрессивных китайских мыслителей 40-х годов XIX в. на развитие общественной мысли Японии эпохи Мэйдзи. — Тезисы докладов VIII Международной научной конференции «Китай. Китайская цивилизация и мир». Ч. 2. М., 1997.
323. Врядий С. Ю. Источники, использованные при создании «Хайго ту чжи». — Тридцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 2000.
324. Гальперин А. Л. Очерки социально-политической истории Японии в период позднего феодализма. М., 1963.
325. Гарушянц Ю. М. Движение 4 мая 1919 г. в Китае. М., 1959.
326. Гольдберг Д. И. Очерк истории рабочего и социалистического движения в Японии (1868—1908 гг.). М., 1976.
327. Горегляд В. Н. Рукописная книга в культуре Японии. — сб. «Рукописная книга в культуре народов Востока». Книга вторая. М., 1998.
328. Григорьев А. М. Антиимпериалистическая программа китайских буржуазных революционеров: 1895—1905. М., 1966.
329. Григорьева Т. П. Один из случаев влияния китайской философии на мировоззрение японцев (заметки филолога). — сб. «Роль традиций в истории и культуре Китая». М., 1972.

330. Григорьева Т. П. Японская художественная традиция. М., 1979.
331. Гриневиц П. В. В гоминьдановском Китае. — Мировое хозяйство и мировая политика, 1936, № 1.
332. Гришелева Л. Д., Чегодарь Н. И. Японская культура нового времени. М., 1998.
333. Делюсин Л. П. Идеи панasiatизма в учении Сунь Ятсена о национализме. — Сб. «Китай: традиции и современность». М., 1976.
334. Думан Л. И. Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972.
335. Ефимов Г. В. Внешняя политика Китая. 1894—1899. М., 1958.
336. Ефимов Г. В. Буржуазная революция в Китае и Сунь Ятсен. 1911—1913. М., 1974.
337. Ефимов Г. В. Сунь Ятсен. Поиск пути. 1914—1922. М., 1981.
338. Жуков Е. История Японии. Краткий очерк. М., 1939.
339. Ивин А. К событиям в Китае. — Мировое хозяйство и мировая политика. 1937, № 1.
340. Илюшечкин В. П. Крестьянская война тайпинов. М., 1967.
341. Искандеров А. А. Тоётоми Хидэёси. М., 1984.
342. История войны на Тихом океане. Т. 2. М., 1957.
343. История Китая (МГУ). М., 1998.
344. История Японии. Тт. 1—2. Изд. 2-е. М., 1999.
345. Калюжная Н. М. Восстание ихэтуаней (1898—1901). М., 1978.
346. Калюжная Н. М. Теория революции Чжан Бинлиня. — сб. «Общественно-политическая мысль Китая в конце XIX — нач. XX в.». М., 1988.
347. Калюжная Н. М. Традиция и революция: Чжан Бинлинь (1869—1936) — китайский мыслитель и политический деятель нового времени. М., 1995.
348. Калягин А. Я. По незнакомым дорогам. М., 1979.
349. Канторович А. Борьба за Северный Китай. — Мировое хозяйство и мировая политика. 1936, № 1.
350. Канторович А. Новый этап в развитии японской агрессии. — Мировое хозяйство и мировая политика, 1937, № 1.
351. Каретина Г. С. Чжан Цзолинь и политическая борьба в Китае в 20-е годы XX в. М., 1984.
352. Каретина Г. С. Чжан Сюэлян: некоторые итоги жизненного пути. — Двадцать шестая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1995.
353. Каткова З. Д. Внешняя политика гоминьдановского правительства в период антияпонской войны. М., 1978.
354. Каткова З. Д. Сунь Ятсен и Япония. — Четырнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1983.
355. Каткова З. Д. Дай Цзитао о характере японской цивилизации. — Пятнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 3. М., 1984.

356. Каткова З. Д. Реформы Мэйджи в оценке китайской историографии. — Шестнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 3. М., 1985.
357. Каткова З. Д. Ван Цзинвэй в оценке современной китайской историографии. — Семнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 3. М., 1986.
358. Каткова З. Д. Антияпонские настроения в современном Китае (по материалам «Жэньминь жибао»). — Спецбюллетень. М., 1988, №2.
359. Каткова З. Д. Германский опыт возрождения государства в оценках общественно-политических деятелей Китая. — Двадцать пятая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1994.
360. Каткова З. Д. Япония в оценках Чан Кайши. — Двадцать шестая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1995.
361. Каткова З. Д. Китай и державы, 1927—1937 гг. М., 1995.
362. Каткова З. Д. Дипломатическая деятельность Ху Ши в период антияпонской войны. — Тридцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 2000.
363. Каткова З. Д., Чудодеев Ю. В. Китай — Япония: эволюция социально-психологических стереотипов взаимовосприятия. — Тринадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1982.
364. Каткова З. Д., Чудодеев Ю. В. Образ Японии в Китае 1915—1919 гг. — Восемнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 3. М., 1987.
365. Каткова З. Д., Чудодеев Ю. В. Китайское влияние и формирование образа Китая в Японии в период средневековья. — Девятнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1988.
366. Каткова З. Д., Чудодеев Ю. В. Восприятие японского опыта модернизации общественно-политическими деятелями Китая (вторая пол. XIX — I четверть XX вв.) — «Социально-экономические и политические проблемы Китая в новое и новейшее время». М., 1991.
367. Климов В. Ю. Японо-китайские отношения XIV—XVI вв.: морские пираты (*вако*). — Девятнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1988.
368. Кобзев А. И. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М., 1983.
369. Конрад Н. И. Избранные труды. История. М., 1974.
370. Кроль Ю. В. О концепции «Китай — варвары». — сб. «Китай: общество и государство». М., 1973.
371. Крымов А. Г. Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае (1900—1917 гг.). М., 1972.
372. Лим С. Ч. История образования в Японии. Конец XIX — первая половина XX века. М., 2000.

373. Лукин А. В. Идеология китайского национализма в работах Дай Цзитао о Японии. — Семнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 3. М., 1986.
374. Маранджян К. Г. Китайское влияние в учении Есикава Корэтару. — Двадцать первая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1990.
375. Маркова С. Поэтическое творчество Го Можо. М., 1961.
376. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1960. Т. 26.
377. Машкина И. Н. Китай и Вьетнам (III—XIII вв.). — М., 1978.
378. Мещеряков А. Н. Внешний фактор в истории культуры Японии. — Азия — диалог цивилизаций. СПб., 1996.
379. Москалев А. Национализм в понимании Сунь Ятсена. — Проблемы Дальнего Востока, 1999, № 2.
380. Нагата Хироси. История философской мысли Японии. Перевод с японского. М., 1991.
381. Начало заграничного этапа работы. Из воспоминаний посла СССР в Китае А. С. Панюшкина (Публикация А. С. Титова). — Проблемы Дальнего Востока. 1995, № 6.
382. Непомнин О. Е. Экономическая история Китая. 1864—1894 гг. М., 1974.
383. Непомнин О. Е. Кризис китайского общества начала XX в.: истоки и особенности. — сб. «Государство и общество в Китае». М., 1978.
384. Непомнин О. Е., Меньшиков В. Б. Синтез в переходном обществе. Китай на грани эпох. М., 1999.
385. Никифоров В. Н. Первые китайские революционеры. М., 1980.
386. Никифоров В. Н. Китай в годы пробуждения Азии. М., 1982.
387. Новая история Китая. М., 1972.
388. Новейшая история Китая. 1917—1927. М., 1983.
389. Овчинников Ю. М. Становление и развитие единого национального фронта сопротивления Японии в Китае. М., 1985.
- 389а. Очерки новой истории Японии (1640—1917). М., 1958.
390. Позднеева Л. Д. Лу Синь. Жизнь и творчество. М., 1959.
391. Попова Е. П. Китайский вопрос на Версальской конференции. — «Движение «4 мая» 1919 года в Китае». Сб. статей. М., 1971.
392. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1979.
393. Пронников В. А., Ладанов И. Д. Японцы. Этно-психологические очерки. Изд. 2-е. М., 1999.
394. Радуль-Затуловский Я. Б. Конфуцианство и его распространение в Японии. М.-Л., 1947.
395. Самойлов Н. А. К вопросу о восприятии Японии в китайской общественной мысли второй половины XIX в. — Двадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1989.
396. Сапожников Б. Г. Китай в огне войны. М., 1982.
397. Семенов А. В. Ляо Чжункай. Политическая деятельность китайского революционера. М., 1985.

398. Сибутани Тамоцу. Социальная психология. М., 1969.
399. Сладковский М. И. Китай и Япония. М., 1971.
400. Совастеев В. В. О влиянии традиционной китайской идеологии на формирование оппозиционных настроений в Японии накануне революции Мэйдзи. — Семнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1986.
401. Сорокин В. Ф. Формирование мировоззрения Лу Синя. М., 1958.
402. Стабунова Е. Ю. Анархизм в Китае. 1900—1921. М., 1983.
403. Стербалова А. А. Традиционный и современный Китай — особенности социального развития. — «Вопросы философии», 1969, №8.
404. Стужина Э. П. Китайское ремесло в XVI—XVIII веках. М., 1970.
405. Сухарчук Г. Д., Непомнин О. Е. Китайская буржуазия и иностранный капитал в годы первой мировой войны и «движение 4 мая». — «Движение «4 мая» 1919 г. в Китае». Сб. статей. М., 1971.
406. Титов А. С. Борьба за единый национальный фронт в Китае. 1935—1937 гг. М., 1981.
407. Терентьев Н. Очаг войны на Дальнем Востоке. М., 1934.
408. Тихвинский С. Л. Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика (Из истории национально-освободительной борьбы китайского народа. 1885—1925 гг.). М., 1964.
409. Тихвинский С. Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX в. Изд. 2-е доп. М., 1980.
410. Тихвинский С. Л. Китай в моей жизни (30—90-е годы). М., 1992.
411. Того Сигэнори. Воспоминания японского дипломата. М., 1996.
412. Тойберт А. Ж. Современные китайские историки о внешнеполитической деятельности Ли Хунчжана. — Двадцать седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1996.
413. Торопыгина М. В. Китайская литература в Японии: собрание конфуцианских легенд «Двадцать четыре примера сыновней почтительности» в изданиях XVII — нач. XVIII вв. — Двадцать первая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1990.
414. Фань Вэньлань. Новая история Китая. Т. 1 (1846—1901). М., 1955.
415. Филиппов А. В. О влиянии конфуцианской идеологии на сословную структуру Японии периода Токугава (1603—1867). — Восемнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1987.
416. Хани Горо. История японского народа. М., 1957.
417. Хуан Ай. Бурное десятилетие. М., 1950.
418. Чудодеев Ю. В. Накануне революции 1911 г. в Китае. Конституционное движение либеральной буржуазно-помещичьей оппозиции. М., 1966.
419. Чудодеев Ю. В. Японо-китайские связи в период Синьхайской революции: первая поездка Сунь Ятсена в Японию в 1913 г. — Двадцать третья научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1992.
420. Чудодеев Ю. В. «Реформы Мэйдзи» в оценке представителей китайской общественной мысли 70-х — первой половины 90-х годов XIX в. —

- Двадцать четвертая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1993.
421. Чудодеев Ю. В., Каткова З. Д. Китай — Япония: любовь или ненависть. М., 1995.
422. Шэно Жан. Китайское рабочее движение в 1919—1927 гг. М., 1969.
423. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.
- 423а. Эйдуз Х. Т. Очерки новой и новейшей истории Японии. М., 1955.
424. Японский милитаризм (военно-историческое исследование). М., 1972.
425. Abend H. My years in China. 1926—1942. N. Y.
426. Altman A. A. and Schiffrin H. Z. Sun Yat-sen and the Japanese, 1914—1916. — *Modern Asian Studies*, v. 6, part 4. October, 1972.
427. *Approaches to Asian Civilization*, N. Y., 1964.
428. Bain C. A. *The Far East: an Outline — History with Chronological Charts*. Totons. 1972.
429. Barnett A. Doak. *China and the Major Powers in East Asia*. Wash., 1977.
430. Bate D. Wang Ching-wei. *Puppet Or Patriot*. Chicago, 1941.
431. Beckman G. M. *The Modernization of China and Japan*. N. Y., 1962.
432. *Biographical Dictionary of Republican China*. Vol. 1—5. N. Y. — L., 1967—1979.
433. Bisson T. A. *Japan in China*. N. Y., 1938.
434. Borg D. *The United States and the Far Eastern crisis, 1933—1938*. Cambridge, 1964.
435. Botjer G. F. *A Short History of Nationalist China, 1919—1949*. N. Y., 1979.
436. Boyle John Hunter. *China and Japan at War 1937—1945. The Politics of Collaboration*. Stanford, 1972.
437. Buhite R. Nelson T. Johnson and American Policy toward China. 1925—1941. East Lansing, 1968.
438. Bunker G. E. *The Peace Conspiracy. Wang Ching-wei and China War, 1937—1941*. Cambridge, 1972.
439. Mc. Cabe J. *The Picturesque and Adventurous Career of Chiang Kai-shek*. Kansas, 1944.
440. Chang H. H. *Chiang Kai-shek. Asia's man of Destiny*. N. Y., 1944.
441. Chang Hao. *Chinese Intellectual in Crisis: Search for Order and Meaning (1890—1911)*. Berkeley, 1987.
442. Chang Hao. *Liang Chi-chao and Intellectual Transition in China. 1890—1907*. Cambridge (Mass.), 1971.
443. Chang Maria Hsia. *The Chinese Blue Shirt Society Fascism and Developmental Nationalism*. Berkeley, 1985.
444. Ch'en Jerome. *China and the West: Society and Culture, 1815—1937*. L., 1979.
445. Chen Tsung-hsi, Wang An-tsiang and Wang Iting. *General Chiang Kai-shek. The Builder of New China*. Shanghai, 1929.
446. Chi Madeleine. *China Diplomacy, 1914—1918*. Cambridge, 1970.

447. China Yearbook, 1935. Schanghai, s. a.
448. The Chinese and the Japanese. Essays in Political Interactions. Ed. by Akira Iriya. Princeton, 1980.
449. Chow S. R. Kuo P. C. China's Relations wath Japan since 1931. Hongkong, 1939.
450. Claude A. Buss. Asia in the Modern World. N. Y. — L., 1964.
451. Clubb O. E. The Twentieth Century. N. Y. — L., 1964.
452. Clyde P. H., Beers B. F. The Far East. A History of Western Impact and the Eastern Response. 1830—1970. Prentice-Hall, 1971.
453. Coble P. M. The Shanghai Capitalists and the Nationalist Government, 1927—1937. Cambridge, 1980.
454. Coble P. M. Chiang Kai-shek and the Anti-Japanese Movement in China: Zou Taofen and the National Salvation Association, 1931—1937. — The Journal of Asian Studies. 1985, v. XLIV, № 2.
455. Cormack J. Chang Tso-lin in Northeast China, 1911—1928. N. Y., 1975.
456. Craigie R. Behind the Japanese Mask. L., 1946.
457. Crozier B. The Man who lost China. L. e. a., 1977.
458. Crowley J. Japan's Quest for Autonomy National Security and Foreign Policy. 1930—1938. Princeton, 1966.
459. Dick Wilson. When Tigers fight. The story of the Sino-Japanese War, 1937—1945. Hutchinson L., 1982.
460. Diplomats in Crisis. United States-Chinese-Japanese relations, 1919—1941. Santa Barbara — Oxford, 1974.
461. Eastman L. E. The Abortive Revolution: China under Nationalist Rule, 1927—1937. Cambridge, 1974.
462. Edward M. Gunn. Unwelcome muse. Chinese Literature in Shanghai and Peking, 1937—45. N. Y., 1980.
463. Eto Shinkiti. Evolving Sino-Japanese Relations. — «The Journal of International Affairs», 1983, v. 37, № 1.
464. Fairbank J. K. The Chinese World Order. Cambridge, 1968.
465. Fairbank J. K., Reischauer E. O., Craig A. M. East Asia. Tradition and Transformation. L., 1973.
466. Fitzgerald Louis Heren C. P. China's Three Thousand Years. The Story of a Great Civilization. N. Y., 1973.
467. Fitzgerald St. China and the World. Canberra. 1978.
468. Franke W. A. A Century of Chinese Revolution. 1851—1949. Oxford, 1980.
469. Furuya, Keiji. Chiang Kai-shek. His Life and Time. N. Y., 1981.
470. Gasster M. China's Struggle to Modernize. N. Y., 1983.
471. Gernet J. A. History of Chinese Civilization. L. — N. Y., 1982.
472. Grieder J. B. Hu Shih and the Chinese Renaissance. Liberalism in the Chinese Revolution, 1917—1937. Cambridge, 1970.
473. Gunther John. Inside Asia. N. Y., 1939.
474. Hackett R. F. Chinese Students in Japan. 1900—1910. Papers on China. V. 3 (1949).

475. Half the World. The History and Culture of China and Japan. Ed. by Arn. Toynbee. L., 1973.
476. Harrel P. S. The Years of the Young Radicals . The Chinese Students in Japan. 1900—1905 (Diss.). N. Y., 1970.
477. Hsü C. J. I. The Rise of Modern China. N. Y. — L. — Toronto, 1970.
478. Hsü Sh. The North China Problem. Nanking, 1937.
479. Hsü Sh. Three weeks of Canton bombings. Shanghai, 1939.
480. Hsueh Chun-tu. Huang Hsing and the Chinese Revolution. Stanford, 1961.
481. Hu Pu-yu. The Military Exploits and Deeds of President Chiang Kai-shek. Taipei, 1973.
482. Huang Ph. C. Liang Ch'i-ch'ao and Modern Chinese Liberalism. Seattle and London. 1972.
483. Hutchinson Paul. What and Why in China. Chicago, 1927.
484. An Introduction to Chinese Civilization. N. Y. — L., 1973.
485. Israel J. Student Nationalism in China, 1927—1937. Stanford, 1966.
486. Itoh Takeo. China's Challenge in Manchuria. Tokyo, 1938.
487. Jansen Marius B. The Japanese and Sun Yat-sen. Cambridge, 1954.
488. Jansen Marius B. Japan and China from War to Peace, 1894—1972. Chicago, 1975.
489. Jansen Marius B. China in the Tokugawa World. Cambridge (Mass.). London, 1992.
490. Johson Chalmers. How China and Japan See Each Other. — «Foreign Affairs», 1972, v. 50, № 4.
491. Jordan D. A. China's Vulnerability to Japanese Imperialism: the Anti-Japanese Boycott of 1931—1932. — China at the Crossroads: Nationalists and Communists. 1927—1949. Boulder, 1980.
- 491a. Joshua A. Fogel. The Cultural Dimensions of Sino-Japanese Relations. Essays on the Nineteenth and Twentieth Centuries. Armonk. N. Y. — L., 1995.
492. Kahn B. W. Doihara Kenji and the North China Autonomy Movement, 1935—1936. — China and Japan. A Search for Balance since World War I. Santa Barbara, Oxford, 1978.
493. Kamachi Noriko. Reform in China: Huang Tsunhsien and the Japanese Model. Cambridge, 1981.
494. Katagawa J. M. Understanding Modern China. Chicago, 1969.
495. Keeton G. W. China, the Far East and the Future. L., 1949.
496. Kinderman Gottfried—Karl. Sun Yat-sen's Views on Foreign Policy and Imperialism. Their National and Global Significance. Centennial Symposium on Sun Yat-sen's founding of the Kuomintang for Revolution. Taipei, Taiwan. Republic of China, November 19—23, 1994.
497. Knatchbull—Hugessen H. Diplomat in Peace and War. L., 1949.
498. Komakichi Nohara. The True Face of Japan. L., 1936.
499. La Farque Th. China and the World War. California, 1937.
500. Lattimore O. Manchuria. Cradle of Conflict. N. Y., 1935.
501. Lee Thomas. Modern History of China and Japan. N. Y., 1972.

502. Lehman J. P. *The Roots of Modern Japan*. Hongkong, 1982.
503. Leng Shao Chuan. *Japan and Communist China*. Kyoto, 1958.
504. Leng Shao Chuan and Norman D. Palmer. *Sun Yatsen and Communism*. N.Y., 1960.
505. Li Dun J. *The Ageless Chinese*. N. Y., 1965.
506. Li Hung-chang and China's Early Modernization. ed. by Samuel C. Chu and Kuang Ching Liu. Armonk. N. Y. — L., 1994.
507. Li Ting-i. *A History of Modern China*. Dartmouth, 1970.
508. Liang Hsi Huey. *The Sino-German Connection: Alexander von Falkenhausen between China and Germany, 1900—1941*. Amsterdam, 1978.
509. Liao Kuang-sheng. *Antiforeignism and Modernisation in China (1860—1980)*. Hong Kong, 1984.
510. Lin Han-sheng. *A New Look at Chinese Nationalist «Appeasers»*. — *China and Japan: A Search for Balance since World War I*. Santa Barbara. Oxford, 1978.
511. Linebarger M. A. *Far Eastern Governments and Politics, China and Japan*. Toronto, 1954.
512. Linebarger P. *The China of Chiang Kai-shek*. Boston, 1941.
513. Loh P. *The Early Chiang Kai-shek. A Study of his Personality and Politics. 1887—1924*. N. Y. — L., 1971.
514. Lu A. T. *Hirota's Three Principles vis avis China*. — *Information Bulletin*. 1936, vol. 1, № 7.
515. Lu Hsin. *Selected works of Lu Hsin*. V. 1. Peking, 1956.
516. Martin Bernard. *Strange Vigour. A Biography of Sun Yat-sen*. N. Y. — L., 1970.
517. Masaru Ikei. *Ugaki Kazushige's View of China and His China Policy, 1915—1930*. — *The Chinese and Japanese. Essays in Political and Cultural Interactions*. Princeton, 1980.
518. Marsh Susan H. *Chou Fo-hai: The Making of a Collaborator*. — *The Chinese and the Japanese. Essays in Political and Cultural Interactions*. Princeton, 1980.
519. *Modern China and its Revolutionary Process, 1850—1920*. Berkeley, 1985.
520. Moise Edwin E. *The Present and the Past. Modern China. A history*. L. — N.Y., 1986.
521. Morton Robert S. *Japan and China: A War of Minds*. — *Pacific Affairs*, V. X. 1937, № 3.
522. Morton W. F. *Tanaka Giichi and Japan's China Policy*. Folkestone, 1980.
523. Morton W. Scott. *China, its History and Culture*. N. Y., 1980.
524. *Nationalist China during the Sino-Japanese War, 1937—1945*. Hecksville. N.Y., 1977.
525. Nesse H.M. *Under Nippon's New Order. The Board of Foreign Missions of the Evangelical Lutheran Church*, 1947.
526. Nish Ian. *Japanese Foreign Policy, 1869—1942*. Kasamigaseki to Miyakezaka. L. Henley and Boston, 1977.
527. Ogata Sadako N. *Defiance in Manchuria: the Making of Japanese Foreign Policy, 1931—32*. Berkeley, Los Angeles, 1964.

528. Payne Robert. Chiang Kai-shek. N. Y., 1969.
529. Pelissier R. The Awakening of China. 1793—1949. L., 1967.
530. Pickowicz Paul G. Remembering a Holocaust: Post-War Film Portraits of the War Resistance. — Centennial Symposium on Sun Yat-sen's founding of the Kuomintang for Revolution. Taipei, Taiwan. Republic of China, November 19—23, 1994.
531. Philip Joseph. Foreign Diplomacy in China (1894—1900). N. Y., 1971.
532. Polard R. T. China's Foreign Relations. 1917—1931. N. Y., 1933.
533. Poper M. Emperor's China. Richmond, 1981.
534. Powell J. B. My Twenty Five Years in China. N. Y., 1945.
535. Price Don. C. Anti-imperialism and Popular Resistance in the Revolutionary Thought of Song Chiaoren. — The 1911 Revolution in China. 1981.
536. Reischauer E. O., Fairbank I. K. A History of East Asia Civilization, v. I. East Asia. The Great Tradition. Boston, 1960.
537. Revolutionary Leaders of Modern China. L. — N. Y., 1971.
538. Schaller M. The United States and China in the Twentieth Century. N. Y., 1979.
539. Schiffrin H. Z. Sun Yatsen and the Origins of the Chinese Revolution. Berkeley. Los Angeles, 1968.
540. Schiffrin H. Z. Sun Yatsen. Reluctant Revolutionary. Boston, 1980.
541. Schirokauer C. A. Brief History of Chinese and Japanese Civilization. N. Y., 1978.
542. Seagrave S. The Soong Dynasty. L., 1945.
543. Shao Hsi-Ping. From the Twenty one Demands to the Sino-Japanese Military Agreements, 1915—1918. Ambivalent Relations. — China and Japan: Search for Balance Since World War I. Santa Barbara, 1978.
544. Smith Warren W. Confucianism in Modern Japan. A Study of Conservatism in Japanese Intellectual History. Tokyo, 1959.
545. Snow Edgar. The Battle for Asia. N. Y., 1941.
546. So Kwan-wai. Japanese Piracy in Ming China during the XVI Century. Michigan State University Press, 1975.
547. Spence Jonathan D. The Gate of Heaven by Peace. The Chinese and their Revolution, 1895—1980. N. Y., 1983.
548. Spencer C. Chiang Kai-shek. Generalissimo of Nationalist China. N. Y., 1968.
549. Sun Yatsen and China. Ed. by Paul K. T. Sin. N. Y., 1974.
550. Takeuchi Minoru. Japan — China. Freindship—Myth and Reality. — Japan Quarterly, 1981, v. 28, № 1.
551. Takeuchi Tatsuji. War and Diplomacy in the Japanese Empire. N. Y., 1935.
552. Tang Leang. China at Revolt. How a Civilization Became a Nation. L., (s. a.)
553. Tang Leang Li. Wang Ching-wei. A Political biography. Peiping, 1931.
554. Taylor G. E. The Struggle for North China. N. Y., 1940.
555. Tobund J. The Rising Sun. The Decline and Fall of the Japanese Empire (1936—1945). N. Y., 1970.
556. Tong H. K. Chiang Kai-shek. Soldier and Statesman. Vol. I. L., 1938.
557. Trotter Ann. The Continuing Revolution: China since 1894. Wellington, 1975.

558. Tuchman B. W. Stilweel and the American Experience in China, 1911—1945. N. Y., 1971.
559. Tung W. L. Revolutionary China. A Personal Account, 1926—1949. N. Y., 1973.
560. Walsh B. K. The German Military Misson in China, 1928—1938. The Journal of Modern History. V. 46, 1974, № 3.
561. Wang Yi-tung. Official Relations between China and Japan. 1368—1549. Cambridge, 1953.
- 561a. Waung W. S. K. Revolution and Liberation. A Short History of Modern China. 1900—1970. London, 1971.
562. Whiting Allen S. China Eyes Japan. L., 1989.
563. Wilbur Martin. Sun Yatsen: frustrated patriot. N. Y., 1976.
564. Wong F. F. Liang Ch'i-ch'ao and the Conflict of Confucian and Constitutional Politics. Michigan, 1965.
565. Wu John C.H. Sun Yatsen: The Man and his Ideas. Taipei, 1971.
566. Yung Ying-yue. A Lesson from the Meigi Restoration. Revolution or Constitutional Monarchy? A Study of Chinese Students in Japan during the Late Qing Period. — The 1911 Revolution in China. Tokyo, 1981.
567. Wutz K. China and the Leage of Nations. — «Asia and the Modern World». N.Y., 1965, № 4.

Периодика:

568. Жэньминь жибао.
569. Amerasia.
570. China Weekly Review.
571. Peking Informer.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абэ Нобуюки 169
Акияма Тэйсукэ 122, 208
Аматэрасу 33
Амо Х. 255
Араки Садао 169
Асикага Ёсинори 22, 31

Бай Чунси 264
Барнетт А. Д. 294, 332
Березный Л. А. 34
Бисмарк Отто 236
Бойл Дж. 277, 327, 330
Борох Л. Н. 7, 117
Бянь Чжилинъ 248

Вакацуки Рэйдзиро 318
Ван В. 310
Ван Вэйли 242, 324
Ван Гунби 172, 173, 180, 181, 185, 317, 318
Ван Итун 297
Ван Каннйанъ 86
Ван Сяолай 265
Ван Сяоцю 306, 308
Ван Тао 50, 53, 55, 118, 301
Ван Фэнцзао 67, 301
Ван Цзинвэй 96, 139, 242, 246, 251, 255, 257, 258, 261, 262, 264, 267, 274-283, 327, 329, 330
Ван Цзиу 16, 18, 19, 296, 297, 302
Ван Чжао 93
Ван Чжичунъ 50
Ван Чжунхуэй 263, 273

Ван Чжэнтин 319
Ван Юнъи 50
Ван Юньшэн 18, 297
Ван Янмин 198, 235
Ван Япин 248
Ватанабэ И. 314
Вильсон Т. В. 316
Вонг Ф. 306
Воробьев М. В. 20, 26
Вэн Вэньхао 326
Вэн Тунхэ 70
Вэнь Сян 60
Вэнь Тинши 70
Вэнь Шаохуа 330

Гао Цзунъю 262, 278, 330
Гао Эринъ 242
Гао Юйцзэн 70
Го Можо 206, 247, 248, 326
Го Сунтао 40, 60, 301, 302
Го Тайци 273, 274
Горегляд В. Н. 13, 298
Григорьева Т. П. 26, 28, 298
Грю М. 273
Гу Вэйцзюнь (Веллингтон Ку) 239, 273, 315, 319
Гу Мэньъю 263
Гу Хоукунъ 51, 52, 58
Гуан У-ди 10
Гуансюй, см. Цзай Тянь
Гуй Вэньцанъ 60, 301
Гун, князь, см. И Синь

- Дай Цзитао 8, 96, 182, 207-229, 291, 321, 323
 Дай Чуаньсянь, см. Дай Цзитао
 Датэ М. 63
 Делюсин Л. П. 7, 201
 Дженсен М. 7, 21, 77, 98, 123, 132, 134, 137, 139, 140, 153, 158, 302, 304, 313, 314
 Джонсон Н. 255
 Джонсон Ч. 7, 68
 Дзимму 168
 Дин Жичан 60
 Дин Сяньцзюн 330
 Доихара Кэндзи 258, 259, 260, 261, 327
 Ду Чжунюань 244, 245
 Ду Юэшэн 244, 265
 Дуань Цижуй 165-168, 176, 192, 258, 316, 318, 320-322
 Думан Л. И. 22, 297, 298

 Ёсимицу, сёгун 24, 26

 И Куан 303
 И Синь 60, 301
 И Сяньши 306, 307
 И Шуньдин 51, 69
 И Чжу (девиз правления — Сяньфэн) 60
 Ивакура 219
 Иванэ Мацуи 265
 Имоко 15, 16
 Инукаи Ки (Цуёси) 99, 107, 121, 122, 138, 145, 168, 175, 200, 312, 314, 322
 Инуками Митасуки 16
 Инуцука Синтаро 122
 Исии Итаро 286
 Исии Кикудзиро 160
 Истмен Л. 326
 Итагаки Тайсукэ 220, 224
 Ито Хиробуми 66, 72, 91, 93, 98, 102, 219, 308, 311
 Иэмицу, сёгун 298
 Иэмоти, сёгун 48

 Кавагоэ 237
 Каваками Хадзима 330
 Камачи Н. 55, 56
 Камио 92
 Камо-но Мабути 32
 Кан Ювэй 8, 54, 77-84, 86, 87, 88, 89-91, 93, 109, 177, 304-309, 310
 Канси, см. Сюань Е
 Каретина Г. 166, 239
 Катагава Д. М. 21
 Като Комэй (Такааки) 160
 Кацука 14
 Кацура Таро 98, 135, 136, 208
 Каяно Нагатомо 122
 Кикүти Ёсикадзу 122
 Кисида Гинко 43, 299, 300
 Кобзев А. И. 321
 Коноэ Фумимаро 266, 269, 280, 287
 Конрад Н. И. 10, 13
 Конфуций 45, 145, 212, 221, 226, 236, 315
 Котоку Дэндзиро (Сюсуй) 300
 Кроль Ю. Л. 23, 297
 Крымов А. Г. 7, 100, 306
 Кун Сянси 263, 328, 329
 Кун Фанмин 322
 Кухара Фусаносукэ 122, 160, 161, 316

 Ладанов И. Д. 27
 Лайнбарджер 330
 Лан Вэйчан 203

- Лансинг Р. 172
 Лао Шэ 248
 Лехмэн Ж. П. 21
 Ли Ван Йон 320
 Ли Г. 133, 314
 Ли Гуанцзян 248
 Ли Гуй 49
 Ли Дачжао 96, 154, 155
 Ли Дунь 304
 Ли Лецзюнь 161, 322
 Ли Мин 325
 Ли Минчжуань 302
 Ли Сяопу 49-51
 Ли Тинцзюнь 322
 Ли Т. 299
 Ли Хунчжан 40, 50, 60-66, 68, 72, 117, 119, 279, 301, 302, 303, 312
 Ли Цзинфан 301
 Ли Цзунжэнь 264
 Ли Цзыкоу 249
 Ли Шиюэ 157, 315
 Ли Шучан 67, 300
 Ли Юаньхун 176
 Ли Юнтан 258, 263
 Линь Гуй 110
 Линь Шу 177
 Литтон 239
 Ло Вэньган 273
 Ло Сэнь 300
 Лу Синь 96, 246, 247, 325
 Лу Цзунъюй 144, 166, 185, 186
 Лу Чжэнсян 176, 319
 Лу Юнтин 194
 Лу Юнь 264
 Лэн Шаочжуань 332
 Лю Кунь 69
 Лю Минчжуань 60
 Лю Сюэчжао 62
 Лю Синьюань 315
 Лю Сян 264
 Лю Ювэнь 325
 Люй Фанхэ 306
 Люй Цзинлинь 306
 Лян Цичао 8, 54, 57, 75, 77, 84, 85, 88, 89, 91, 93, 96, 103-111, 129, 145, 146, 162-164, 304, 307-309, 311, 315, 316, 318, 319, 320
 Ляо Чжункай 96, 119
 Ляо Шоухэн 87
 Ма Буфан 264
 Ма Чжаньшань 241, 253
 Ма Чжунлянь 324
 Май Мэнхуа 86
 Макино 172
 Маркс К. 298
 Мацуока Есукэ 284, 286
 Меньшиков В.Б. 38
 Мещеряков А.Н. 299
 Мики Киоси 287
 Микобэ Тацукити 104
 Минамибути Сэан 16
 Миура 138
 Миядзаки Торадзо 121, 122, 124, 127, 174, 309, 312
 Миядзаки Ядзо 122, 124, 127, 174, 312
 Монтескьё Ш. Л. 57
 Мортон В. 170, 317, 331
 Мотоори Норинага 32, 33
 Муцу Мунэмицу 44, 47, 72, 102, 303
 Мэй Супин 262
 Мэн-цзы 145, 315
 Найто Торадзиро 170, 171, 317
 Накамура 240
 Накано Токудзиро 136

- Нака-но Оэ 16
 Накаяма Тадамита 84
 Непомнин О. Е. 8, 38, 299
 Никифоров В. Н. 312
 Нисио 169
 Нисихара Камэйдзо 167, 316, 317
 Ницше Фридрих 236

 Одзаки Юкимаса 121, 122
 Одзаки Хотцуми 287
 Ои Кэнтаро 122
 Оисии 121, 122
 Окада Кэйсукэ 255
 Окубо Тосимити 219
 Окума Сигэнобу 85, 91, 92, 93, 98,
 99, 107, 121, 122, 138, 140, 144,
 147, 159, 162, 167, 309, 312, 314,
 315
 Окура 136
 Онодзука Рихэйдзи 104
 Оно-но Имоко 15

 Панюшкин А. С. 328
 Пейн Р. 204. 331
 Пелисье Р. 153
 Перри М. К. 300
 Петр I 307
 Пеффер 262
 Пу И 245
 Пронников В. А. 27

 Райт М. 305
 Рейнш П. 146
 Рото Хироюки 104
 Руссо Ж.-Ж. 57, 220
 Рэйшауер Е. О. 35, 299

 Сайго Такамури 223, 224
 Сайондзи Киммоти 98, 132, 133

 Сакаи Ри 284
 Сакамото Рёма 84, 306
 Сётоку-тайси 14, 15-17, 22, 297
 Сибудзава Эйити 136
 Сидэхара Кидзюро 206
 Симидзу Тозо 330
 Сноу Эдгар 254
 Создзима Танэоми 64, 65, 122, 267,
 312
 Стимсон Генри 239, 243
 Су Бинвэнь 253
 Сугияма Хадзимэ 263
 Сугияма Хин 303
 Судзуки Кюгоро 122
 Сун Бинвэнь 253
 Сун Болу 87
 Сун Цзывэнь 253, 255, 271, 272
 Сун Цзяожэнь 119, 126, 313
 Сун Чжэюань 243, 244, 253, 254,
 259, 260, 262, 263, 326, 328
 Сунь Фо 255, 265, 272
 Сунь Чуанфан 258
 Сунь Ятсен 8, 44, 54, 68, 76, 77, 96,
 98, 99, 113-119, 121-128, 130-140,
 145, 152, 156-161, 164, 168, 170,
 171, 175, 190-201, 208, 225-227,
 256, 268, 272, 273, 276-278, 283,
 291, 328, 329
 Сунь-цзы 226
 Суэнага Сэцу 122
 Сыма Цянь 296
 Сыма Чжао 181
 Сю Шихуэй 281
 Сюан Шиси 325
 Сюань Е (девиз правления – Кан-
 си) 298
 Сюань-цзун 17, 25
 Сюй Фу 9, 296, 301
 Сюй Цин 309
 Сюй Чэнцзу 300

Сюй Шичан 180, 181, 186, 320

Сяньфэн см. И Чжу

Сяо Сань 248

Тада 285, 286

Такамуко Генри 16

Такахаси 259

Такэути Минору 7, 20, 43, 45, 332

Тан Цайчан 85, 90, 92, 309

Тан Цзияо 164, 177, 194

Тан Шаои 176

Тан Юйлин 272

Танака Гиити 159-161, 202-204, 206,
208, 268, 317, 324, 327

Тань Сытун 90, 92, 93

Тао Сишэн 278

Тин Вэньцзян 326

Тихвинский С. Л. 7, 306, 316, 327

Тоётоми Хидэёси 25, 47, 182, 211,
218, 220, 267, 300

Токугава Иэясу 29

Токутоми Рока 104

Токутоми Сохё (Итиро) 104

Тонг Х. 323

Тояма Мицуру 122, 175, 312, 322

Тунчжи, см. Цзай Шунь

Тэмму 18

Тэрао Тору 122, 138

Тэраути Масатакэ 167, 169, 316

Тянь Хань 249

У Дж. 313

У Пэйфу 177, 181, 184, 252, 258,
320, 327

У Тинфан 194

У Течэн 245, 287

Уайтинг А. 7, 332

Угаки Кадзусигэ 168, 169, 284-286,
317

Утида Рёхэй 122, 175, 312

У Цзинцзяо 326

Уэда 169

Фань Вэньлань 89, 249, 250, 253, 308

Фицджеральд С. 290, 332

Франке В. 94, 95, 150

Фу Сунянь 326

Фу Цзои 253, 328

Фу Юньлун 49, 50

Фурукава Юкити 104

Фуруя Кэйдзи 153

Фэн Гочжан 176

Фэн Юйсян 206, 243, 249, 253, 265

Фэрбэнк Д. К. 30, 35, 299

Хань Фуцзюй 260, 264

Хара Такаси 168, 169

Харт Р. 301

Хацуми Яцука 104

Хаяси Сэндзюро 169

Хиоки Эки 149

Хираока Котаро 122

Хираяма Сю 109, 121, 309

Хирота Коки 257, 261

Хондзё Сигэру 268

Ху Ифэнь 87

Ху Ханьминь 96, 126, 210, 255, 291

Ху Ши 250, 251, 262, 326

Ху Шэн 107, 150, 318, 324

Ху Юншу 309

Хуан Ай 325

Хуан Гочжун 248

Хуан Мянцзун 309

Хуан Син 131, 157, 161, 162, 316

Хуан Ф. 103, 311

Хуан Цзунсянь 8, 49, 50, 54-59, 207,
301

- Хуан Циндэн 49, 50, 52, 54
 Хуан Чжанцзянь 305
 Хубилай 23
 Хэ Жучжан 49, 50, 54, 67, 300
 Хэ Инцинъ 262, 264
 Хэ Тяньцзюн 182
 Хэ Цифан 248
 Хэн Суйин 243

 Цай Тинкай 243
 Цай Дэцзинъ 330
 Цай Э 146, 162, 316
 Цао Баохуа 248
 Цао Жулинь 144, 166, 185, 186, 316, 317, 320, 321
 Цзай Тянь (девиз правления — Гуан-сюй) 78, 79, 85, 88, 93, 107, 305, 310
 Цзай Шунь (девиз правления — Тун-чжи) 64, 65
 Цзи М. 151
 Цзэн Гофань 64
 Цзян Молин 325
 Цзян Тинфу 249, 326
 Цин, князь, см. И Куан
 Цукамото Дзэнрю 11
 Цыси 71, 79, 90, 93, 98, 99, 107, 308, 309, 311
 Цэн Чуньсюань 163, 164, 316
 Цюй Жаофань 63

 Чан Кайши 8, 96, 202-208, 230-235, 237, 238, 240-242, 248, 251, 253, 255-257, 259-271, 274, 275, 280, 285-287, 322-324, 326-331
 Чжан Бочжэнь 305
 Чжан Сыгуй 49, 50
 Чжан Сюэлян 238-241, 271, 324, 327, 328
 Чжан Тайянь (Чжан Бинлинь) 119, 120, 126, 308
 Чжан Фэнци 310
 Чжан Хао 103, 104, 311
 Чжан Цзи 182
 Чжан Цзолинь 165, 204, 237, 238, 322
 Чжан Цзунсян 166, 285, 317
 Чжан Цзянь 85, 113, 181, 185, 186, 306, 311, 321, 324
 Чжан Цюнь 235-237, 263, 264, 286, 329
 Чжан Чжидун 40, 92, 98, 101, 102, 279, 303, 305
 Чжао Шули 253
 Чжи Жуй 70, 303
 Чжоу Фухай 262, 281, 282, 330, 331
 Чжоу Цзыци 160
 Чжу С. 47
 Чжу Шоужэнь 322
 Чжу Юаньчжан 22, 24, 31
 Чжун Даофэн 244
 Чжэн Гуаньбин 53, 55, 118
 Чжэн Гуйлин 241
 Чжэн Сяосюй 52
 Чэн Сунюнь 177
 Чэн Цимай 326
 Чэн-цзу 24, 25
 Чэнь Гофу 329
 Чэнь Гунбо 281, 282, 331
 Чэнь Дусю 96
 Чэнь Лифу 329
 Чэнь Тяньхуа 126, 313
 Чэнь Цзэ 263
 Чэнь Цзюньмин 161
 Чэнь Цзяшань 330
 Чэнь Цзялин 50, 52
 Чэнь Циюань 47

Шан Минсюань 310, 312

Шао Сипин 318

Ши Фэн 280, 330

Ши Яньцзи 273

Шифрин Г. 7, 94, 95, 125, 137, 139,
191, 310, 315-317, 329

Шэнь Сюаньхуай 86

Шэнь-нун 83, 306

Шэнь-цзун 25

Это Симпэй 223

Это Синкити 7, 43, 175, 318

Юань Чань 86

Юань Шикай 66, 113, 133-135,
137-139, 143, 146-152, 154,
156-166, 314-316

Юй Дафу 247

Юй Ляньюань 70

Юй Сяньпин 265

Юй Тэн 301

Ямага Соко 212

Ямагата Аритомо 91, 98, 102, 108,
132, 303

Ямагути 304

Ямада Ёсимаса 122, 312

Ямада Рёхэй 109, 122

Ямадзи Айдзэн 174

Ян Ичжоу 325

Ян Хучэн 327

Ян Чэньинь 180, 186

Янагивара Сакимицу 300, 302

Ян-ди 15, 22

Янь Сишань 258, 260, 327

Янь Фу 76

Янь Ханьшэн 249

Яо Вэньдун 50

Ясукава Кэйитиро 122

SUMMARY

So far in the works by modern Russian research-workers social and ethnic problems in the field of international relations have not been studied broadly enough. Meanwhile it became evident at present that if you do not take into account such things as ethnic and psychological factors or a complex of emotions and mood in the relationships of societies you can't make an authentic analysis of state and perspectives of interstate relations. You can't ignore such things as mutually penetrating stereotypes or contradicting ideas which are formed under the influence of historical traditions as well as ideological activities of the ruling power in the states and class sympathies or antipathies between various social strata.

The authors' task was to point the main features and landmarks in the evolution of stereotypes of Chinese and Japanese mutual understanding, starting with establishing the formal relationships between the two countries in the VII century A. D. up to the 40s of the XX century. They tried to reveal the components of the process which show the themselves in the modern approach of Chinese and Japanese people to each other. The attempt to show systematically the evolution of ideas about Japan in China and also to make clear the perception of the image of Japan within the relationships between China and Japan was regarded by the authors as extremely important. It's important from the point of view of a historical research of a certain stage in the Chinese nationalism as well as merely theoretically. The latter is to discover the mechanism of influence of mutual perception of different nations (on the example of relationships between China and Japan) upon stereotypes in propaganda of their home and foreign policy and also upon their diplomatic practice. This subject is closely connected with the problem of reflection in the social mentality of the process of forcible drawing of traditional China in modern international relations and its accustoming to the modern civilization.

In the Chinese understanding of the outer world Japan was traditionally considered to be very important. The cultural and historical

tradition of China greatly influenced the Japanese society. Japan in its turn, plays an important part in the destiny of China, especially in modernity. A very special place of Japan in the Chinese social mentality was determined by a few factors. On the one hand the countries are geographically close to each other, they belong to the same racial and cultural community. But on the other hand, their development during the last 100 years differs greatly. We witness impetuous rise of Japan against the backward, demicolonial China. Besides political and military pressure upon China predetermined a special place of Japan in the Chinese social mentality.

The authors of the book (Dr. J. Choudodeyev and Dr. Z. Katkova, senior researchers at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences) regard the attitude of the Chinese public to Japan (with all the distinctive stereotypes and bias). They try to retrace in consecutive order the evolution of perception of Japan by Chinese social mentality on the elitist ideological level. Such section of public psychology is more subjected to political conjuncture than to momentum of thinking. However there is a thing which makes it related with the level of ordinary thinking. It's a utilitarian attitude of Chinese people towards Japan, which we witness during the whole history of relationships between China and Japan in modernity. The authors think that, such pragmatic attitude penetrates all the layers of Chinese public consciousness and that was confirmed by the concrete historical picture how these two societies develop their relations.

Considering the mutual perception of China and Japan the authors stress both the traditional approach of the feudal elite to Japan (as that to the «Barbarian» society) and also a new view on Japan which is characteristic of progressive social forces. It's necessary to have empirical material to make a systematic sociological research. Feeling its lack the authors of the monograph tried to fill it up with textological fragments from a number of documents and a good deal of works by the most eminent representatives of social and political thought of China of the end of the 19th century and the first half of the 20th century (such as Huang Tsunhsien, Kang Yuwei, Liang Chichao, Sun Yatsen, Tai Chitao, Chiang Kai-shek, Wang Ching-wei). The research made by the authors indicates that great-power as well as xenophobia still were characteristic of mutual reception of both Chinese and Japanese people as products of Confucian culture.

Japan of Meiji epoch was a model of progress, of dynamic modernization of social economic and political systems for many representatives of progressive Chinese intelligencia. It served as a

phenomenon of transformation of a backward and dependant Asian country into a strong prosperous state. The Chinese reformers' and revolutionaries' approach to Japan mainly rested upon the emotional attitude to the country of «Rising sun». It leant upon subjective understanding of specific cultural and historical traditions and international connections, where racial and cultural community of Chinese and Japanese nations was stressed. In other words this approach was permanently painted in nationalistic colours. Within such an approach Japan was taken as an aggressive, militarist power, threatening the Chinese state, but at the same time as «a hope of Asia» that is a country which challenged the colonizers of white race, and made them respect the Asian peoples. In particular, in Sun Jatsen's doctrine of Panasiatism a special significance was given to cooperation of China and Japan as «nations of the same race and the same culture».

The authors come to conclusion that the image of Japan as taken by China, which was formed in the process of long evolution was much more complicated and contradictory than vice versa. The Chinese reception of Japan was characterized by a close connection between positive and negative components. For instance, the feeling of racial community of the two countries was closely connected with the feeling of Chinese superiority over Japan. On the other hand, the feelings of respect and delight to Japan desire to follow its dynamic social and political progress was accompanied by watchfull attitude to it as to the state which became a serious threat for China. The authors think, that a complex combination of negative and positive features are typical for the present reception of Japan in China as well.

Katkova Z. D., Choudodeyev Y. V.

China — Japan: love or hatred? To the problem of evolution of the social-psychological and political stereotypes of mutual perception (VII AD — 40-40s XX cent.)

CONTENTS

Forward	4
Chapter one. China and Japan mutual perception: Genesis and Evolution before Modern Time	9
Chapter two. The Crisis of the traditional image of Japan: the Meiji Revolution and the response of China	34
Chapter three. The Challenge of the Tradition: a new viewing of Japan (late XIX — early XX)	75
The Japanese model of development in the interpretation of Chinese reformers	75
The perception of Japan by various circles of the Chinese society on the eve of the Xinhai Revolution	94
Sun Yatsen's vision of Japan on the edge of XX Century	114
Chapter four. Japanese pressure and reaction of China (1910–20)	143
Japan's Twenty-one Demands, 1915	143
“The fourth may movement” of 1919 — an explosion of the anti-japanese nationalism	175
Japan in the Sun Yatsen's estimation (late 1910 — early 1920 th)	189
Chapter five. From the resistance towards the war	202
Japan in the Gomindang leaders' appraisalment (Chiang Kai-shek, Tai Ch'i-tao). 1928–1937)	202
Japan's aggression and the response of China	237
Conclusion	288
Notes	296
Bibliography	333
Index	361
Summary	368

Научное издание

**Каткова Зоя Дмитриевна,
Чудодеев Юрий Владимирович**

Китай — Япония: любовь или ненависть?
К проблеме эволюции социально-психологических
и политических стереотипов взаимовосприятия
(VII в. н. э. — 30–40-е годы XX в.)

Издание 2-е, испр. и доп.

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

В авторской редакции

Компьютерный набр *З. Исаева*
Компьютерная верстка *А. Дунаева*
Обложка *А.Е. Жуков*

Сдано в набор 29.05.00. Подписано к печати 15.11.00.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.п.л. 23,5. Уч.-изд. 22,2. Заказ № 1071
Тираж 1000 экз.

Институт востоковедения РАН
103031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12

Научно-издательский отдел
Зав. отделом *Ю. В. Чудодеев*

ЛР № 040753 от 10 апреля 1996 г.
(ИВ РАН)

ООО Издательство «Крафт+»
129343 Москва, проезд Серебрякова, 14

ИД № 00173 от 27 сентября 1999 г.
(«Крафт+»)

Отпечатано в ППП Типография «Наука»
Академиздатцентра «Наука» РАН
121099, Москва, Шубинский пер., 6

В 2001 году Институт востоковедения РАН выпустит книги:

Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ).

Как ощущает себя человек, поселившийся на чужбине? Каковы его мысли, чувства, поведение по отношению к землякам, оказавшимся в том же положении? к принявшей его стране? к покинутой родине? Существуют ли общие закономерности того, как инородцы «приживаются на новой почве» в разные времена и в разных странах? и насколько помогает им в этом «коллективное сознание», позволяющее рассчитывать на взаимовыручку, на помощь «своих» среди «чужих»?

На эти вопросы пытается ответить автор настоящей книги, используя метод исследователей, работающих в других областях науки — системный анализ.

Боровкова Л.А. Царства «западного края» во II-I веках до н.э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу»).

В книге исследуются почти все материалы древнекитайских историй «Ши цзи» и «Хань шу», касающиеся царств «западного края» (Восточного Туркестана и Средней Азии) во II-I веках н.э., отражаются перипетии борьбы за гегемонию над ними империи Ранняя Хань с державой северных кочевников Сяньну. Всесторонне рассмотрены многие, часто спорные вопросы политической истории и исторической географии региона в целом и его отдельных народов — сяньнов, юэчжей, усуней, канцзюев, даваньцев и других — устанавливается или уточняется датировка многих событий и их географическая привязка.

История и культура Японии.

В сборнике исследуются узловые проблемы истории японского общества и государства, его культуры и идеологии с древнейших времен до конца XIX в. В нем идет речь о своеобразии японской культуры как целостной системы, влиянии дзэн-буддизма и древнекитайских учений на мышление японцев, националь-

ной эстетической традиции, сохранившей громадное значение и в наши дни. Вводятся в научный оборот новые материалы, добытые авторами непосредственно в ходе их исследования.

Юго-Восточная Азия: идеология и религия.

В статьях, составивших сборник, исследуется роль религий и идеологий в многоконфессиональных обществах Юго-Восточной Азии. На протяжении веков здесь никогда не прерывались религиозные и самобытные культурные традиции, которые впоследствии адаптировались к процессу капиталистической модернизации, начавшийся в этих странах.

Герасимова М. П. Киотский альбом. История, культура, традиции.

В книге воссоздана историко-культурная панорама длиной более чем в 1000 лет, в течение которых Киото был столицей Японии. В ней органически взаимосвязано рассказывается об исторических событиях, движениях религиозной мысли, культурных традициях, зародившихся в Киото и обусловивших появление феноменов, ставших неотъемлемой частью Японии и национального облика японцев. Своеобразными «иллюстрациями» в повествовании выступают памятники архитектуры — буддийские монастыри и синтоистские святилища, в которых вплетена история Киото в ее узловых моментах.

